АЛЕКСАНДР ГАМОВ

НЕ ПАРАДНЫЕ ПОРТРЕТЫ

ВАГРИУС

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Под этой обложкой собраны необычные — «неформальные» интервью и репортажи журналиста «Комсомольской правды» Александра Гамова.

С Владимиром Путиным автор катался на горных лыжах, с Сергеем Степашиным соревновался в беге, с Сергеем Шойгу играл в хоккей, с Рамзаном Кадыровым боксировал на ринге. А еще парился в бане с Виктором Черномырдиным, Павлом Бородиным, Владимиром Жириновским, Александром Прохановым, Борисом Немцовым. В книге представлены также «непарадные женские портреты» — Людмилы Путиной, Джахан Поллыевой, Валентины Матвиенко, Любови Слиска. Здесь же собран «кремлевский фольклор». В заключительной главе (она подготовлена в соавторстве с журналисткой Любовью Гамовой) публикуются проникновенные беседы с Нонной Мордюковой, страницы из дневника великой актрисы, редкие фотографии и документы.

- Предисловие главного редактора
- I. Виктор Черномырдин
  - 1. «Разве я на Украине провалился? Не я же там избирался»
  - 2. «Ну вот не пошел мяч... А жаль»
  - 3. «Напугали бабу туфлями с высоким каблуком...»
  - 4. «Я маленько попарюсь... Айда тоже!»
  - 5. «Премьер в России не должен быть дураком»
  - 6. «Бонжур, месье Дрюон! Силь ву пле»
  - 7. «Меня цитируют даже в Африке»
  - 8. «У нас где-то вот тут рядом сидит элемент паники»
  - 9. «Секс — это тоже форма движения»
- II. Павел Бородин
  - ХОДКА ПЕРВАЯ
  - ХОДКА ВТОРАЯ
  - ХОДКА ТРЕТЬЯ
  - ПОСЛЕ БАНИ
- III. Александр Проханов
  - «С самого рождения лечу не туда»
  - «Бросался на всех, кто угрожал СССР»
  - «Посылаю Путину телепатические советы»
  - Об империи и бабочках
  - «Чем скорее рухнут цены на нефть, тем лучше»
  - «Я духовный племянник русской литературы»
  - После парной

- IV. Борис Немцов
  - «Я Родину не продавал»
  - «Шашки наголо!»
  - ТАЙМ-АУТ
  - ПОСЛЕ ТАЙМ-АУТА
  - «Мне не нужна Звезда Героя»
  - Как Немцов выступал свидетелем в Королевском суде Англии
  - Почему демократы не остались в дураках?
  - ...И наконец, о любви
  - РАЗГОВОР У ПРОРУБИ
- V. Владимир Жириновский
  - 1. «Госдума — это осиное гнездо, кругом враги»
  - 2. Как мы с вождем ЛДПР коров доили
  - 3. «Европа устала от попсы. Пусть слушает наш гимн!»
  - 4. Антихолестириновая диета от лидера ЛДПР
  - 5. «Чтобы отвадить чиновников от Куршевеля, надо их кормить бесплатной горчицей»
  - АНТИКРИЗИСНЫЕ СОВЕТЫ
- VI. Рамзан Кадыров
  - 1. «Кто не верит нам, пошли они к чертовой матери!»
    - ПЕРВЫЙ РАУНД
    - ВТОРОЙ РАУНД
    - ПОСЛЕ ПОЕДИНКА
  - 2. «Мы должны доставить тебя к Рамзану живым»
  - 3. ...А еще он мечтает открыть зоопарк
  - 4. «Я Политковскую не боялся»
  - 5. Как Витя Пиганов стал Виситой Кадыровым
  - 6. О любви и многоженстве
  - 7. «Россия — это матушка родная»
- VII. Сергей Степашин
  - 1. «Пойдешь ко мне помощником?»
  - 2. ...А еще он возродил «Фитиль»
  - 3. «Сейчас взятки берут не деньгами, а акциями»
    - ДИАЛОГ ПЕРВЫЙ
    - ДИАЛОГ ВТОРОЙ
  - Финиш
  - ДИАЛОГ ТРЕТИЙ
- VIII. Сергей Шойгу
  - Трусы без лямок от МЧС
  - ДО НАЧАЛА МАТЧА
  - ИГРА В ПАС
  - НА СКАМЕЙКЕ ЗАПАСНЫХ
  - СИЛОВЫЕ ПРИЕМЫ

- СПОР У БОРТИКА
- БУЛЛИТЫ
- В РАЗДЕВАЛКЕ
- ПОСЛЕ МАТЧА

- IX. ...И КРЕМЛЕВСКИЙ ФОЛЬКЛОР
  - 1. «Если мозги утекают, значит, они есть»
    - О соплях и гигиене
    - О задирании и совании носа
    - В мире животных
    - Об американской яичнице
    - О любви и сексе
    - Об обрезании и интимном месте
    - О сапогах всмятку
    - О диагнозе «идиот» и участи политиков
    - О ночевках и явках
    - О бицепсах президента
    - О книгах про Путина и ВВП на яйцах
    - Куда нужно смотреть?
  - 2. Наши политики матом не ругаются. Они на нем разговаривают
    - На хрена «звезданули» бюджет?
    - Сколько можно «просрачивать»?
    - «Пошел на х-х-хутор...»
      - СЛУЧАЙ ИЗ ЖИЗНИ
    - На днях культуры в Большом театре
  - МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА
    - ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА
  - 3. Как на Старой площади и в Белом доме травят анекдоты
    - Министр обороны — президенту: «Мы попали в ВТО!»
    - О Гормончике и дворнике Ельцина
    - Шаймиеву хотели приписать «аморалку»
    - Опасные шутки едят с хлебом
    - «Открывает как-то Путин холодильник...»
      - АНЕКДОТ ОТ БОРОДИНА ПРО ПАЛ ПАЛЫЧА
    - «Ни Шойгу назад!»
    - Прилетает Немцов в белых штанах в Японию...
    - «Hotel Kak Luchshe»
      - А эти анекдоты —
      - от самого Черномырдина...
      - И еще...
  - 4. Скуратов запевает после первой, а Степашин —

после третьей...
- «...Вставал на пути Магадан»
- Про тюрьму и передачку
- «Витя, помнишь дни золотые?»
- Концерт для Счетной палаты с оркестром
- А что распевают за столом другие политики?
- На политсцену вышли гитаристы
  - КСТАТИ
- Солируют ли Медведев и Путин?

- X. Владимир Путин
  - 1. Как мы съели окрошку директора ФСБ
  - 2. «Президент-экспресс» набирает ход!
    - СИБИРСКИЕ СЮЖЕТЫ
      - Встреча в пургу
      - На приеме у врача
      - О поворотах в деревне
      - Телочка по кличке Звездочка
    - ВОПРОСЫ НА ЗАСЫПКУ
      - «Как вам сказать — как положено или по-честному?»
      - Эпизод
  - 3. «У меня нет бессонницы. И здоровье нормальное»
    - Президент велел рожать
    - Оброс ли Путин «камарильей»?
    - О культе личности
  - 4. «Это же последний срок. Чего здесь сложного?»
  - 5. «Помните «Операцию “Ы”?»
    - «Мне Кони дает хорошие советы»
    - Как я искал «суфлера» в столе у президента
    - Листая блокнот президента...
      - Зачем он загибал страницы?
      - Когда Штирлиц не советчик
  - 6. «Значит, Христос родился, если такая милость к нам пришла...»
    - Путин не матрешка
    - Молитвы читал нараспев
    - «Вот чего не умею — в хоккей играть»
  - 7. Его любимые приемы — бросок через спину и подножка
  - 8. Тимошенко кокетничала и стреляла глазками
  - 9. Скорость Путина — 75 километров в час
    - «Хотите со мной на горных лыжах?»
    - ...А потом он взял меня в свой самолет
  - 10. О картах, генерале Чарноте и «Ключах от спальни»

- 11. Тульев — Платову: «А ведь мы жили на одной улице...»
- ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ
- 12. Сергей Михалков — Владимиру Путину: «Эх, какой я был Кобелино!»
- 13. Ржали лошади, гудели паровозы...

- XI. Людмила, Джахан, Любовь, Валентина
  - 1. Людмила Путина: «Владимир Путин для меня — прежде всего мой муж»
    - Что такое атмосфера любви?
    - «Когда меня в школе дергали за косы, я давала сдачи»
    - Зачем она ездит по тюрьмам
    - «И у нас бывают споры...»
    - Почему государство не помогает семьям?
    - Как сохранить чувства?
    - «За модой не гонюсь»
    - Астрологов просят не беспокоиться
    - «Вера в Бога — очень личное...»
    - «Наши собаки живут дружно»
      - СЕМЕЙНЫЙ РЕЦЕПТ
  - 2. Джахан Поллыева: «Ну и мысли у мужчин!»
    - Почему она молчит?
    - «Как женщина я открыта»
    - «И будут ангелы летать над вашим домом...»
    - «Мне в Кремле интересно»
    - «Запасного аэродрома у меня нет»
  - 3. Любовь Слиска: «В детстве я мечтала стать продавцом мороженого»
    - «Попробуй меня обидь...»
    - «Мой мат не злой, а ироничный»
    - «Власть и деньги — это не одно и то же»
    - «Утром — гимнастика на балконе»
  - 4. Валентина Матвиенко: «Я сказала, что напишу в “Комсомолку”, и меня из милиции отпустили...»
    - «Танцевала твист и рок-н-ролл»
    - «Это я придумала отправлять мужиков в декрет»
    - «В министры обороны не собираюсь»
    - «Прежде чем делить пирог, надо его испечь»
    - «“Зенит” — чемпион!» — национальная петербургская идея
    - «Люблю джинсы и свитера»
- XII. Нонна Мордюкова
  - 1. «Я не английская фермерша. Я деревенская баба»

- Об артистах
- О Голливуде и национальной гордости
- О «Молодой гвардии»

2. «Ухажеры мне всегда попадались какие-то неудачные...»
- «Эх, перевелись у нас сильные мужики!»
- Роману с Шукшиным помешал Штирлиц
- «Сына я не уберегла»
- «Если бы не Путин, я бы упала»
- Про коммунизм и валенки с галошами
- Депардье с гаечным ключом

СЕКРЕТ КРАСОТЫ

3. На свой юбилей она помирилась с Натальей Варлей
- Двадцать девять поцелуев с Вициным
- «Зря мы ее мучили, она же выражала эпоху...»
- Евгений Миронов обозвал себя свиньей
- Кумушки сплетничали прямо на сцене
- Про родню и «желтые» страницы
- «Мы с Путиным смеялись без остановки семь минут»

4. В ЦКБ Нонна Викторовна разгадывала кроссворды

5. «Я могла бы сыграть домработницу олигарха»
- «Не заглядывайте в кастрюли с супом»
- «У меня в сундуках много сюжетов»
- «...И тратила на съемках душу»
- «Меньшикова нашла я»
- «Моя зона — это праздник»
- «Жили за шкафом»
- «Мужа кормила картошкой с селедкой»
- «Я колхозный человек»
- «Россия — это бабка-квочка»
  - Рецепт борща от Нонны Морюковой

6. Через сорок пять лет после развода она помирилась с Тихоновым
- «Он первый сказал: «Нонна, прости...»
- «Хочу сниматься. Очень соскучилась!»
- «А на Пасху будем христосоваться»

7. «На экране я мало целовалась»
- «Я не заводила романы с женатыми мужчинами»
- «Бондарчук сам подбирал мне костюм...»
- Еще о Шукшине и Штирлице
- Повода не давала
- «Нужно быть адвокатом своей роли»

8. Памятник Актрисе хотели поставить при жизни...

- 9. «Я хочу, чтобы гроб не открывали — пусть меня запомнят живой»
- 10. Провожали аплодисментами. В последний раз...
- 11. «Она до последних дней своей жизни ждала звонков от режиссеров»
  - «Самая лучшая сыгранная роль — ее уход»
  - «Володя был самой большой ее болью»
  - «...А впервые сыграла на глазах у полицаев»
  - «Помирилась со Славой и успокоилась...»
- 12. «...Из ада, точно воробышек, вылетает на сцену образ»
  - «Болеть малярией было интересно»
  - «С секретарем Ленина мы заслоняли Брежнева»
- ИЗ ТРУДОВОЙ КНИЖКИ
  - «...Зачислить актрисой второй категории»
  - «Да бедные ж бабы, как же они влюблялись в Бондарчука!»
  - «...И запах всех трав»
  - «Как я страдаю по тебе, милый сыночек!»
  - «Гробы стоят. А в крайнем — лицо моего Володи»
  - «Тихо. Красное леточко. Одиноко...»
  - «Не было плеча, на котором я могла бы выплакаться»

- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Автор выражает благодарность за помощь в подготовке этой книги к изданию Владимиру Шахиджаняну, Андрею Черненко, Сергею Девятову, Наталье Катаевой (Мордюковой), Андрею Дятлову, Игорю Бабкову, Юлии Юдаковой, Илье Гришунину, Зинаиде Мурашко, Александру Жиляеву.

Фото Владимира Веленгурина, Анатолия Жданова, Евгения Успенского, Андрея Кара, Леонида Валеева, Олега Рукавицына, Марины Волосевич, Анатолия Белясова, Рамиля Гали, Рената Абдеева, Ивана

Хахалина, Бари Алибасова, Елены Старостенко, Максима Люкова, Александра Гамова, ИТАР-ТАСС, из книги «Село родное — Черный Отрог» (Печатный дом «ДИМУР», Оренбург) и из архива «Комсомольской правды».

Предисловие главного редактора

Александр Гамов у нас в «Комсомолке» специализируется на интервью с сильными мира сего. Его беседы с Виктором Черномырдиным, Сергеем Степашиным, Сергеем Шойгу, Павлом Бородиным, Рамзаном Кадыровым, Владимиром Жириновским и другими нестандартны, необычны. Не случайно он получил предложение от издательства «ВАГРИУС» сделать такую вот книгу.

Чем отличаются эти газетные тексты от других и почему «во-первых же строках» угадывается почерк автора? Каждый из тех, с кем он общается, в общем-то не прячется от журналистов и дает довольно много интервью. Но только Гамову удается показать этих политиков живыми, «непричесанными»...

Общаясь с людьми власти, Гамов — каким бы ни был серьезным разговор — всегда найдет возможность поиронизировать над величием своего персонажа, над его монументальностью, обнаружить у большого человека «слабинку», которая вдруг позволит застегнутому на все пуговицы герою нашего времени рвануть галстук или даже снять его целиком...

И вспомнить, что он в общем-то такой же человек, как и Гамов, как читатели, которые потом узнают из газеты о том, как журналист «Комсомолки» играл со своим героем в хоккей (как в случае с Сергеем Шойгу), бился на боксерском ринге (с Рамзаном Кадыровым) или парился в бане (с Владимиром Жириновским и не только...).

Кстати, я думаю, Саше принадлежит абсолютный рекорд по количеству интервью, предельно неформальных, взятых у маститых политиков как раз в бане, когда автор и герой хлещут друг друга вениками и по ходу, угрюмо выражаясь, банных процедур увлечены разговором «за жизнь»... Нашего журналиста по количеству интервью, взятых у сильных мира сего в парной, можно занести в Книгу рекордов Гиннеса.

Подкупает умение Гамова снизить пафос любой беседы, при этом не свалиться в банальность, в пошлость, в амикошонство в его отношениях с героем будущей публикации.

К любому своему персонажу Гамов относится с симпатией — изначально предвкушая, что именно с этим человеком есть о чем поговорить — на нормальном человеческом языке.

Тут у них взаимное везение. Потому что все герои Гамова — это симпатичные люди. Саша сам выбирает собеседников, с которыми ему интересно поговорить.

Все герои нашего журналиста с газетных страниц говорят так, как в жизни. У нас в редакции даже как-то дискуссия была: можно ли печатать «неправленые» тексты интервью Черномырдина, Бородина или Рамзана Кадырова? Да, иногда пытались править. Но тогда речь этих уважаемых политиков получалась неживой, выхолощенной, а сами образы — тусклыми.

Вообще, интервью — жанр классический, хрестоматийный, известный очень много лет, — но не такой простой, как считают многие. Казалось бы, чего здесь сложного? Пришел журналист к своему герою, включил диктофон, задал вопросы, записал ответы — осталось расшифровать запись, и — интервью готово! С одним и тем же героем на одну и ту же тему можно сделать совершенно различные интервью. У одного журналиста получится набор стеба какого-то, это еще в лучшем случае, или словесных каких-то кружев, у другого — угрюмый, полуофициальный, протокольный текст, вылизанный пиарщиками из службы по связям с прессой. Ведь сейчас многие «пресс-службисты», окружающие сильных мира сего, только и занимаются тем, что пытаются сделать общение популярного человека с прессой как можно более скучным, протокольным и занудным. Гамову (есть у него такая особинка, в чем также состоит специфика этой книги) удается прорываться через ограждения пресс-служб и делать человечные материалы.

И еще. Насколько я знаю, все собеседники Гамова — после того, как интервью сделано и вышло в газете, становятся его товарищами и даже близкими друзьями. Что, кстати, у других журналистов происходит далеко не всегда — довольно часто, я бы сказал, регулярно после интервью в СМИ получается как-то так, что собеседники — автор и его герой — могут и поссориться, и разойтись в глубоком разочаровании друг другом.

А вот Гамов, хочет он того или нет, я не знаю, становится журналистом, «ангажированным» своими героями. Но это — что очень важно — не в ущерб правде жизни, не в ущерб газете и ее читателям.

Владимир СУНГОРКИН,

главный редактор, генеральный директор «Комсомольской правды»

I. Виктор Черномырдин
«ХОТЕЛИ КАК ЛУЧШЕ...»

— ...Ну?

— По делу. Насчет Украины.

— А чего?

— Хочу спросить, Виктор Степанович. Строго.

— С кого? С меня? Строго спросить ты не сможешь. По какому такому праву?

— Ну, как... Черномырдин многие годы — мой любимый герой.

— При чем здесь это?

— А при том, что я недоволен вашей работой в Киеве.

— Моей? А ты мою работу знаешь?

— Ну, я наблюдаю...

— Странный, слушай... Ишь ты, умник! А ты съезди туда, я посмотрю на тебя. Взял бы и добился. Ишь ты, ловкач!.. Раз спрашиваешь, значит, так думаешь?

— Допустим, нет.

— А раз не думаешь, зачем же спрашиваешь? Ну ты тоже! Ну ты молодец!..

Мой коллега — старейшина нашего кремлевского пула, журналист «Интерфакса» и «мастер диктофона» Вячеслав Терехов однажды мне сказал: «Когда я читаю “твоего” Черномырдина — полное ощущение, что на бумаге воспроизводится его голос, точно схвачены интонации, можно даже услышать дыхание Виктора Степановича. Будто не газету читаешь, а слушаешь магнитофонную запись. Так не бывает, но это так».

Что ж, может быть... Но дело, наверное, не только в этом.

«В чем секрет обаяния Черномырдина?» — спросил я однажды у Нонны Мордюковой, которая тоже очень любила читать мои интервью с Виктором Степановичем в «Комсомолке». (Кстати, Нонне Викторовне посвящена заключительная глава этой книги.) Почему именно у нее спросил? Как-то в моем присутствии она говорила с Черномырдиным по телефону. Он ей сказал: «Мы с вами — одно целое». Она с ним согласилась: «Потому что мы оба — выходцы из народа».

«А я знаю, в чем секрет обаяния Черномырдина, — ответила мне великая актриса. — Не знаю, как интеллигенция, а вот простые люди, как мои братья и сестры, понимают его, как себя. Потому что они сами — из землекопов. И все хохмы его они просто понимают, как свои... Он истину знает — как ответить на важный вопрос. Он умен. Но у него осталась неистребимая форма выражения своих мыслей. Он так говорит, как дядька из колхоза или с завода... Черномырдин вырос из народа, и из этого своего родства он, как из тюбика, выдавливает такую вот краску, яркую. Он остроумен, когда отвечает на вопросы. Но он не торопится со

своей остроумностью... Он думает. Он может в это время и муху согнать с руки, и форточку открыть, прежде чем ответить. Но ему нужно — позарез нужно — полсекунды на ответ. Он не обдумавши ни за что не ответит. Вот извольте, господин, а у меня такая привычка. Вот он так говорит — с какой-то неуловимой паузой. Чтобы ни в коем случае не споткнуться нигде и нигде не было бы проигрыша».

«А знаете, как некоторые считают? — поделился я с Мордюковой.— Мол, Виктор Степанович любит крепкое словцо...» — «Ой, моя лапушка! — рассмеялась Нонна Викторовна. — Да-да-да-да-да!» «...А когда он на публике, — пояснил я,— это самое словцо опускает, вот пауза и получается. Вам так не показалось?» — «Не-ет, не показалось!»

И еще Нонна Викторовна сказала: «Его нужно играть (на сцене. — А.Г.) как классический образ... Это было бы покруче, чем Максим Галкин показывает... Для актера это такой смачный кусок — играть Черномырдина. Но только надо, чтобы актер обязательно прочитал его интервью для “Комсомолки”. Потому что у многих сложился неверный образ Черномырдина: такой ленинец-сталинец... А он-то, он-то выше!»

А попутно Нонна Викторовна «отрецензировала» и «образ автора» черномырдинских интервью: «Журналист, как юла, достает, а он все время занят... Только отмахнется — вдруг опять “эта зараза” бежит за ним. Как сатана, который его ловит все время...»

И все-таки, я думаю, обаяние Черномырдина объясняется не только моей «журналистской сноровкой» и не столько своеобразием его речи, а прежде всего масштабом этой удивительной личности. Ведь он, как говорят, олицетворяет собой целую эпоху, которая называется новейшей историей России.

1. «Разве я на Украине провалился? Не я же там избирался»

«Не заикайся… Что за косноязычие!»

— ...Ну в чем ты, скажи конкретно, недоволен моей работой в Киеве? В том, что мы вместе с Украиной товарооборот подняли?

— Да я не про экономику. Я считаю, что н-н-недоработка посла...

— Не заикайся.

— ...состоит в том, что вы не смогли защитить на выборах украинского президента интересы России.

— А как? Скажи. Если ты уж так недоволен моей работой, значит, ты знаешь, как я должен был работать, чтобы ты был доволен. Скажи как?

— Я думаю, что нам не надо было замыкаться, значит, только на одном кандидате — на Януковиче. Мы настолько уже созрели в своей демократической развитости, в своем демократическом потенциале, что могли бы плюралистично...

— Ну что за косноязычие!

— ...И опираться сразу на двух кандидатов, а там — кто победит.

— Ты що? С чего ты взял, что мы опирались на Януковича? Ну в чем мы опирались, ты мне можешь объяснить? Кто опирался?

— Кремль.

— Как?

— Мы поддерживали одного кандидата.

— Как же?

— Всячески. И Путин во время выборов дважды туда наведывался.

— Ну и что? Разве кто-нибудь когда-нибудь говорил, что Россия — за Януковича?

— Напрямую, может, не говорили. А фактически...

— А вкривую давай не будем фантазировать.

«Почему не готовился Кучма?»

— Вы так защищаете Кремль, что можно подумать, что Россия на украинских выборах не проиграла, а выиграла...

— А что же мне, защищать тех дураков, которые меня сейчас из-за Украины поливают? Я не могу защищать дураков! У меня к ним свое отношение. И когда я слышу, и читаю, и вижу, как раздаются оценки направо и налево, абсолютного незнания и тем более непонимания, почему я должен молчать? Я никого не защищаю, я просто объясняю. Ситуацию. Какая была...

— Украина не напоминает вам Россию–2001?

— Мне напоминает больше Украина 93-й год российский. Когда у нас тоже все бурлило. Но у нас совсем другое. И все же, когда у них началось на майдане, я, по крайней мере, предупреждал многих руководителей: слушайте, это может закончиться очень плохо. Что же вы никаких мер не предпринимаете? Президент Кучма говорил неоднократно: «А что мы не сделали? Мы открыты для всех наблюдателей сюда. И все мы вроде делаем, что нужно». Но у вас же народ на улице! «Да все пройдет, мы это проходили...»

— Это кто, президент Кучма говорил?

— Да и не только он. Мол, поговорят-поговорят и разойдутся.

Почему тогда эти все готовились? Почему вторые — нет? Почему те, кто должен был отслеживать ситуацию, ничего не делали?..

— Вы имеете в виду спецслужбы?

— И спецслужбы, и само государство. Почему это назревало? Значит, делали в стране что-то все-таки не так? Надо было предпринять меры, надо было...

— Репрессивные?

— Ни в коем случае! Надо было понять, что происходит в глубинах — и сознания, и действительности. В жизни людей. Нет, ничего — все идет и идет. Ну, вот и дошли. Это хороший урок для всех.

— И для России?

— В том числе и для России.

— Неужели у нас может быть такое?

— У нас нет. У нас этого не будет. Как у меня тоже вот так один спросил, а я ему ответил: у нас страна большая...

— Так-так...

— У нас есть куда поехать.

— В смысле? На лесоповал?

— Нет, у нас этого никогда уже не будет. Мы это прожили. Россия экспериментов натерпелась, хватит. Не бу-дет!

«Ну чем они ближе к Западу...»

— Говорят, от выборов к выборам Украина становится ближе к Западу...

— Я не могу так оценить... Ну чем она приближается к Западу? Чем могла? На Западе, кстати, тоже ничего не могут понять. Вот я был в Германии, встречался там с руководителями. Все спрашивают: что на Украине происходит, что они там это, кто там есть кто? Но я же не буду им объяснять.

В Закарпатской области я с народом, «западэнцами», как их называют, встречался — никакой неприязни. Тем более ко мне — уж я бы сразу почувствовал. Ну а то, что тут пытаются направление выбирать, однозначно, один вектор. Ну... Есть вопросы. Она — Украина — не приблизилась к Западу и не так уж сильно отдалилась от России. Я имею в виду сам народ.

— А почему не может отдалиться?

— Слишком такие связи — вековые. Чтобы так кому-то захотелось, и вдруг они тут — повернуть, развернуть, насчет того, кто, куда и с кем? Нет, это не получается.

— Товарооборот-то между Россией и Украиной не упал за годы выборов?

— Наоборот, вырос. Мы выходим вплотную почти на тридцать миллиардов долларов. (А когда я начинал здесь послом, было девять миллиардов.) Заметьте, Германия — пять миллиардов долларов — на втором месте, а США — два миллиарда долларов — на третьем. Основная продукция Украины идет на российский рынок. А ты говоришь — Запад...

Вон сколько предложений мы уже заимели — абсолютно тех, которые раньше не очень. Допустим, «Партия регионов» предложила: давайте будем добывать, выведем добычу до пятидесяти пяти миллиардов кубов — если говорить по газу в России. То есть брать месторождения. А действительно, или отдавать, или находить надо решение.

— Чтобы они сами разрабатывали у нас?

— Конечно.

— А Тимошенко что предлагает?

— А Тимошенко, она как раз... Все, что они предлагают, они — те, как раз все против. Все наоборот. Но они же как? Борьба идет, чего же они будут все об одном. Янукович, допустим, сказал: к 2012 году надо построить мост через Керченский пролив. Есть и проект. А Тимошенко говорит: мы сами придем к власти и сами построим мост.

— Они, по сути, строят один мост?

— Да, мост все хотят, только одни — вдоль, другие — поперек.

— Ну а хоть «оранжевая»-то революция пошла Украине на

пользу?

— Какая польза? В чем она должна быть? Ну, руководство заявляет, что Украина стала более демократичной и открытой. Но я этого не вижу, не могу сказать. Так какая же польза, когда все никак.... — правительство меняется каждый год.

«От Юлии Тимошенко я не таю»

— Вот Тимошенко, к которой вы по-особому относитесь, даже Жанной д`Арк называете, она будет так же действовать — комиссарскими методами?

— А какими? Ее уже не переделаешь. Я не могу за нее сказать: будет она или не будет, какая она будет. Но то, что методы у нее такие большевистские, будем говорить...

— Вы с ней встречаетесь, да?

— Встречаемся. И по моей, и по ее просьбе, когда у Юли есть желание... (Смеется.) Я, конечно, к Юле с уважением отношусь — за ее напористость, за ее характер. Она умеет вести, классный оратор — любая аудитория рыдает, когда Юля выступает... Эту бы Юлину энергию — да на... Горы свернуть может! В этой части она — да. Юле бы команду хорошую.

— Ага, вы тоже, значит, таете от Тимошенко? Только честно.

— Насчет таять... Я уже давно не таю. (Смеется.) Ни перед кем. Как некоторые говорят: ну вы бы побежали? Я говорю: не-е-ет, мне сейчас главное — убегать надо, а не бегать за кем-то. Таять — это не для меня. Да я и раньше не таял.

— Но Тимошенко прислушивается к вам?

— Где-то, может, прислушивается, а где-то — не знаю.

— Вы то Тимошенко нахваливаете, то Януковича... А они — ярые оппоненты.

— Вот я ее хвалю — ты же об одном спрашиваешь. Не поймешь тебя: ты где про любовь — таю, не таю, а где об экономике.

— Говорят, Черномырдин приложил руку к тому, чтобы Тимошенко простила российская прокуратура.

— Не простила, а прекратила вопросы о преследовании. И ничего я к этому не прилагал.

— А вы с Тимошенко встречались?

— После этого? Встречался.

— А до этого?

— И до этого. Я ей говорил: «Вам надо ехать в Москву». А она: «Да вот я не могу, все время прокуроры там стращают». И не послушалась.

— Но теперь-то послушалась.

— Я не думаю, что она меня послушалась. Сама все взвесила и не прогадала.

«…И не надо меня припирать»

— Кремль вас за выборы на Украине не критиковал?

— За что? Разве я избирался?

— Но ведь «стрелочника» все равно пытаются найти — за провал российских интересов на Украине.

— Да нет никакого провала! Абсолютно даже. Конечно, я со всеми срезами общества встречался и продолжаю встречаться, чтобы знать обстановку по возможности и влиять…

А все те политики, которые начинают вякать и искать тем более козлов отпущения, превратились в мосек. Надо делом заниматься в своей стране, а не порхать во всевозможных шарфиках. (Черномырдин имеет в виду оранжевые шарфы, в которых Ющенко, Тимошенко и их сторонники накидывали на шею, когда отправлялись на митинги. — А.Г.)

— Не боитесь, что вас заклюют?

— Меня этим не прошибешь. Я не та фигура, не тот человек, которого можно просто так взять, — сразу в зубы получат, и так, что тоже мало не покажется.

Давайте успокоимся. Здесь, в Москве. Они сами без нас разберутся — на Майдане, на Подоле… (Названия районов Киева. — А.Г.) В другом месте. Успокоятся.

Как займутся экономикой и нуждами людей — я вас уверяю, — никаких майданов не будет. Никуда народ идти не будет.

Но не надо так эмоционально здесь — проиграли, отдали. И не надо меня припирать. Не надо!

— Да, забыл еще про одно. А вы как по-свойски-то частенько выпивали с Кучмой, да?

— Ну что ты? Конечно, нет.

— Нет, да?

— Да. Как говорят в таких случаях, к сожалению, он не охотник. Вот если бы он был охотник, мы бы, наверное, чаще. Можно было бы. А он не охотник. Вот не охотник! Я очень сожалею об этом. Если бы был охотник — там все, прочее… На охоту можно было бы поехать. Но он — нет…

РЫБАЦКАЯ БАЙКА

Как ЧВС спас указательный палец Кучмы

Эту историю я услышал в Оренбургской области, в Черном Отроге, на родине Черномырдина.

Однажды Ельцин пригласил в «Завидово» на рыбалку Леонида Кучму, который еще был премьер-министром Украины, но уже собирался в президенты, и тогдашнего российского премьера Черномырдина. Ельцин уехал охотиться, а коллеги-премьеры, выпив по рюмашке, отправились на рыбалку.

Клевало плохо. Черномырдин предложил наловить раков.

Премьеры разделись до трусов и по колено в воде стали бродить вдоль берега. С ведро раков набрали, хотели уж уходить. И тут один рак схватил Кучму клешней за указательный палец. Кучма закричал, сбежалась охрана... А рак не отпускает! Но ЧВС не растерялся. «Мы в детстве в таких случаях делали вот так», — сказал он. И... укусил рака за клешню. Тот Кучму сразу же отпустил.

А палец будущего президента Украины промыли водкой.

2. «Ну вот не пошел мяч… А жаль»

1 июля 2006-го Украина оказалась в плену футбольно-политических страстей: национальная сборная, выступая на чемпионате мира, в 1/4 финала со счетом 0:3 проиграла итальянцам, а у «оранжевой» коалиции сорвалась очередная попытка сформировать коалиционное правительство. Мы с Черномырдиным по телефону обсуждали эти две новости одновременно…

— Алло, Виктор Степаныч! А вы болели?

— Болел. Начинал в одном месте, заканчивал в другом.

— Что это за места?

— Ты что? Ты еще спроси, с кем…

— Да.

— Нет, смотрел у себя уже дома. С работы началось, торопился и вот опоздал.

— А за кого болели-то?

— Конечно, за Украину! А я всегда за нее болею.

— Понятно.

— А ты за кого?

— И я за Украину. И за посла России, который за нее болеет.

— Правильно. Это очень важно. Это подчеркивать надо. Да, во втором тайме три момента — это три таких… Ну не повезло. Явно было трудно. Нет, не повезло…

— Может, такого же везения не хватает «оранжевой» коалиции в Киеве, которая никак правительство не сформирует?

— …Во втором тайме — ну просто голевые моменты! Ну просто не было… Ах, ты про коалицию? Не хотелось бы это один к одному — это нельзя относить. Надо иметь в виду, что Украина впервые вот приобретает опыт парламентский такой. Впервые коалиция — все впервые. Поэтому, конечно, можно осуждать, переживать. Это неудобно, когда власть так долго формируется — более трех месяцев. Но и надо — и все как раз это учеба. Правда, дорого обходится эта учеба.

Вот мое убеждение такое сугубо — вполне могли выйти в полуфинал. Много достоинств по крайней мере.

— А чего не хватает? Что не получилось?

— Ну, я не могу… Я не такой уж знаток тонкий. По футболу. Но, мне кажется, скоростей бы прибавить. Мастерства, конечно.

— А без правительства тоже ведь Украине негоже жить.

— Тут много факторов. Много… Что же мы будем это сейчас обсуждать?

— Сейчас бы и в самый раз.

— Украина разберется. Должна. Сделает выводы. Я очень рад вообще за Блохина (тренер сборной Украины по футболу. — А.Г.) — за то, что он достиг. Вот даже... Не даже, а такого успеха — это только вот, по крайней мере ему удалось. Я его от всей души поздравляю. От всей. Приедет, обязательно пообщаюсь.

Ну хотелось бы. Я переживал... Лучше хотелось... Чтобы они попали и в полуфинал. Но в четвертьфинале впервые в истории — не только Украины, но и России. Первая команда, которая пробилась.

— А что, и «оранжевой» коалиции скоростей не хватает, да?

— Скоростей, скоростей...

— Правительство-то сформируют?

— Конечно. А как без правительства? Ты что?

— С каким счетом Тимошенко проиграет? Или победит?

— Это я не знаю, это я не могу сказать, это они сами тут разберутся...

Знаешь, как вот — ну не пошло! Я насчет футбола. Вот не пошел мяч! Бывает такое в игре. Но... А жаль.

«Комсомольская правда», 3 июля 2006 г.

СТАРЫЕ СТЕНЫ

«Приведений не боюсь»

Когда в мае 2001-го президент Путин назначил Черномырдина послом России на Украине, а по совместительству своим спецпредставителем по экономическим вопросам в этой стране, я случайно узнал, что с новой должностью Виктор Степанович получил и апартаменты в Москве — знаменитый 506-й кабинет на Старой площади, где когда-то сидели Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачев, потом Ельцин. Я срочно связался со своим героем, который в это время был в Киеве...

— Виктор Степанович, с новосельицем вас!

— Какое новоселье! По пять раз буду заходить в один и тот же кабинет и все новоселье буду делать? Да ты чего? Я больше года там сидел, когда был премьером.

— А вы знаете, что у вас там все генсеки сидели, начиная с Хрущева?

— Ну а как же не знаю, раз я там сидел... А кто еще, кроме тебя, знает, что я туда вселился? Ты первый мне задал такой вопрос.

— Ну, думаю, президент.

— Ну президент знает.

— А старые стены помогают?

— Помогают, помогают... Я там же не сижу. Два дня — и в Киев.

— Говорят, и в Кремле, и на Старой площади в кабинетах прежних вождей часто появляются привидения. Вам не приходилось с ними встречаться? Вы не боитесь?

— Слушай, Саш, да ты что? Ты с каких это пор стал так обо мне думать? Ты за кого меня принимаешь? Кто тебе сказал, что Черномырдин боится привидений? Никого я не боюсь. Да и не видел я там никаких таких привидений...

3. «Напугали бабу туфлями с высоким каблуком…»

А после этого откровенного интервью Черномырдина, которое было напечатано в «Комсомолке» 9 февраля 2009-го, разразился настоящий международный дипломатический скандал. В него оказались втянутыми и МИД Украины, и Государственный департамент США…

Буквально в день публикации этого материала Виктор Черномырдин был приглашен в украинский МИД, где его глава Владимир Огрызко заявил нашему послу протест — за «недружелюбные и крайне недипломатичные оценки и высказывания по адресу Украины и ее руководства». И предупредил, что Черномырдин может быть объявлен персоной нон грата и выслан из страны.

А чуть позже корреспондент интернет-издания «Главред» (украинской версии) передал такое вот объяснение Огрызко, произнесенное в стенах кабмина: «Как бы вы реагировали как гражданин Украины, если бы прочитали такое заявление в “Комсомольской правде” о том, что наше руководство без мозгов. Меня это обидело. Нельзя в дипломатии вести разговор таким образом…»

Кстати, про «мозги украинского руководства» Черномырдин в интервью вообще ничего не говорил. Оказывается, раздражение у официального Киева вызвали такие вот строки…

«Ющенко же не с неба свалился»

— …Виктор Степанович, что с Крымом будет? Нас выпирают из Севастополя…

— Никто нас оттуда не выпирает.

— Сказали, чтоб уходили в 2017 году. И все. На маяках постоянно осада идет…

— Слушай, с этим украинским руководством договориться нельзя. Придут другие люди — посмотрим… Скоро начинается избирательная кампания — президентская. А выборы, скорее всего, пройдут 17 января 2010-го.

— Могут прийти те, с которыми договориться можно?

— Обязательно трезвые придут, нормальные.

— И американцы разрешат?

— При чем здесь американцы?

— Янукович — это тот человек, который нам нужен?

— Трудно сказать. С ним можно говорить. Но доверять никому нельзя.

— Может, с Ющенко еще как-то поладим?

— Знаешь, он же не с неба свалился. С виду-то вроде нормальный мужик. Он такого склада — рисует, черепки собирает. Он может вокруг какого-то пенька часа три ходить, рассматривать его, фантазировать. Дома он там такое понасобирал — мельницы, жернова, до огромных! Ветряных мельниц в Киеве понаставил... И этот человек вдруг проявил себя вот таким. Никак на него не похоже. Ну никак, вот убейте меня, не способен он на такое. Однако он делает. Кто-то помогает.

— Кто же?

— Я сказал бы, но не знаю. Может, кто-то рядом, может, кто-то подальше. Но кто-то же!..

Комментируя тогда по просьбе журналистов угрозу выдворения, посол со свойственной ему иронией сказал: «Напугали бабу туфлями с высоким каблуком...» А потом, когда у него спросили, что он имел в виду, «расшифровал» свою же собственную поговорку: «Это и имел в виду. Когда меня начинают запугивать, я это не переношу. Меня пугать бесполезно. И я не в том возрасте и не в том положении, чтобы меня пугать. Да еще кто пугает?!»

Впрочем, вернемся к нашей беседе...

«Где деньги, Зин?»

— ...У Тимошенко нет других увлечений, кроме как власть. Если она победит, это будет президент более лояльный к России? И у вас с ней близкие отношения, я знаю...

— Близкие — это как? Ты же испорченный человек...

— Ну вы как-то к ней по-отечески: «ты», «Юля». А она вас — на «вы».

— Я же старше. Откуда ты все знаешь?

— Вот знаю... Это будет наш человек?

— Не знаю. Я наших там не вижу. Давай не выдумывай.

— Но можно надеяться, если она вдруг победит?

— Пожалуйста, надейся. А я не беру на себя такую ответственность, что там будет так.

— А чего это Ющенко наехал на Тимошенко за договор по газу?

— Да, собачатся между собой, кроют друг друга... В

открытую, по телевидению! Вот, пожалуйста — она подписала нужное же для Украины, а он сейчас придирается: где деньги, Зин? (Черномырдин здесь цитирует слова из песни Владимира Высоцкого «Диалог у телевизора». Помните? — «Послушай, Зин, не трогай шурина...» — А.Г.)

Может быть, в этом интервью Черномырдин позволил себе несколько больше эмоций, чем проявлял всегда. Так извините, говоря по-простому, — достали. Вспомните: в начале 2009-го украинские власти давно уже потеряли чувство меры и такта, прилюдно расплевываясь на глазах изумленной Европы. В выражениях при этом не стесняясь. В том числе и по адресу России. Тут кто угодно не выдержит! А Черномырдин лишь позволил себе осудить этот недипломатический стиль общения киевских политиков друг с другом и с соседями.

А вот высказывания Виктора Степановича, после которых пришлось прилюдно объясняться послу США на Украине Уильяму Тейлору, для чего он специально собрал в Киеве пресс-конференцию...

«Я говорил послу США прямо в лоб!»

— ... Виктор Степанович, сейчас, во время глобального финансового кризиса, США готовы сэкономить на экономической и политической поддержке Украины?

— Я не думаю. Теперь там новая администрация (президентом США в январе 2009-го стал Барак Обама. — А.Г.), мы не знаем, как пока. Хотя мы слышим только украинскую сторону, что они вот там уже и с Хиллари (Хиллари Клинтон — госсекретарь США. — А.Г.) переговорили... Но в одном я уверен: они Украину не отпустят. И в НАТО потащат, и сами в газотранспортную систему полезут...

Дело в том, что везде американцы. Везде торчат американские уши. Они не хотят и газовый консорциум, который между Россией и Украиной. Они вообще ничего не хотят. А посол США, когда ему задают вопрос: «Так кто же виноват в том, что перекрыли газ?» — отвечает: «Россия». (Речь о «газовом конфликте», который разразился в начале 2009-го — тогда Киев отказался платить России за газ, самовольно начал брать топливо из экспортных магистралей, лишив тем самым европейских потребителей законных поставок, после чего «Газпром» прекратил подачу газа на Украину. — А.Г.)

— Как у вас отношения с послом США на Украине Тейлором? — спросил я у Черномырдина.

— Господин Тейлор знает: ежели что, я же не смолчу! Я ему прямо в лоб говорил: «Что вы привязались к Украине? Когда дашь команду Киеву вести себя по-другому?» Смеется... Ну он такой. Разведчик, военный.

«У меня было очень много дружественных разговоров с послом России, — дипломатично отреагировал потом на это американский посол. — Мне импонирует, что Черномырдин хорошо знает мою биографию. Я действительно служил в армии в 1960– 1970-х, однако уже давно работаю в Государственном департаменте США».

— А вы уже и на английской мове заговорили? — допытывался я тогда у Черномырдина.

— Тут на любой мове заговоришь...

— У России нет никаких шансов переиграть Америку на Украине?

— Нет, мы не умеем это делать.

— Неужели не научились?

— А мы разве учимся? Мы же не учимся. У них работают, неудобно даже и говорить, более двух тысяч фондов. Везде. С газетами, с телевидением. Гранты дают. Они приглашают к себе, просто тащат на учебу, бесплатно. В минобороны сидят американские представители. Открыто работают. Они уже давно все переписали на натовские дела.

— Когда уже стало ясно, что Украина помогла Грузии оружием в войне против Южной Осетии в августе 2008-го, у вас была какая-то реакция?

— Какая реакция?

— Заявление, неформальная встреча...

— Неформально я им говорю так... Я вам даже не могу этого сказать, как я им говорю. Это же до какой нужно низости дойти, против же нас!

— Они признают факт поставок оружия?

— Конечно, нет. Кто это вам признается? Но факты-то бесспорные: там уже шли боевые действия, а они в это время поставляли...

А еще Тейлор тогда заметил: «Мне очень нравится слушать, как говорит Черномырдин, это иногда забавно». То есть американский посол фактически защитил Черномырдина от нападок украинского МИДа. И вскоре страсти сошли на нет[1].

А заканчивалось это наше интервью, которое тогда окрестили скандальным, вот так...

— Виктор Степанович, к нам приходил астролог. Сказал, что

Черномырдину работать послом еще долго.

— Спасибо. Я бы уже ушел. Но при такой обстановке на Украине уходить...

— А вы хотите?

— Пора уже. Дело не в том, что я хочу. Как чуть-чуть там нормально будет — тогда...

— То есть никогда?

— Не каркай... Прямо как в анекдоте. «Когда вас примут в Евросоюз?» — «После Турции». — «А Турцию когда?» — «Никогда...»[2]

Ну а сам Виктор Степанович поставил в этом скандале свою — «черномырдинскую» точку:

«Это мелкотравчатая придирка, это повод. Если не Черномырдин, значит, был бы какой-то другой, наверное, я так думаю. Чтобы обязательно устроить скандал с Россией. Не знаю, кому этот скандал на пользу. Если посмотреть на все последние события, все выступления, высказывания, они все как-то подходят к тому, что все, что связано с Россией, от этого у некоторых шерсть дыбом встает. Я извиняюсь опять за это слово».

Так не может продолжаться долго. — Так не должно быть. И так не будет. Я убежден в этом. Для меня это — частичка моей души, моей жизни. Вся прежняя моя работа была всегда связана с Украиной. Я глупости никогда не сделаю...»

4. «Я маленько попарюсь… Айда тоже!»

…В баню с Черномырдиным на его родине — в Оренбуржье — я не напрашивался. Он сам сказал: «Я маленько попарюсь… Айда тоже!»

Когда зашли в сильно натопленную парную, Виктор Степанович нахлобучил мне на голову войлочную шляпу: «На, а то последние мозги сваришь. И не только их…»

Я уселся рядом с ним на раскаленный полок и почувствовал себя ужом на сковородке. А Черномырдину — хоть бы что! Он взял медный ковш, набрал из шайки воды и плеснул на горячие камни. Посла и корреспондента «КП» заволокло мятным паром…

Впервые в жизни интервью о политике мне пришлось начинать нагишом.

Об утруске и усушке

— …Виктор Степанович, говорят, много денег в стране, куда их бы потратить, что б с умом? Деньги…

— Не знаю!

— Ну, не потратить… просто, а куда-нибудь инвестировать…

— Для того чтобы что-то куда-то, надо хоть что-нибудь знать все-таки. Или кто-то в правительстве пусть знает. Ну так же не бывает — посидел там, поковырял и придумал какой-то проект. Этак все, что мы наработаем, спустят в туалет. Что обидно и больно. Ничего так не добиться.

Мы говорим об инвесторах, мы хотим быть им привлекательны: ты иди, вкладывай, работай — и все твое сохраним, и еще тебе вдогонку дадим. А сами свои деньги вывезли за рубеж. И они лежат там где-то в банках. В больших и стеклянных… А инвестор-то не дурак — все видит. Если у тебя деньги есть, ты их должен вложить, деньги должны работать. Если тот, у кого они есть, нормальный…

— Ну а вдруг да и разворуют?

— Да брось ты. Все разворуют, если мозгов нет. Так — небольшая утруска, усушка. Это же наш образ жизни — немножко прихватить. Но большая часть все же останется при деле…

«Так-то Чубайс рыжий, а стал черным…»

— …Я тебе скажу, какой я с ним эксперимент сделал, с

Чубайсом. Значит, когда в этой, Ростовской области шахтеры забастовали, надо же меры принимать. Вызываю — думаю, пошлю-ка я Чубайса туда: «Толя, вот у нас такая неприятность, ты же первый заместитель по всем делам». Вообще, говорю, нужно было мне поехать самому, но давай съезди ты, я тебе даю все — принимай решение там, на месте, любое. Приедешь, тут разберемся. Если я отменю твое решение, то я это уже молчком сделаю, тебя не подставлю.

Он мялся: «Да зачем, ну я ничего не понимаю». — «Езжай! Вот заодно и поймешь». Он полетел. Я тут же набрал начальника шахтерского управления: «Сейчас поехал к вам Чубайс». Он: «Да, Виктор Степаныч, да вы что, зачем? Сейчас не только шахтеры, да и шахтерки все вылезут». Я ему: «Я тебе вот что скажу — ты мне тут сказки свои не надо. Я тебя прошу, как только приедет — и в самую глубокую шахту. Чубайса! В самую глубокую!» А там разрез где — полметра, и температура под пятьдесят. Ползком надо и наклонная под пятьсот метров. Все сыплется, рушится, и вода скворчит. И вот есть кадры...

— Лезет Чубайс в шахту?

— Нет, вылез из шахты! Он черный! Так-то он рыжий же, а здесь — ну ничего рыжего!.. Не знаю, что он там думал, когда вылазил или лез там... Я знаю, что он приблизительно там про себя говорил, особенно обо мне, наверное. Но он порешал все вопросы, принял решения там. Ну, он умеет, этот человек, он рожден: вот умеет!

Когда его сняли с работы, единственная телеграмма — вот такая! — пришла от ростовских шахтеров: «Что вы сделали? Чубайс, мы с тобой! Ни в коем случае этого нельзя!» Да-да-да!

...Я когда-то Чубайсу говорю: «Толя, у тебя все есть, кроме опыта: ты никогда не работал на серьезном нигде. Возьми, возглавь что-нибудь, поработай, пусть тебя жизнь поломает, когда лицо в лицо с народом с простым, с работягами, что нужно уметь заботиться о них, ставить эти вопросы для решения проблем».

А он — все никак: «Да ну, да что...» Ну, все-таки жизнь заставила. Вот он сегодня — спросите его, спросите! — жалеет, что стал руководителем? (Последние годы был главой РАО «ЕЭС», ныне гендиректор Российской корпорации нанотехнологий. — А.Г.) Никогда! Вот он сегодня бесценный. Он большевик на самом деле — Ленин ему в подметки не годится. Все вместе — Бухарин и Троцкий — Чубайсу в подметки не годятся.

«Удвоение — это не ла-ла-ла»

— ...А с кем, ты говоришь, Греф (бывший глава Минэкономразвития и торговли, ныне — председатель Сбербанка. — А.Г.) спорит?

— Да, как ни странно, Виктор Степанович, с премьером.

— Да вы что? И насчет чего?

— Насчет удвоения ВВП (валовой внутренний продукт. — А.Г.). Мол, нету возможности...

— Я этого не понимаю... Если председатель говорит одно, президент ставит задачу... И чтобы при мне министр... Он может мне доказывать, он должен мне доказать — на цифрах, по делу. Он должен меня убедить. Не такой я, чтобы не понять. И ответственность у меня намного больше — я говорю о председателе. На правительство надо выносить уже готовый вопрос, а не свару.

Что такое удвоение ВВП? Президент ставит задачу. Мобилизующую. У нас вообще стиль работы должен быть мобилизующий. Если вспомним пятилетки во времена СССР — мы их, кстати, ни одну не выполнили. Но мы и все пятилетки перевыполнили. Одновременно.

— И смысл тогда в чем?

— А в том, что все боролись за выполнение пятилетки и даже за перевыполнение. Если мы не удвоим, а близко подойдем к удвоению, это будет гигантский успех. Это значит — оживление промышленности, инновационные процессы, новые технологии. Наукоемкие. А они сидят и спорят... Для того чтобы удвоить — это ведь не ла-ла-ла...

«Вот не надо так. Тут надо глубже»

— ...Вот не надо так. О капитализме. Ну, тут надо глубже, а некоторые так все это поверхностно — да чего там? Нет! Глубже.

Был я в Лос-Анджелесе. Встретились мы с мэром одного города — женщина оказалась. Во-о-т такая женщина — боевая, там, мощная, массивная! Ну. И мы оказались с ней заодно — рядом. За столом сидели. У нас была делегация.

Я говорю: «Вы на самом деле, что ли, мэр города такого?» Она говорит: «Да, а что вы сомневаетесь?» Я говорю: «Я не сомневаюсь, мне просто интересно». Уж я-то знал, как у нас — надо крыть же! У нас она сможет или не сможет? Умеет — не умеет?

Я спрашиваю: «А сколько у вас работает?» Она говорит: «У меня администрация — восемь человек». Я говорю: «Восемь кого?» Она говорит: «Всех». Ну, как такое может быть? Но ведь

есть!

Там действуют правила игры, которые никто не имеет даже мысли нарушить, а они вот за этими правилами только и смотрят. Нужно время чтобы прошло, когда так и будет и в России тоже. Потому что народ защищает само государство — действует Конституция, законы, правила, которые никто и не может менять. Понимаете?

«Что тебе может грозить, скажи!»

— Саш, ну что ты меня все пытаешь? После бани... Ты же трешься во всех этих верхах еще больше, чем я.

— Ну, вы преувеличиваете мое трение в верхах. Я за этой, как ее, за цепочкой там стою. (Имеется в виду барьер, которые устанавливается в Кремле для прессы во время официальных мероприятий, — иногда этот «загончик для журналистов», как его называют, сооружают из металлических столбиков с цепочкой. — А.Г.)

— Так тебя не цепочка отделяет — нитка!..

— Там канат сейчас знаете какой? Потолще, чем был при Ельцине и Черномырдине.

— Ах, потолще? Раньше бы надо, чтобы вы не распоясывались. Надо вас...

— В ваше время любую бумажку можно было стибрить со стола, а сейчас — все в сейфах.

— Но мы же демократы были. Тебе что-нибудь запрещают?

— Да вроде нет. Но могут намекнуть: это лучше не пиши...

— Да что ты? И ты не пишешь?

— Каюсь, иногда иду на поводу.

— Послал бы их.

— А они тоже меня пошлют.

— И ты их. И все, и квиты. А то ты хочешь, чтобы этого не было, а сам вот идешь на поводу. А от этого дело страдает. Не надо бояться, никто за это там ничего не откусит. А журналистам тем более. Позубастее надо. Не стесняться. Наоборот, цена будет только больше.

Хотя я и сам с вами, журналистами, был, может, грубоват и не любил интервью давать.

— И сейчас не сильно любите...

— И сейчас не очень. Да... Но вот, заметь, в баню тебя позвал.

— Ага.

— Ты украл у меня два часа...

— С легким паром, Виктор Степанович!

* * *

...Наверное, пора уже объяснить читателю (если он об этом еще не знает): почему Черномырдин, человек по своему нраву очень крутой, так терпеливо относится — по крайней мере, относился до последнего времени — к журналисту «Комсомолки»? Почему, даже порой всерьез обижаясь на свои же собственные «перлы», которые я нес на газетную полосу (однажды он даже в сердцах обронил: «Саш, что же ты меня так позоришь?»), Виктор Степанович обреченно махал рукой: «А-а, я тебе все прощаю...»

Во-первых, я знаком с ним с тех пор, как он был директором Оренбургского газзавода. Помню его с конца 70-х — еще кудрявым, с «беломориной» (есть такие папиросы) в зубах... Я тогда тоже работал в Оренбурге, жил с Черномырдиным даже на одной улице и записывал в блокнот первые его крылатые слова. «Как вам удается так долго держаться на плаву?» — спросил я его однажды, это было в бассейне. «Надо работать не только руками, но и головой!» — ответил он. Это была первая «черномырдинка», которая мне запомнилась.

Во-вторых, какую бы он должность ни занимал — премьер-министра, депутата Госдумы или посла России на Украине, — я никогда у него ничего не просил, разумеется, кроме многочисленных интервью, которые 15 лет печатал в «Комсомолке»: ни квартиру, ни награды, ни гонорары... А большие начальники (по опыту знаю) любят, когда у них ничего не просят.

А третье, и самое главное — именно «Комсомольская правда», где я работаю, как справедливо как-то заметил наш главный редактор и гендиректор Владимир Сунгоркин, создала артефакт под названием «стиль Черномырдина». И Виктор Степанович как опытный политик понял, что «фирменный черномырдинский стиль» — в том «непричесанном виде», как мы подавали его в газете, — может стать его визитной карточкой. В итоге Виктор Степанович, оставаясь действующим политиком (по-моему, случай уникальный), превратился в народного — фольклорного! — героя.

Ну а я могу только благодарить свою счастливую журналистскую судьбу — за то, что она послала мне этого уникального и многогранного, доверчивого и терпеливого моего Героя, который олицетворяет в нашей истории целую эпоху.

А я с ним — а значит, и с эпохой — вот так, запросто...

БЫЛ СЛУЧАЙ

Прикол с заколкой

«Слушай, Гамыч, ты спроси у премьера Черномырдина, правда ли, что его заколка для галстука стоит десять тысяч долларов?» — подучило меня как-то редакционное начальство. Ну я и спросил при встрече...

Виктор Степанович просверлил меня насквозь взглядом, а потом небрежно сорвал с галстука заколку: «На, Саша, возьми ее себе. Узнай, сколько она стоит, и напиши». И еще он у меня поинтересовался: «У тебя совесть есть?»

Заколку я так и не вернул. После встречи сходил в магазин, где мне сказали, что такие заколки — по тридцать долларов.

5. «Премьер в России не должен быть дураком»

В моей журналистской копилке есть немало эпизодов, которые характеризуют Черномырдина, как говорится, с человеческой стороны.

Ну вот идет премьер по сельской улице, подходят к нему две старушки в монашеском одеянии, протягивают металлическое ведерко с прорезью в крышке:

— Виктор Степанович, дайте денег на скит, где мы могли бы молиться во здравие реформаторов и реформ.

Премьер смекнул: идея-то хорошая, только где достать средства?

А вокруг Черномырдина стояли десятка два сопровождавших его чиновников. Недолго думая, он взял у старушек ведерко и пошел по кругу:

— А ну-ка, служивый люд, раскошеливайся!

Через пять минут ведерко было буквально набито купюрами. А монашки, не дожидаясь, пока им построят скит, тут же принялись усердно молиться за Виктора Степановича и его правительство.

В газетных подшивках «Комсомолки» есть немало моих интервью с ЧВС, как называют Черномырдина его соратники и близкие друзья, читая которые можно почувствовать характер этого человека. А также то, что же за эпоха осталась у нас за спиной, насколько были драматичны ее перипетии. Сейчас я покажу еще три небольшие газетные вырезки...

«Когда Басаев увидел меня с телефоном — поверил»

14 июня 1995-го бандиты Шамиля Басаева захватили в заложники около полутора тысяч жителей Буденновска. Погибли 146 человек — женщины, дети, старики, работники местной больницы, военные и милиционеры. Телефонные переговоры с Басаевым об освобождении заложников вел премьер-министр Черномырдин. После переговоров боевики покинули Буденновск и на границе Ставропольского края и Чечни отпустили заложников.

Я находился в кабинете премьера, когда он вел телефонные переговоры с Басаевым.

— Скажите честно, — спросил я потом у Черномырдина, —

вам не стыдно было на глазах у всей России, у всего мира общаться с бандитом да еще под его диктовку писать правительственные распоряжения?

— Под диктовку я ничего не пишу, — ответил он. — Если откровенно, конечно, было противно. Но в тот момент я не думал ни о своих переживаниях на сей счет, ни о том, какое произвожу впечатление. Сверлила голову одна мысль: во что бы то ни стало освободить людей.

— Как вы считаете — вы совершили мужественный поступок?

— Когда говорят: Черномырдин спас заложников — я с этим не согласен. Их спасло государство, все мы. Россия в этот момент вздрогнула, сплотилась. По-моему, мы давно уже не чувствовали такого единения...

Уже позже Черномырдин рассказал и о такой детали, связанной с теми переговорами: «Басаев мне говорит: “Откуда я знаю, что этот действительно вы?” Я говорю: “Телевизор есть?” Быстро организовали связь. Когда он увидел меня с телефоном — поверил».

«Стыдно, что не сумел защитить учителей, врачей, стариков...»

Виктор Черномырдин был премьер-министром России 5 лет и 4 месяца, с декабря 1992-го по март 1998-го. (Кстати, к этому рубежу не приблизился ни один из предшественников или последователей ЧВС на этом посту.) В конце марта 1998-го президент Ельцин отправил Черномырдина в отставку с поста премьера. За две недели до его 60-летия. Я приехал на дачу экс-премьера готовить юбилейное интервью...

— Виктор Степанович, у вас сейчас целый букет чувств вплоть до обиды. А чем гордитесь? И чего стыдитесь?

— Чтобы я когда-нибудь млел от каких-то собственных свершений, чтобы меня распирало... Я с детства глушил в себе эти чувства. Чего бы ни достиг — это пройденный этап, вчерашний день. А сегодня надо дальше продвигаться, дальше...

За что мне не стыдно? За то, что мы взялись переделывать Россию и путь выбрали абсолютно правильный. Наши люди нас поймут. Да, сейчас тяжело, но поймут. Много ошибок, что-то не сделали, но и нельзя за пять лет все сразу изменить...

А отчего мне стыдно? Оттого, что не смогли защитить людей, зависимых от государства. Я имею в виду тех же учителей, врачей, которым не платим вовремя зарплату. Им же детей учить, лечить, а у них душа болит, потому что не знают, как свести

концы с концами. Вот это и есть стыдоба. Ну не все сумел, не все успел... Вот это меня всегда морально угнетало и будет угнетать...

— Вашу отставку связывают с падением цен на нефть...

— Ведь не Черномырдин упал, а цены.

— А может, просто Черномырдин стал слишком яркой личностью? Может, президенту Ельцину не нужен был такой премьер...

— Когда еще возглавлял правительство, часто задавал себе вопросы. Какой я премьер?.. И нашел для себя такую формулу: премьер в России не должен быть дураком. И чтобы о нем не думали, что он — ни рыба ни мясо...

«Если бы схватились Ельцин и Черномырдин, было бы пострашнее...»

...И вот на дворе — август 1998-го... Дефолт. Тогда за сутки было «подрублено» благосостояние миллионов людей. Резко упал курс рубля. Рабочие места потеряли десятки, если не сотни тысяч человек... (Не напоминает ли это кризисный 2009-й?) В России царила паника, какой, по-моему, не было даже в «путчевые времена» — в августе 199I-го и октябре 1993-го. Президент Ельцин отправил в отставку правительство Сергея Кириенко и неожиданно предложил на пост премьер-министра экс-премьера Черномырдина. Но коммунистическая Дума его кандидатуру «задробила». Причем дважды. Ельцин, по Конституции, мог бы сделать еще одну попытку вернуть Виктора Степановича в кресло премьера, но делать этого не стал — остановил свой выбор на Евгении Примакове.

Таких неприятных и трудных вопросов, как тогда, мне моему герою задавать не приходилось — ни до того, ни после...

— А вы после своей второй «отставки» по-прежнему любите Бориса Николаевича?

— Что значит — любишь — не любишь? Во-первых, я к мужикам слово «люблю» не применяю. Если бы я сейчас понес Ельцина вдоль и поперек, и авторитет, и рейтинг мой подпрыгнули бы до потолка, а страна бы где была? Да на хрена мне это надо?! Вы думаете, почему Черномырдин тащил все это шесть лет? Черномырдин вообще в жизни вторым никогда не был. Он всегда был первым. И мне стоило больших усилий быть вторым.

Но я все делал для того, чтобы в государстве не было чехарды, чтобы между двумя первым лицами не было склоки. Я могу себе представить, допустим, время, когда Хасбулатов и

Ельцин схватились. (Противостояние президента Бориса Ельцина и Верховного Совета РФ, руководимого Русланом Хасбулатовым, закончилось расстрелом Белого дома 4 октября 1993 г. — А.Г.) Результат понятен? А если бы схватились Ельцин и Черномырдин, было бы пострашнее. И если бы на месте Черномырдина был человек, подобный Хасбулатову, страны бы не было давно.

— А новых друзей не приобрели?

— Приобрел, и очень много — нормальных, хороших, стойких, настоящих мужиков! Но зато я увидел много «шелупени». «Это шелупень!» — так и напиши!..

Они — политические мертвецы! Зря строят из себя заступников народа. У них же один язык до земли болтается!..

— Когда после второго голосования в Думе вы сняли свою кандидатуру, тут же по телевидению принялись пугать народ: красно-коричневые придут, фашисты, то, се...

— И не надо меня задирать. А все дело в том, что при таком политическом разброде, при такой неразберихе во власти это «хайль!» набирает силу. Потому что нет сегодня людей, которые бы этому противодействовали. Порядок же должен идти с головы, а в голове — бардак...

— Какие ваши прогнозы, сколько нам еще мучиться?

«Комсомольская правда», 24 сентября 1995 г.,
9 апреля и 26 сентября 1998 г.

* * *

...Широкая сельская улица, насквозь пропетая петухами. В воздухе пахнет осенним костром и печеной картошкой. Украдкой замечаю: у Черномырдина из взгляда куда-то улетучивается такая знакомая колючесть...

Для меня эта поездка в Черный Отрог осенью 1996-го была, пожалуй, самой памятной. Наверное, потому, что разговор у нас тогда получился очень эмоциональный, а интервью — лиричным: оно называлось «Черномырдин без галстука». Правда, между строчек полезла «литературщина». Но тогда, наверное, не только мой герой «был в ударе», а и я сам.

Такой вот сумбур — о любви, арбузах и родных камнях...

— Виктор Степанович, ваша первая любовь здесь жила, в Черном Отроге?

— Конечно. И не одна. Как у любого нормального парня. Как приезжаю, так обязательно кого-нибудь встречу... Заходим в столовую, а она стоит, моя первая любовь. «Привет!» — «Привет!»

— А ваша супруга, Валентина Федоровна, не ревнует?

— Да нет, она у меня городская.

— Вы арбузы начинали есть со своей бахчи или с соседской?

— Что за вопрос? Конечно, с соседской! Были свои хорошие арбузы, но чужие-то вкуснее! Соседские ребята — у нас, мы — у них. Пацаны, что поделаешь.

— Что-то у вас глаза — прямо совсем влажные...

— Так вот же, дом же здесь наш был! Бревна, наверное, давно истлели, а может, кому-то еще сгодились. А фундамент — булыжники же, видишь?..

— Вижу.

— ...Фундамент цел. Когда уж совсем невмоготу — еду сюда. К родным камням. Здесь побуду — набираюсь сил...

РОЗЫГРЫШ

«Не хочу быть бригадиром отставных президентов. Передерутся...»

А вот как я однажды «разыграл» Черномырдина, когда готовил его небольшое интервью для первоапрельской «Комсомолки». Виктор Степанович, конечно, сразу же понял: то, о чем я ему говорю, — «шутка юмора». Но у него в этот момент было хорошее настроение, и он сам решил «приколоться» над моим «розыгрышем». Вот такой получился «серьезный» телефонный разговор...

— Алло, Виктор Степанович! Я только что из Кремля...

— Да ты что?!

— Там готовится Указ Президента России о назначении вас спецпредставителем президента по взаимодействию с бывшими руководителями Грузии — Шеварднадзе, Украины — Кучмой и Кравчуком, Киргизии — Акаевым, Белоруссии — Шушкевичем, Молдавии — Лучинским...

— Ну надо же! И что я с ними буду делать? Что я, у них бригадиром буду, старшиной? Буду их выстраивать и заставлять работать?

— В Указе написано: «...В целях использования их опыта для дальнейшего недопущения развития кризисных ситуаций в государствах СНГ...»

— Что они, куклы какие, что их можно передвигать? Каждый из них — ни здоровья, ничего...

— И еще есть идея — построить в Барвихе городок, поселить их вместе.

— Да передерутся... Я не хочу у них бригадиром!

6. «Бонжур, месье Дрюон! Силь ву пле»

Осенью 2003-го по приглашению Виктора Черномырдина в Москву приехал всемирно известный французский писатель Морис Дрюон. Оказалось, что у него оренбургские корни. (Его отец — Лазарь Кессель, родился в Оренбурге, а бабушка была родом из известной купеческой семьи Леск, владевшей там универмагом.) Вот Виктор Степанович и решил свозить парижского гостя «на общую родину». И меня с собой позвал.

Кстати, вот как сам Дрюон потом вспоминал об этой поездке в своих мемуарах:

«...Приемы следовали один за другим, иногда — по шесть в день. Каждый сидящий за столом должен произнести тост в честь гостя, который, в свою очередь, должен на каждый тост ответить. Шесть человек — шесть тостов, девять человек — девять тостов. К счастью, водка в Оренбурге — одна из лучших в мире. Вероятно, только благодаря своим русским корням я смог выдержать такой режим. Празднества заканчивались ночью импровизированным исполнением народных песен...» (Maurice Druon. L`Aurore vient du fond du ciel. Paris, 2006.)

А вот мои впечатления...

Переводчики отдыхали

Лингвистические чудеса начались еще в Шереметьево-2 перед посадкой в самолет. Завидев Дрюона, Черномырдин сгреб его в объятия и с проникновенным прононсом изрек: «Бонжур, месье Дрюон! Бонжур, дорогой! Силь ву пле». Француз в долгу не остался и на чистом русском ответил: «Привет, месье Черномырдин. Спасибо. Большое!»

Переводчики из Минкульта отдыхали. Супруги классиков Валентина и Мадлен не сводили со своих мужей восхищенных взглядов.

«Пиво без водки — деньги на ветер»

Едва самолет оторвался от земли, ЧВС обогатил русский, а заодно и французский язык изречением, произнесенным под блины с черной икрой. Месье Черномырдин заказал себе красного французского вина, тогда как товарищ Дрюон — обыкновенного пива. «Может, с водкой?» — на полном серьезе осведомился

Черномырдин. Не дожидаясь перевода, француз отрицательно закачал головой. «Пиво без водки — деньги на ветер!» — тут же заметил ЧВС.

Когда эту фразу перевели Дрюону, он хохотал до слез. А потом повторил по-французски несколько раз. Видимо, заучивал наизусть.

Классики чокнулись. Слова «ваше здоровье!» Дрюон тут же произнес без акцента.

Рояль из облаков

Когда мы подлетали к Оренбургу, к Дрюону подсел огромный мужик с большими кулачищами и буйными кудрями, представившийся «местным крестьянином Заверюхой». Дрюон, с любопытством осматривая дорогой замшевый крестьянский пиджак своего попутчика, никак не мог поверить, что тот за сезон лично вспахал и засеял 1000 гектаров земли, собрал по 13 центнеров зерна с гектара и что денег у него «куры не клюют».

Но больше всего, похоже, писателя удивило, что обыкновенный труженик полей летает спецрейсом.

«Да крестьянин он, крестьянин! Настоящий оренбургский фермер, — подтвердил ЧВС. — Заверюха — мой бывший вице-премьер по сельскому хозяйству». Фамилию Дрюону перевели, и он, кажется, все понял.

Анальгин от Пугачева

В областном краеведческом музее неизгладимое впечатление на Дрюона произвели два экспоната: посмертная гипсовая маска Пушкина и деревянное ударно-раздробляющее орудие (палка плюс цепь с острым металлическим набалдашником). Как объяснил экскурсовод, оно состояло на вооружении у войска Емельяна Пугачева.

«Месье Черномырдин, гляньте, какой прелюбопытнейший инструмент», — сказал Дрюон, показывая пальцем на орудие. «А то, — среагировал ЧВС. — Помогает. Иногда. Вместо анальгина». И добавил в своей дипломатической манере (как-никак посол): «Кое-кому».

«Вызов» против «Сильных мира сего»

Тут же, в музее, Дрюон продемонстрировал коллеге Черномырдину свою трость, которая оказалась с секретом: в рукоятке был спрятан стальной карандаш, правда, 85-летний писатель никак не мог его оттуда вытащить. Видимо, потому, что часто вместе со своей Мадлен курил. А ЧВС с Валентиной Федоровной не курят, поэтому, когда писатель призвал на помощь месье Черномырдина, тот справился с задачей в два счета.

«Ого, — сказал Дрюон. — Газпром — это сила!» Черномырдин спорить не стал и вбил карандаш снова на место.

В поездку с Дрюоном Черномырдин отправился не с пустыми руками — в одном из московских издательств тиражом 50 тысяч экземпляров тогда как раз вышла книга Виктора Степановича «Вызов», записки спецпредставителя Ельцина по урегулированию конфликта в Югославии в 1999 году. Сигнальный экземпляр ЧВС вручил французскому классику прямо в воздухе.

А на земле произошел случай, который, похоже, несколько озадачил классиков. Когда оба мэтра подписывали свои произведения читателям, оказалось, что самый знаменитый роман Дрюона «Сильные мира сего» весит всего 425 граммов. А «Вызов» Черномырдина аж 1 кг 200 г, в первом произведении — 349 страниц, зато во втором — 603! Куда Дрюону до Черномырдина!

Гостя из Парижа приравняли к Пушкину

«А золото у вас есть?» — полюбопытствовал Дрюон у оренбургского губернатора Чернышева, когда тот огласил список добываемых в области полезных ископаемых. «Да все у них есть!» — сказал Черномырдин. «Есть, но мало», — согласился хитрый губернатор. «Тилько для сэбе», — тихо добавил мэр города Мищеряков. И тут на классика обрушилось богатство, о котором он, похоже, и не мечтал — подлинники и копии архивных документов насчет его оренбургских корней. После чего губернатор добавил: «Раньше мы говорили: по набережной Урала гуляли Пушкин и Даль. А теперь вот еще и Дрюон». Писателя Черномырдина в эту компанию губернатор почему-то не включил. Хотя он тоже гулял по набережной под руку с Дрюоном.

Но ЧВС не обиделся. «Это ты меня, что ли, в классики записал? — наехал на меня он. — Ну что за ерунда? Просто я читал Мориса, когда работал еще здесь в Оренбурге на газзаводе. Вот и позвал его в гости. Что же, думаю, это непорядок — земляк, а живет в Париже».

А потом автор «Проклятых королей» сломал протокол, утвержденный еще в Париже и Москве. И потребовал отвезти его на малую родину своего коллеги — в старинное казачье село Черный Отрог. «Так туда же 70 верст!» — пытался отговорить его Черномырдин. «Для меня это не расстояние», — твердо сказал классик.

Мадам Мадлен, которая уже была знакома с творчеством супруги Черномырдина мадам Валентины (та, будучи с мужем в гостях у Дрюона в Париже, подарила ей запись русских народных песен в собственном исполнении: «Муж играет на баяне, а мне что остается?»), спросила у своей спутницы: «А вы нам споете?» Мадам Валентина смутилась: «Вот хор имени Пятницкого, где я беру уроки музыки, поет частушки по-французски».

Но одну частушку в честь гостя в Черном Отроге все же выучили. В переводе с французского языка она звучала так:

Мой миленок, как теленок,
Только семечки плевать.
Потому он по-французски
Не умеет целовать.

А в черноотрогской школе, где учился когда-то месье Черномырдин, Дрюона ждал настоящий французский шансон в исполнении старшеклассниц.

«Комсомольская правда», 1 октября 2003 г.

* * *

...В эту газетную публикацию не вошел еще один забавный эпизод. Морис Дрюон, увидев на улице Черного Отрога гогочущих гусей, не спеша приблизился к ним. Черномырдину ничего не оставалось, как последовать за писателем.

Гуси, вытянув шеи, зашипели, захлопали крыльями. Но друг Морис с другом Виктором не испугались, присели на корточки и стали с ними о чем-то разговаривать — тоже шепотом.

Гуси, услышав знакомый язык, сразу успокоились.

— О чем вы беседовали с гусями, Виктор Степанович? — спросил я у Черномырдина, когда мы сели в машину. — А главное — на каком языке?

— Это тебе вон пусть писатель расскажет, — загадочно произнес ЧВС.

— Мы говорили с ними на языке гусей, — с удовольствием ответил Дрюон.

— О чем?

— Я им сказал: вы прекрасные гуси.

— И что они вам ответили?

— Гуси сказали: это наше большое счастье, что мы живем здесь, на этой земле.

ЗАСТОЛЬЕ

«Я никогда не грущу. С чего бы это?»

Это «гастрономическое» (читатели называли его даже вкусным) интервью я записал в один из апрельских дней, когда мой герой заглянул к нам в «Комсомолку» — поговорить за жизнь, выпить рюмочку, поесть борща... Это было как раз накануне дня рождения Черномырдина.

— Виктор Степанович, для вас день рождения — веселый праздник или грустный?

— Для меня? Я никогда не грущу. С чего бы это? Ты имеешь в виду по годам? Да брось ты... Чего грустить-то? Считаю, что друзья придут. Я не особенно кого и приглашаю. А сейчас звонят — прилетают: кто с Оренбурга, кто с Украины.

— А что из Оренбурга везут вам к столу?

— Умник! А я не знаю. Чего привезут, того и привезут.

— Может, огурчики соленые?

— Может. Да ладно, перестань...

— А сальцо?

— Сало я привез с Украины.

— И много?

— Прилично.

— А где брали?

— На рынке, на Бессарабке (рынок в центре Киева. — А.Г.). Всегда там беру. Хорошее. Я и горилку привез. Хорошую. Нам жить-то сколько? Жизнь такая короткая, еще мы и грустить тут будем!

— А насчет песен-то как?

— Тоже будем.

— Может, попробуем?

— Давай.

И мы спели с Черномырдиным дуэтом «Расцвели оренбургские степи...».

7. «Меня цитируют даже в Африке»

6 августа 2003-го в биографии моего героя случился (правда, сам он об этом не подозревал) необычный юбилей: исполнилось десять лет с тех пор, как он впервые произнес фразу: «Хотели как лучше, а получилось как всегда...»

Разумеется, я не мог пропустить эту знаменательную дату и накануне приехал к Виктору Степановичу на его подмосковную дачу. (Материал об этом был напечатан в «Комсомольской правде» 4 августа 2003 года, готовя его для этой книжной подборки, я, разумеется, добавил в наш диалог несколько новых высказываний Черномырдина.)

Автор самого известного крылатого выражения нашей эпохи, которое, наверное, теперь навсегда останется своеобразной визитной карточкой русского, российского характера, как-то очень буднично встретил меня тогда на улице и провел в обычную беседку...

«Цицерон рядом со мной не стоял»

— Виктор Степанович, с юбилеем вас!

— И не подумаю. Тоже мне, нашел повод. Выпить, что ли, захотелось? Давай налью...

— Когда и где, а главное, зачем и почему вы впервые это сказали?

— Я, грешным делом, и не помню. Может, в Думе?

— Не-е-т... Я все ваши высказывания знаю. В Думе вы говорили другое: «У кого чешется — чешите в другом месте».

— Тогда сдаюсь.

ИЗ ДОСЬЕ «КП»

24 июля 1993 г. Центробанк сообщил, что денежные банкноты образца 1961–1992 гг. с понедельника, 26 июля 1993 г., приниматься у населения не будут. До 27 июля российские граждане могли обменять до 35 тыс. руб. (неденоминированных) в банкнотах старого образца на деньги образца 1993 г. В стране началась паника, в магазинах выстроились очереди. Через два дня Борис Ельцин своим указом повысил лимит обмена до 100 тыс. руб. на человека и продлил срок обмена до конца августа 1993 г. 6 августа премьер-министр России Виктор Черномырдин

рассказал на пресс-конференции, как готовилась денежная реформа, и заключил: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

— Да, банк тогда бухнул. Вся страна — на дыбы. А мне — расхлебывать. Пришлось объясняться...

— А какой смысл-то вы сами вложили?

— Как правило, мы всегда хотим сделать как лучше. Но не хватает мозгов. И получается как всегда — все шиворот-навыворот. Или никак.

— Теперь вот вас ставят рядом с Цицероном и Козьмой Прутковым...

— Да ну! Глупости. Меня ни с кем рядом уже не поставишь.

— Многие ученые в своих диссертациях пытаются докопаться: как вам так образно удается коверкать русский язык, а литературоведы называют ваше творчество «высоким косноязычием», что сродни поэзии.

— Да что ты тут мне загибаешь! Я всю жизнь так говорю: чтобы емко и доходчиво. Времени-то рассусоливать не было.

— В Интернете на эти ваши крылатые слова — тысячи ссылок!

— Да уж, разлетелись... Как-то я был на конференции в Париже. А был из Африки президент одной страны. Негр, черный. Ну он там тоже жарил про Африку, что неправильно. Дай, думаю, послушаю перевод. А он и говорит: «Как сказал российский премьер Виктор Черномырдин, хотели как лучше, а получилось как всегда». Мне давай аплодировать... Вообще-то эту фразу часто употребляют. Пусть пользуются, если отражает суть и понимание вопроса.

«Государство — не “тубаретка”!»

— А вот наша власть тоже хочет как лучше, но у нее не всегда получается так, как она хочет...

— Одно дело, если ты «тубаретку» делаешь, хочешь ее как лучше, а получилась она, как всегда, корявая. Но речь-то идет о государстве! Не всегда все получается по разным причинам... Есть объективность.

— Почему же не все клеится с государственной «тубареткой»...

— Почему не клеится? Клеится. Другое дело, может, это не так быстро. А ты мне можешь сказать, что не клеится?

— Гайки власть закручивают прессе...

— Прессе? Вам? Да вы голых женщин стали прямо в

«Комсомолке» печатать!

— Что вы имеете в виду?

— О сексе начали. Ну это просто поразительно. Это вы для «Комсомолки»? Это ж «Комсомолка», которую читают все поколения комсомольцев, которые сегодня уже в возрасте. И смотреть на это... Я не думаю, что им удобно. Меня там ничего не удивляет. Я в своей жизни многое видел. И понимаю. И при этом вы еще можете говорить, что вам гайки закручивают? Я представляю, что было бы, если бы не закручивали...

— При Ельцине так не робели. Что приснится — в газету несешь. А сейчас...

— И сейчас неси.

— Не могу. Какой-то цензор появляется, Виктор Степанович... Внутренний. Вот у меня.

— А, внутренний? О, наконец-то!

— Что ж хорошего?

— А что плохого? Потому что уж такая разнузданность была. Что сразу пустились в демократию!

— Но это же вы с Ельциным сидели и демократию разводили.

— Да. Ну и что? Сами-то мы не позволяли себе этого — ни Ельцин, ни Черномырдин. Вы от нас чего-нибудь слышали? Похабщину или чего-нибудь такое? Недозволенное, чтобы всем вам было стыдно за нас? Нет!

— Борис Николаевич перед оркестром палочкой махал...

— Ну так это шутка! Ну, о-е-ей!

— Раньше, когда писал о Ельцине и Черномырдине, за словом в карман не лез. А сейчас если власти кто-то насолил — она спуску не дает. Может придраться к любому СМИ, как к тому телеграфному столбу.

— А я так понимаю, что именно власть стала, как тот телеграфный столб, к которому цепляются и по делу, и не по делу. Некоторые думают, что правительство — это тот орган, к которому каждый может прикоснуться определенным местом. Ошибаются!

Мы сами себя когда-нибудь научимся уважать? Страну опустили в моральном плане! Вот скажи... Опять чуть отвлекусь. Я был в командировке три дня, в Женеве. Смотрел телевидение. Там разные каналы — и швейцарские, и итальянские... И ни одного боевика! Крови нет на экране. Меня поразило: сколько ни переключал — крови нет! Может, ты объяснишь, почему у нас на всех каналах — кровь?

— Это вы с Ельциным...

— Минуточку, я закончу. Я-то понимаю, что за этим стоит. Зачастую неумение и нежелание работать!

— Это вы не научили телевизионщиков работать, не создали им условия.

— Не успел, жалею об этом...

— Ясно...

— Что тебе ясно?

— Раньше Черномырдин был ярым ельцинистом, а теперь стал ярым путинцем и медведевцем.

— За что я должен президента и премьера полоскать? За то, что они порядок в стране наводят? А мы все должны не из-за угла наблюдать — ошибутся или не ошибутся? А вовремя и по возможности впрягаться и тащить этот воз. Или я не прав?

«...А еще хотим как лучше»

— А приватизация, которую сейчас матерят, при Черномырдине начиналась.

— Правильно. Начиналась. А как вы хотели? Не было бы приватизации, не было бы рыночных отношений, не было бы экономики. Чего неправильно? У вас газета сейчас чья?

— Частная.

— А не было бы приватизации, вы бы так и сидели, от ЦК комсомола зависели. А где сейчас этот ЦК, чтобы вам диктовать?

— Вам не кажется, что сейчас власть пытается что-то поменять из того, что наворотили Ельцин с Черномырдиным?

— Нет. Абсолютно. То, что, как ты говоришь, закручивают гайки, чтобы была дисциплина, порядок, аккуратность, это надо приветствовать. Вот говорят про банкротство. В чем суть? Это оздоровление предприятий. А его сейчас превращают в инструмент для перераспределения. Чтобы обанкротить и потом прихватить. Уже нашли лазейку. Вот власть этого не хочет. Часто, может быть, и употребляет, и предупреждает, что так нельзя.

— А вообще, у России получится как лучше или будет как всегда?

— Нет. Получится. Именно получится. Все идет к тому.

— Какие признаки?

— А наоборот, нет признаков, чтобы не получилось.

— Вы же видите: сильно-то не улучшается!

— Но сильно и не ухудшается. Но так же не бывает. Ни с того ни с сего не берется. Не все получается. Не везде руководители умеют. Давайте будем немножко терпеливыми. Я не за то, чтобы в ладоши хлопать. Но ни в коем случае нельзя себя хаять и пеплом посыпать постоянно свою голову. Но надо больше говорить, а что получается, где мы преуспеваем... А мы все больше о негативе. А

еще хотим как лучше...

«Лучше водки хуже нет!»

Как-то я летел в Москву из Оренбурга вместе с Виктором Черномырдиным и знаменитым музыкантом Мстиславом Ростроповичем. Спецрейсом. Стюардессы-официантки накрыли стол, на котором громоздились бутылки заморских вин. Премьер и виолончелист наливали их в фужеры, пригубляли, но как-то очень уж нехотя...

Дабы скрасить своим великим землякам дальнюю дорогу, я вставил в диктофон кассету с записями песен оренбургского барда Александра Аверьянова. Когда Саня начал петь про «Сиреневый Оренбург», Ростропович заплакал. Военное детство он провел в этом городе. За компанию прослезился и Черномырдин.

— Витя, извини, а что за гадость мы пьем? — интеллигентно поинтересовался виолончелист у премьера.

Тот среагировал мгновенно и потребовал принести чего-нибудь покрепче, желательно из оренбургской пшеницы.

Принесли. Раскупорили. Разлили. Опрокинули.

Черномырдин крякнул и философски заметил:

— Лучше водки хуже нет!

— Восхитительно! — сказал Ростропович.

8. «У нас где-то вот тут рядом сидит элемент паники»

Когда на Россию обрушился глобальный финансовый кризис, я дважды летал к Черномырдину в Киев, чтобы заполучить «рецепты выживаемости» и поделиться ими со своими читателями. Заряд ироничного отношения ко всему происходящему я тогда получил хороший...

Разговор в ноябре 2008-го.

«Нельзя держать проблему в одной позе»

— Прямо первый раз со мной такое...

— Саша, что с тобой? Лица на тебе нет.

— Даже и не знаю, как быть: то ли доллары покупать, то ли рубли...

— А что, в России скупают доллары?

— Да. Я хотел спросить, Виктор Степанович, надо — не надо?

— Я бы не стал никогда... А у тебя, значит, доллары есть?

— Есть чуть-чуть. Вот взял в редакции на командировку — двести пятьдесят баксов...

— Ну и правильно, переводи в рубли.

— А вдруг девальвация?

— Да не будет никакой девальвации! Рубль надежнее. Я еще не знаю, что с долларом будет.

— А вы сами-то как выходите из положения?

— Да никак. У меня нет таких капиталов, как у тебя. Нет долларов — нет проблемы.

— А-а-а... Почему весь мир снижает ставку рефинансирования, а мы подняли?

— Правильно, что подняли. А намного?

— Нет, на полпроцента — до двенадцати. Но сам факт...

Глава Центробанка Игнатьев сказал, что девальвации не будет, но потихоньку будут расширять коридор, чтобы давление, значит, на рубль было меньше. А первый вице-премьер Шувалов добавил, что просто речь идет о реальной стоимости рубля и доллара...

— Шувалов прав — не надо зажимать наш рубль. И нельзя постоянно делать интервенцию в поддержку рубля. Зажимая одно, можно перегнуть в другом. Этот коридор надо правильно определить. Если, как говорится, держать все время в одной позе

эту проблему, это не всегда правильно.

— А в какой же позе ее надо держать?

— Не в той, о которой ты думаешь.

— Да я ни о чем таком и не думаю... Не до того. Вот сейчас сколько реально стоит рубль?

— Это ты у Шувалова спроси. Или у Игнатьева.

— Думаете, они скажут?

— Нет. И правильно сделают.

— Почему?

— Да потому что... А зачем тебе это?

— А может, я хочу побольше?

— Побольше чего?

— Курс доллара. То есть наоборот. Выходит, что у нас не рыночная экономика, если Игнатьев с Шуваловым рулят?

— Чем рулят?

— Долларом и рублем.

— Молодец, приехал (смеется). Поехали дальше. Ты этого не говорил, я этого не слышал.

«Кудрин — это Кудрин, а Путин — это премьер»

— А вы не знаете, когда кризис кончится?

— А что, кто-нибудь говорит, что знает?

— Министр финансов Кудрин говорит, что в 2009-м. Путин ничего не говорит, он вкалывает...

— Кудрин — это Кудрин, а Путин — это премьер. Ему сейчас тут не до гаданий. Он должен сегодня, что он и делает, предпринимать те меры, которые должны сбуферить кризис, как говорится, чтобы страна не попала в такую ситуацию, когда все может резко пойти.

— Сейчас все правильно Медведев и Путин делают, ага?

— Пока — все. Первые шаги показали уже. То, что поддержали вначале основные банки. Но надо поддерживать и производителей, крупные компании. А у нас есть что строить, куда вкладывать, что возводить. Да мы еще себя не кормим! Надо не упустить перво-наперво аграрный комплекс.

— Я был на заседании правительства. Путин там сказал: сто тринадцать миллиардов выделили на поддержку банковской системы, и оказалось, что это уходит на западные счета.

— Что ты хочешь? Путин не просто сказал, он за это взгрел, наверное? Так и правильно. Если контроля не будет, если деньги, те, что выделяет государство, будут сразу же уходить, это катастрофа. За это надо карать.

— А как карать? У нас же рыночная экономика, свобода предпринимательства.

— Это же государство взяло и дало — для того чтобы поддержать кого надо. При чем здесь рыночные отношения? Ну?

«Но и имея, можно довести до беды»

— У нас были идеальные условия, что цена на нефть подскочила донельзя, а мы этим не воспользовались, чтобы возродить промышленность.

— Знаешь, ты мне напоминаешь Зюганова. А может, ты и есть его агент?

— Не-а...

— Вот Зюганов по стране ездит, он что, разве не видит, какие происходят изменения? Предприятия же новые строятся! Он что, думает, что все это так, само собой идет? Откуда же все-таки и жизнь меняется, и доходы населения, социальные проблемы решаются. Все оттуда же... И ты вот как-то плаваешь. Кризисом, что ли, ушиблен?

— Есть маленько...

— Рановато что-то. А об идеальных условиях... Использовали как могли! Но не худшим образом. Представь себе, что у нас не было бы этого резерва сейчас. Тогда что ж в том плохого? Я когда слышу, что вот это не дали, туда не дали, зачем это сделали... Затем и сделали! И правильно! Беда пришла уже, ее сразу прикрыли.

— В дефолт 98-го цена на нефть опускалась до восьми — десяти долларов за баррель. Сейчас — до пятидесяти. Какой критический уровень может быть, чтобы это ударило по нашей экономике?

— Когда дойдет до такого, как ты говоришь.

— То есть восемь — десять? А что, может быть такое?

— Нет, не может.

— А почему вы так уверены?

— Потому что мы обладаем мощными ресурсами. Я считаю, цена нефти будет в среднем где-то шестьдесят — семьдесят.

— Несмотря на глобальный кризис?

— Несмотря ни на что. Вот в этих пределах. Она может где-то ниже опускаться шестидесяти, а потом она может подняться выше семидесяти. Но в среднем будет держаться в этих пределах. Для нас, для производителей и для экспортеров, нефть — это достаточно неплохо. Сегодня есть возможности не допустить паники. Да ее никто и не допустит при таких возможностях. И в

этом мы отличаемся от многих других государств. В том числе и от Украины. Потому что запас прочности у нас намного выше. Но и имея, неправильно распоряжаясь, можно довести до беды.

Разговор в феврале 2009-го.

«Нельзя резко. Надо потихоньку»

— Виктор Степанович, в ноябре 2008-го вы говорили, что не стоит бояться девальвации рубля...

— На то время так оно и было. Что ты сейчас хочешь?

— Ясности! Одни говорят — надо было сразу рубль опустить.

— Так мы же опускали.

— Нет — резко!

— И резко опускали. Это уже было. Вспомни девяностые годы. Кто там спрашивал кого и чего? Никто ничего не понимал. Зачем же еще?

— А надо потихоньку, что ли? Как другие предлагают.

— Правильно, потихоньку! Нельзя рывком. Не дай Бог рывок будет, у нас этот элемент паники сидит всегда где-то вот тут рядом. Не дай Бог, сразу все кувырком пойдет.

И сегодня правительство говорит об этом. И правильно – надо разъяснять, что да, назвали уже коридор, допустим, сорок — сорок один. Да, мы идем. Ну и хорошо. Идем тихо, тихо, тихо — а потом посмотрим, как доллар будет, как цена на нефть.

На нефть будет меняться, будет меняться сразу и доллар. Чем будет ниже цена на нефть, тем сразу будет доллар подниматься. И ни в коем случае нельзя проявлять эмоциональность в этих делах. Боже упаси. Настало время, которое нужно пережить умеючи. Не транжирить, жить по средствам.

— Ага, вот идем по коридору, идем... Тихо. А когда выйдем-то?

— Совещания постоянно идут с правительством — слушают, ищут...

— Вот в ноябре вы еще говорили о мудрости руководителей... А у нас руководители мудрые?

— Очень. (Смеется.) Ты каких имеешь в виду?

— А вы каких? Вы кому чаще звоните — Путину или Медведеву?

— К кому есть вопросы. Я же от нечего делать не буду звонить. Я же знаю, что это такое.

— Вы их раньше на «вы» не называли, ведь так?

— Давай следующий вопрос.

— Меня замучили вопросом: узнай у Виктора Степановича, почему он так похудел?

— Сейчас, по-моему, все худеют.

— Кризис?

— Мода.

— Со здоровьем все в порядке?

— Ты же видишь. Постучи по дереву.

(Корреспондент «КП» пристально смотрит на Черномырдина и стучит по крышке посольского стола.)

— У вас какая-то методика — голодание или что?

— Нет. Меру надо знать просто.

— Меньше есть, что ли?

— Да, конечно. Умеренное, правильное питание плюс хорошая физзарядка. Определить себе меру!..

— Говорят, что Вяхирев, бывший шеф Газпрома, сейчас занимается технологией продления молодости.

— Да что ты? Впервые слышу. Я на днях с ним встречался — по нему не видно, чтоб омолаживался.

— Дерипаска вроде деньги на это откладывает...

— Я не знаю, куда и чего откладывает Дерипаска... Ко мне тоже подходит как-то один. «Можно, — говорит, — мы вам таблетки бесплатно привезем — омолаживающие...»

— А вы не стали такие таблетки глотать, да?

— Нет. А вы-то в «Комсомолке» пользуетесь?

— Те, что есть, — это так, туфта.

— Все-таки что-то продают уже?

— Продают. Но омоложения нет. Может, уже и ветеранов Газпрома разводят?

— Только не Вяхирева. Он сидит там у себя в Шишкином лесу — коз развел, коров, свинарник... Он никогда не был склонен к этим колдунам.

— Может, съездить к нему?

— Ну съезди.

— А если он меня не примет?

— И правильно сделает. Пошлет еще, он умеет. Не так, как я, конечно. Но умеет. Он тоже со мной работал. Научился.

— Я по-правдашнему спрашиваю.

— А я по-правдашнему и отвечаю...

«Комсомольская правда», 24 ноября 2008 г., 9 февраля 2009 г.

РЕЦЕПТ

Пельмени по-черномырдински

Для приготовления фарша в равных пропорциях смешать пропущенные через мясорубку говядину, свинину, по вкусу добавить мелко нарезанный лук, черный молотый перец, соль.

Тесто приготовляется следующим образом: налить в кастрюлю два стакана сырой воды, туда же — три сырых яйца, все это подсолить, тщательно перемешать и, добавляя муку, месить до тех пор, пока тесто не станет упругим.

Затем раскатать его на колбаски диаметром два сантиметра, порезать на ровные кусочки и раскатать тонкими лепешками. Пельмень должен быть величиной с маленький чебурек!

После этого налить в кастрюлю воды, положить туда половинку луковицы, черный горошковый перец, соли по вкусу, довести воду до кипения и опустить пельмени. Когда они вздуются и всплывут, можно подавать на стол.

Приятного аппетита!

9. «Секс — это тоже форма движения»

Есть у меня одно «интервью», которого... не было. В апреле 2003-го, когда автор бессмертных выражений и крылатых слов нашей эпохи готовился к своему 65-летию, я решил отойти от «традиций жанра»: свои вопросы адресовал не самому ЧВС, а его богатому «литературному наследию».

Я надеялся, что мой герой, наделенный недюжинным чувством юмора, не обидится на меня за такую вольность. Сам же любит повторять: «Что сказано — то сказано!» К тому же каждое черномырдинское «лыко» легло в строку... Это «интервью» было напечатано в «Комсомольской правде» 8 апреля 2003-го. Правда, со временем я, точнее, сам Виктор Степанович обогатил его новыми «черномырдинками»...

«К русскому языку у меня вопросов нет»

— ...Никак еще не могу это для себя понять. Где я? Куда я попал?

— На страницы «Комсомолки», Викстепаныч.

— Чо ты хочешь?

— Спросить. Что вообще происходит?

— Я далек от мысли. Я же не с луны свалился и не с кафедры марксизма-ленинизма. Мы продолжаем то, что уже много наделали. Важнейший итог Петровских реформ — создание благоприятных условий для западных деловых людей. Где-то мы нахомутали. Впервые за многие годы отмечено сокращение сброса поголовья скота. Мы всегда можем уметь. Россия со временем должна стать еврочленом. Нам никто не мешает перевыполнять наши законы. Пусть это будет естественный отбор, но ускоренно и заботливо направляемый.

Я проще хочу сказать, чтобы всем было проще и понять, что мы ведь ничего нового не изобретаем. Мы свою страну формулируем. Я чувствую, сегодня какое-то такое витает в воздухе: там кто кому, кто чего...

— Говорят, кризис — глобальный и экономический.

— Отродясь такого не бывало, и опять то же самое. Корячимся, как негры... Мы сегодня на таком этапе экономических реформ, что их не очень видно. На ноги встанем, на другое ляжем. Вообще-то успехов немного. Но главное — есть правительство. Правительство обвиняют в монетаризме. Признаю — грешны, занимаемся. Но плохо. Кто говорит, что правительство

сидит на мешке с деньгами? Мы мужики и знаем, на чем сидим. Изменений, чтоб дух захватывало, не будет. Иначе чтобы кому-то что-то дать, нужно будет у другого взять или отобрать.

— Вы так считаете?

— Мы с вами так будем жить, что наши дети и внуки завидовать станут. Абсолютно, и не только я, считаю, но я хочу продолжить дальше, чтоб понимать... Надо же думать, что понимать... У меня к русскому языку вопросов нет. На любом языке я умею говорить со всеми, но этим инструментом я стараюсь не пользоваться. Мы выполнили все пункты от «А» до «Б»... Чем мы провинились перед Богом, Аллахом и другими?

— Может, надо было провести деприватизацию и раздать деньги народу?

— В нашей жизни не очень просто определить, где найдешь, а где потеряешь. На каком-то этапе потеряешь, а зато завтра приобретешь, и как следует! Принципы, которые были принципиальны, были непринципиальны. Мы надеемся, что у нас не будет запоров на границе. С налоговым сюрриализмом надо кончать. А кто пытается нам мешать, о них мы знаем в лицо. Правда, там не назовешь это лицом.

— Как России не вляпаться в еще больший звездец?

— Не надо умолять свою роль и свою значимость. Это не значит, что нужно раздуваться здесь и, как говорят, тут махать, размахивать кое-чем.... Сегодня идет напряженная работа в кабинетах.

Некоторые предлагают пойти на какие-то там хотелки, как говорят, я извиняюсь, кто-то хочет больше... Ну, здесь так не бывает... Кто бы нас сегодня ни провоцировал, кто бы ни подкидывал какие-то там... — не будет никаких. Никаких не будет даже поползновений. Наоборот, вся работа будет строиться для того, чтобы уничтожить то, что накопили за многие годы...

Ввяжемся в драку — провалим следующие да и будущие годы. Кому это нужно? У кого руки чешутся? У кого чешутся — чешите в другом месте.

О властных (и не только) органах

— Викстепаныч, что быстрее рухнет — доллар, евро или рубль?

— Произносить слова мы научились. Теперь научиться бы считать деньги... Много денег у народа в чулках или носках. Я не знаю где — зависит от количества... Я бы не стал ставить эти вопросы так перпендикулярно.

— А если положить их горизонтально?

— Тут у многих, между прочим. Лежит. Ну и пусть лежит... Ну, значит, он тебе не нужен, ну если нет нужды его использовать. Вот у тебя лежит?

— Не всегда!

— Вечно у нас в России стоит не то, что нужно!.. Говорят, наш спутник без дела висит. У нас много чего висит без дела, а должно работать!

— Куда смотрит правительство?

— Правительство — это не тот орган, где, как говорят, можно одним только языком... Правительство поддержать надо, а мы ему по рукам. По рукам, все по рукам. Еще норовим не только по рукам, но еще куда-то. Как говорил Чехов.

— На что же теперь вся надега?

— Естественные монополии — хребет российской экономики, и этот хребет мы будем беречь как зеницу ока... Нельзя думать и не надо даже думать о том, что настанет время, когда будет легче... Учителя и врачи хотят есть практически каждый день!.. Ни то не сделали, ни эту не удовлетворили, ни ту... Надо контролировать, кому давать, а кому не давать. Почему мы вдруг решили, что каждый может иметь?

— Где же выход? Или хотя бы вход?

— Надо всем лечь на это и получить то, что мы должны иметь... Секс — это тоже форма движения... У нас какой-то, где-то мы чего-то там, сзади все чего-то побаиваемся.

— А вы сами-то как насчет этого самого?

— Я далек от мысли... Я не сторонник сегодня влезать с распростертыми объятиями... Красивых женщин я успеваю только заметить. И ничего больше... Здесь вам не тут... Я не тот человек, который живет удовлетворениями. Для меня день прожитый — это уже история... Но пенсионную реформу делать будем. Там есть где разгуляться.

«Я всегда работал первым лицом»

— А как вам курс Президента России?

— Курс у нас один — правильный.

— Вы так уверены?

— Я нигде и никогда, по сути дела, не ошибался.

— А говорят, ветви власти легли под Кремль.

— А у нас что, Конституция — «стоячая», «сидячая» или «лежачая»? А то, что Кремль пытаются за всякие случаи дергать — мол, подминает... Да он еще никого не подмял!

— А вот журналисты некоторые кручинятся: мол, Кремль давит.

— Давно надо и больше... Вас хоть на попа ставь или в другую позицию — все равно толку нет... Второй канал государственный стопроцентно, но иногда такое выдает, что хоть глаза не открывай. Тяжеловато смотреть, тошнит порой, но смотришь, куда деваться... Я же вижу по глазам: вас же тошнит...

Вы думаете, что мне далеко просто? Мне далеко не просто... Меня всю жизнь хотят задвинуть. Все пытаются... Задвигал, только таких еще нет... Я с молодых лет... всегда работал первым лицом. Кто мне чего подскажет, тому и сделаю. Моя специальность и жизнь проходили в атмосфере нефти и газа... Да и я вон в своем седле — только ветер в ушах... Я тоже нес большую нагрузку. У меня даже голос сел. А я ведь даже вчера не пил и другого ничего не делал. Я бы это с удовольствием сделал...

— До сих пор ходят легенды о пяти миллиардах долларов, которые вы якобы умыкнули...

— Если бы я все назвал, чем я располагаю, да вы бы рыдали здесь!.. Сейчас историки пытаются преподнести, что в тысяча пятьсот каком-то году что-то там было. Да не было ничего! Все это происки!..

— А что будет дальше?

— Куда уж еще дальше? И так уж видно, что министр внутренних дел подключился сегодня к сектору экономическому. Ну а чего здесь больно умного, или там заумного, или захитрого, чтобы не додуматься? Да потому что это идет на грани преступности...

Вот мы там все это буровим, я извиняюсь за это слово, Марксом придуманное, этим фантазером... Я проще хочу сказать, чтобы всем было проще и понять, что мы ведь ничего нового не изобретаем... Мы продолжаем то, что мы уже много наделали... Какую бы общественную организацию мы ни создавали — получается КПСС... Я готов и буду объединяться со всеми... Вся страна будет наблюдать этот балаган... Нельзя, извините за выражение, все время врастопырку.

Когда моя... наша страна в таком состоянии, я буду все делать, я буду все говорить... Кто тебе сказал, что не принимаю? Все принимаю... Если надо выпить водочки, выпью. И спою... Да ладно... А все те вопросы, которые были поставлены, мы их все соберем в одно место.

— Складно вы говорите...

— Ну, Черномырдин говорил не всегда так складно. Ну и что? Зато доходчиво. Сказал — и сразу все понимают. Ну, это мой, может быть, стиль. Может, я не хочу сказать, что самый

правильный, но очень понятный и доходчивый. И кто тут меня может заменить? Убью сразу... Извините. В харизме надо родиться!

II. Павел Бородин «В ГАБАРИТЫ ВОРА НИКАК НЕ ВПИСЫВАЮСЬ»

«Бери шайку. У нас будет три ходки»

— Чем-чем, ты говоришь, обшита изнутри парная Черномырдина? — ревниво спросил у меня Бородин, когда прочитал в «Комсомолке» о том, как я ходил с послом в баню.

— Кажется, липой, — растерялся я.

— То-то же! — с гордостью изрек Пал Палыч. — А у меня — апашем. Я же Паша! (Кстати, позже, когда он мне рассказывал о том, как Путин и Лукашенко ходили в баню под Минском, — в красках расписывал, что парная белорусского президента изнутри оформлена специальным материалом, который называется аВова и аСаша. — А.Г.) Эти доски из Африки, накаляются докрасна, но не горят. Приходи, не пожалеешь!

Ну, я и согласился...

И буквально с банного порога понял, почему его парную в Кремле называют «африканской».

Но еще ужаснее были пышущие жаром (видимо, привезенные из Сахары) каменюки над печкой. Госсекретарь Союза России и Белоруссии плеснул на них из ковша — брызги испарялись прямо на лету. Я глянул на термометр: он показывал сто десять градусов.

— Бери шайку, — приказал Бородин. — У нас с тобой в парилку будет три ходки...

ХОДКА ПЕРВАЯ

«Они боялись, что стану наследником Ельцина»

— Пал Палыч, мы тут паримся, а в предбаннике по телику опять про Бородина — мол, миллионы прячете за границей....

— Есть такая байка — приходят татаро-монголы к Кремлю и говорят: «Нас — орда!» А русский мужик с Кремлевской стены отвечает: «А нас — рать!» Я тоже говорю, когда такое появляется: «Нас — рать!» Ну вот я такой. Другим журналистам достались хорошие герои, а Гамову — я...

...А познакомился я с этим своим «нехорошим» героем еще тогда, когда он был управляющим делами Президента России. Именно под присмотром Бородина реконструировали Кремль, в том числе и резиденцию главы государства, что в Первом корпусе.

В один из майских дней 1998-го информагентства сообщили: Борис Ельцин решил упразднить свое управление делами. Фактически речь шла об отставке Бородина. О чем я и написал в своем материале «Последний анекдот кремлевского завхоза».

А Ельцин на вертолете как раз возвращался из Завидова. Прочитал мою заметку... И ахнул. Со словами: «Я такой бумаги не подписывал!» Б.Н. тут же попросил соединить его с Бородиным. Якобы из уст президента прозвучала и такая фраза: «Я скорее поувольняю тех, кто задумал расформировать управление делами!»

Но тучи над Пал Палычем продолжали сгущаться, в марте1999-го у него даже начались обыски. А тогда в Москву как раз приехала генпрокурор Швейцарии Карла дель Понте, которая якобы привезла компромат на окружение Ельцина, и, в частности, на Бородина. А в прессе прошла информация, что фирма «Мабетекс», которая участвовала в реконструкции Первого корпуса, сэкономила на кремлевских подрядах 600 миллионов долларов и что будто бы часть этой суммы израсходована на поддержку албанских сепаратистов в Косове.

Я приехал к Бородину, осторожно напомнил ему об этом.

— Это чушь собачья! — отрубил Пал Палыч.

— И все же, — не отставал я, — звучат прозрачные намеки на то, что вы, извините, брали взятки.

— Для того чтобы брать взятки, надо, чтобы кто-нибудь их давал, — рассмеялся Бородин.

— Если вы такой честный, — сказал я ему, — можно тогда

заглянуть в ваш сейф?

— Да ради бога!

В сейф я, конечно, заглянул. Он был пуст. На пыльной полке лежали лишь два доллара...

— Забирай их себе, — сказал Бородин.

Что я и сделал...

Когда я убегал тогда от Пал Палыча, он бросил мне вдогонку знаменитую фразу Кирпича из фильма «Место встречи изменить нельзя»:

— Коселек, коселек... Какой коселек?!

А в январе 2001-го в биографии моего «нехорошего» героя неожиданно открылась новая страница. Он поехал (по приглашению!) в США на инаугурацию президента Буша-младшего, где был задержан сотрудниками ФБР по требованию Швейцарии (по так называемому делу «Мабетекс») и посажен в Бруклинскую тюрьму.

7 апреля того же года Бородина экстрадировали в Швейцарию, в том же месяце освободили из тюрьмы под залог в 2,9 миллиона долларов.

Впрочем, вернемся снова в баню...

— ...Пал Палыч, а откуда вообще этот образ «Бородина-вора»?

— В Генпрокуратуре считали, что мы все в Кремле разворовали. Если бы, упаси господи, я действительно где-то стянул доску или кирпич — обязательно бы принес в Кремль, на нашу стройку.

— Но все же — не бывает же дыму без огня...

— Понимаешь, какая-то с... Это дело ... мать. Да если бы что-то нашли, да разве б они меня тогда оттуда выпустили? Они получили большие деньги, чтобы мне башку свернуть. Все боялись, что я тайную штуку буду там делать.

— Кто? Американцы?

— Нет, те, что в России хотели быть наследниками.

— Ельцинскими?

— Ну да... Они все боялись, что таким наследником мог я стать. Но я не мог, потому что я такого даже... Я такой мысли не мог себе представить.

— Это могло, да?

— Да...

«Заяц заплакал, и я заплакал»

— А при чем же тогда американцы?

— Они мне потом: «Вы кого хотите, Пал Палыч, заказать?»

Американцы. Я говорю: «В каком смысле?» Они: «Из остальных». Я говорю: «А я сколько стою?» Они говорят: «Ну, вы сто миллионов».

— Рублей?

— Долларов! Вот именно! А торговля начинается с трех — пяти миллионов.

— Как понять?

— А так, что посадить можно любого. Плати только деньги — ЦРУ, ФБР.

— Серьезно?

— Конечно.

— А почему они у вас спрашивали?

— А?

— Почему они — у вас?

— Только — между нами. Они считали, я начну говорить, кого-то сдавать... А я шестилеткой в городе Кызыле вагонетки с кирпичом толкал. А потом мешки таскал — у меня вот здесь, на спине, до тридцати лет рубец был от этого. Всю жизнь поднимаюсь наверх работой, а не сплетнями. Однажды в Якутии я на охоте подстрелил зайца. Заяц заплакал, и я заплакал. С тех пор ружья в руки не беру.

— Вы такой жалостливый...

— Чего?

— Жалостливый, говорю.

— Да, вот я такой... И человеку не могу сделать плохо — обидеть, посадить в тюрьму или заказать. Вот помочь инвалиду, бабушке у церкви, детям, что в подъездах живут, — это да. Помогаю сотням тысяч обездоленных, вместе с супругой и другими порядочными людьми с 1991 года два семейных детдома держим, сто двадцать детей.

И веру в Бога я так принимаю — необязательно ходить в церковь каждый день, хотя я каждый день молюсь... А поскольку я — никогда никого, у меня это даже в мыслях нет, их слегка потрясла моя порядочность.

— Американцев?

— Их. Не вас. И они с тех пор ко мне все время ездят, спрашивают.

— Поэтому они вас отпустили?

— Конечно.

— Может, вы — американский шпион?

— А разве по лицу не видно? Тебя тоже могу завербовать.

— Но если вы такой невиноватый, чего они вас все время дергают и заводят...

— Старую шарманку? Они просто потрухивают...

— Вас, в натуре, в напряге, что ли, держат?

— Ну да. А вдруг что всплывет? Но не всплывет! Ну никак я в габариты вора и взяточника не вписываюсь.

— А где ж тогда деньги берете?

— Я напрягаю всех — и банкиров, и бизнесменов... Но напрягаю не под себя, а чтобы они помогали другим, которым сегодня тяжело.

— Что же тогда они, гады, на Бородина бочку катят? Тут украл, там украл...

— Где там?

— Ну, я так. Образно.

— А-а-а... Ну тогда ладно. Пошли отдохнем, что ли? Выпьем по махонькой. А то ты совсем запарил Пал Палыча своими вопросами...

«Меня пытались завербовать ЦРУ, ФБР и Госдеп»

...Мы вышли из парилки. И тут Бородин заметил, что татуировка на левом плече корреспондента «Комсомолки» — леопард с разинутой пастью — не смывается.

— Настоящая, что ли?

— А то! — гордо ответил я.

— Так ты тоже, значит, сидел? — обрадовался Пал Палыч.

— Ну да. В лагере — военно-спортивном, для трудновоспитуемых подростков.

— Свой, значит...

Бородин распечатал бутылку водки, разлил по стопкам.

— ...Ну, тогда давай еще поговорим.

— Пал Палыч, но вот что стало с той суммой, которую дали за вас в залог, когда вас в 2001-м держали сначала в американской, потом в швейцарской тюрьме?

— Ее вернули всю, конечно. Так они у меня были пять раз здесь, уговаривали, чтобы я подписал соглашение.

— А вы с тех пор были в Америке?

— В Америке я уже потом был целых семь дней — у меня есть многократная дипломатическая виза в США.

— В тюрьму, где вы сидели, не заглядывали?

— Не-е-ет... Постоял немного снаружи, посмотрел — и все. А внутрь — нет, не заходил.

— Что, неприятные воспоминания?

— Ну почему же...

— Всем показывают тюрьму, где вы сидели...

— Так сейчас и якуты знакомые были там, смотрели. Миша

был там.

— Какой? Саакашвили?

— Нет, с Архангельского, ты его не знаешь.

— А-а...

— И он и говорит — ну кто знал про эту тюрьму, пока в ней Бородин не оказался?

— А еще поедете в Америку?

— Нет пока. Как украду денег — шутка! — так снова и поеду.

— Вроде комиссионные там взяли с залога... Нет?

— Все вернули без вопросов.

— Там триста миллионов было?

— Да не-е-ет, три миллиона было. Все вернули. Без всяких проблем. Так вот, они — те, заграничные, что собирали на меня компромат, — ко мне приезжали пять раз, меня уговаривали. Они говорят — господин Бородин, вашей-то фамилии нет в наших списках, но другие фамилии есть, а вы такой чистый и честный!

— Черномырдина, надеюсь, в тех списках нет?

— Да нет, нет...

— Я что-то не пойму — политики, которые прикармливаются на Западе, — они действительно болеют за свои страны или у них личный интерес?

— Тогда можно было поступить на работу в Госдеп. У многих хватает ума поступить в Госдеп — у Ющенко, у Саакашвили. Я не поступил на работу в Госдеп, а надо было бы. Шутка.

— Как это оформляется-то?

— Гарантия пожизненная — кто работает в Госдепе, его не трогают, ни его счета, ни его деньги... Потому что американцы порядочные все люди...

— Это что, тоже шутка? Это называется вербовка на самом деле.

— Да, да. Ну а за меня заплатили большие деньги. Когда я им сказал — со мной разговаривал замдиректора ЦРУ и первый замруководителя ФБР — а чего у вас есть-то?

— А много народу завербовалось?

— Ну достаточно много.

— А почему не взять да и на Лубянку не сдать всех?

— Не знаю. А вот вы напишите... Я спрашиваю одного товарища депутата: «Шура, ты книжку написал... Я понимаю, что писал не ты, а тебе дали все материалы с площади Дзержинского. То есть ты написал правду. Почему тогда не сажают тех, на кого ты написал? Если ты написал неправду, почему тогда не сажают тебя?» Тоже непонятно...

— Давайте перекурим теперь.

— Ты давай посмоли, а я так постою. После отсидки я бросил

курить.

Разговор в курилке

— ...Пал Палыч, вы сказали, что встречались с замдиректора ЦРУ...

— Она была зам. госсекретаря США — Тоби Гати.

— И что она предлагала?

— Они меня просто проверяли в 1997 году. Два раза смотрели в Милане, два раза в Лондоне. Тогда я сказал: ребята, а что у вас есть? У нас-то все есть. На том и сгорел.

— Вы их обидели?

— Очень. Сказал, что мы — мощнейшая держава, у нас есть все. И природные ресурсы, и территории, и головы, и наука, и сельхозугодья.

— И поэтому последовал ваш арест?

— Может быть, не поэтому. Но в том числе и из-за этого — это точно. И кто готовил мой арест, тоже знаю. И сколько за это заплатили.

— Там, в Америке?

— Нет, мою «командировку в тюрьму» оплачивали отсюда, из Москвы.

— Представляю, сколько у вас врагов...

— Теперь — ни одного!

— Куда же они подевались?

— У нас в Якутии такой обычай — на праздники всех врагов собирают, делают из них шашлыки, пьют кумыс и закусывают врагами. Все нормально!

— А если серьезно?

— А я серьезно. Так что всех своих врагов я давно съел. С луком. Ну, теперь снова пора в парилку...

ХОДКА ВТОРАЯ

«Девушка, у вас трусов нет?»

...Нас обволокло паром. Но прежде чем взять в руки веник, Бородин достал с полки какие-то деревянные бутылочки и стал поливать из них в шайки — мою и свою — и на камни.

— А это что? — спросил я.

— Настойки из эвкалипта и из всяких трав, — объяснил Бородин. — А то после твоих вопросов дух в бане какой-то тяжелый. Ну хватит тебе — все про тюрьму да про тюрьму. Я же — госсекретарь Союзного государства!

— Ну, давайте не про тюрьму... Пал Палыч, но хоть в бане-то признайтесь, что Конституцию Союза России и Белоруссии вы кроите под Кремль...

— У меня такое впечатление, что ты работаешь на «Нью-Йорк таймс».

— Т-с-с! Только — никому. А как вы догадались?

— Две недели назад был такой же, оттуда. И задал такой же вопрос. Кстати, хорошо, что мы в бане. Вот если бы в кабинете, я бы, может, говорил неправду, которая, так сказать, была бы приятна руководству нашему, но не отражала полной истины.

— С этого места поподробнее...

— С одним президентом — Ельциным — я отработал семь лет, с другими — Путиным и Лукашенко — пять. Теперь вот с Медведевым... Скажу тебе по секрету: да они могли бы любую Конституцию написать и принять.

— Серьезно?

— Не только серьезно, а так оно есть на самом деле. Но вот они ведь не принимают под себя эту самую Конституцию!

— Неужели?

— Это я говорил правильные слова, а сейчас скажу неправильные. Ну на кой черт нужно Союзное государство суперсамодостаточной России?

— Да, на кой? А может, ну его, Союз? Может, притормозить?

— Да не шепчи ты! Тут прослушек нет. Зачем тормозить-то?

— Мы ведь только жить начинаем, а повесим белорусов на шею — опять скатимся...

— Я, конечно, все могу... Но пока мы здесь паримся, Союз-то строится, и его уже не притормозишь.

— Чем докажете?

— Цифрами. Вот выйдем из парной, я тебе их покажу.

— А так не помните?

— ТЭК России и Белоруссии интегрирован на девяносто пять процентов, машиностроение — на восемьдесят пять, строительство — на восемьдесят, сельское хозяйство — на шестьдесят пять.

— А может, нашему Союзу единого президента избрать?

— Надо!

— Ну ясно же, кто им станет...

— У тебя получается прямо анекдот. В магазин пришел мужчина: «Девушка, у вас трусов нет?» А она говорит: «Не подсказывайте мне ответ». Кто будет президентом — это народ решит. Заруби на носу. И не парься.

Союз — для людей. Для новых рабочих мест. Украина и Грузия показали: бездельники снесут любого, одним махом! А народу станет потом еще хуже. Вот у нас пятьдесят союзных программ, восемь тысяч предприятий, это триста тысяч человек. И еще триста тысяч белорусов сами устроились в России. А сто тысяч россиян — в Белоруссии.

«Котлеты — в Союзе, мухи — на Украине»

— Помните, Путин, обсуждая как-то с Лукашенко структуру будущего Союза, сказал: «Мухи — отдельно, котлеты — отдельно».

— Ну, говорил...

— Вот вы, как госсекретарь Союза, уже отделили мух от котлет?

— Давным-давно все отделено. Все котлеты остались в нашем Союзе.

— И много было мух? Где они, кстати?

— Мухи все остались на Украине.

— А-а-а! Так поэтому там «оранжевая» революция была?

— А ты как думал? Это я только с виду такой, а так вообще соображаю.

— А как с котлетами?

— Примерно пятнадцатая часть — в Белоруссии, а остальные котлеты в России. Все по справедливости. Хватит на всех... А ты знаешь, где будет столица нашего Союзного государства? В Якутске!

— Это почему же?

— Я там мэром был. Там «тепло». Даже зимой может «потеплеть» с минус пятидесяти двух до минус сорока восьми.

— А чего же тогда Лукашенко так резко насчет России

высказывается? Почему на Запад смотрит?

— Да никто никуда не смотрит и никого никуда уводить не собирается. Я знаю многих мужиков, которые всю жизнь заглядываются на чужих баб, а живут только со своей женой...

— Лукашенко то и дело «гвоздит» каких-то российских чиновников, которые вставляют палки в колеса Союза — прямо готов драники из них сделать. Такая вот ботва... Почему?

— А я почем знаю? Могу тебе одну тайну открыть...

(Госсекретарь старается говорить тихо.)

— ...Путин сказал: мол, если кто-то из чиновников заикнется, что у нас Союзное государство разваливается, то этот чиновник... Как бы это помягче выразиться? Ну, в общем, он будет о-о-очень не прав.

— Это Путин вам сказал?

— Не мне, а там одному... А тот мне передал. Так что...

— А какой строй будет в Союзе — капитализм или социализм?

— Угадай. Вот тебе пример: в Советском Союзе было шестьсот балансов-планов (конкретных — по отраслям и регионам), а в это время в Японии — двенадцать тысяч балансов-планов. Сейчас их там — двадцать шесть тысяч. Кто из нас социалистическая страна?

— Вы хотите сказать...

— Нынешний капитализм — это великолепно развитый социализм. Вот его бы в наш Союз...

«...А все тормозят бандюки»

— Много раз говорили: все, пора вводить в Союзе единую валюту. Годы проходят, а не вводят...

— Знаешь как, пришел муж в роддом, спрашивает жену: «И кто у нас родился?» Она: «Сын». — «На кого похож? На меня?» — «Нет». — «На тебя?» — «Нет». — «А на кого?» — «Ты его не знаешь». Так и здесь.

— И вы тоже не знаете?

— Знаю. Союз тормозят наши российско-белорусские олигархи. Я тут недавно был на юбилее у одного госчиновника — там было семьдесят миллиардеров, которые, когда я был управделами президента, сидели у меня в приемной. А сейчас у всех — собственные яхты, самолеты, виллы в Испании, Италии, Америке. А у меня ничего, кроме трех месяцев тюрьмы — в США и Швейцарии, — нет.

— Ну как же нет?

— Да не в том дело! Почему эти ловкие ребята скупают все за бугром? Потому что там есть нормативно-правовая база: тут стырил, а там на законных основаниях получил все в собственность. Если бы у нас в Союзном государстве была совершенная нормативно-правовая база, то, думаю, многие миллиардеры покупали бы не «Челси», а «Спартак», «Торпедо», ЦСКА, а виллы строили бы под Москвой и Минском.

Вот на разных коллегиях мы решаем головоломку: сколько машин пересекают российско-белорусскую границу в сутки? Один большой начальник сказал: полторы тысячи машин, другой: где-то тысяч восемнадцать. А в Роскосмосе мне показали съемку со спутника: вот, смотри — у нас границу пересекают двадцать восемь тысяч автомобилей в сутки. А контролируются только две дороги.

— А при чем тут дороги?

— Бандюки наши живут в Белоруссии, бандюки белорусские — у нас. А границы нет, и чего хошь перевози — и наркотики, и доллары, и евро. Привез из Китая туфли за доллар, в Москве продал за двадцать долларов. Привез продукты из Белоруссии, продал их в три раза дороже.

— Что за безобразие?

— А у нас же свободное передвижение людей, капиталов...

— И сколько же сегодня составляет теневой торговый оборот Союзного государства?

— Официальный товарооборот между Россией и Белоруссией — двадцать шесть миллиардов долларов. Теневой, я считаю, примерно такой же.

— И как наварили-то столько?

— Ну вот по наркотрафику «хорошие» там «товарищи» есть, которые работают у нас здесь в Подмосковье, а живут в Белоруссии. Которые живут в Полоцке, а зарабатывают здесь...

— А кроме наркотрафика?

— Ну и алмазы там... И продукты питания. Оказывается, завезти сахар в Россию из Бразилии ближе и дешевле, чем из Белоруссии. Это примерно так же, когда я разговаривал с якутской мафией, которая работала в 2000 году в «Алросе». Я говорю: почему вы не покупаете «БелАЗы»? А они: «Ты чего, «БелАЗ» стоит двести тысяч долларов, а японские и американские — полтора миллиона. Ты чего, не соображаешь, какой откат-то? С двухста тысяч и с полутора миллионов?»

Вот я вам предлагаю национальную идею — транспортный коридор... Я вот так собрал бы политбюро наше финансовое и сказал бы — вот Фридман, Авен, Дерипаска... Вот тебе, Потанин, эту даю дорогу, от Смоленска до Москвы, пять рядов туда, пять

обратно. В концессию, на двадцать пять лет.

А вот ты, Дерипаска, делаешь дорогу от Москвы до Екатеринбурга. А вот ты, Фридман, делаешь дорогу от Екатеринбурга до Новосибирска. А ты, Пугачев, делаешь дорогу от Красноярска до Иркутска.

Так и надо делать... Так делали американцы. Мы дадим рабочие места еще двадцати миллионам человек. Мы вернем в Россию всех тех, кто живет сейчас в так называемых бывших республиках СНГ. Почему мы этого не делаем? Непонятно...

Ну что — еще пару ковшиков?

— Ой, хватит!..

«Коль заплатил мне за анекдот семь и три десятых миллиарда долларов»

— Я тебе приведу смешной пример. Только ты на меня не ссылайся, скажи, что тебе рассказали китайцы.

— Ага, скажу.

— У нас официальный товарооборот между Китаем и Россией сорок три миллиарда долларов. А неофициальный — сто двадцать пять миллиардов долларов. Почему не построить там терминал? Почему не построить дорогу, непонятно...

Чтобы попал товар из Юго-Восточной Азии по океану, надо сорок дней. Чтобы попал товар по железной дороге, надо десять — двенадцать дней. Почему мы этого не делаем, почему не строим?

Вот сегодня объем телекоммуникационной сети шестьсот восемьдесят миллиардов долларов годовой. Только трафик через территорию будет нам приносить сегодня двадцать семь каналов через Атлантический океан, семнадцать каналов через Тихий океан, а два канала через Лондон, Владивосток, Токио — два канала — десять — двенадцать миллиардов долларов прибыли только на трафике. Ну и так далее.

— Ого!

— Или взять Англию... Чего такое Англия-то? Вы мне скажите, чего ждет Европа-то? Она войдет в состав Союзного государства России и Белоруссии. Тридцат семь процентов энергоносителей Европа получает из России. Металл весь — из России. Олово, никель, алмазы, золото — все из России. Чего на Западе есть, кроме пива, сосисок и больших задниц?..

— Да?

— У нас есть все и нет ничего — как это понять?.. Я вам расскажу анекдот... Мы встречались пять раз с Колем. Вот ведем

переговоры по кредитам и все время пили с ним. Нет-нет — только кофе! Я говорю, хотите, расскажу анекдот про наши с вами встречи? Он говорит — рассказывайте.

Рассказываю. Вот приходит мужчина к врачу и говорит: «Помогите, пожалуйста. Я прихожу с работы домой вечером, а в моей постели с моей женой чужой мужик. Я хотел ему морду набить, а он мне говорит — ты че, мужик, давай кофе попьем. Мы с ним в понедельник кофе попили, потом также во вторник, в среду, в четверг, в пятницу. И так далее». Доктор спрашивает: «А чем я вам могу помочь-то?» — «Доктор, а вы проверьте, не вредно ли мне кофе на ночь пить?»

(Бородин смеется. Корреспондент «КП» — для приличия — тоже.)

Коль встает, подходит к телефону, вызывает министра финансов. Это было еще в Бонне... Потом возвращается и говорит: «Господин Бородин, вы не успеете доехать из Бонна до Франкфурта, деньги будут в Москве!» Вот так, семь и три десятых миллиарда долларов стоит один анекдот, а ты говоришь, что большим политикам нельзя рассказывать «соленые» анекдоты.

— Ну, уж...

ХОДКА ТРЕТЬЯ

«Все журналисты — сперматозоиды»

— Пал Палыч, пожалуй, еще парку.

— А веничка не хочешь? Саня, извини, но ты после своих дурацких вопросов так просто отсюда не выйдешь. Это не шутка!

Бородин взял веник, сполоснул его в ароматной шайке и начал со всей силой хлестать меня по всем частям моего журналистского тела.

— Я честный журналист! — заорал корреспондент «КП», не на шутку испугавшись.

— Ты, видимо, просто очень честный, — приговаривал Пал Палыч, работая веником. — Честный пятьсот тысяч берет, а ты, наверное, побольше.

— Вообще не беру! — кричал я, уворачиваясь от бородинского веника.

— Да ладно заливать, — госсекретарь Союза, похоже, выдохся — он устало опустился на горячий полок. — Иногда читаю такой бред... Получается, единственное, чем я занимаюсь, — матерными анекдотами. А когда играю в футбол, бью всех по ногам и снова матерюсь. А я, играя в футбольной команде «Ильинка», забил шесть тысяч семьдесят восемь голов за четырнадцать лет. Больше, чем Пеле. Вот такой я!

— Мы свободная пресса! — продолжал митинговать я.

— Ну да. Как в анекдоте. Мужик женщину остановил с прекрасной грудью: «Дайте я вам ее поцелую за сто долларов». Она: «Я милицию позову!» Он: «За пятьсот». Она: «Милицию позову!» Он: «За тысячу!» Она: «Ну пойдем за угол». Он так смотрит: «О-хо-хо...» Она: «Ну целуй и плати «бабки». А он: «Очень дорого просишь».

— Вы что, позвали меня в баню, чтобы пристыдить?

— Я не стыжу — не-ет! Вы же любите правду, я вам ее и говорю. У нас только две профессии, которые могут человека обвинить, ни во что не вникая: прокурор и журналист. Но я прокуроров больше уважаю, они иногда сомневаются. Журналисты — никогда! А еще журналисты мне напоминают сперматозоиды: редко становятся людьми.

— А чего ж вы меня в баню позвали? Накрыли стол с грибками, водочкой...

— Когда в футболе спрашивают: «А судьи кто?» Я отвечаю: «А судьи за сколько?» Я хотел убедиться — ты журналист за

сколько? За грибы или за деньги?

— Грибки ничего...

— Вот напишешь статью, я сразу и пойму, хватит грибов или, так сказать, не хватит? Будь у меня сто двадцать пять миллионов, я бы вас всех купил, и вы бы про меня только хорошо писали.

— А вы заплатите мне за эту статью. Я ее перепишу. Без дурацких вопросов.

— Давай договоримся. (Бородин широко, по-купечески, улыбается.) Сколько?

— М-м-м... А сколько дадите?

— Я могу максимум сто рублей. Или даже сто пятьдесят.

— Не-а, маловато.

— Ах так? Тогда хватит тебе переводить казенный пар...

ПОСЛЕ БАНИ

«Песни кремлевской неволи»

— Ладно, не обижайся, — примирительно сказал Бородин, когда камни в его «африканской» бане остыли, а пар весь вышел. — Я вот что хотел спросить. Говоришь, в лагере для трудновоспитуемых сидел? Наверное, и песни наши лабаешь?

— Ну, лабаю помаленьку.

Пал Палыч принес гитару.

— А ну, слабай что-нибудь. Чтобы душа развернулась...

«Мурка», которую я сыграл и спел, на Бородина не произвела впечатления. Я попытался воспроизвести эту мелодию на зубах — мой номер Бородин встретил задумчиво-прохладно.

Зато бурю восторга у бывшего сидельца Бруклинской тюрьмы вызвал куплет:

Не крести меня, мама, маленьким кресточком,
Нас хранят великие Кресты!
Может, сыну твоему, а может, дочке
Отбивают дробь кремлевские часы...

Пал Палыч даже прослезился и по-пахански обнял меня:

— Шурка, кореш! Если б ты еще и заметки лабал, как поешь, цены б тебе не было!

III. Александр Проханов «Я НЕ БОРЕЦ С КОРРУПЦИЕЙ. Я САМ КОРРУПЦИОНЕР»

«С самого рождения лечу не туда»

Баня «Сандуны». В парилке — сорок девять градусов.

— ...О! — восклицает Проханов. — Так это же наш бывший советский номер, где я парился со своими друзьями в восьмидесятых!

— Теперь буржуйский, что ли?

— А как ты думаешь? Безвкусные женщины. На стенах...

— Я бы не сказал... В «Иронии судьбы» человек после бани по чужому билету сел в самолет и улетел не туда. С нами сейчас не может такое произойти?

— Во-первых, он улетел не туда после того, как они надрались все вдрабадан. А мы с тобой пока трезвые...

Корреспондент «КП» достает из пакета бутылку водки «Комсомолка».

— Хм-м... Во-вторых, я, когда родился, сразу сел не на тот самолет. И до сих пор лечу не туда.

— А как это?

— Не знаю. Странность судьбы. Со мной сейчас должен сидеть, знаешь, кто? Принц Чарльз в смокинге! А ты не должен был здесь взяться!

...С Прохановым действительно не соскучишься.

— Александр Андреевич, сколько вам нужно денег для полного счастья? — спросил я как-то у него, позвонив ему на мобильник.

— Ну, рублей пятьдесят... — отвечает. — Пода-а-йте! Я сейчас в Казани, в кармане — ни копейки. Пойду посижу на паперти. Может, подадут?

Вообще, я ему очень часто звоню. И не только для того, чтобы заполучить от него какие-то комментарии по самым жгучим темам. А бывает, просто настроиться на нужную юморную волну в таком «скучно-серьезном» деле, как политическая журналистика.

— Что бы вы пожелали, — спрашиваю как-то его, — новому президенту США Абаме?

— Чтобы он усугубил американский кризис, — отвечает Проханов, не моргнув глазом, — и чтобы этот кризис добил чертов рыночный уклад, который мешает людям любоваться звездами, верить в Бога, восторгаться прекрасным и вообще жить.

Порой не знаешь — говорит ли он всерьез, шутит или «прикалывается» над тобой. У него нестандартное чувство юмора, особый взгляд на то, что происходит вокруг.

Проханов — не разгаданный пока никем человек-загадка. И вот представился удобный случай, когда мне почти удалось (по

крайней мере, автору самому так кажется) «расколоть» писателя-буревестника. Собственно, именно для этого я и пригласил его в баню...

«Бросался на всех, кто угрожал СССР»

В парилке — пятьдесят три градуса.

— Александр Андреевич, я в детстве зачитывался вашим «Деревом в центре Кабула».

— Да, это мое звездное время, когда я жил среди советских красных звезд! А потом их погасили. Сейчас живу на обратной стороне Луны. Я человек Моря Дождей, лунных кратеров...

Официант приносит меню.

— Так, манты, салат с креветками и манго — берем. Вы же в «Комсомолке» картошку в мундире едите.

— Обижаете...

Проханов разливает водку. Чокаемся.

— Ну а теперь попаримся.

— Александр Андреевич, я за вами давно слежу. Да, у вас странная жизнь...

— Веники, веники хватай! Сейчас похлещемся.

— ...То вы государственник, то боретесь с режимом, как при Горбачеве и Ельцине. То отползаете. А сейчас вы — ярый сторонник Путина. Страна меняется или Проханов?

— Проханова каким задумал Господь Бог, таким он и остается. Я всю жизнь исповедую религию государства. Я всегда бросался на всех, кто угрожал СССР. Когда лидеры становились продажными, врагами собственной страны. А когда наша страна уцелела в жуткие девяностые и начала робко, хрупко, противоречиво рождаться новая русская государственность, я всеми силами стал ей служить.

Для меня Путин не идеал — он не Юлий Цезарь, не Сталин. Но что бы о Путине ни писали западники или наши либералы, он сделал для России главное — сберег государство. Усеченное, лишенное Украины и Белоруссии, Северного Казахстана, но осталось ядро, субъект. За это я очень Путина ценю. Тебе понятно?

— Не совсем. Мне кажется, писатель должен быть в некой оппозиции к власти. Тем более такой, как Проханов.

— Почему?

— Путин говорил, что у нас — хлипкая оппозиция. Может, он надеялся, что хотя бы Проханов ее укрепит...

— А не все писатели в оппозиции к государству стояли. Вот Пушкин — он звал Николая своим цензором, был камер-юнкером, царь его приблизил ко двору. Пушкин написал «Клеветникам России», дал по мордам всем, кто посягал на русский престол, на трон.

— Да... И как же вам Зюганов прощает такое вероотступничество?

— Я никогда не был в церкви Зюганова. Я не был его прихожанином, псаломщиком. Не был в компартии. Я всегда был вольным художником.

— Коммунизм сейчас иссякает, да?

— Коммунизм в России пока исчах.

— И уже не поднимется?

— Поднимется, если мы сейчас еще пару рюмок примем и поднатужимся.

— А вдруг вы просто засланы?

— А я и есть засланный.

— От Зюганова к Путину?

— Стал бы я мелочиться. Я разведчик, я заслан Господом в эту жизнь, чтобы добывать сверхсекретную информацию о человеческом бытии.

— Добыли?

— Да...

Официанты приносят пиво.

«Посылаю Путину телепатические советы»

— И что же ждет Россию?

— Есть такое понятие — «русская синусоида». Это волна, которая то взлетает, то падает. Будущее у России по законам этой синусоиды в ближайшие двадцать — пятьдесят лет будет ослепительным. Она будет подниматься. Ей будут мешать, ее будут подсекать. Но синусоида истории сильнее любых заговоров.

— И даже уход Путина с поста президента эту синусоиду не изменит?

— Даже это.

— Почему именно Медведев стал преемником Путина?

— Если я скажу, что он выбрал его, потому что у него такая фамилия мощная, медвежья, — это будет неправда. Я верю Путину. Думаю, что инстинкт чекиста, политика, государственника и человека позволил ему сделать правильный выбор.

— А Путин вообще молодец, что не стал нарушать Конституцию?

— Он должен был остаться на третий срок, не нарушая Конституцию. Были механизмы.

— Он же там как раб на галерах — сам сказал нам на пресс-конференции.

— Работа премьера в условиях мирового экономического и политического кризиса — страшнее, чем на галерах. Это просто как в урановых рудниках.

— Он долго проработает премьером?

— Я ему советую проработать четыре года. Но он не все мои советы выполняет.

— А какие-то выполнил?

— Я посылаю ему их телепатически.

— Как вы узнаете, что он их получил?

— Так ведь они выполняются! Я поручил ему разгромить террористическое сопротивление на Северном Кавказе — он выполнил мой завет. Я поручил поднять старые, но еще летающие русские крепости и направить их к берегам Британии — он и это сделал.

— А как вам будущий Путин? Вы согласны с его программой до 2020 года?

— Ты политолог, что ли? Ты пришел сюда париться или мучить меня дурацкими вопросами? И то и другое?

— Да.

— Я не знаю. Я выпил водки, и на душе у меня сейчас

хорошо.

— Тогда, может, снова попаримся?

— Можно.

Он начал хлестать меня вениками — сразу двумя, приговаривая:

— А теперь, господин журналист, я буду вбивать в тебя патриотизм.

— Только душу русскую не выбейте! — орал я.

И тут я вспомнил, как однажды Проханов сам позвонил мне в редакцию:

— Хочешь сенсацию? Ее еще ни у кого нет! В новом фильме про Джеймса Бонда «Казино Рояль» (картина вышла на экраны осенью 2006-го. — А.Г.) зашифровано послание человечеству. И в недрах этого послания стоит герой, которого сыграл Дэниел Крэйг и который абсолютно похож на Путина, — тоже разведчик. Это ошеломляюще!

— Александр Андреевич, вы шутите?

— Какие уж тут шутки! Там группа людей, которые играют в карты за зеленым столом. Там японец, американец... — их можно интерпретировать как «большую восьмерку», мировое сообщество. Бонду-Путину противостоит банкир-мафиози Ле Шиффр.

— Березовский, что ли?

— Нет, это олицетворение мирового зла. Но Владимир Владимирович выигрывает у него огромные средства. То есть наносит удар по всей нынешней концепции устройства мира, по всей этой экономике, которая тащит человечество в пропасть.

— Ага, значит, еще одного дефолта в России не будет...

— И заметьте, Бонд теряет любимую женщину. А женщина может быть кем угодно — стихией, природой, Россией. Она гибнет в страшной катастрофе, когда случается потоп. Это удивительным образом рифмуется с недавним заявлением директора ФСБ Николая Патрушева (сейчас он секретарь Совета безопасности России. — А.Г.), который говорил, что могут быть взрывы на гидроузлах.

— Ах, вон оно что!

— Ну наконец-то дошло! Ситуация такова, что он не может уйти на покой. Потому что наш Путин — или там Владимир Владимирович Бонд — в итоге возвращается вот в эту игру, в этот страшный пасьянс мира, чтобы этот мир спасти.

— Значит, это Кремль раскошелился на сто миллионов долларов, чтобы снять фильм про Бонда-Путина?

— В Кремле лишних денег для этого нет.

— Тогда, выходит, режиссер Мартин Кэмпбелл — наш идейный бескорыстный агент? Я догадался — это кремлевская

агитка: «Джеймса Владимировича Путина — на третий срок»!

— Либо на третий, либо уйдет, но станет человеком мира.

— Генсеком ООН, что ли?

— Трудно сказать... У него будет не чиновничья должность.

— Неужели он станет... Президентом Мира?

— Скорее это будет оружие...

— Путин?

— Ну да. Оружие человечества...

После разговора с Прохановым я положил рядом два фото — Джеймса Путина и Владимира Бонда: а ведь действительно похожи. Оба — худощавые блондины. И овал лица...

«Хотя нет, — подумал я, — оружие у них разное».

Об империи и бабочках

В парилке — шестьдесят градусов.

— Александр Андреевич, в 2020-м у нас будет империя?

— Россия и сейчас уже империя.

— Какая же это империя, ее же Запад со всех сторон окружил?

— У империи всегда есть враги — на Юге, на Востоке, на Западе.

— Много?

— И не счесть! И это нормально. У всех крупных государств враги непрерывные. А у России вообще во все века. Русские же чем дразнят мир? Русской альтернативой. Мы не хотим жить по канонам мира. Мы всегда живем таинственным, запредельным. И это им не нравится все. Поэтому они хотят отнять у нас нашу веру, нашу Сандуновскую баню, нашу «Комсомольскую правду», хотят стереть нас с лица земли.

— Не дождутся! И выход какой, чтобы не дать им?

— Выходов нет. Кроме самого примитивного — надо немедленно запускать развитие. Надо эти деньги, которые скопили, не отдавать американцам, не платить им дань нашим Стабфондом, а создавать новые заводы, технологии, самолеты, машины...

Второе — необходим смысл. Русскому народу вдалбливали в башку идиотические представления о себе самом и о мире. Когда русского человека лишают смысла, он становится мерзавцем, гнилью, пьяницей, наркоманом. Надо вернуть России ощущение ее мечты, ее мессианства, ее незыблемой победы.

— Ага! Один наш профессор бабочку поймал на Мадагаскаре, его раз — и в кутузку! Или вон пираты корабль наш захватили, и мы никак им помочь не можем. Какая же мы империя?

— Мы — робкое начало империи. В советское время у нас была пятая эскадра в Северном море, которая противодействовали Шестому американскому флоту. Вот когда наши корабли будут патрулировать Индийский океан, Атлантический, когда наши самолеты будут летать над Великобританией, пираты наши суда не тронут.

— И нашего профессора с бабочкой?

— Слушай — наоборот! Представляешь, он ловит бабочек, и весь Мадагаскар будет бежать, загонять их ему в сачок. Потому что он — профессор великой Российской империи! Ладно, айда опять попаримся...

В парилке — шестьдесят пять градусов.

— Не кажется ли вам, что расчленение Югославии — это испытательный полигон для США? Они просто репетируют, как развалить Россию дальше.

— По существу нас и развалили, как Югославию. Наша родина-то не Россия, а СССР. И задача расчленить эту, оставшуюся, усеченную Россию не снята. Нас могли расчленить в период двух чеченских войн. И еще вот это — глотайте суверенитета, сколько можете — создало центры распада и в Татарстане, и в Якутии, везде... Но Россия сумела — мучительно, страшно — преодолеть эту угрозу. Россия извлекла урок из распада Югославии. Извлечет его и из расчленения Сербии.

— А какой?

— Американская политика — это политика хаотизации мира, разрушения балансов, крупных субъектов, госструктур. Это агрессия в Ираке, которая породила гигантский хаос на Ближнем Востоке. Это удар по Сербии, который породил хаос на Балканах. Им нравится хаос, они умеют с ним работать. Мы не умеем, потому что он усложняет русскую политику...

— Давайте плеснем водички на булыжники!

— Не надо! И так уже жарко. Уф, запарился...

...Пока мой герой отдыхал в предбаннике, я вспоминал еще одно событие из его биографии, которое, я считаю, было беспрецедентным. В ноябре 2006-го Проханов взял да и допросил своего классового врага — Чубайса. И выдал по этому поводу целый аншлаг в газете «Завтра». Вот небольшой отрывок...

А. Проханов:

— Анатолий Борисович, я бы хотел начать с благодарности за посещение Бурейской ГЭС. Я был восхищен стройкой, этой энергетической мегамашиной, людьми, которые в ней задействованы... Похожие впечатления возникли у меня, когда несколько лет назад я побывал в нефтяной «империи» ЮКОСа... В этой «олигархической» вотчине шло цветение, хотя вся остальная страна была в лебеде, в ржавых скелетах, в горе. Не стану анализировать, отчего цветение одних обернулось горем других. Меня волнует не прошлое, а будущее.

Очень важным было ваше заявление... о либеральной империи. Ваш имперский проект был первым внятным откликом на общественное ожидание «имперского», когда страна, которая еще недавно ощущала себя великой Красной Империей и была опрокинута в хаос, вдруг опять страшно захотела в Империю...

А. Чубайс:

— ...Нужно быть более цепкими, более агрессивными, последовательными. И еще одна составляющая либеральной империи — активная поддержка свободы, прав человека.

Либеральная империя должна не на штыках держаться, а на привлекательности России, на образе нашей страны, нашего государства как источника справедливости, защиты... В моем понимании Россия станет либеральной империей тогда, когда в соседних странах люди будут уверены: мы хотим, чтобы они были свободны.

— Александр Андреевич! — спросил я тогда у Проханова. — Ну как же это вы, видный патриот, сподобились на встречу с «продавцом Родины» и «губителем народных душ»?

— Я же не член какой-то партячейки, а писатель, художник. Встреча с Чубайсом — уникальный способ войти в контакт с целым явлением. Это мне дало огромное ощущение его либеральной личности.

— Ну и что?

— А то, что интервью-то не комплиментарное, я ставил жесточайшие вопросы. Я не Родину Чубайсу продавал, я Анатолия Борисыча вербовал!

— А он — вас.

— Ага. Но еще неизвестно, кто кого перевербовал.

— Судя по вашей беседе, он всерьез собрался строить в России империю. Но захочет ли народ жить в империи, построенной Чубайсом?

— А была бы империя — там найдется место всем, даже врагам.

«Чем скорее рухнут цены на нефть, тем лучше»

В парилке — шестьдесят семь градусов.

— ...А то вот взять коррупцию... Александр Андреевич, с ней же надо что-то делать!

Официант приносит горячие, дымящиеся манты.

— Конечно, надо. Но почему ты и об этом у меня спрашиваешь? Я же не борец с коррупцией. Я сам коррупционер. Получаю взятки. Когда еду, меня гаишник обязательно остановит и сунет деньги.

— Он — вам? Зачем?

— Чтобы не связываться со мной. Откупается от меня.

— И много дают?

— По-разному. В провинции меньше, в Москве, особенно на Кутузовском, больше. А вот какой-нибудь олигарх — тот уже земельными угодьями, наделами откупается.

— А олигарху-то какой смысл от Проханова откупаться?

— Подумай. Знаешь, какая у меня кличка среди олигархов? Проханов — смерть олигархов! Если я в Англии, то, чтобы я быстренько оттуда вон — дают чемоданчик. Только бы подальше. А как въезжаю в район Жуковки на Рублевку, уже и там меня встречают с чемоданом.

— А откуда коррупционеры в Жуковке?

— Ты прав, там их нет. Но там есть просто осторожные люди. Они думают, что я в них могу усмотреть коррупционеров. Они какие-то напуганные. Я въезжаю в Жуковку — они сразу мне суют кейс с откупным. Я коррумпированный человек.

— Ага, значит, жизнь налаживается...

— А как же! Вдвое увеличилось число миллиардеров. Это огромная победа русского народа! Я горжусь страной, которая каждый год удваивает число миллиардеров. Это никому не под силу.

— Вас пугает разрыв между бедными и богатыми?

— Ничего меня не пугает. Мы стали гораздо лучше жить, особенно в Рублевско-Успенском треугольнике. А то, что русская деревня сдохла, что заводы и дороги ни хрена не строят... Главное, чтобы на Рублевке все было мощно, красиво.

— Выходит, с вами, коррупционерами, бесполезно бороться?

— Как тебе сказать?.. Тонкие политики всегда умудряются найти противоречия внутри кланов. И в клане коррупционеров тоже противоречия. Между мною, например, и коррупционерами,

скажем, нефтедобывающего комплекса есть противоречия. И можно меня на них натравить. И я разрушу их коррупционную империю. Так что борьба с коррупцией возможна только натравливанием одного коррупционного клана на другой. Как и делали в свое время настоящие политики.

— Ответьте, как коррупционер: что будет, если цены на нефть рухнут?

— Чем скорее, тем лучше.

— Ну вы даете!

— Высокие цены на нефть повышают цены на бензоколонках, в магазинах... Если бы цены на нефть давали нам льготы какие-то, а они же не дают. А нефтедоллары, которые мы получаем, разве находятся у тебя в кармане? Они — в американском кармане, они питают ту цивилизацию. И чем скорее они упадут, тем лучше. Ну что, еще по рюмочке и с баней заканчиваем? Да и парная стала остывать...

В парилке — сорок семь градусов.

«Я духовный племянник русской литературы»

— Вот русская душа — что это?

— Душа народа? Он до смерти работает и до полусмерти пьет, как сказал Некрасов. На самом деле русская душа — это то, что дремлет, спит, тоскует, мучается, совершает свинства, пока у нее нет звезды небесной. Когда она зажигается, душа эта совершает невероятные подвиги. Если звезда гаснет — душа засыпает, и мы снова становимся разгильдяями, пьяницами, разбойниками, бунтарями. Вот что такое русская душа.

— А сейчас она спит, да?

— Думаю, да, пока...

— А когда проснется?

— Вот мы сидим здесь уже два часа. Через час проснется как раз. Сейчас выйдем из Сандунов — и увидишь гигантский всплеск русской души.

— И что будет?

— Будем подняты при жизни на небо, как Илья Пророк. Мы сейчас кто? Мы с тобой обыденные люди...

— Это мы — обыденные. А вы — духовный отец оппозиции.

— И никакой я ей не отец. Я духовный племянник.

— Чей?

— Русской литературы.

— Роман «Господин Гексоген» — это литература племянника? Его же назвали самым ярким литературным явлением в СНГ.

— Я всю жизнь пишу один роман, а это — только глава из него. Слонялся по войнам, стройкам, на баррикадах. Я — революционер!

— Чего вам сейчас хочется больше всего?

— Хочу встретиться с людьми, которые мне дороги и которым я важен и дорог. Я бы попробовал им рассказать, зачем живу на этом свете, что за эти 70 лет увидел, узнал, пережил и что я сумею принести Господу Богу.

— А зачем вы живете?

— А это уже вопрос следующего интервью...

* * *

— Да, кстати, о бабочках! Я слышал, вы и сами их коллекционируете... Сколько их у вас?

— Бессчетное количество.

— Зачем вы их собираете?

— Чтобы не мешали. Вот идешь — они летают, мельтешат

перед глазами. Я их сачком и отлавливаю.

— А вот еще, правда, что вы их едите?

— Господи, конечно! Ты сейчас ел салат. Думаешь, из чего? Из бабочек!

— Это вы повара подговорили, да?

— Нет, я принес с собой сюда полуфабрикаты из бабочек. Ты их и ел. Заметил? Салат такой сладкий, вкусный, разноцветный...

После парной

«И не надо мне подыгрывать ножами!»

— Александр Андреевич, вот все наши бывшие друзья — Грузия, Молдавия, Украина — тянутся на Запад. Может, нам тоже с ними сдружиться и вместе создавать единую Европу?

— Не-а — европейский мир охвачен кризисом. Идет обвал западной цивилизации в целом. И в этот оползень ты предлагаешь встроиться? Европа кончилась. Считаю, что нельзя встраиваться в падающий мир. Нам нельзя карабкаться на дерево, которое сгнило, начинает трещать и падать. Они заражены, это огромный мировой СПИД. Зачем мы лезем трахаться с бабой, больной СПИДом? Мы должны либо насадить большой презерватив в виде ракет «Тополь-М», чтобы нам не было страшно, либо отпрыгнуть и взаимодействовать с ними.

— На что насадить-то?

— «Тополь-М»? На стартплощадки. Нам-то зачем в Европу встраиваться?

— Незачем! Ура! Так, может, щас споем?

— Можно. Вот — песня русских разбойников шестнадцатого века, много лет назад я записал ее в Тверской губернии.

— А я подыграю вам на вилках и ножах.

— Не надо!

Проханов начинает петь:

А после Покрова, на первой неделе,
Выпала пороша на талую землю.
Как по той пороше ехала свадьба:
Семеро верхами — и все с палашами,
Семеро пешками — и все с бердашами...

— Александр Андреевич, вы меня уважаете?

— Уважаю. А ты меня?

— И я вас...

«Комсомольская правда», 26 февраля 2008 г.

IV. Борис Немцов «У МЕНЯ НЕ ЧЕТЫРЕ ЖЕНЫ, А ТОЛЬКО ТРИ»

[image]

«Я Родину не продавал»

— ...Могу дать тебе трусы с девушками, — сказал Немцов, когда мы приехали с ним в баню.

Заметив, как у меня загорелись глаза, он уточнил:

— Девушки не настоящие, а нарисованные. В трусах с девчонками я езжу на серфинг.

Немцов же надел красные:

— Я ж на самом деле большевик!

— Но зачем в бане трусы?

— Сначала в спортзал!

Мы с Немцовым стали подтягиваться на турнике, и девчонки на моих трусах радостно запрыгали...

— Борис Ефимович, как вам хватает любви на такое количество женщин?

— А на какое количество?

— Ну, у вас же четыре семьи.

— Не четыре, а три. Не пиши, что четыре. А то в остальных трех будут скандалы. Но давай сначала о деле...

— Тогда о взятках. Вот говорят: Немцов не ворует. Как-то не верится.

— Частный же сектор кругом — где воровать-то?

— Странно... А на что тогда живете?

— Я же не чиновник. Работал в бизнесе в концерне «Нефтяном» два года, заработал прилично.

— Сколько?

— Не хочу расстраивать читателей «Комсомолки», скажу коротко: много.

— Взятки-то хоть предлагали?

— Было — миллион долларов за приватизацию нефтеперерабатывающего завода в Нижнем Новгороде.

— Ого! И чего же вы? Взяли?

— Побоялся, что посадят. Не смейся, серьезно говорю. И еще я боялся огласки. Потому что репутация — это капитал. Люди, которые берут на должности и потом уходят, — их уже никто к себе не берет. Ведь как думает бизнесмен? Я этого чинушу сейчас возьму, а он будет у меня воровать. Люди с гнилой репутацией никому не нужны.

— Да я бы не сказал!

— Мне много раз предлагали взятки: и когда я был губернатором, и вице-премьером, и в Госдуме... А потом перестали предлагать.

— Почему?

— Рынок взяток — он хорошо информирован. Когда чиновник берет — об этом сразу узнают — возникает лавинообразный процесс: начинают давать, давать... А если не берет — слух тоже распространяется, и перестают даже предлагать.

— Но другие-то брать не боялись...

— Просто формула вора во власти такая: лижи задницу начальству и делай что хо-чешь — тебе все простят. Вот почему у Касьянова проблемы? Да если бы он власть обнимал-целовал, ты думаешь, дачный скандал возник бы?

— Он нечестный — Касьянов! Три дачи приватизировал. Миллиарды долларов из народного кармана!

— Подожди. Касьянов только слово сказал против, и уже — негодяй, жулик.

— А ты не воруй!

— Кто хочет власть критиковать, должен быть честным, иначе сядешь. Вот. Такая у нас страна...

— Но если вы такой честный, зачем тогда продали флаг?

— Какой? Кому?

— Артем Тарасов, первый советский миллионер, в мемуарах пишет, как Немцов приехал в Лондон и говорит: «Денег нет». А Тарасов: «Я тебе дам».

— Да, он взятку предлагал. Потрясен был, что я не взял. Но чтобы флаг...

— Вы сказали: я тебе лучше что-нибудь продам. Вот флаг России, недорого.

— Не помню. Ну, продал, так продал.

— Это же Родину, считай, продал!

— Да ладно... Шутишь, что ли? У нас флаги продаются в магазинах!

— А почему так дорого — пятьсот фунтов стерлингов! Спекуляция, выходит.

— Да черт его знает?! Слушай, рынок же. По-моему, это какая-то... А чего я его с собой взял, флаг-то?

— Ну, видно, на продажу.

— Ты меня то есть за «челнока» держишь? Лондонский «челнок»! Спасибо тебе большое!

— Пожалуйста.

Немцов мрачно взял в руки гантели. Я отошел подальше.

А вообще, с такими, как Немцов, лучше играть в шашки, причем — в Чапаева, чем гантелями.

Мы однажды попробовали. На каждую шашечку наклеили по портрету политика, включая и журналиста «КП», и вот такой получился расклад...

«Шашки наголо!»

СПИСОК ФИГУР НА ДОСКЕ:

ШАШКИ ВЛАСТИ: Путин, Фрадков, Медведев, Иванов, Миронов, Грызлов, Слиска, Матвиенко. Резервная шашка — Гамов.

ШАШКИ ОППОЗИЦИИ: Касьянов, Чубайс, Зюганов, Ходорковский, Немцов, Явлинский, Новодворская, Хакамада. Резервная шашка — Лимонов.

...Обведя взором свое «войско», Немцов возмутился:

— В наши ряды затесался «Зюганов»?

— Конечно, «Зюганов» тоже оппозиция, — напоминаю я. — Забыли?

Что такое «игра в Чапаева», многие помнят с детства. На доске выстраиваются два ряда шашек. Игроки по очереди щелчком пуляют ими в сторону соперника. Кто выбьет все шашки у противника, тот и победитель.

Немцов, конечно, играл за оппозицию, а спецкор «КП» — за власть.

— Демократичнее было бы сыграть в шахматы, — бурчит Немцов. — Там даже пешка может стать ферзем. А игра в Чапаева — примитив: ферзи остаются ферзями, а пешки — пешками...

Тут Немцов хватает шашку «Путин» и разглядывает ее.

— Поставьте «Путина» на место! — говорю я. — Первый ход мой!

«Медведевым» я прицеливаюсь в «Касьянова». И... мимо. Немцов берется за «Новодворскую»:

— Я считаю, что «Валерия Ильинична» должна выбить «Владимира Владимировича». Это будет справедливо — это ее мечта.

— Зря вы раскрываете планы оппозиции, — предупреждаю я его.

И Немцов дрогнул. Решил бить шашкой со своим именем. Опа! Двоих сразу вышиб — «Медведева» и «Грызлова». Но «Путин» на месте! Впрочем, следующим щелчком Немцов сбивает и «Путина», и себя.

— А «Немцова» не жалко?

— За светлые идеалы готов жертвовать собой! — улыбается Немцов.

— Тогда вот вам! — Я делаю щелчок «Фрадковым» — и... премьер сшибает сразу «Касьянова», «Чубайса», «Хакамаду» и «Новодворскую».

— Это надо же: «Фрадковым» — и четверых. Всех приличных

людей! — обиделся Немцов. — А я тогда «Лимоновым» по «Иванову»!

В итоге у Немцова остаются три шашки: «Зюганов», «Явлинский» и «Ходорковский», а на стороне власти всего одна — «Гамов».

Спецкорр «КП» берет тайм-аут...

Б. Немцов:

— Вот бы и в политике так же легко щелкать врага!

ТАЙМ-АУТ

— Борис Ефимович, а откуда у вас эта оранжевая куртка?

— Прохоров подарил.

— Тот самый олигарх? После Куршевеля? (В январе 2007-го совладелец «Норникеля» Михаил Прохоров оказался замешанным в сутенерском скандале на модном курорте в Куршевеле, за что был даже препровожден в полицию. Правда, затем перед ним извинились. — А.Г.)

— Тот самый. Но после «оранжевой» революции на Украине.

— Что же он в Куршевеле так вас подвел? Как же вы недосмотрели?

— Я в Куршевель не ездил и ему не советовал. Потому что там все время спецслужбы — и французские, и наши. Обвинения Прохорова в сутенерстве — бред. Он терпеть не может проституток.

— А чего же он тогда?..

— Сейчас объясню. Вот одни богатые помогают инвалидам, детям... Прохоров помогает моделям. Это благотворительный проект.

— То есть он благотворительностью с девушками занимается?

— Да, стопроцентно! Если вы, ехидно улыбаясь, думаете, что он их использовал в сексуальных целях, — глубоко ошибаетесь.

— Что, больше помогать некому? Нищих нет, да?

— Он считает, что модели, будучи от природы сексапильными, зачастую бывают несчастными. Судьба модели в провинции известна — ее сначала бандит к себе затащит, а потом она становится проституткой. Вот для того, чтобы хоть что-то светлое в их жизни осталось, он и повез их в Куршевель.

ПОСЛЕ ТАЙМ-АУТА

— Ну, — сказал Немцов. — Бить-то будешь?

— А в кого тут? — ответил я. — В «Ходорковского»? Не, не буду. Человек в тюрьме все-таки. И «Зюганова» не могу — я когда-то состоял в КПСС. И «Явлинского» тоже — он мой сосед по дому, за него моя жена голосовала. Не буду.

— А я вот буду. Мне «Гамова» не жалко...

Немцов прицеливается...

— Ну, бей! Всех не повыбиваете! — кричу я.

Немцов отодвигает в сторону доску.

— Да ладно, Саш... Я вот подумал, если сейчас стрельну в «Гамова», получится, что я стрельну в журналиста. И без меня желающих много... Я тоже отказываюсь!

Партия так и остается недоигранной...

«Мне не нужна Звезда Героя»

... Ну а баня, в которую привел меня Немцов, была «либеральной» и протоплена неважнецки — булыжники едва теплились. Даже веник был не березовый, а из полыни. «Это для запаха», — пояснил Немцов. «А похлестаться?»

— Вас же Ельцин в преемники хотел. Парился бы я сейчас с президентом.

— Я совершил ошибку. Если думал стать президентом, не надо было в Москву ехать, когда олигархи контролировали Кремль. Я тогда еще ввел термин «бандитский капитализм».

— Но не сам же Немцов расхотел в президенты, а Ельцин его расхотел...

— После того как согласился стать первым вице-премьером, я понял: они точно меня замочат. У меня была первая идея — чтобы воровство сократить.

— Ага, помню — пересадить всех на «Волги». Только почему вы привезли меня в баню на «Лексусе»?

— Это моя частная машина. Я личные деньги трачу, как считаю нужным.

— А-а-а...

— Был эпизод. Березовский пришел ко мне — а я был министром топлива и энергетики — и говорит: «Хочу возглавить Газпром». Я ему: «Ты в своем уме! Это пол-экономики страны! А кто, кто согласен-то?» Он: «Вяхирев,Черномырдин». Я говорю: «Не верю!» Позвонил Вяхиреву — тот нехотя: да, мол, придется Березовского на Газпром. Потом — Черномырдину. «Ну в принципе то, се... — мялся Черномырдин. — Я знаю, ты решишь правильно».

— Ушел от ответа?

— Типа да. Я сказал Березовскому: «Боря, ты никогда не получишь Газпром. Пока я здесь, понял? Можешь меня пристрелить...» Он тогда сказал...

— Ты не будешь преемником?

— Нет, он сказал: «Я тебя уничтожу — как политика!» И они зарядили телекиллера Доренко. У меня же рейтинг был, как сейчас у Путина. (Путин сказал потом: «Боря, как ты мог бороться с этими людьми, когда они управляли Россией? Они — а не вы с Черномырдиным и Чубайсом».) И мой рейтинг стал падать. А после позвонил Ельцин: «Я устал тебя защищать».

— Чего же вы так не просчитали?

— Мне надо было торговаться, пока не предложат пост премьера. И вот тогда были бы уже не страшны олигархи.

— Не жалеете?

— Не очень.

— А если бы вы тогда пошли на хитрость: отдали Березовскому временно...

— Газпром?!

— Газпром! Стали бы президентом, а потом Березовского арестовали.

— Саша, отдать Газпром — это значило отдать Россию. Они и так уже были близки к тому, чтобы все контролировать, Газпром был последней махиной, которая отделяла их от полного контроля над страной.

— Так это Немцов спас Россию?

— Сто процентов! Было еще одно дело. Вяхирев хотел тридцать восемь процентов акций Газпрома купить за шесть миллионов долларов, а Газпром стоит двести миллиардов. Девять месяцев мы с ним воевали. Уже был оформлен трастовый договор на его имя. Если бы этот договор я не отменил, мы бы лишились страны.

— Да вы же Герой России! Вам Золотую Звезду в Кремле должны дать!

— Не надо. Я же не Рамзан Кадыров.

— Надо было во время выборов об этом рассказать. Глядишь, выбрали бы вас...

— Да ладно. Вот мы обсуждали, что делать, чтобы народ стал лучше относиться к Чубайсу. Я говорю: «Чубайс, тебе девочку из горящего дома спасти бы, вот ты просто постарайся!» А он: «Эх, даже если спасу, все потом объявят, что я специально поджег дом».

Как Немцов выступал свидетелем в Королевском суде Англии

Кстати, о Березовском и откровениях Немцова, которые содержались в этом нашем «банном» интервью, которое вышло в «Комсомолке» 31 марта 2006-го. В мае того же года в Высоком суде Англии в центре Лондона рассматривался иск этого беглого российского олигарха Бориса Березовского к другому российскому олигарху — Михаилу Фридману. Еще в 2004 году в телепередаче «К барьеру!» Фридман заявил, что Борис Абрамович угрожал ему, произнеся сакраментальную фразу: «Мы вас замочим!» Березовскому это не понравилось. Вот он и подал на «коллегу» в суд.

Десять из двенадцати присяжных заседателей согласились с БАБом и признали, что его репутации действительно нанесен ущерб. Была определена и его сумма: два миллиона долларов.

Британская пресса сообщила, что свидетелем на этом процессе выступал Борис Немцов. Узнав об этом, я сразу же позвонил своему герою...

— Борис Ефимович, это правда, что вас вызывали в суд в качестве свидетеля?

— Да, я провел в Высшем королевском суде два дня. Там, кстати, вспоминали мое интервью в «Комсомолке». Его перевели на английский и раздали присяжным.

— На предмет...

— Вашей газете я сообщил, как ко мне пришел Березовский: «Хочу возглавить Газпром». Он тогда сказал, что согласны и Вяхирев, и Черномырдин: первый руководил Газпромом, второй — правительством. Я стал им звонить, так как Березовскому не поверил.

Так вот, адвокат Березовского задал мне странный вопрос: дескать, в интервью «Комсомольской правде» вы утверждаете, что сначала звонили Вяхиреву, потом — Черномырдину, а на суде говорите, что сначала — Черномырдину, потом — Вяхиреву. Согласись, не очень большая неточность. Но на этой основе адвокат Березовского делает вывод: мол, если Немцов не помнит, кому он первому позвонил, значит, он вообще ничего не помнит...

Был еще очень смешной эпизод. В моем интервью есть фраза: «Ну в принципе то, се... — мялся Черномырдин». Адвокат у меня спрашивает: «А что он все-таки сказал?» Я говорю: «Вы знаете, я по-русски не могу передать, что он сказал, а вы хотите, чтобы я — по-английски...» Русские, которые были в зале суда, засмеялись, а

присяжные так ничего и не поняли...

— Ну а по существу...

— Я рассказал то же самое, что и в «КП», когда я ответил Березовскому, что Газпром он не получит, услышал от него угрозу: «Я тебя уничтожу как политика!» После этого он дал указание «телекиллеру» Доренко меня «мочить», и тот каждое воскресенье говорил про меня гадости на Первом канале.

Нанимали каких-то проституток на улице за двести долларов, и они говорили, что со мной развлекались. А я их знать не знал... За три месяца мой рейтинг с шестидесяти пяти (а это был 1997-й, лучший год реформ — пенсии высокие, инфляция низкая) упал до трех процентов.

Потом, уже лет через пять, я сказал Доренко: «Серега, это же подло». А он мне: «Борь, это же заказ! Тебя заказали, а я лишь исполнитель». На суде я так и говорил.

Конечно, британским присяжным, которые мало что про Россию знают, поскольку это простые учителя, докеры, студенты, такое дико было слышать.

— Почему же Березовский выиграл суд?

— У него был сильный адвокат, и сам он к этому делу отнесся очень-очень серьезно. Имея статус политического беженца, он заранее получил фору перед британцами. Березовский не переставая твердил, что он «жертва путинского режима» и «отец русской демократии», честный, незапятнанный человек... Британцы же обо всех его художествах не знают. Вот и клюнули...

А сейчас снова окунемся в наше с Немцовым «банное» интервью...

Почему демократы не остались в дураках?

— Подтянутый Немцов ушел в тень, а в СПС верховодил толстый и очкастый Никита Белых. (В конце 2008-го он стал губернатором Кировской области. — А.Г.) Удивительно...

— Ерунда это все... Фигня.

...Пока мы «точили демократические лясы», либеральную баню наконец разогрели. А Немцов смочил веник в кипятке и стал хлестать по моей журналистской спине.

— Это я рекомендовал Никиту. Обещал же: если проиграем выборы — отвечу, уйду в отставку. В России еще никто ни за что не отвечал.

— Но демократии-то от этого не легче.

— Да, демократы разрозненны, амбициозны. Но они — единственные носители демократической идеи. И потому должны быть едины, иначе шанса опять прийти к власти нет. Я не хочу быть лидером объединенной демократии. Но буду содействовать.

— Что-то плохо содействуете. Результатов не видно.

— Секунду! Пятнадцать лет разные люди пытались это сделать. Не получилось. А сейчас Явлинский, Рыжков, Хакамада, Каспаров, Белых, Касьянов — каждый понял: в одиночку шансов нет.

— Особенно если у тебя три дачи.

— У кого три дачи?

— Так у Касьянова.

— Запроса на демократов в России нет. Пока цены на нефть высокие, народ не интересуется политикой.

— Но вы с Чубайсом много сделали, чтобы дискредитировать демократию.

— Демократия — это власть народа. Мы ничего не сделали для дискредитации власти народа. Реформы были болезненные, это правда.

— Не для всех, а только для народа.

— Народ — это и есть все.

— Не пострадали ни Ельцин, ни Чубайс. А у Немцова деньжата завелись.

— Я не одинок.

— И другие демократы на «лексусах»?

— Из стосорокапятимиллионного населения от реформ выиграли двадцать миллионов — они смогли купить себе машины. Число автомобилей в России за годы реформ выросло в четыре раза. Реформа антинародная, но пробки такие, что не проехать.

— Но почему реформаторы в числе этих двадцати миллионов, а не остальных?

— Потому что они умные.

— А вам не кажется, что, если бы демократы оказались в числе дураков, они бы победили на выборах?

— Не кажется. В России ненавидят реформаторов. Не важно, это Александр Второй или Столыпин, невинно убиенные. И везде так. Реформы болезненны, но они необходимы, как операция. Вот у тебя флюс. Врач тебе открывает рот, режет десну. Ты начинаешь ненавидеть врача, потому что он тебе больно сделал. Но когда полегчало... То же с реформами. Реформаторов никто на руках не носит.

— Потому что умные — выгоду имеют.

— Нет. Расскажу про Чубайса.

— Чубайс что, голодал с народом?

— Помнишь, был книжный скандал? Чубайс, который продавал на миллиарды долларов собственность, взял гонорар за свою книжку девяносто тысяч долларов. Он честный или нечестный? Честный! Дураком же нельзя его обозвать. Почему он взял девяносто тысяч? Значит, для него это деньги. А если бы воровал, на этот гонорар не позарился.

— А почему его еще держат, Чубайса? (В то время когда я делал это интервью, он возглавлял РАО «ЕЭС».)

— Потому что эффективный. У нас, смотри, потребление электричества сравнялось с советским. Страна на подъеме, энергии все больше нужно.

— Значит, страна на подъеме, да?

— Естественно. Из-за нефтедолларов, их из брандспойта на нас сыплют. Страна на таком же подъеме, как наркоман, которому воткнули иглу, и он скачет всю ночь. Балдеет. И не знает, что ломка будет, когда все кончится.

Не хватает электроэнергии. Чубайс правительству говорит: если не вложим миллиарды долларов, не сможем строить жилье, школы, больницы. Давайте проведем реформу, чтобы народ деньги в энергетику вкладывал. Либо из бюджета давайте. Он уже пять лет это говорит, а правительство ни с места. Энергетика — единственная сфера, где еще что-то делается. В остальных вообще кошмар. Ничего не делают! Уйдет Путин, выяснится: армия развалена, коммуналка — сплошные аварии...

— Вы сейчас во власть бы пошли?

— Я бы не пошел. У меня руки не трясутся от Кремля, который я каждое утро вижу из окна своей квартиры.

— И не возникает мысли: а мог бы сидеть по ту сторону Кремлевской стены?

— Мог бы, но зачем? Одному возвращаться нет смысла, надо командой.

— И когда вернетесь?

— Рано или поздно мы будем востребованны. Реформаторы приходят, когда нужно зарабатывать. А когда деньги тратить, мы не нужны.

...И наконец, о любви

Кстати, перед походом в баню отец-герой Немцов привел нас в семью. Одну из... Дочка Соня смотрела мультики, а ее мама, Ирина (Борис называл ее Королевой), готовила кролика. «Фотографировать не надо, — предупредил Немцов. — Но кролика можете попробовать».

— ...Так вот, о любви. Естественным ее продуктом являются дети.

— Все ли немцовские дети учтены?

— Ни один мужчина не знает точно, сколько у него детей.

— Вы участвуете в планировании рождения или дети все неожиданные?

— Все четверо моих детей: Соня, которой скоро два года, Дина — ей первого апреля исполнится четыре, Антон — одиннадцать лет, и Жанна — ей двадцать два, рождены без всякого плана.

— Но рецепты зачатия, наверное, есть?

— Все, кто орет, что Россия вымирает, они бы лучше не орали, а делом занялись. У вас есть малейшая возможность вырастить ребенка? Рожайте. Люди состоятельные обязаны это делать. Состоятельных двадцать миллионов.

— А ваши жены разделяют эту «идеологию»?

— Все мои жены — и Раиса Немцова (она фондовый брокер), и Катя Одинцова (журналистка на телеканале «Домашний»), и Ирина Королева (работала в Кремле) — меньше всего думали об «идеологии». Если ты хочешь, чтобы у тебя ребенок был хороший, умный, надо, чтобы он был рожден в любви. Потом может быть все, но в момент зарождения должна быть любовь.

— А как вы с женами встречаетесь? Какой у вас график?

— Нет графика. Хочется — встречаюсь, не хочется — не встречаюсь. Но со всеми хорошие отношения.

— А чувства к каждой остались?

— Любовь была к каждой. А сейчас — ощущение, что это мои родственники.

— Если бы в России разрешили многоженство, могли бы жить в одном доме все три ваши семьи?

— Вопрос скорее к женщинам. Думаю, у них бы возникли проблемы. В православной России многоженство не принято. Но в России есть и мусульманская традиция, где это принято, — в Ингушетии, Чечне. Миллионы мужчин у нас имеют несколько жен. Жены гражданские, ведь юридически их нельзя оформить. Назрел вопрос: мы готовы узаконить то, что уже есть?

— Вы о сексуальном регулировании?

— Закон сущность мужчины закрепить не может, она дана природой — мужчины полигамны. Женщины, кстати, часто тоже. Если вам жена говорит, что не изменяет, это ничего не значит. Я — за закон, который бы защищал права женщин — имущественные, права на ребенка. Но если женщина способна содержать несколько мужчин — тоже пожалуйста.

— Может быть принят такой закон?

— Вряд ли. Нет таких традиций. Но тут выбор невелик. Либо китайцы будут жить в России лет через пятьдесят, либо будет узаконено многоженство. Если выбор между китайцами и многоженством, я выбираю многоженство.

— Может ли еще кто-то из девушек рассчитывать на вашу взаимность?

— По законам шариата разрешено четыре жены. Шутка.

РАЗГОВОР У ПРОРУБИ

«Когда буду импотентом, получу много свободного времени»

— Сейчас я тебе покажу, как умеют выныривать демократы, — сказал Немцов и потащил меня из парной сквозь сугробы на пруд — к проруби.

— В прорубь можно нырять. Это безопасно. Даже полезно. Но мужики, которые злоупотребляют, заканчивают импотенцией.

— Но вам же импотенция не грозит?

— Сань, ты чего? Я не понимаю... Ты что, мне решил настроение поднять? Могу одно сказать: когда это со мной случится, у меня будет очень много свободного времени!

— Когда одна жена, хочется куда-нибудь на сторону. А когда три?

— Предела хорошему нет. Я люблю женщин и черпаю огромную энергию от общения с ними. Иначе бы я не был Немцовым. Политики должны быть и физически, и психически здоровы. Особенно в России. Потому что от них очень много зависит. Смотрю на Думу, на правительство. Я к Путину отношусь достаточно критично, но считаю, что он один из немногих, кто выглядит, по крайней мере внешне, достаточно здоровым.

— Значит, в коридорах и чуланах власти недорабатывают в смысле секса?

— Я в чужую постель не лезу... Власть из человека высасывает все живое — нормальным людям она противопоказана. У меня в Кремле, в Белом доме, в Думе было одно желание: выспаться. Одному.

— Может, во власти нужна сексуальная революция?

— Горбатого могила исправит. Ничего не поможет.

— Может, нашим политикам надо брать сексуальные уроки у Немцова?

— Менять людей во власти нужно. Я когда прихожу в Кремль, у меня мужское начало куда-то исчезает и мысли о девушках как-то на второй план уходят.

— А у меня выпирают на первый. Там столько красивых женщин!

— Мы с тобой по-разному, видимо, к Кремлю относимся. Ты с каким-то неподдельным эротическим интересом.

— А вы?

— С сак-кральным. Бр-р-р — пойдем в парилку!

V. Владимир Жириновский «ДЛЯ МЕНЯ ДОРОЖЕ ОДИН КОЛЧАК, ЧЕМ СТО ЛЕНИНЫХ»

1. «Госдума — это осиное гнездо, кругом враги»

— ...А я не люблю баню! — сразу же закипятился Жириновский, когда однажды в канун Нового года сам же и позвал меня в свою же парную. — Мы в бане все мозги выпариваем. Вот я в халате сижу, мне жарко, я из-за вашего фотокорреспондента сижу в нем. Так-то я сидел бы и в плавках, а то и без плавок. Чтобы тело отдыхало.

— Может, в бане поговорим?

«Баня — это страшный вред»

Лидер ЛДПР захватил березовый веник, напялил на голову банную шляпу с логотипом «Комсомольской правды», которую я привез ему в подарок...

— Ну что ж, можно и поговорить под легкий парок. Ведь баня — это страшный вред. Водка — вред. Но мы спасаемся водкой, потому что проблемы ведь не решены. Сто лет не решаем проблем! Александр Второй начал, а мы стоим на месте. И гибнет страна. Потому что Столыпин отменил крепостное право, а земли не дал. Но это же издевательство: баня есть, а входить нельзя. Столыпин говорил: землю дам. И не дал. Его убили за это.

— Так давайте же войдем в баню...

— Ни один руководитель не может довести реформу. — Жириновский нехотя взял в руки шайку. — Если я не до конца разделся, мне противно. Или я оденусь в тулуп и выйду на улицу, или уже разденусь, буду здесь голый. Вы мне этого не позволяете. Так и тут. Ни одна реформа не дала эффекта. Ладно, и вы тоже берите веник. Но только согреться и выйти. А когда сидят минут двадцать, сто двадцать, весь порозовел, потом прошибает. Что такое пот? Мы организм обезвоживаем... Вообще, в нашей стране вредный образ жизни...

Жириновский скидывает халат, потом напяливает рукавицы и, держась за стенку, все же ведет меня в баню, ворча на ходу:

— Как скользко-то!

Кто такой Владимир Жириновский? Большой политик? Великий актер? А может, и тот, и другой — «вместе взятые» нашим непростым временем?

Вот написал эти строки и вспомнил один эпизод — в какой-то степени объясняющий, чем завораживает (а кого-то раздражает и

кому-то надоедает) Владимир Вольфович.

...В 20-х числах апреля 2006-го, ближе к ночи, в храме Христа Спасителя готовились к Божественной литургии, посвященной Пасхе. И тут внесли Благодатный огонь, привезенный из Иерусалима. Жириновский протиснулся через толпу чиновников, которые окружали Святой огонь, зажег свои свечи. А потом, в отличие от чиновников, которые так и остались стоять на месте с зажженными свечами, пошел в массы — к верующим, сияя и приговаривая:

— Пожалуйста, вот огонь, прямо из Иерусалима!

«Жириновского» пить нельзя

...Мы садимся с Жириновским рядышком на теплый полок. Вождь оттаивает, и тут я начинаю его «раздевать», то бишь «колоть».

— А вот на съезде ЛДПР...

— Ведь дали обрывки: Жириновский обещал не ругаться матом. Я же об этом не говорил.

— То есть будете продолжать.

— Я упрекал партийцев, что кто-то из них оказался предателем. Десять лет назад снимал меня бытовой камерой у себя дома, и там я сказал пару фраз, расслабился. Он продал кассету — и на весь мир это прозвучало. Что это? Люди же не знают ситуации.

— То есть будете ругаться матом.

— Да я никогда не ругался матом. Я могу какие-то слова сказать в мужской компании. Просто так — ребята побалдели, выпили — и сказал. Все! Я что, оскорбил кого-то? Ведь я говорю не потому, что мне это... культуры не хватает. Я образованный. Но я часто знаю и слышу, что люди хотят эти простые слова... Люди оживляются, им приятно. Вот в чем смысл! А на съезде я имел в виду, что даже в быту теперь буду вынужден не употреблять ни одного слога.

— Вы в партию кого-нибудь взяли бы из порнозвезд?

— У нас нет никакого желания. Мы хотим быть дальше от порнографии. Наш избиратель — простой, бедный. Его раздражает, когда показывают, как депутаты гуляют — там шампанское льется рекой, полуголые девицы. Ну что такое? Люди без работы, живут в одной комнате три поколения. Ну как жить? Когда вот я в служебной квартире один бываю, никого нет — сто тридцать метров. Я хожу, что хочу делаю. А люди в одной комнате всю жизнь — шесть человек. С ума можно сойти.

— Но у вас же много квартир — поделитесь...

— Это не мои — штаб-квартиры в регионах. На меня было записано — начали орать, что это мое. Стали переписывать на всех активистов...

— А как вашим активистом стать? Мне вот, допустим.

— Свободный прием.

— И чего я должен делать?

— Да ничего. Вступили в партию и ничего не делают...

— А платить вы мне будете?

— Это вы должны платить. Но мы не берем с вас. Мы иногда помогаем. Бедным активистам.

— Правда, что вам Кремль приплачивает, чтобы вы его решения проводили в Думе?

— Может, дают кому-то пакеты, но нам никто ничего не дает, и мы не видим, кому дают.

— А вы где берете деньги?

— Прошу, собираю — и все. За нами никакая фирма не стоит. Никакая...

— У кого вы просите?

— У богатых. Звоню им, прошу, где-то какие-то копейки собираю. И все.

— То есть мне вы ничего не дадите?

— Вам дам одеколон. Сейчас... Паша, позвони, пусть Дима-охранник принесет. Или таджик...

(Приносят одеколон «Жириновский».)

— О, одеколон! Его пить можно?

— Но это же французский, от Живанши! Мировой лидер запаха!

— Значит, пить нельзя...

«Взятку ждешь? Пошел вон!»

Жириновский выходит из парной, садится на диван, закуривает...

— Если бы я был на месте президента, я бы объявил: вот программа на 20 лет. Прекращаем выборы. Сегодня Госдума не нужна. Распускаем.

— А Совет Федерации?

— Распустить все законодательные органы. Не тратить деньги. Общественная палата — вот наш парламент. Давайте! Там будет сто двадцать шесть человек. Лучшие люди страны... Вот закон по ЖКХ. Одобряете? Одобряем. Вводим. Не одобряют — дорабатывают. Все законы готовит Минюст. Одобряет

Общественная палата, и указом президента вводятся они. Зачем столько выборов? Что вы выбираете все время? Общественная палата, президент. Они еще раз посмотрят правительство, может, кого-то заменят. И все занимаются бизнесом. И партии приостанавливают свою деятельность. И профсоюзы. Ну давайте оздоровим свою страну!

— Нам Конституцию менять, что ли?

— Конституция пускай остается. Но работать будет общественный договор.

— Это диктатура получится.

— Опять... Ну все, хорошо, давайте умирать при демократии. Диктатура вас пугает, лагеря, репрессии?

— Да. И чекисты сидят, говорят, в Кремле.

— Опять все выдумывают. Они в прошлом работали, допустим, в КГБ. Дальше что?

— Путин говорил: бывших чекистов не бывает.

— И что? Я вам говорю вариант, как жить хорошо. Вы мне навязываете, как жить плохо.

— А вдруг нам потом снова захочется жить в свободной стране?

— Она и будет свободной. Что значит свободная? Все выборы — игра. Кто кого обманет. Грязь, компромат. Какая это свобода?

— А с чиновниками как поступите?

— Чиновники сокращаются в три раза как минимум. Сейчас миллион, будет триста тысяч. Функции разрешительные. Чиновник не может отказать. Ну-ка, давай сюда, что ты ждешь три месяца? У тебя срок месяц. Взятку ждешь? Пошел вон! Все. Не в тюрьму, а пошел вон. И его портрет на всю страну: Петров Николай Петрович — негодяй, задерживает исполнение документов. Подозрение на получение взятки.

— В газете, что ли?

— И по телевизору! Вот-вот... Сейчас президенту нужно сказать: все в деревню! Кто стоит в очереди на квартиру в городе, вы квартир не получите. В деревню! Там сразу дом усадебный, гараж, погреб, мастерская. И давай, гони туда с юга безработных. И давайте поднимайте сельское хозяйство, чтобы тучные стада, пшеница, ячмень, хмель. «В деревню!» — сейчас должен быть клич. Двадцать лет не давать квартир в городе. Если я имею работу, деньги, жилье, образован, я болеть не буду. Мне шестьдесят, я в бане и ничем не болею.

— Ну что, еще чуть-чуть попаримся?

— Если вы не будете задавать дурацких вопросов...

— Владимир Вольфович, в прессе периодически мелькает: Жириновский дерется...

— Не я, а на меня нападают, а подают, будто я дерусь. Самый первый конфликт — это Тишковская, женщина. Мы разнимали депутатов. Возьмите из архива... Я стою. Тишковская меня бьет. Я так вот стою — она мне вцепилась в грудь и ногой еще снизу между ног бьет. У меня лицо такое испуганное.

— А водичкой тогда вот орошали...

— То же самое. Я вышел в качестве протеста в президиум. И я один был, а «яблочников» 40 человек, хотели меня бить. Я их остановил водичкой — нарзан из бутылки. Даже на них ничего не капнуло, они были далеко.

— Когда вот в узком кругу с вами говоришь, вы как-то спокойны, взвешенны, мудры. А вот в Госдуме...

— Госдума — это осиное гнездо, кругом враги!

— ...а в Госдуму попадаете — меняетесь...

— Все так. Они же знаете как? Нервная энергия отрицательная на меня каждый день. Как змеи шипят...

Жириновский хмурится, черпает из шайки воду и плещет на раскаленные камни. Камни зло шипят и обдают меня паром.

«Новое поколение скажет: идите вы на фиг!»

— ...А взять вот газовый конфликт с Украиной... Как быть?

— Я бы обратился в Брюссель: поставьте ваших контролеров на прохождение газа по российско-украинской границе. Я вам должен сколько кубометров? Вот они, вот пошел газ, ваш газ. На выходе — украинско-словацкая граница — пришло меньше, все — взыскивайте с Киева. Везде бы поставил международных контролеров. И чтобы не злился Ющенко, всем бы сделал одну цену европейскую.

— А с Крымом что делать?

— Крым украинцы сами нам отдадут. Потому что мы будем повышать цены на газ, и им лучше продать Крым нам. И все свои заводы. А потом окончательно влиться в Россию. Все! Подрастет новое поколение, скажут: да идите вы на фиг! Какое там НАТО! Вот Россия — мы русские, украинцы — славяне! Все — одна страна! Поэтому молодое поколение — оно воссоединится. Украина, а дальше остальные — Узбекистан, Азербайджан, Грузия... Еще двадцать лет — и все!

— Но как быть с военными базами?

— Я против был, чтобы наши базы убрали с Кубы и из Вьетнама. Но в принципе можно уйти из Приднестровья, Южной Осетии — пускай там стоят европейцы и наши солдаты не погибают. Сколько ребят погибло на абхазско-грузинской

границе! Мне их жалко! С какой стати? Пусть европейцы и НАТО, пусть они погибают.

О сексе и СССР

— Владимир Вольфович, вот в бане паримся, а про женщин — ни-ни... Как они вам в политике?

— Ну, у них подход свой — корпоративно-половой. В политике у нас в основном женщины, которые или незамужние, или разведенные и никогда больше не вступят в брак.

— Но сексом-то они занимаются?

— Есть, конечно, и, как правило, неудовлетворенные. Да-да, тогда они все это в работу, и появляется элемент злости, ненависти. Им наплевать на страну, у них нет государственного мышления.

— Из женщин-политиков кто в сексуальном плане наименее удовлетворен?

— Ну, неудобно говорить. Они же все рядом со мной в парламенте... Больше свиданий, и чтобы не было женщин, которые годами не имеют мужчины, и мужчин, которые по полгода не имеют женщин. Это вред большой.

— Может, национальная программа на этот счет тоже должна быть?

— Я бы открыл специальные салоны. Слова «публичный дом» звучат плохо. У нас полно разведенных, вдовцов, неженатых. Ну что им делать?

— А сколько надо заниматься сексом?

— Молодежи хочется раз в неделю, постарше можно раз в месяц. Но как минимум хотя бы раз в три месяца...

— Почему так редко?

— Ну зачем каждый день? Это все изнуряет. Стараться реже...

— Ну вот... А еще говорят, Жириновский женщинами увлекается.

— Это все чушь. У меня все в обычном формате. Конечно, увлекаюсь. Но некогда мне сейчас. Но с удовольствием бы... Две-три приставали ко мне — письма, цветы. Не я к ним, а они ко мне. Ну что я могу? Они хотят, чтобы я был с ними, любовные встречи, замуж и так далее... У каждого мужчины, считаю, в жизни несколько женщин — от трех до трехсот. Пускай не обманывают, что верны своей жене.

— И у вас столько?

— Мало, я вообще себя девственником считаю. Я родился и вырос в СССР, у нас секса не было.

* * *

— Что еще?

— За столом посидеть бы...

— Давайте. Любую тарелочку да вилочку чистую «Комсомолке»!

— А вы вообще честный человек?

— Да. И добрый. И слишком откровенный. Это мне вредит. Но это моя черта характера... Дайте стаканчики! (Жириновский наливает вина.) Из Абхазии привезли это. Не нашего розлива...

ПОСЛЕ ТОГО, КАК РАССЕЯЛСЯ ПАР

Мы бегали с ним голыми по сугробам

...Когда баню Жириновского разогрели до ста двадцати градусов, корреспондент «КП» пошел на опрометчивый шаг...

— Владимир Вольфович, а почему бы нам с вами не прогуляться по морозцу?

— Прямо так?

— Конечно. Снежком пообтираемся.

— А ты этих, разрушителей Отечества, как Черномырдин, Бородин, тоже выводил на мороз?

— Тогда снега и мороза не было...

— Вот их бы надо! Ну ладно уж, пошли...

Жириновский, прежде чем выйти на улицу, накинул халат и надел тапочки. Больше халата и тапочек в ЛДПР не было, поэтому я пошел в чем был. То есть почти без ничего.

Лидер ЛДПР, окутанный паром, по-мальчишески загигикал и стал месить сугробы. Потом зачерпнул пригоршню снега и начал им обтираться. Досталось и мне... Было ощущение, что я получил «ледяной ожог».

Когда пар опал, на Жириновского снова накинули халат.

Обратно в баню мы летели со скоростью примерно сорок километров в час: Жириновский, в халате, — впереди, я, без халата, — сзади.

Снова уселись на полок.

— Средневековье какое-то, — ворчал, отогреваясь, Владимир Вольфович. — В средние века-то рентгена не было, вот и лечились пиявками да баней.

Потом он взорвался:

— Ты на кого работаешь? Это тебе в Кремле дали такое

задание — запарить и заморозить лидера ведущей партии страны?

— Не-а, — стуча зубами, оправдывался я. — Сам придумал. Я б-б-больше не буду.

— Вы меня уже шестнадцать лет трамбуете! Благодаря вам я умру на двадцать лет раньше. У меня организм на сто лет рассчитан, а я умру в восемьдесят. А может, как Жженов, до девяноста доживу. Если, конечно, с «Комсомолкой» больше не буду ходить в баню...

«Комсомольская правда», 28 декабря 2005 г.

2. Как мы с вождем ЛДПР коров доили

Вскоре после этого Жириновский провозгласил лозунг «Назад в деревню!». И сразу же отправился на село, прихватив с собой, по старой «банной» памяти, в попутчики и меня.

...Поднялся сильный ветер, началась поземка. Подмосковную деревню Вохринку, что в шестидесяти километрах от столицы, завалило снегом. Но Жириновский все равно отменил в Думе три совещания и одну встречу. Потому что обещал в этот день встретиться с селянами.

Пока мы добирались, а потом доили буренок, кормили телят и очищали коровник от навоза (кстати, вождь ЛДПР делал это с большим удовольствием), я умудрялся задавать ему свои вопросы.

Иногда он отмахивался от меня:

— Видишь, я занят сельскохозяйственным трудом!

«Бесплатный гектар. Каждому!»

— Владимир Вольфович, а что может спасти наше село?

— Надо наделить землей всех граждан, проживающих в сельских регионах. Если у кого-то жалкий пай есть, а некоторые вообще без земли, пусть получат свои наделы. У нас полно свободной земли. И селяне должны иметь право собственности на нее, а также гарантии, чтобы никто у них ее больше не отбирал. Мы предлагаем выделить всем желающим бесплатно от полгектара до гектара земли. И жилье на селе должно быть бесплатное, и учеба бесплатная.

— А это реально?

— Почти сорок лет назад, в марте 1967 года, я, тогда студент Института стран Азии и Африки, написал письмо Брежневу о необходимости проведения реформ. И там, в частности, было и такое предложение: принимать без экзаменов в сельскохозяйственные вузы ребят из сельской местности. Иначе в селе никогда не будет хороших специалистов.

«Мое первое место работы — пастух»

...Переобувшись в сапоги и надев белый халат, дояр Жириновский взял в одну руку аппарат машинного доения, в другую — большой бидон. Корреспонденту «КП» доверил нести

только пустое ведро.

Вымя Парковке (так звали нашу корову) перед дойкой полагалось мыть мне как помощнику дояра. Но Жириновский перехватил инициативу.

— А где вымя-то, знаете? — спросили у него смешливые симпатичные доярки.

— Где вымя — уж знаю! — ответил им дояр-депутат. — А то! Мое первое место работы — пастух. Я с двенадцати лет пас коров. Приходилось и доить...

ИЗ РАЗГОВОРА В КОРОВНИКЕ

«Ни выходных, ни бани...»

Владимир Жириновский:

— Во сколько вы начинаете?

Ирина Яковлева, бригадир:

— В четыре утра уже на ферме. И до девяти вечера.

— Вот, и без выходных. Животные же не знают суббот и воскресений, вот люди и должны круглые сутки за ними ухаживать. А вы уходите из дома в телогрейке и приходите в ней же — почти не снимаете. Баня-то хоть есть у вас здесь?

Голоса из толпы:

— Не-е-т!

«Все — на борьбу с сельхозвредителями!»

— А взять борьбу с сельхозвредителями...

— Владимир Вольфович, кого вы имеете в виду?

— Жучков всяких вредных, червячков... Но не только.

Приезжает ко мне как-то фермер из Рязанской области, рассказывает... Он вырастил десять бычков. Хотел их продать, на вырученные деньги купить грузовик и заниматься перевозкой товара в сельской местности. Привозит, значит, мясо на Рижский рынок в Москве. Решил продать подешевле. Нет — запретили продавать. Выгнали с рынка. Он вернулся в Рязань со слезами на глазах... Ну разве не издевательство?

И вот я думаю: кто мешает нам восстановить государственные заготконторы? Они объезжали бы села и закупали все мясо, везли бы его на рынок. И крестьянин был бы при деньгах, и покупателям оно бы обошлось дешевле, да и качество было бы выше...

«Включите буренкам музыку»

— ...Ну, все — включайте! — Жириновскому, который быстро управился с аппаратом машинного доения, не терпелось как можно скорее начать дойку. — Корова не любит ждать. И особенно страдает, когда долго ее не доят... А когда вымя освободят ей — хорошо!

В доильном аппарате что-то загудело, зажурчало — по шлангам пошло молоко.

— Сейчас я Парковке еще и вымя помассирую, — сказал Владимир Вольфович. — Корова чувствует добрые руки — животное не обманешь. Вот, пошло молочко... А если бы доил Зюганов, вряд ли бы Парковка дала ему молока.

Доярки переглянулись и прыснули в кулаки. Видно, первый раз видели маститого политика за таким занятием.

А скотники, стоя с вилами чуть поодаль, наблюдали за Жириновским с удивлением: сейчас на селе редко где увидишь, чтобы мужики доили коров.

— А коровку надо беречь, — продолжал дояр ЛДПР. — Надо помыть ее, погладить, погулять с ней. Шуму она не любит, а вот музыку — можно, но негромкую. С коровкой надо бережно — как с женой.

«Такие надои — и без наград!»

Владимир Жириновский:

— Сколько у вас каждая корова дает молока?

Любовь Дутова, зоотехник-селекционер:

— За год от каждой коровы мы получили по девять тысяч двести литров молока.

— Неплохо. А всего сколько коров?

— Сто семьдесят голов.

— Награду хоть дали какую?

— Нет...

— Безобразие! Такие надои — и без наград!

«Надо вернуть сельпо и Ивана Бровкина»

— А еще как помочь селу?

— Надо восстановить Роспотребкооперацию. Они занимались сельской торговлей. Магазины назывались сельпо. И автолавки были. Сейчас ничего этого нет. Селянам продают «Фанту». Но у

них же свой сок есть! Надо наладить на селе нормальную торговлю, чтобы жители не ездили за элементарными товарами в райцентр, в город. Да и там нужное не всегда еще и купишь...

Раньше была масса фильмов о селе, множество книг. Люди смотрели, читали — нравилось: сельская идиллия, какая-то романтика. Были герои — председатель колхоза или Иван Бровкин. Была плеяда сельских писателей — Василий Белов и другие. Сегодня деревенщиков нет... А надо!

Мы обязательно будем добиваться, чтобы это тоже все вернулось.

«Приятно, когда мычат коровы...»

...Парковку мы наконец подоили. Корова замотала хвостом и, покосившись на дояра Жириновского, замычала...

— Как приятно, когда мычит корова, — дояр ЛДПР оживился. — Как приятно! Ведь как она мычит хорошо! Принесите мне скамеечку. Я сяду еще и вручную подою. И юность вспомню, и остаток молока выдоим...

Принесли конторский стул.

— Теперь за сосочки можно одной рукой. Но лучше, конечно, двумя. Все четыре сосочка желательно до конца выдоить, чтобы вымя было пустое, чтобы коровка чувствовала облегчение.

В ведро звонко брызнули теплые струи молока. Когда лидер ЛДПР закончил доить, я взялся было за ведро, чтобы перелить молоко.

— Не надо, — остановил меня Жириновский, — я сам перелью то, что надоил.

— И сколько же вы надоили? — полюбопытствовали доярки.

— Восемь литров, — доложил вождь ЛДПР.

— А жирность?

— Шесть и четыре десятых процента!

— Ну ничего...

Парковка, похоже, тоже была довольна надоем. Когда мы уходили с фермы, корова махнула в сторону вождя ЛДПР хвостом и повернула к Жириновскому свою рогатую голову:

— Му-у-у!

«Комсомольская правда», 22 ноября 2007 г.

* * *

...Впрочем, на этом деревенская эпопея пастуха Жириновского не закончилась. Как-то он решил поучаствовать в

открытом чемпионате России по спортивному свиноводству, который собирались провести в Подмосковье. Лидер ЛДПР собирался выставить на него своего поросенка Шустрика.

В окружении вождя мне на полном серьезе, взахлеб, рассказывали о том, что подсвинок Жириновского активно готовится — он тренируется в престижном евросвинарнике, на подмосковной спортсвинобазе. Кстати, плата за обучение каждой молодой свинюшки составляла тысячу долларов. Кроме резвости во время поросячьих бегов, на чемпионате должны были оценивать породистость, упитанность, силу хрюканья, телосложение «спортсмена-пятачка».

Дабы развить поросячью тему, я позвонил самому «старшему тренеру».

— Алло, Владимир Вольфович! Извините, у меня свинские вопросы...

— Да, давайте.

— Откуда у вас такая любовь к свиньям?

— Так у меня тетка в Казахстане работала свинаркой, я, когда был маленьким, любил бывать на свиноферме. Я с детства к поросятам неравнодушен — они толстые, мирные.

— Говорят, ваш Шустрик — точная копия Жириновского...

— Ну не знаю... Вообще-то мой поросенок быстро реагирует на все, особенно на несправедливость, со всеми общается, везде проберется. Наверное, похож на меня. У нас со свиньями вообще много общего...

— Надо полагать, что все это — ваша свинская пиар-акция?

— Ну зачем же? Свинья — самое всеядное животное. Она поест из корыта — и лежит себе похрюкивает. А это — уют, умиротворенность... Свиньи — справедливые, добрые животные, любимые народом.

— Как проходят поросячьи тренировки ЛДПР?

— Ничего... Главное — научить Шустрика быстро бегать по прямому узкому коридору.

— Вы с Шустриком всерьез надеетесь на свинскую победу?

— Конечно. А если он первым не прибежит, я его зажарю.

— Ну тогда вам и Шустрику — хрю-хрю!

— Ага, то есть хрю-хрю...

Правда, чушка Жириновского (разумеется, вместе с хозяином) до первого места не дотянула («И здесь зажимают ЛДПР!» — возмущался потом «старший тренер». — И в свинарнике — как в политике! И наоборот!»), но все же стала призером, за что получила медаль и лоханку морковки со взбитыми сливками.

3. «Европа устала от попсы. Пусть слушает наш гимн!»

А один раз мне захотелось узнать, что думает Жириновский, как маститый политик и известный исполнитель, о компакт-дисках, которые заполонили «Горбушку» (есть в Москве такой «музыкальный» рынок) и от которых «тащится» молодежь? Лидер ЛДПР согласился выступить в роли критика. Музыкальный центр в его рабочем кабинете, что называется, под рукой. А диски и наушники я принес с собой...

«Я буду без наушников. В них жарко...»

Начать решили с альбома VOLK словенской группы LAIBACH, горячо любимой в Москве и других частях света за радикальные переработки известных музыкальных шедевров и серьезное отношение к политике (есть у них, например, альбомы Das Kapital и NATO). Новый диск — сборник весьма своеобразно, но весьма почтительно исполненных государственных гимнов разных стран мира. Нас, естественно, в первую очередь интересовал гимн России. Жириновский занял позу маэстро (голова откинута назад, ладонь правой руки замерла на лбу). Чтобы не упустить ни одного слова критика, мы включили диктофон...

— Все, включайте! Но предупреждаю: я буду без наушников слушать. В них жарко, только для фото один раз — и все.

(Звучат раскаты грома, доносится протяжный мужской голос. Начинается первый куплет.)

— Ну вот, сейчас же по-английски. Исходя из рынка.

(Жириновский начинает дирижировать, но это мало помогает.)

— Мы включили то, что надо? Что-то незнакомое. Не каждый в России поймет, что это наш гимн. Пока это не гимн.

(В динамиках — мощный звук в стиле industrial.)

— Это меня уже раздражает. Да еще и по-английски...

(И вдруг — о! — женский хор. Поют по-русски. Но жалостливо: «Сла-а-вься, Отечество, наше свободное, Славься страна моя, мы гордимся тобо-ой!»)

— Ну вот, уже да, вот уже гимн.

(Жириновский, а вслед за ним и корреспондент «КП» встают с места, замирают и тоже начинают петь.)

Звучит последний аккорд. Жириновский:

— Где-то первые нотки мелодии улавливаются, а вот сам текст куплетов не очень. Это больше песня, которая ближе для эстрады. Но этой группе нужно сказать спасибо, конечно. В целом профессионально. И то, что взяли, допустим, не гимн Монголии, а наш, российский, профессионально вдвойне.

Правда, в самом начале пропала знаменитая фермата: «Та-а-а...» Это, видимо, они убрали, вот чтобы немножко оторваться от советского наслоения. Но рисунок музыкальный сохранили. Добавили больше поэтического, лирического, трогающего.

Вот с такой аранжировкой теперь могут включать наш гимн в свои концерты. Не только у нас, а вся Европа устала от обычной попсы. А наш гимн — душевный. Ну, что ли, повернутый к человеку... Чу! Я слышу политическую ноту: через эту музыку можно вернуться — и на Балканах, и в Европе — к славянской связке.

«Комсомольское сердце разбито...»

Вторым «музыкальным гвоздем» стал альбом SONGS OF RUSSIAN REVOLUTION группы VALEROCK. Собственно, это не группа, а гитарист Валерий Шаповалов, сделавший инструментальные версии советской песенной классики — от «Варшавянки» до «Взвейтесь кострами». Сначала Жириновский встретил их настороженно, но потом тоже «почти все узнал» — и мы стали подпевать...

И боец молодой вдруг поник головой –
Комсомольское сердце разбито...

— Вот видите, у них появилась тяга — революционные песни изложить в современной манере. Потому что заложенный революционный пафос — он сегодня не действует. Но он остался в мелодии. Сегодня ни один композитор так не напишет. Только нужно было советский этап пережить... Вот они и вытаскивают из наших сундуков старые ноты и подают мелодии в современном виде.

Дан приказ ему на Запад,

Ей — в другую сторону...

— Звучит-то как, а? Уже не жестко, не революционно. И приятно. Эти песни сейчас можно и по радио крутить, и на дискотеках с удовольствием будут слушать.

Взвейтесь, кострами, синие ночи!

Мы пионеры — дети рабочих...

— А под это можно даже потанцевать. Какая-то бабушка прослезится — она пионеркой это пела. А внуки могут танцевать. Бабушке же приятно будет. Вот и связь поколений, связь эпох. Это родное, близкое — то, чем мы жили. Уже политическое ушло — КПСС нет, советской власти — тоже... Но музыка-то не виновата! Музыку-то за что дискриминируют?

«Мелодии и ритмы ГУЛАГа»

Третий диск назывался GULAG TUNES И ДРУГИЕ ХОРОШИЕ МЕЛОДИИ. Здесь тоже песенная классика, но группа VIVISECTORS исполняет ее в стиле surf. Известный исполнитель «Мурки» встретил альбом с восторгом...

— Русский блатняк? Вот была вольница — жулье, бандиты! Прогоняй дальше! Дальше, говорю, прогоняй диск! «Напрасно старушка ждет сына домой...»

— А вы сами сидели, Владимир Вольфович?

— «...ей скажут — она зарыдает».

— У вас татуировка на левом плече или на правом?

— Нет ни одной. Я вообще не сидел в советской тюрьме. «Девочка с распущенной косой, мои губы трогала губами...»

Лидер ЛДПР и журналист «КП» — дуэтом:

— «О-о-й!»

— А эту мелодию узнаете?

— Ну как же! «Там сидела Мурка в кожаной тужурке...» Я честно жил! «...Из кармана виден был наган». Рубля не украл нигде!

— «Чтобы не зашухариться...»

— «...Мы решили смыться...» Эти мелодии напоминают о страшных временах. «...Но за это Мурке отомстить». Они сочинены людьми, которые страдали. Это не на заказ, это от души, почему они до сих пор и трогают... «Самому блатному, Косте Шухарному...» Мою тетку трижды сажали при советской власти, и все ни за что. Бедная женщина! «...Мы решили дело поручить». Но это не мое.

— Как же не ваше? Вы же только что «Мурку» на всю страну в валенках, в передаче «Две звезды» и в телогрейке распевали.

— Похож, да? Я и в детстве так ходил, потому что носить было нечего. Я сам песню не выбирал — репертуар составляли редакторы Первого канала. Я хотел патриотическую «С чего начинается Родина». Они все это зарубили, «Мурку» и «Владимирский централ» им подавай. Сложная эта тема, больная...

«Комсомольская правда», 14 февраля 2007 г.

* * *

...Тогда я не придал значения этим словам Жириновского. А потом как-то поехал вместе с ним в женский следственный изолятор № 6, что в столичном районе Печатники.

— Владимир Вольфович, с чего начнем? — спросили у него «граждане начальники» из СИЗО.

— Давайте сразу — в камеры! — предложил Жириновский. — Там же все-таки женщины...

— За что вас задержали? — спросил он у симпатичной девушки.

— За кражу, — ответила Светлана Д.

— Сколько же вы украли?

— Тысячу рублей.

— А как быть матерям-одиночкам? — вполголоса спросила молодая женщина.

— Юлька, говори громче, он не услышит, — подсказали ей подруги по камере.

(Как потом пояснила Юлия В., она задержана по 158-й статье — за грабеж, сумма — три тысячи рублей, на свободе у нее остался трехлетний ребенок.)

Но Жириновский ее услышал.

— За такие проступки наказывать, конечно, надо, — в сердцах проговорил лидер ЛДПР. — Но не так же строго! Посмотрите, здесь сидят бедные люди... Проблема в том, что до сих пор отыгрываются на бедных, на малоимущих — для статистики: вот, мол, какая идет борьба с преступлениями, вон сколько арестовано! В тюрьмах должны находиться только убийцы и крупные мошенники.

4. Антихолестириновая диета от лидера ЛДПР

В начале октября 2008-го на экраны вышел новый художественный фильм «Адмиралъ» — об Александре Колчаке. Мы решили его обсудить в редакции — пригласили авторов этой нашумевшей ленты, кинокритика, историков. И разумеется, Жириновского — как же без него! Спор разгорелся такой, что искры летели. Эпатажности (со стороны вождя ЛДПР) было — хоть отбавляй. Вот лишь небольшой фрагмент той дискуссии...

— Я был в городе Чапаеве, выступал там,— задиристо начал Владимир Вольфович. — Знаете, говорю, что ваш город носит имя бандита? «Нет, нет, — отвечают мне, — вы что?!» До сих пор у них в голове Чапаев, Щорс, Буденный, Ворошилов и так далее.

Большевики вырезали цвет русской нации. Начисто. Они обнаглели!

Вот они наши герои — Колчак, Врангель, Юденич, Деникин, Брусилов. Вот это генералы!

— Если точно так же (как фильм «Адмиралъ». — А.Г.) сделать биографию Гитлера, — возразил Жириновскому известный историк Юрий Жуков, — он окажется таким же белым героем на белом коне. После вашего фильма уже в голове ничего не останется у молодежи, она ничего уже не знает и вы ее окончательно запутаете вот своей фантастической, выдуманной версией отечественной истории. А ведь история простая. Красные выиграли — все! И не вам судить, что было бы, если бы да кабы... Уже все произошло.

— Нет, красные проиграли! — возразил Жириновский. — Кончилось-то чем?

— Бюрократами, чиновниками, — невозмутимо ответил Жуков, — которые до сих пор во власти.

Лидер ЛДПР спорить не стал.

Военный историк Денис Козлов напомнил:

— Колчак имел очень своеобразный психотип. Он ведь был неврастеником. А чего стоило метание Колчаком ножниц в инженера-механика, который доложил адмиралу, что один из миноносцев не прибыл вовремя из ремонта!

Жириновский секунду помолчал, а потом взорвался:

— «Неврастеник»... Вот если бы за этим столом сидел психолог, он бы сказал, что прав Жириновский... И я могу сто раз бросить все, что угодно, — бутылкой по голове вам всем дам.

Участники дискуссии сразу же присмирели...

— Так вот, — продолжал Жириновский, — и когда Колчак швырял ножницами в мерзавца... Вы не можете понять, что есть люди — очень умные люди, они гении, они хоть что-то могут делать. И есть быдло, серый чиновник, который никогда ничего не сделает, он будет сидеть тихо, скромно... Все люди, которым судьба, история дала возможность решать великие дела, — они все находятся в таком нервном состоянии. Когда гибнет твоя страна, нельзя сидеть тихо! Вот так и Колчак...

А дальше пошел такой вот «кинематографически-гастрономический» разговор...

В.ЖИРИНОВСКИЙ:

— Если послушать всех, кроме меня, то вообще ничего нельзя снимать... Я сказал то, что думает и хочет народ, массы.

Трагедия России — женское начало. Вы это не трогаете. Потому что вы все подкаблучники. Как были, так и остаетесь. Трагедия Колчака и всех наших военачальников, всех правителей — то, что именно в русском обществе женщина играет главенствующую роль. И это наша трагедия. Возьмите глобально, без конкретных имен, вы возьмите историческую суть. До сегодняшнего дня женское начало нам мешает принимать правильные, нужные решения. И еще интеллигенция.

Ю.ЖУКОВ:

— Согласен, согласен.

В.ЖИРИНОВСКИЙ:

— Вот стол перед нами накрыт. Все, что здесь лежит, мне вредно есть по здоровью. По гемокоду. У меня антиуглеводная диета, антихолестериновая. Если мое субъективное мнение взять, то здесь отвратительный стол, а вам понравился он. И мы так никогда не договоримся. Мне не нравится не потому, что это плохой виноград, рыба, колбаса. Мне это вредно. Можете это понять?

Ю. ЖУКОВ:

— Могу.

В.ЖИРИНОВСКИЙ:

— А мне говорят: нет, я должен сказать, что это хороший стол. (Жириновский начинает есть виноград, рыбу и колбасу.)

Ю.ЖУКОВ:

— Вежливый человек поблагодарит, но ничего не съест.

В.ЖИРИНОВСКИЙ:

— Я вежливо говорю — для меня дороже один Колчак, чем сто Лениных.

Ю.ЖУКОВ:

— А зря.

В.ЖИРИНОВСКИЙ (перестает жевать):

— Ну, опять... Но я имею право так думать?
Ю.ЖУКОВ:
— Нет!
В.ЖИРИНОВСКИЙ:
— Вот страшно. Вот от этого... Дайте еще один фильм!

5. «Чтобы отвадить чиновников от Куршевеля, надо их кормить бесплатной горчицей»

Когда начался глобальный экономический кризис, я вспомнил про «антихолестириновую диету» Жириновского и решил пригласить его в московский ресторан, который так и называется «Кризис жанра». Причем вовсе не для того, чтобы позабавить растревоженных читателей (хотя, наверное, и для этого тоже), а дабы поговорить начистоту: как спасти Россию от бедности? Вот что из этого получилось...

«Даешь кильку в томатном соусе!»

— ...Винегрет, соленые огурцы, килька в томатном соусе, ливерная колбаса... Ого, сколько «Комсомолка» заказала!

— Там, Владимир Вольфович, еще и картошка в мундире варится.

— Куда столько? Кризис же!

— Так я же не ел целый день... Вот наскреб — заказал антикризисное меню. Специально для вас. Чтобы поговорить: как нам от бедности спастись?

— Ну поешьте, поешьте — а то прямо здесь, в «Кризисе», и окочуритесь...

Корреспондент «КП» жадно ест. Вождь ЛДПР сочувственно наблюдает:

— А вот скатерочка правильная, антикризисная. «Комсомолочку» подстелили — и все...

— В Думе-то как сейчас насчет питания? Глобальный финансовый кризис на разблюдаж повлиял?

— Нет, меню — без особых изменений.

— Мы, журналисты, иногда там у вас харчимся — цены раза в два ниже, чем в обычной московской столовой. В Кремле и Белом доме — то же самое.

— Да, это не по-кризисному... Хотя у них хватает зарплаты. Чиновник сегодня в среднем получает пятьдесят тысяч, есть те, кто и по восемьдесят, и по сто. Да и депутаты не обижены.

— А как их заставить, чтобы они ели-пили, как простой нуждающийся народ?

— Ну как? Трудно это... У них мода — обязательно сходить в дорогой престижный ресторан. Я же слышу, как они между собой:

«Вот вчера хорошо посидели в “Пушкинском”, а позавчера — в “Метрополе”...»

— То есть в такой вот «Кризис жанра» они не пойдут?

— Ни за что! Скажут: «Забегаловка, бомжатник». А я пришел, и с удовольствием. У меня память еще есть та, от обычных столовых. А у них такой памяти, видно, нет...

— А вот как их отвадить от Куршевеля, от «Метрополя»?

— Сначала прожуй...

Подходит официантка Маша.

Корреспондент:

— А у вас горчица за деньги или бесплатно?

Официантка:

— Бесплатно.

Корреспондент намазывает на хлеб толстый слой горчицы.

— Владимир Вольфович, давайте я вам тоже бесплатной горчички.

— Давайте бесплатной. С удовольствием. Но чуть-чуть. Вот, кстати, «куршевельских путешественников» такой бы горчицей и покормить... А им обязательно Куршевель нужен! И часы подавай им итальянские «Гуччи», японские «Сейко»... По сто тысяч долларов, по триста тысяч... Это для них норма, когда очень дорогое что-то. А мне, честно скажу, близко не нужно. Вот, бывает, наденешь какой-то скромный костюм да рубашку такую же, победнее, да часы, а я ношу только дешевые, за две — три тысячи рублей — они могут и возмутиться еще: дескать, что это такое, бомжуешь тут, ходишь среди нас.

— Это в Думе или в Кремле?

— И там, и там. Везде это сегодня, мне кажется, во всех эшелонах власти. Считается даже неприличным говорить на эту тему. Даже насмехаются... Вбили себе в голову норму наоборот.

— Но они же должны соображать, что люди жить стали хуже, что ужимаются...

— Вот этого соображения нет еще.

— Это можно как-то сейчас переломить, такую «куршевельскую» психологию, или уже бесполезно?

— Можно, можно! Нам легко вернуться к скромности. Но должен быть пример. Почему президент Медведев и заявил, мол, что его это волнует — куда чиновники ездят, как одеваются.

— А на вас сейчас рубашка дешевая, ага?

— Я был как-то на распродаже — купил себе рубашку за 300 рублей. Если бы я знал, что мы идем в «Кризис жанра», я бы лучше ее надел... И она мне нравится. Материал — чистый хлопок. Ну давайте выпьем за скромность, что ли? Есть чего?

— Да! Я водку с собой незаметно принес, чтобы подешевше.

Корреспондент «КП», озираясь по сторонам, достает из внутреннего кармана своего потрепанного пиджака бутылку «Комсомолки», прячет ее под стол и там разливает водку по стаканам.

Вождь:

— Правильно, Гамов, разливаешь. Мы это всегда делали при советской власти. Под столом разливали, в пельменной. Да, да, вот так. Вот бутылка должна быть не такая, а чекушка — не хватало денег на поллитру-то. А стаканы граненые, правильно. Эти брались с мойки, в них чай подают или кофе.

— А я тоже взял с мойки!

— Молодец! Значит, вся эта система осталась.

Корреспондент активно нажимает на винегрет, а вождь пододвигает к себе консервную банку:

— О! Даешь кильку в томатном соусе!

«Порции — пополам. А Зюганову — полную!»

Официантка Маша приносит постный овощной суп, сваренный на воде.

Вождь:

— Почему такие большие тарелки и супа почти до краев?

Корреспондент:

— Что же нам, порцию супа с вами на двоих поделить, что ли?

Вождь:

— Да, по чуть-чуть. Половника-то нету? Возьмите ложку и поделите. Все вас учить...

Корреспондент делит одну порцию на двоих. Обращаясь к официантке:

— А хлеб бесплатно?

Официантка:

— Нет, за деньги.

Корреспондент (растерянно):

— У меня денег в обрез, так что придется есть суп без хлеба...

Вождь:

— Маша, от меня добавьте Гамову пару кусочков.

Корреспондент (радостно):

— Маша, за эти кусочки на счет Владимира Вольфовича запишите...

Корреспондент (быстро) и вождь (медленно) едят суп.

Корреспондент:

— Владимир Вольфович, а почему вы суп не доели?

— Это много мне. Я стараюсь есть меньше. У нас сидячий труд. Вот и лишний вес. Я беру обязательство за время кризиса сбросить семь килограммов!

— Кому еще из политиков не мешало бы сбросить вес?

— Из правительства — Виктору Христенко килограммов шесть. Немножко расплылся. Он же отвечает за всю промышленность и торговлю. Надо всем им по полпорции теперь есть! А у Зюганова лишних килограммов пятнадцать. Вообще-то нет, ему не надо сбрасывать. Наоборот, пусть еще больше толстеет. Ему надо съедать полную порцию. Я бы еще и добавку давал.

Корреспондент (возмущенно):

— А почему добавку-то?

— Потому что худой Зюганов будет злым. А толстый — добрее. В этом кризисе выигрывают только коммунисты. Им ничего не надо делать, только обрисовать картину сегодняшней жизни — и все, пошли их агитки. Коммунисты мне подарили свой календарь, там написана у них такая фраза, что единственное спасение сегодня — это возвращение советской власти... Вот будем на фракции ЛДПР решать, как с этим бороться. Постараемся сделать все, чтобы Геннадий Андреевич еще поправился.

— Насильно кормить, что ли, да?

— А что же делать? Сейчас я его встречаю, он просто расплывается весь от улыбки. Он ходит и балдеет.

— А чего Зюганов так веселится?

— А то, что якобы экономика сама выбросила все козыри в их пользу. Кто виноват? Модель. Вот они по модели и бьют. По монетаристской, либерализму и так далее.

— Может, еще килечки?

— Вы доедайте, а мне хватит... У коммунистов-то на последнем съезде прозвучала фраза: «И ветер снова дует в наши паруса». Во! Но зря они так радуются — советскую власть никто не будет восстанавливать.

— А почему вы так думаете?

— Новое поколение в России выросло. Его назад уже не повернуть. Старые кровавые грехи не дадут коммунистам это сделать. Сколько они истребили людей! Если бы они, находясь у власти, никого бы не истребляли, у них был бы сегодня шанс. А они в крови все подавляли.

«Давайте откроем комиссионки!»

Корреспондент (обращаясь к официантке):

— Маша, а водичка входит в стоимость?

Официантка:

— Нет, вода бесплатно.

Корреспондент:

— Тогда принесите две бутылочки. Нет, четыре!.. Владимир Вольфович, как помочь бедным?

— Открыть магазины по твердым ценам, бесплатные столовые, ночлежные дома, социальные приюты.

— А по твердым ценам — это как?

— Это магазин, где цены не повышаются. Стоит хлеб пятнадцать — двадцать рублей, будет так и стоить. И бедный человек будет знать, что он всегда купит вот этот батон, эту кильку, крупу, сахар, соль, масло, может, не самого лучшего качества, но он будет знать, что на три тысячи рублей проживет.

— А вот ливерка — закусите-ка...

— Разве можно? Богатые люди барана резали когда, кушали только мясо, а требуху всю выбрасывали. Бедные брали все это и варили суп.

— Так и мы от бедности... Зато богатые вот сейчас ах как пострадали!

— Да, вот они миллиарды теряют. У кого было пятнадцать миллиардов, сегодня — уже семь, а завтра будет два.

— Так им, блин, и надо!

— Ну а нашим простым гражданам что обидно? Что кризис вызвали финансовые спекулянты, миллиардеры пострадали, им поделом, но рикошетом-то — по простому народу! Паны дерутся, а чубы у холопов трещат. Треск чубов-то с какой стати?

— А вот то, что народ бросился менять рубли на доллары? Доллары на евро?..

— Это государство виновато. Надо было остановить обмен. На полгода — никакого обмена! Потому что это приводит к большим экономическим потерям. Тратьте рубли, покупайте наши, отечественные товары. Это будет сохранять рабочие места.

И вот эти вот спекуляции сейчас на курсе рубля и валюты само государство спровоцировало. Вы даете банкам деньги? Напишите в договоре передачи денег от ЦБ этим банкам: только в реальный сектор экономики, на кредитование! Нет? Забираем деньги обратно. А они просто дали, на вольные хлеба.

И это взорвало курс. Некоторые очумелые говорят, что до ста рублей за доллар дойдет. Вот они все заработают...

— А вы-то как считаете?

— Ну до пятидесяти дойдет, да. Хотя обещает правительство, что выше сорока одного они не опустят.

— Как остановить рост цен, а?

— Элементарно. Законом ввести предел торговой наценки — десять процентов. На все продукты первой необходимости. Вот, допустим, молоко от коровы стоит семь рублей за литр. Ты его везешь на молокозавод — десять процентов надбавка. Все! А сейчас? Молокозавод переработал — еще десять процентов. Дальше везешь в торговую сеть — опять десять процентов. И продаешь в торговую сеть — снова десять процентов. Сорокапроцентная надбавка! И так на всю продукцию. Поэтому и цены бешеные. Да-а, не хватает нам классики в политике и экономике... Ветер дует здесь, сквозняк.

— Может, потому, что вы мало ели?

— Надо меньше писать, печатать, показывать страшные вещи. Вы переняли это у американцев, а они это специально ввели, чтобы сгонять вес. Смотрят страшные фильмы, волнуются и сгоняют. У нас жизнь страшная. А мы запускаем по всем каналам каждый день — обязательно убивают, расстрелы, наркотики, пожары, тонут... Ну разве можно так? Давайте еще раз выпьем, чтобы мы все друг друга правильно понимали и помогали друг другу и бедным.

— Ага, давайте...

Корреспондент и вождь, не морщась, выпивают.

Вождь:

— Да! Вот как еще помогать. У многих людей очень много дома одежды, которая им не нужна. А старые советские комиссионные магазины позакрывали. У меня много лишней одежды — я ее раздам. Но где, куда? Встану на улице? Скажут, с ума сошел Жириновский, стоит с пиджаком и кому-то предлагает. Давайте откроем снова такие комиссионки, большие площадки торговые. И мы туда, у кого есть лишняя одежда, просто отдадим. И там наши люди будут покупать по двести, по триста, по пятьсот, по тысяче рублей нормальную одежду.

— Не только рубашки, скажем, а можно и старый телевизор, например.

— Да! Полно! Пылесос, стиральная машина... А кому-то это нужно.

— А это ничего, что я чай по бедности заказал слабенький и без сахара?

— По бедности и без сахара можно... И чашечки еще поменьше бы. Экономить можно во всем. Это может быть нормой. Скромно посидели, тихо.

— Хоть и бедность, буянить не будем.

— Ни в коем случае.

АНТИКРИЗИСНЫЕ СОВЕТЫ

Стоит ли облизывать тарелки?

— Владимир Вольфович, а надо ли сейчас после обеда облизывать тарелки?

— Тарелки надо уменьшить — они у нас огромные. И глубокие. Нигде в мире таких нет. А облизывать или нет?.. Если не наелся, возьми кусочек хлеба, собери им с тарелки остаток супа или соуса и скушай. Ничего зазорного в этом нет. Кризис...

Корреспондент «КП» кусочком хлеба собирает остатки кильки в томате и съедает.

— Вот так! Правильно! Вся страна так должна!

— Вы сейчас так кушаете в думской столовой?

— Я все с собой из дома приношу.

— Из экономии?

— И из экономии, и еда домашняя качественнее — борщ приношу, какой-нибудь суп или уху, кусочек рыбки, макарончики, картошечку. Сок я разбавляю водой.

— И сколько же экономите в день?

— Если, допустим, в день у человека на питание уходит пятьсот рублей, то у меня — сто пятьдесят. Я живу в три раза дешевле, чем все остальные.

«Комсомольская правда», 14 февраля 2009 г.

VI. Рамзан Кадыров «Я БЫЛ БЕДНЫЙ СЕЛЬСКИЙ ПАРЕНЬ. А ТЕПЕРЬ БОГАЧ»

1. «Кто не верит нам, пошли они к чертовой матери!»

— А не слабо ли и вам сходить со мной в баню? — спросил я как-то у Рамзана Кадырова.

— Подумаю, — уклончиво ответил он, прочитав мои банные интервью-репортажи.

И вот звонок из Грозного:

— Приезжай, Рамзан вас ждет.

Прихватив с собой веники и мочалки, мы вылетели в Чечню.

Но Кадыров с порога меня огорошил:

— Не-е, публичная баня — не в нашем менталитете.

Но «париться» нам все-таки пришлось. На боксерском ринге...

ПЕРВЫЙ РАУНД

«Подумаешь, подрались...»

Комментирует Владимир ВЕЛЕНГУРИН, фотокор «КП», кандидат в мастера спорта по боксу:

— Внимание! Мы ведем наш репортаж из города Гудермеса, с проспекта имени Ахмата Кадырова, где начался поединок между мастером спорта по боксу Рамзаном Кадыровым (выступает в оранжевой майке «Комсомолки») и спецкором «КП» Гамовым, имевшим в детстве высший дворовой разряд по кулачным боям (он в черной майке с надписью «Кадыровский спецназ»). Первый раунд проходит при явном преимуществе хозяина ринга. Кадыров больше передвигается, чаще делает обманные движения. То есть Рамзан вводит спецкора «КП» в заблуждение.

— Кстати, о боксе. И чего вы, Рамзан Ахматович, не поделили?

— Кто не поделил?

— Да я про драку двух охранников — вашего и президента Чечни Алханова, которая случилась в Грозном.

— А-а, вот о чем... В Госдуме дерутся — и ничего, а здесь — сразу политику делают.

— А чего же тогда вас с Алхановым возили к Путину в Кремль? Говорят, мирить. Трения между вами...

— Абсолютно никаких трений. Злые люди пустили слух, чтобы Алу Дадашевич Алханов меня уволил. А я еще хочу служить народу.

— Вы имеете в виду анкеты, появившиеся в Чечне, в которых людей спрашивают, у кого больше рейтинг — у Кадырова или у Алханова?

— Когда мой отец был жив, они в месяц раз делали опрос — узнать настроение людей. В анкетах не рейтинги, а насколько оправдались надежды, связанные с Кадыровым-премьером. Это наше министерство печати придумало — я и не знал. А здесь трагедию раздули... Есть, есть такие подлые люди, которые вводят народ в заблуждение.

— Вас с Алхановым хотят поссорить?

— Да. Зачем это надо? Мы должны работать вместе. А люди, которые вокруг него ходят — два-три человека там, вот они не дают правительству работать. Ну что еще там говорит Москва?

— Рамзан делает все, чтобы, когда ему тридцать лет исполнится...

— Да, осенью.

— ...стать президентом Чечни.

— Во! (Смеется.) Вот еще (цитирует какую-то бумагу, но в руки не дает): «...заранее подготовить почву для переворота, не дожидаясь, пока осенью исполнится 30 лет, и он сможет занять кресло президента...»

— А какого числа в Чечне переворот?

— Всякую ерунду пишут, а ты спрашиваешь... В разбомбленной республике быть президентом кто хочет? Это все головная боль. Я не хочу даже быть председателем. Не хочу. Если вот замена будет — который на мое место — уступлю.

— Да, чуть не забыл... А чей охранник-то тогда победил?

— А-а! Мой! Проигрывать не любим!

«Сначала почитаем, что ты про нас напишешь...»

...А познакомился я с Рамзаном еще в июле 2004-го. Тогда в родовое село Кадыровых — Центорой — наш Ми-8 пробирался украдкой, прижавшись брюхом к самой земле, «отстреливаясь» тепловыми ракетами, чтобы в нас, не дай Бог, не угодила бандитская «игла» из переносного зенитно-ракетного комплекса. Несмотря на тревожные «ориентировки» из спецслужб, мы все же решили лететь в Чечню — матерясь и почем свет костеря чеченских боевиков. Стремно было тащиться в российский регион вот так, крадучись...

Центорой встретил нас десятками вооруженных бородачей в камуфляже. Они цепью стояли и на сельских улицах, и на кладбище, где похоронен Ахмат-хаджи. (Первый президент

Чеченской Республики Кадыров погиб 9 мая 2004 года в результате взрыва на стадионе «Динамо» в Грозном. — А.Г.)

Сам Рамзан Кадыров был одет в белый, похожий на тренировочный костюм из тонкого натурального шелка. И вообще он больше смахивал на курортника, чем на первого вице-премьера правительства и начальника охраны президента. (А именно эти должности он занимал в то время.)

Если не считать тех нескольких минут, пока местный мулла читал над могилой Ахмата Кадырова молитву, Рамзан все время острил. Порой трудно было понять, всерьез он говорит или шутит. Тем более что разговор у нас продолжился за обедом, в гостевом доме Кадыровых.

— Рамзан, когда в Чечне наступит мир?

— Мы полагаем, а там располагают. — Рамзан молитвенно сложил руки и подобострастно посмотрел куда-то вверх.

— Вы имеете в виду Кремль?

— И Кремль, и Аллаха. Ведь мы стали на этот мирный путь во имя Аллаха и Кремля.

— Некоторые говорят: чтобы в Чечне все устоялось, нужно сто лет.

— Дурью маются. Нам надо верить. И помогать. Если это будет, мы через два года восстановим экономику, а через пять — социальную сферу. Мы докажем, что Чечня — самая мирная процветающая республика.

Когда гости доели плов и им подали чеченские галушки с мясом, Рамзан спросил:

— Ну, какие еще вопросы у «Комсомолки»?

— Говорят, у вас появилась возлюбленная, и вы скоро на ней женитесь...

— У меня одна жена, — строго сказал Рамзан, — и четверо детей.

— Ты договоришься, что тебя в заложники возьмут, — предупредили меня.

Рамзан на эту шутку никак не отреагировал. А я возьми да и спроси:

— А, кстати, сколько стоит в Чечне корреспондент «Комсомолки»?

Рамзан оценивающе посмотрел на меня:

— Сначала почитаем, что ты про нас напишешь, тогда и решим...

...Ну, вот я и пишу о нем все эти годы... Точнее, записываю за ним. А он читает.

Реагирует на мои писания Рамзан по-разному. Иногда смеется вместе с читателями «Комсомолки» — а большинство их,

судя по откликам, воспринимают эти публикации как «шутки юмора».

А бывает, и обижается, даже злится — это когда его помощники, в совершенстве знающие русский язык, нашептывают Рамзану, что я «недостаточно» перевожу его «с чеченского».

Как-то Рамзан даже огорченно обронил:

— Мне говорят: «Не дружи с Гамовым — он провокатор». А я вот дружу и дружу ...

— А зачем дружишь-то? — спросил я.

— Не могу не дружить, — ответил он. — Ты — мой брат.

Но дело, думаю, не только в том, что мы с ним «побратались». Мои публикации о нем никогда не врали. Потому что я избрал хитрую журналистскую форму: только расспрашиваю Рамзана. А отвечает-то он! Причем искренне...

Чтобы не испарилась эта искренность, я спорил с корректурой «Комсомолки», которая (видимо, ее «подкупили» русскоговорящие чеченцы из окружения Кадырова-младшего) норовила «причесать» некоторые рамзановские фразы. Слава Богу и Аллаху, этого не произошло...

И еще. Я много разного понапрочитал про Рамзана: мол, бандит, предаст... Но чем больше я его узнавал, тем чаще убеждался: Рамзан — не тот, за кого его хотят выдать его же недоброжелатели.

Он — такой, какой есть: дитя чеченских равнин и гор, «потомок» военного лихолетья, «продукт», причем не худший, путинской — как показывает время, вполне сносной — политики на Северном Кавказе.

Об этом же говорит и его красноречивый (не путать со словесным) портрет, может быть даже, образ, который он сам же и «надиктовал» — вот этими своими «корявыми», на первый слух, фразами...

ВТОРОЙ РАУНД

«...Но кулаки не чешутся»

Комментирует Владимир ВЕЛЕНГУРИН:

— ...Боксер Гамов ведет себя слишком прямолинейно, открыто идет в наступление, при этом не защищаясь, в результате пропускает удары Кадырова в лоб и в грудь. Но что это? Бой, похоже, выравнивается — журналист становится энергичней, бьет все точнее. Ой-е-ей! Спецкор «КП» наносит премьеру Чечни хороший удар в живот...

— Чешутся иногда кулаки?

— Нет абсолютно. (Сжимает кулаки и чешет один о другой.)

— А на работе?

— Хозяйством же занимаюсь! Драться не получается. Надо объяснять.

— Когда вас назначали премьером, вы говорили: если за три месяца не поправлю дела в Чечне — уйду в отставку.

— Клянусь Всевышним, уйду.

— Через две недели срок истекает...

— Если народ скажет: Рамзан, ты не оправдал наше доверие...

— А народ что говорит?

— Большинство доверяют. Если я скажу, что у меня получилось, некрасиво будет. Мы делаем мизер из того, что могли бы. Не выделяются полностью деньги. Аэропорт открыть, восстановить цемзавод, сахарный завод. Истратили восемьсот миллионов рублей, надо еще семьсот миллионов. Их не дают. А оборудование на двести миллионов купили, под дождем лежит. Президент (кивает на портрет Путина) говорит Грефу: «Найди пять миллиардов рублей для расчистки Грозного». А тот снимает эти деньги с восстановления заводов. «Зачем они вам?» — говорят в Москве. Нужны — мы восстанавливаем народное хозяйство. Я больше не буду просить. Буду подавать на Грефа (в то время глава минэкономразвития и торговли. — А.Г.) в суд!

— Может, чиновники взятку ждут?

— Надо давать взятку... (Сверкает глазами.) Почему Чеченской Республике на дороги дают семьдесят миллионов рублей, а Ингушетии, Дагестану — пятьсот–семьсот миллионов?! Раньше газопровод из Ставрополя проходил через Чечню, а теперь его повели через Дагестан. Триста пятьдесят человек у нас остались без работы.

— Что, так все плохо?

— Да не, не все. Если бы все, дети бы у нас не рождались. А сейчас рожают каждый год больше. Детсады строим, школы, мечети. Двадцать один спортзал у нас работает. Даже фитнесс-клуб будет.

— Меньше воруют сейчас, что ли?

— Где воровать? (Хлопает по своим карманам.) Пока деньги не выделяют... Как можно воровать, как можно пить кровь людей?

— Но раньше же воровали.

— Не мы воровали. Мы только получали «целевые» деньги на зарплату. Дирекция же по восстановлению Чечни сидела в Москве, вот там и надо смотреть, кто воровал. Да, там.

— И много воровали?

— Я не считал. Но если деньги выделялись, а за пять лет

ничего не сделано, если всем говорят: «Чечня — “черная дыра”», — много воровали.

— Откройте секрет, где вы деньги берете? Греф жадничает, а Рамзан: тому — двадцать тысяч, тому — пятьдесят. Вы богач?

— Я из народа. Был бедный сельский парень. А сейчас богатый, потому что помогаю народу. Люди получают удовольствие. Значит — богач.

— А деньги-то откуда?

— Фонд имени Ахмата Кадырова, пожертвования моих друзей, которые помогают нашему народу.

— У вас есть свой бизнес?

— Не, не занимаюсь уже. Я бизнес отдал друзьям. Какой не скажу, должность не позволяет.

— Вы за время премьерства похудели?

— Да, на восемь килограммов. (Смотрит в зеркало.) Еще шесть хочу сбросить. Худой, дерзкий, симпатичный премьер будет в Чечне! Если я толстый буду, я ходить не буду — только спать, спать... А если худой, пробивной буду.

ПОСЛЕ ПОЕДИНКА

«Не буду же бить свой спецназ»

Комментирует Владимир ВЕЛЕНГУРИН:

— ...Вообще-то соперники собирались провести четыре раунда. Но уже к концу второго их неожиданно разобрал смех. После чего Кадыров, показав на майку, надетую на Гамова, сказал: «Не буду же я бить свой спецназ». А Гамов, размахивая перчатками, заявил: «“Комсомолка” непобедима!» К тому же боксеры запутали зрителей своими футболками — те не знали, за кого болеть. Объявили перемирие...

— В Чечне сейчас много боевиков?

— Если бы много, они бы не давали нам жить.

— А сколько точно?

— Мало. Раньше противовес был, политический — больше людей их поддерживало. А сейчас перевес наш. Девяносто процентов на нашей стороне.

— Сегодня уже в Дагестане, Ингушетии стреляют. Это мечта Басаева — поджечь весь Северный Кавказ — сбывается?

— Это мечта не Басаева, а «Аль-Каиды», а Басаев — их представитель. Нужна масштабная операция — в Ингушетии, Дагестане, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии — и давить! У нас пока, как взрыв — тогда выезжают. Как пожарники. А надо

до пожара поработать.

Почему терроризм на почве религии? Бандиты показывают, что они там мусульмане — убивают христиан, неверных. Но в настоящем исламе, который исповедовал мой отец, а теперь мы, этого нет. Надо объяснять, что такое ислам. Мечети строить, духовные школы. Тогда терроризм пропадет. Только бы нам не мешали...

— Кто же вам мешает?

— Фильмы по телевизору. Они вот заводят молодежь. Чеченцы там в искаженном виде... Я хочу выбросить телевизор и вообще не смотреть. Все говорят, что мы россияне, а показывают, что фашисты. Будто мы десятилетней давности, совсем по-другому, чем есть на самом деле.

— Вот ваш спикер Абдурахманов предложил Чечню, Ингушетию и Дагестан объединить...

— Он не предложил. Его спросили: возможно ли это? Он сказал, что мы братские народы, что он не против как брат жить вместе.

— Чечня от моря до моря?

— Если мы восстановим республику и все у нас будет супер, другие сами пожелают объединиться с нами.

— То есть вы не против?

— Если ты выпустишь это, скажут: «Кадырову мало Чечни, он такой-сякой, он плохой!» Я пока против категорически объединяться.

— А не хитрите, Рамзан?

— Как это, хитрить? Зачем это нужно? Я за этот мир и стабильность потерял все! Мой отец жизнь отдал за стабильность. Я потерял триста двадцать близких людей. Я не последний человек, чтобы даже думать об этом.

— А вот в Москве приходится слышать, что чеченцам верить нельзя...

— Да пошли они...

— ...что вот раздали им оружие зря.

— Пошли к чертовой матери, кто так говорит.

— Или чеченцы меняются сейчас?

— Посмотришь, послушаешь — или меняются, или устали. Нет чеченца, который скажет: мы должны воевать! Чеченцы поняли: нас всегда используют недруги республики. Поэтому у нас сейчас девиз: чтобы больше не обманывали нас! Клянусь отцом и Всевышним!

«Комсомольская правда», 30 мая 2006 г.

2. «Мы должны доставить тебя к Рамзану живым»

В марте 2005-го я снова отправился к Рамзану Кадырову.

...Стреляли. У первого же блокпоста, который попался нам по пути, едва мы пересекли границу с Чечней. Водитель-чеченец, который меня вез, резко затормозил и дал задний ход. На мою просьбу остановиться, «чтобы поснимать бой», он отреагировал нервно: «Нельзя! Мы должны тебя доставить к Рамзану живым».

В село Центорой, к гостевому дому Кадыровых, мы приехали, когда уже стемнело. На крыльце меня охрана обыскала.

Чеченец с автоматом повертел в руках бутылку водки «Комсомолка»:

— А это зачем? Рамзан не курит и не пьет.

«Хочу вернуть нашим детям потерянную улыбку»

...Во время разговора в доме появились двое пацанов — Хамзат и Турпал-али, родные племянники Рамзана, отец которых погиб несколько лет назад. Рамзан сразу заметно повеселел...

— Слушай, «Комсомолка»! Мы так и будем говорить только о войне?

— Ну хорошо. Давайте о мире. Рамзан, согласитесь, строительство аквапарка в Гудермесе, где и водопровода-то нет, — это не то, что нужно сегодня Чечне.

— А откуда вам знать, что нам нужно? Теперь я понимаю, почему ты в своей статье про Чечню написал, что мы совсем не умеем носить одежду, а Рамзан Кадыров «больше смахивает на курортника». Это надо же: военную форму перепутать со спортивной!

Аквапарк — на него ни копейки из бюджета не берем! — мы строить будем. Я хочу вернуть нашим детям ту улыбку, которую мы потеряли в 1991-м.

У нас будут лечебные воды. И спортзалы будут, и школы, и детсады, и больницы... На месте разрушенных — новые микрорайоны. Много чего будет.

Еще мы запустим двадцать промышленных предприятий, в том числе Аргунский сахарный завод. Больше тринадцати тысяч рабочих мест появится, мы обеспечим ими хотя бы одного члена семьи.

Скоро весь мир узнает, что у нас есть не только выдающаяся

футбольная команда «Терек»!

«Предатели пытаются нас разъединить»

...Был момент, когда Рамзан закатал рукав своей футболки и сжал руку, демонстрируя мне бицепсы. Ему было что демонстрировать...

— Говорят, у Рамзана Кадырова гигантская гвардия: то ли три тысячи человек, то ли семь тысяч...

— У меня больше. У меня столько людей, сколько мне надо. Но это никакая не армия, это патриоты народа.

Мои единомышленники. Они служат в МВД, в ФСБ, в разведротах. Они знают моего отца и шли за ним. Он сказал, что надо закончить войну, чтобы у нас не убивали, а созидали. Под этим лозунгом они и дальше продолжают поддерживать меня как сына Ахмата-хаджи Кадырова. Это не моя армия. Это армия России.

— И еще говорят, «армия Рамзана» мешает федеральным силовым структурам наводить порядок в Чечне, у вас нет взаимодействия...

— Нет такой проблемы. Я всегда работал с оперативным управлением ФСБ, мы всегда находили общий язык, мы всегда выполняли их задания. Большинство операций мы проводим вместе с федеральными силовыми структурами, которые здесь у нас на постоянной основе. Главарей наемников — не только Масхадова, но и Хаттаба, Абу-аль-Валида и других — мы ликвидировали вместе.

— Некоторые СМИ — и у нас, и за рубежом — утверждают, что Рамзан Кадыров причастен к похищениям людей.

— Это досужие вымыслы.

— Кто же этим занимается?

— В большинстве случаев боевики.

«Молюсь Аллаху, а Кремлю служу»

...Разговор у нас был непростой. Рамзан ерзал на диване, теребил свою рыжеватую бороду, иногда подозрительно смотрел мне в глаза и сжимал боксерские кулачищи...

— Вы меня в чем-то подозреваете?

— А как же тебя не подозревать? То, что ты «склеил» обо мне в «Комсомолке», вот сто процентов одно и то же, что другие «клеят» сейчас.

— В смысле...

— Ты написал про вооруженных бородачей в камуфляже, которые цепью стояли на улице. Приснилось тебе, что ли? И еще: Рамзан молится Кремлю. Не по-нашему это. Я молюсь только Аллаху. А Кремлю я служу. Если взять первую чеченскую войну, которую когда-то остановили, и сегодняшнюю ситуацию... Теперь все по-другому. Мой отец сделал главное: сплотил чеченцев. Народ нам верит и войны не хочет. Значит, ее и не будет.

Во время нашего разговора Кадыров прошел в соседнюю комнату и принес большой портрет Путина, написанный маслом. Президент выглядел несколько необычно: в его лице явно улавливались кавказские черты, брови были темнее, чем у оригинала. Не хватало только папахи и усов.

— Ну как? — спросил Рамзан.

— Любопытно. А кто нарисовал?

— Я, — ответил он, немного смутившись.

— Писали с натуры?

— Нет, с фотографии. Я с детства люблю рисовать. У меня есть и мольберт, и кисть, и краски.

Художник признался, что в его коллекции — несколько портретов членов правительства Чечни. Но устраивать персональную выставку он пока не собирается.

— У меня работ не так много, — скромно заметил Рамзан.

«Комсомольская правда», 9 марта 2005 г.

* * *

...Был забавный случай, который Рамзан до сих пор не может вспоминать без слез.

Говорю ему как-то:

— У вас же в Аргуне конвейер запустили по выпуску «Жигулей»?

— Ну! — отвечает с гордостью. — Классные тачки!

— А почему же вы меня все время на иномарках-то возите?

Рамзан насупился и ничего не ответил. А мы как раз в «ночной футбол» собирались играть — поле прямо рядом с его домом в Центорое.

Поиграли. Часов в двенадцать собрались ехать на ужин в Гудермес. Я уже открыл дверцу кадыровского «Форда»... Смотрю, а Рамзан сидит за рулем голубых «Жигулей». Я еще обратил внимание, что машина была без номеров. Видно, пока мы в ночи гоняли по полю мяч, машину пригнали из Аргуна, прямо с завода.

На Кадырове была голубая спортивная форма, но с кожанным ремнем и кабурой. Он достал оттуда пистолет и положил его

рядом с рычагом переключения скоростей.

— Этот автопробег, Гамов, я посвящаю тебе! — провозгласил Рамзан. — Аллах акбар!

Кадыров включил магнитофон — лихую чеченскую песню — и, пришпорив своего «автоскакуна», помчал меня в Гудермес. Машины кадыровской охраны отстали, и мы одни неслись по ночной дороге.

Я с ужасом посмотрел на спидометр: он показывал сто двадцать километров в час.

— А вот в этом месте я однажды перевернулся, ла-ла-ла! — напевая песню и жестикулируя на полном ходу, изображая танец «Лезгинку», резвился Рамзан. — Может, еще попробовать? Ха-ха-ха!

Я от страха закрыл глаза и от безысходности тоже стал «лезгинить». А что еще оставалось?

И тут на мое счастье аргунские «Жигули» зачихали и сбавили ход.

— Вот, блин! — закричал Рамзан с обидой в голосе. — Бензин забыли в бак налить! Стрелка на нуле...

До Гудермеса оставалось километров пять.

— Так давайте зальем, вон заправка! — сказал я, а мы как раз проезжали мимо АЗС.

— Денег нет, — обреченно вздохнул Рамзан и похлопал по пустым карманам спортивных штанов.

— Да я заплачу.

— Мы с гостей денег не берем.

«Жигули» перестали чихать и уже катились по инерции...

— Тогда давайте продадим ваш пистолет, — в шутку предложил я.

Кадыров шутку не понял и не принял.

— Я лучше пешком пойду, — хмуро сказал он.

Потом немного подумал, выключил музыку, наклонился к приборной доске и стал что-то шептать. Я с улыбкой наблюдал за Рамзаном.

И тут аргунские «Жигули» неожиданно завелись. И снова поехали! Скорость, правда, была небольшая, но на кадыровском шепоте, без бензина, мы благополучно добрались до места.

3. ...А еще он мечтает открыть зоопарк

— Рамзан хочет тебя к себе в гости.

— Зачем?

— Там узнаешь.

— Так ночь же!

— Днем некогда.

— А не опасно?

— Как знать, как знать...

— Шутишь?

Муслим Хучиев, помощник (в настоящее время мэр Грозного. — А.Г.) Рамзана Кадырова не меньше своего шефа любит «прикалываться» над заезжими журналистами. Дабы доказать, что ночное приглашение — не розыгрыш, передает мне трубку.

Голос Рамзана:

— Приезжай — не пожалеешь.

— О чем?

— Уже ни о чем.

Но я все же еду: по ночи, восемьдесят километров. Тем более что мне давно хочется посмотреть на знаменитых кадыровских кавказских овчарок.

...Уже и манты на столе остыли, а хозяина все нет. Наконец во дворе — лай собак. (Кстати, все четыре овчарки Рамзана — умные и смирные, прямо в хозяина!) И... странный рык. Выхожу.

— Съешь Гамова! Он пишет про меня неправильно. — У Рамзана на поводке — настоящий тигр! Точнее, тигренок, примерно трехмесячный. Но зубы!!!

— Рамзан, разве в Чечне завелись тигры?

— Только у меня. Уссурийский!

— Но откуда?

— Сам ко мне прибежал. Да не, не сам. Один богатый человек его получил в подарок. А потом ему страшно стало.

— Богатому человеку?

— Нет, тигру. Я и взял его под свою защиту.

— Но зачем?

— Как зачем? — удивляется Рамзан. — Вот вырастет, буду его на поводке по улице водить.

Я тут же представляю себе: Кадыров, прогуливающийся на пару с тигром. И без охраны!

— Ну шучу, шучу. — Рамзан, как мне кажется, переходит на серьезный тон. — Зоопарк вот хочу в Грозном открыть. Пусть детишки мирной республики смотрят на зверей, радуются. Как в Москве. Как думаешь, получится?

— Одного тигра, даже полосатого, маловато, — качаю я головой.

— Были еще волк с медвежонком, но я их пока отпустил в лес, — то ли в шутку, то ли всерьез говорит Рамзан. — А вот лев остался.

Кадыров посылает куда-то охранника, тот возвращается растерянный:

— Лев не идет.

— Жулик, а ну-ка приведи сюда Малыша! — приказывает Кадыров белой овчарке, а мне объясняет: — Они же друзья, вместе спят и едят.

Жулик, вильнув хвостом, уходит и возвращается... вместе со львенком.

— Ты только послушай, как он рычит! — говорит Рамзан и сам начинает рычать.

— Р-р-р! Мне его тоже подбросили. Сначала он был слабенький, а теперь — р-р-р. Давай попробуй тоже.

И мы с Рамзаном начинаем рычать вместе. Овчарки по команде Тарзана, любимого пса Рамзана, нам подвывают. А тигр и лев молча смотрят на нас зелеными глазами и прислушиваются, как по улицам мирного села Центороя носится «рычащее» эхо.

Ходики во дворе Рамзана показывают два часа ночи...

«Комсомольская правда», 16 января 2006 г.

4. «Я Политковскую не боялся»

— Не знаешь, зачем меня «Наши» (так называется молодежное патриотическое движение. — А.Г.) позвали? — спросил у меня однажды Рамзан. — На озеро Селигер?

— Так к ним даже Путин ездил, — выложил я аргумент. — Лагерь там свой «Наши» разбили.

— А-а, — протянул Рамзан. — Ну, тогда и мне пора... Айда со мной!

— Согласен...

Кадыровский «мерс», пока мы выбирались из Москвы, то и дело застревал в пробках. Кадыров их «материл» — тихо, по-чеченски.

Когда проехали Кремль, Рамзан разулся, почесал — одну о другую — пятки.

— Велика Россия, а патриотов мало!

Смачно зевнул и, накрывшись моей курткой, закрыл глаза. Захрапел. Проснулся он, когда мы были уже за городом.

Я спросил:

— Вот Басаева не стало. Легче теперь?

— А Басаева для Чеченской Республики давно не стало. И других бандитов тоже...

У Рамзана зазвонил мобильник. Он поговорил и отдал телефон мне:

— На, будешь отвечать.

При этом не уточнил, за что я должен отвечать — за чеченское правительство или только на звонки.

— А если Путин позвонит?

— Тогда разбудишь.

Но Путин не звонил. Правительство Чечни — тоже. Оно храпело рядом.

Но спало недолго. Проснувшись, Кадыров отдернул шторку — за окном уже плыл лес и много-много палаток «Наших» — и задорно запел:

— В лесу родилась елочка... Пора обуваться?

От комиссаров молодежного движения (а их здесь было под пять тысяч) у Рамзана рябило в глазах. Но гостя удивило другое — в лагере оказалось еще десятка полтора кадыровских земляков.

— Ну надо же, везде эти чеченцы! — довольно воскликнул Рамзан. — Сейчас вместе будем зажигать!

И он зажигал...

Впрочем, это не мешало нам вести серьезные разговоры...

— Как в Чечне начинались похищения? — размышлял

Кадыров. — Первым, кто это предложил, был Березовский! Он приехал — был у Удугова в Грозном: «Я вам просто так не могу давать деньги». Клянусь Всевышним, это его слова: «Воруйте журналистов — этого, этого... А я буду миротворцем, буду людей выкупать».

— Вы довольны тем, как расследуется дело Политковской?

— Я очень недоволен, что опять все делают акцент на чеченцах. Если они, если их вина доказана, то это да, так можно было бы акцентировать. А когда по подозрению задержали — это не значит, что предъявили обвинения. Только суд может принять такое решение.

— А почему Рамзан Кадыров не оправдывался, когда говорили, что это он заказал Политковскую?

— А кто это говорил — прокурор? Ничего не говорил. Судья? И он обвинения не предъявлял. Это чисто базарные сплетни распространяли.

Ну сколько на меня наговаривали! Что, я по каждому такому наговору буду оправдываться, что ли? Я не адвокат самому себе, мне республику надо восстанавливать.

Нет и примеров, которые говорили бы о моем плохом отношении к Политковской. А наоборот, когда она писала, мне было хорошо.

— Почему?

— А не было обоснованности, поэтому обвинения были неправильными. Она абсолютно про меня ничего не знала. Она писала: Кадыров стоит, а милиционеры забирают пьяного милиционера. Ну если он такой, его надо было как-нибудь скрутить. И я там стою — случайно оказался.

И вот потом ролик показывают: Кадыров избивает. Что я буду лезть, если милиция свое дело делает? Никогда в жизни меня за это никто бы не наказал — виновным я не был, никого не обижал.

— А кто заказал Политковскую?

— Сам знаешь кто, кому это надо было — недругам России, Березовскому. Никому, кроме Березовского, это не надо. И убийство Литвиненко — тоже его рук дело. И еще, я не исключаю, будут такие громкие политические убийства. Когда-то он снабжал деньгами Басаева и Удугова, теперь вот поменял профиль.

— А что можно сделать, чтобы убийств больше не было?

— Березовского посадить надо, привести под суд, чтобы он официально покаялся.

— А как его достать?

— Ну, достанут — невозможного ничего нет.

— А когда?

— Не знаю. Скоро. У нас прокуратура работает, меры

предпринимают. Я думаю, у них сил и средств хватит на это. У нас очень сильная прокуратура, а спецслужбы — так вообще уже! Так что, Гамов, не беспокойся — посадят и того тоже.

— Ты что-то знаешь, раз говоришь?

— Я ничего не знаю. Если бы я был прокурором, я днем и ночью работал бы, чтобы Березовского достать. Днем и ночью — двадцать четыре часа в сутки! Вот так надо. Он видит, что и какие изменения происходят в России, как она становится на ноги. Березовский с другими горе-политиками разваливал Россию. И вот теперь он мешает — чем хуже России, тем лучше для него. Думает, что мешает. А так ничего не может сделать.

Как раз в это время на полигоне «Нашей армии» бросили дымовую шашку и парни с автоматами начали «ближний учебный бой», при этом целили почему-то в Кадырова. Тот выдал ответный залп:

— Забираю всех в Чечню!

«Наши» чуть не выронили автоматы.

...На обратном пути мы заехали на автозаправку. Там был магазин. Рамзан попросил своих помощников купить ему «Сникерсов» и мороженого...

5. Как Витя Пиганов стал Виситой Кадыровым

...А однажды из Чечни пришла такая вот необычная новость: будто бы Аймани Кадырова, мать Рамзана, усыновила шестнадцатилетнего воспитанника грозненского приюта Витю Пиганова. Правда, поначалу это якобы собирался сделать сам Рамзан, но из-за того, что он старше мальчика всего на тринадцать лет, усыновить не смог. Потому Витя Пиганов стал его братом. И по паспорту он теперь — Висита Ахматович Кадыров.

А братья в это время как раз прилетели в Москву: Рамзан — на встречу с Путиным, Висита — поступать в суворовское училище.

«Какая разница — чеченец, американец...»

Нагрянув в гостиницу, где остановились Кадыровы, я Виситу не застал — он убежал покупать себе свой первый в жизни костюм. Поэтому меня встретил его старший брат Рамзан.

— Короче, я был в приюте, — рассказал Кадыров. — А дети после шестнадцати лет выходят оттуда. Я им предложил: любому, кто хочет быть моим братом, я готов дать фамилию, и все, что у меня есть, будем делить.

— А почему именно русского вы решили забрать?

— Там были и чеченские дети, но у них были родственники. А у этого парня не было никого. Именно...

— Ага, значит, Рамзан политику делает...

— Клянусь, я никому не говорил о брате. Зачем мне делать политику на ребенке? Какая разница — чеченец, русский, американец? Главное — человек!

— И как семья приняла нового родственника?

— Нормально. Собрались все. Я его представил по обычаю. Как должны обращаться к нему, какие полномочия у него.

— Что за полномочия?

— У чеченцев в семье есть старшие и младшие. Но полномочия у всех равные. Даже если один брат попадет в рай, то и другого может взять. Но это так. Мы будем жить!

— Витя принял ислам, это было вашим условием?

— До меня он принял ислам. Раньше. Я просто сказал: ты веришь Всевышнему? Он сказал: верю.

— Вы с Путиным встречались... Он у вас спрашивал о мальчике?

— Спрашивал. Он сказал, что узнал об этом и правда ли это. Я сказал — правда.

— И как он отреагировал?

— Так — довольный такой, радостный. Он сказал, чтобы у нас вообще не было сирот. У меня программа — убрать все приюты.

— А детей куда?

— Если есть родственники — родственникам, а если нет — усыновлять их.

— А обязательно будет принимать ислам?

— Почему? Зачем? Абсолютно необязательно.

«Буду генералом»

...Тут прибежал Висита Кадыров. И премьер уехал по делам.

— Я пойду переоденусь, — сказал Висита.

Через пять минут он появился в новеньком костюме. И от этого еще больше смущался.

— Висита, ты чеченский язык когда выучил?

— Давно знаю. Может, на улице научился, когда играли с мальчишками.

— А с Рамзаном на каком языке говорите?

— Только на чеченском. На русском не говорим.

— Ты в Грозном родился?

— Да. Мама умерла. А папу я ни разу не видел. В приюте я с десяти лет.

— Там много русских?

— Были и русские, и чеченцы, и азербайджанцы...

— Тебя удивило предложение стать Кадыровым?

— Конечно! Но я сразу согласился.

— Потому что Рамзан — большой начальник?

— Нет. Для меня главное — что вот он просто был кумир мой. Ну он мне нравился. Я давно мечтал к нему попасть и его увидеть.

— Кем ты себя ощущаешь?

— Чеченцем. Я лет в семь-восемь принял ислам.

— Зачем?

— Так хотелось.

— Ты крещеным не был?

— Нет.

— А кем хочешь стать?

— Военным. Я думаю, что военная профессия — самая мужественная.

— До какого звания мечтаешь дослужиться?

— Как смогу. Но постараюсь до хорошего.

— Генеральского, что ли?

— Да, если получится.

— Где ты жил в Грозном?

Висита достал из кармана мобильник, щелкнул — на экране появились руины.

— ...Сам заснял. Это моя разбитая квартира. Я прятался там в подвале.

«Комсомольская правда», 10 августа 2006 г.

* * *

Рамзан Кадыров никогда не знакомил журналистов с дедушкой Абдулхамидом, известным в Чечне религиозным деятелем, который за свои убеждения натерпелся в свое время от советских властей. А для нас президент однажды сделал исключение — сам привел деда к нам на интервью.

— Рамзан рос шустрым, хулиганистым мальчишкой, — сразу же предался воспоминаниям дедушка. — И я учил его уму-разуму баклажкой. (Небольшой деревянный сосуд для воды. — А.Г.) Вот так! — И дедушка в шутку замахнулся на внука-президента палкой, которая была у него в руках.

Рамзан по привычке пригнул голову и расхохотался.

А дед добавил:

— Зато вон какой получился президент!

Дедушка Абдулхамид умер 29 августа 2008 года. Ему было более девяноста лет. Похоронили его на сельском кладбище, рядом с могилой сына — Ахмата-хаджи Кадырова.

6. О любви и многоженстве

Как-то на лентах информ-агентств появилось экстренное сообщение: Рамзан Кадыров выступает за введение в Чечне многоженства.

Я сразу же бросился на поиски инициатора революционного предложения. Он в это время оказался в Москве.

Учитывая, что тема эта для моего героя — ну очень щепетильная, я начал издалека...

«Жена должна знать свое место»

— Рамзан Ахматович, а бывает, что вам надоедает работать президентом?

— Я президентом не работаю. Я служу народу.

— Но зарплату-то получаете?

— Ну, конечно. Зарплату когда получаю — нравится мне. Семьдесят пять или семьдесят шесть тысяч рублей.

— Жене все отдаете?

— Зачем я отдам жене? Половину себе оставлю, половину — домашние расходы.

— А себе зачем столько?

— Ну в командировку... Где-то что-то бывает — карманные расходы. Мороженое поесть захочется.

— А жена за это не пилит?

— Нет, она свою часть — все себе: здесь целевое использование.

— У русских такое понятие есть — жена-пила: ты, мол, такой, сякой... И пилит, пилит.

— А-а! Нет, у нас это не положено. Я имею право жену критиковать. Жена не имеет. У нас жена — домохозяйка. Она должна знать свое место.

— А как же любовь?

— Женщина должна дарить любовь нам.

— Такое ощущение, что вы — ярый борец с сексом.

— У нас не принято об этом...

— Ладно, не буду... Только вы вроде запретили девушкам в шортах по Грозному ходить, а я сейчас гляжу — ходят.

— Я не запретил, а попросил. Не, чеченки очень редко в шортах ходят. Русские девушки ходят — работники прокуратуры, милиции, военные... У-у! Я не могу им запрещать.

— А вам как мужчине не нравится, когда стройные ножки?

— Собственностью должна быть женщина. А мужчина — собственник. У нас, если женщина ходит голой, если она ведет себя неправильно, отвечают муж, отец и брат. По нашему обычаю, если гуляет, родные ее убивают.

— Что, сегодня?

— Да, и сегодня. Бывает такое: брат сестру убил, муж — жену. Из-за этого у нас ребята сидят в тюрьме. Если не бороться с этим... Мало ли что мне нравится как мужчине. Но как президент я не могу допустить, чтобы убивали. Вот пусть и не носят шорты.

— А как же тогда любовь?

— Надо жениться, выйти замуж, а не гулять.

— Но если женился, но потом полюбил другую?

— Тогда надо еще раз жениться. По законам шариата можно иметь четыре жены.

— Почему же у вас до сих пор одна?

— Если найду красивую — женюсь. И тебя приглашу на свадьбу.

— То есть многоженство вы не осуждаете?

— Наоборот, приветствую. У нас в республике мужчин на тридцать процентов меньше, чем женщин.

— А есть у вас чиновники-многоженцы?

— Есть. У министра спорта Алханова — две жены: русская и чеченка. У министра внутренних дел — тоже Алханова — тоже две жены.

— И ничего им за это?

— Когда я назначил их министрами, у них уже были вторые жены. А за что их? Они же первых жен не бросают. У главы Урус-Мартановского района — две жены, у главы Гудермесского района — две, у главы...

— А ведь они небось все члены партии «Единая Россия»?!

— Да, точно, все министры и главы — партийные.

— И что, парткомы не жучат их за аморалку?

— Зачем? В уставе и программе партии такого нет. Наоборот, там пишут, что надо решать демократическую проблему. Ой, нет — демографическую... Нет, и демократическую, и демографическую.

— А лидер вашей партии Путин как реагирует?

— Пока разговора не было.

— А он знает об этом?

— Он был чекист. Он все знает...

...А вскоре Рамзан выдал еще одну сенсацию: он на полном серьезе заявил, что готов полюбить русскую женщину и жениться на ней. Я бросился звонить ему в Грозный...

— Алло, Рамзан! Как же так? Вы ж мне еще недавно клялись, что верный муж?!

— Ты мужчина или нет? Зачем такой вопрос? Странный, слушай...

— Потому что население в Чечне надо увеличивать, да?

— Не, у нас население — порядок, рождаемость нормальная. Просто, если у нас женщин больше, чем мужчин, мы должны их обустраивать, чтобы у них была семья и замужем чтобы все были. И историй не было, чтобы у нас женщины там гуляли...

— В смысле?

— Чтобы не были левые движения. Ну, как это...

— Не ходили чтобы налево?

— Если я по-другому скажу, как это будет звучать?

— А что, бывает?

— Не, пока не бывает. У нас суровые законы в плане этого. Вот я и хочу поддержать — нет, не мужчин — женщин! Если они не будут замужем, у нас обычаи могут измениться.

— А-а...

— Если бы моя воля была, вот я серьезно попросил бы каждого состоятельного человека, чтобы они женились, чтобы у них было у каждого по три-четыре жены. Это не руководства мнение, это лично Рамзана Кадырова мнение.

— А если русский человек приедет в Чечню найти вторую, третью жену?

— Нет, я категорически против этого.

— Почему?

— Не знаю почему. У нас, по обычаю, нет этого.

— Но есть же! Чеченки выходят замуж за русских, и чеченцы женятся на русских.

— Не, чеченцу на русской можно жениться, но чеченка — я категорически против, чтобы вышла замуж за других.

— У вас пока одна жена и шестеро детей... Не собираетесь еще раз жениться?

— Опять не по-мужски говоришь... Это тоже вопрос времени. Конечно.

— Уже присмотрели себе новую девушку — вторую жену?

— Пока смотрим. Если есть красивая русская, могу и жениться. Но чтобы она приняла ислам...

Осенью на Северный Кавказ, а точнее, в Ингушетию, где ситуация с терактами накалилась до предела, ввели дополнительные внутренние войска — две с половиной тысячи человек. Мне хотелось, чтобы это событие прокомментировал

президент Чечни. «Военного» комментария у нас с ним не получилось — разговор наш перешел в неожиданную плоскость...

«Женские шорты — на руку ваххабитам»

— Как вы думаете, войск теперь хватит?

— Вот только войск мало...

— Увеличить надо, да?

— Я не о том. Говорят, что мы у себя в республике задавили терроризм силой. Это правда, но только наполовину. Война начинается с религии, религией ее и надо заканчивать. Чем туманят нашу молодежь не только в Чечне, но и в Ингушетии, Дагестане эмиссары ваххабизма? Тем, что у нас на Северном Кавказе, так они говорят, отступают от канонов ислама.

— А отступают, да?

— Не перебивай — слушай... Вот они говорят молодежи: в Дагестане в гостиницах устраивают публичные дома. И еще девушки ходят по улицам в трусах. Ну в этих, как их, — в шортах, что ли... Это на руку ваххабитам. Вот они и высказывают претензии.

— А что, в шортах нельзя?

— У нас так не заведено — не должно быть. Женщина у нас должна быть закрытой, понимаешь? Вот тебе какие женщины больше нравятся — открытые или закрытые, когда на них много одежды или когда мало?

— Когда мало, а особенно — если совсем...

— У тебя тоже испорченный вкус. Ты думаешь, это мелочь. А с таких мелочей все и начинается, понимаешь? По крайней мере, на Северном Кавказе. Такой у нас менталитет.

Ваххабизм — это зараза, это война — страшно. Мы объясняем это молодежи — строим мечети, духовные школы, но и о спортзалах тоже не забываем. Тогда молодежь будет молиться, заниматься спортом и не узнает, что такое наркотики и что такое терроризм. Об этом должны заботиться и президенты наших республик. Если разобраться, они не только политические, но и духовные лидеры. Нам показывает пример и президент Путин, который ходит в церковь, молится. А почему мы должны стесняться своей религии?

Вот я недавно летал в Саудовскую Аравию. Там же развито течение ваххабизма. Я встречался с королем Абдаллой. Знаешь, я королю сказал: «Уважаемый король! Мы воевали с теми людьми, которые искажали каноны ислама, оскорбляли мусульман, которые зашли и начали ерундой заниматься. Мы победили, мы

доказали, что чеченцы — самые-самые чистые, честные мусульмане. За нас вам стыдно не будет, мы свою религию не меняем».

— И что вам ответил король?

— Он сказал: вы сделали такое, что обязаны были сделать, это самый правильный ваш выбор, дай Аллах вам мудрости и процветания. И еще сказал, что королевство уважает Путина и Путин уважает королевство.

— Да, Рамзан! А русским-то девушкам можно на Северном Кавказе в шортах?

— (После некоторого раздумья.) Можно. Но когда женщина закрыта, она интереснее. Только не подумай, что мы боремся только за «чистый ислам». Мы уважаем все религии — строим храмы, вот собираемся синагогу строить.

— Зачем?

— В Чечню уже возвращается не только много русских, но и евреев. Мы хотим, чтобы наша молодежь, не важно, какой она национальности, была умной и образцовой.

* * *

5 октября 2006-го мой герой отмечал свое тридцатилетие.

Я тогда у него спросил:

— Будет ли тридцатилетний Кадыров отличаться чем-то от двадцатидевятилетнего?

— Абсолютно разницы нет, — ответил он. — Я был и остаюсь Рамзаном. И звездная болезнь у меня не появляется. Вот ты меня знаешь, скажи — я сильно изменился?

— Раньше был более непосредственным.

— А хитрить так и не научился...

— А надо было?

— Не-е-ет! Тогда я буду политиком, а не Рамзаном Кадыровым. А хитрить — у нас есть тысячи таких политиков. Я не хочу.

7. «Россия — это матушка родная»

В сентябре 2008-го я отправился в Грозный с одной целью: выяснить, как оценивает «августовскую войну» за свободу и независимость Южной Осетии «кавказский человек» — Рамзан Кадыров. Как всегда, разговор у нас получился «по-кавказски» продолжительным и широким...

«Я с Саакашвили не здоровался»

— ...Салам алейкум!

— Алейкум ассалам... А ты знаешь, мы решили строить в Грозном сорокапятиэтажки! Как ехать из аэропорта — вот там они и будут.

— Рамзан Ахматович, а можно про сорокапятиэтажки потом? Я сначала про войну на Кавказе хочу спросить...

— Так она, слава Аллаху, закончилась.

— Вот скажите, как кавказский человек: Россия правильно себя повела в Южной Осетии?

— Сто процентов. Абсолютно, без всяких вопросов.

— Почему так считаете?

— Потому что руководство Грузии поступило неправильно. Ночью в двенадцать часов открыть огонь и нарушить все договоры. А чего там России оставалось делать? Там стояли наши миротворцы, их начали уничтожать. Россия должна была провести ответный удар.

— А вас лично что больнее всего резануло?

— Если народ убивают... Если плачет ребенок... Конечно, должно быть больно. А тем более для нас, для чеченцев, которые все это видели. Моя мать даже плакала, когда показывали, жена, все спрашивали, что будет, как будет. Беспокоились. Они знают, что такое война. Мы реально чувствуем. Да что там, двенадцать лет мы сами жили без закона, без власти...

— Как думаете, почему Саакашвили все-таки напал на Осетию?

— Америка поработала. А еще кто там может быть? Я прямой человек, я говорю: Америка растила Саакашвили, он вырос там, получил образование... С Шеварднадзе работал, он его кинул и стал вместо него. Кто это сделал? Америка посадила его у руля в Грузии... А что это за президент? Когда услышал гул самолета, убежал...

— Вы лично с ним знакомы?

— Я его видел, когда он был на скачках в Ростове-на-Дону. Но я даже с ним не здоровался.

— Почему?

— Ну просто не здоровался. Я с Путиным поздоровался и еще с одним президентом... Но не с Саакашвили.

— А с Грузией что дальше будет?

— Если не поменять этого господина Саакашвили, значит, у них все пойдет на спад. Потому что он поднимает народ на войну, он провоцирует. Из-за него мировое сообщество имеет проблемы... Он не думает о народе, он думает об их интересах — тех, кто за океаном.

— А если Грузию примут в НАТО? Они же уже заявили, американцы, что тогда НАТО Грузию «будут защищать», то есть они готовы к войне с Россией...

— Они что могли, что они сделали там, в Грузии? Все оружие американское, вся техника. Инструкторы инструктировали американские. А толку? Что они могут?

— Как вы считаете, Южная Осетия должна войти в состав России?

— Это народ Южной Осетии сам должен решать. Другой вопрос — нужно ли это России? Не лучше ли, что еще одно независимое государство будет у него в союзниках.

«Слухи запустили, что меня ранили»

— Кавказ — это особый регион. Здесь уважают силу. Есть точка зрения: если бы Россия растерялась в августе, не показала свою силу, Кавказ мог бы взорваться.

— Да, Кавказ силу уважает. Но еще больше уважает справедливость. И еще уважительное отношение к людям, которые здесь проживают. Я думаю, в этом сила политики, которую проводит на Кавказе Россия. У нас не было ни минуты сомнения, что Медведев и Путин не бросят Южную Осетию на произвол Саакашвили.

У меня — я вот тебе даю слово — были добровольцы — семнадцать тысяч, которые поехать хотели туда. Командиры написали на мое имя заявление: хотим участвовать в принуждении к миру грузин. Кавказ должны защищать кавказцы. Нам бросили вызов — Америка, Грузия. Они вылезли на нашу территорию, обидели наших граждан, и мы должны были быть там на переднем плане.

— Вам разрешили?

— У нас батальоны «Восток» и «Запад» участвовали и готовы

были участвовать другие, если бы там продолжалось — большинство ребят даже не спрашивали бы у меня, сами бы поехали.

— А вы с «Востоком» и «Западом» помирились?

— Я ссорился с Ямадаевым. Его уволили из Министерства обороны. Он не служит больше. А с «Востоком» и «Западом» у меня очень хорошие отношения, и они мужественно вели себя в Южной Осетии.

— А что за слухи гуляли по поводу покушения на вас?

— Бред какой-то. Специально какие-то слухи запустили: то будто бы плечо мне ранили, то ногу. В таких случаях я показываю то плечо, то ногу — видите. (Он снимает рубашку и заворачивает штанину — ран не видно. — А. Г.) Самых близких людей — мою охрану — хотели очернить...

Про главную чеченскую тайну

— Я не был в Чечне всего несколько месяцев, а вашу республику не узнать — новые дома, дороги... Все растет. В чем чеченский секрет?

— Народ работает днем и ночью. Соскучились по работе, по-моему. Сколько не работали, и сейчас пошла работа. И радуются, и строят.

— И что, заставлять не надо?

— Ну если работа идет, надо заставлять, что ли? Мы для себя строим, не для кого-то строим... Для своего народа. Я не строю там перекресток или один проспект, мы полностью восстанавливаем Грозный.

— То есть если Путин или Медведев полетят на самолете, они не будут говорить, что Грозный, как разрушенный Сталинград?

— Да, они сейчас такого не скажут. Они не увидят разрушенных зданий...

— Говорят, из-за того, что сейчас Россия вынуждена помогать Южной Осетии, может не хватить денег на восстановление Чечни...

— Нет, все идет по плану. Ну, есть у нас программа, федеральная целевая, 120 миллиардов уже подписано. На нас это абсолютно не повлияет, в России у бюджета запас большой.

Кто главнее — Медведев или Путин?

— А почему в Чечне про независимость перестали говорить?

— А как мы можем улучшить свою жизнь без России? Никак нет. Россия — это матушка родная. Мы должны... Если откажут нам, мы должны просить: «Мы вас просим...» Мы должны просить у руководства России, чтобы не отказывались от нас. На восстановление нашей республики и ее процветание требуются миллиарды рублей. Где мы это все возьмем, если не будем в составе России?

— А кто для Кадырова главнее — Медведев или Путин?

— Лично для Кадырова важнее Путин. Он — мой кумир. А для президента Кадырова важнее Верховный главнокомандующий, президент страны.

— Хитро отвечаете...

— Нет, я как есть отвечаю. Я служу, я госслужащий, я член президиума Госсовета, и я как глава республики, мне важнее президент, Верховный главнокомандующий. А вот как гражданский человек — у меня больше симпатии, любовь к Путину.

— А вдруг они прочитают это и обидятся на Рамзана?

— Ну пусть обижаются. Я не для себя, ты мне задал вопрос, я отвечаю. Путин — мой идеал, мой кумир. Он — спаситель наш. Он спас нашу нацию. И поэтому я не буду скрывать.

— Вам как человеку, пережившему войну, не кажется, что во время последней войны этой «пятидневной» проявился характер нового президента?

— Ну Дмитрий Анатольевич, у него всегда был характер, он всегда был такой. Раньше, когда он работал у президента, он — единственный руководитель, который проверял выполнение своего поручения, я его видел. И он такой был, знаешь, он лишние вопросы не задавал, разбирал всегда по сути. И заставлял решать. Он курировал всех нас.

— А кого больше побаиваетесь — Путина или Медведева?

— Я боюсь только Всевышнего. А уважаю обоих — и президента, и премьера.

Есть ли в Чечне культ Кадырова?

— Рамзан Ахматович, вы называете себя слугой народа. А едешь по Грозному — то и дело ваши портреты. Что, в Чечне культ Кадырова?

— Раньше много было. Но я сказал, чтобы поснимали. А сейчас опять появились. Но я опять скажу, чтобы сняли. Ну да, висят... И ведь никто на них ничего не пририсовывает, как

некоторым. Почему? Наверное, потому что поддерживают и верят нам...

«Пусть Маккейн приезжает в Грозный. Мы ему покажем»

— Господин президент, у вас же «друг» новый появился, который хочет отделить Чечню от России...

— А-а, пенсионер этот из Штатов! Кажется, Маккейном зовут. Предлагает отделить Чечню, да? А кому это из Вашингтона, где дом у него, он хочет отдать ее? Бандиту Умарову или бен-Ладену? Да нет уже «чеченской оппозиции» за границей. Даже Закаев потерял идею. Пусть едет к нам — я его в театр устрою. И его жене-англичанке тоже найдем работу.

Вот жизнь налаживается, дороги строят, здания. Вот повсюду мрамор, гранит...

Вот думаю, может, и Маккейну сюда командировку выписать, что ли? Да, вот надо было... Пусть приезжает в Грозный, мы ему здесь покажем...

* * *

— ...Да, Рамзан Ахматович, а зачем вам в Грозном сорокапятиэтажки?

— А сэкономить территорию.

— Что, мало?

— Сегодня не мало. А завтра что будет? Мало будет. Население же растет. Может, в Грозном миллион жителей будет. У нас город будет самым красивым. И не только на Северном Кавказе, а и в России. Грандиозные у нас планы, да?

«Комсомольская правда», 24 сентября 2008 г.

VII. Сергей Степашин «СЧЕТНАЯ ПАЛАТА, КАК ЖЕНА ЦЕЗАРЯ, ДОЛЖНА БЫТЬ ВНЕ ПОДОЗРЕНИЙ...»

1. «Пойдешь ко мне помощником?»

— Пойдешь ко мне помощником? — предложил мне как-то Степашин. — Будем вместе принимать граждан. Только бороду сбрей, а то неудобно: помощник министра — и с бородой!

Редколлегия меня к Степашину отпустила. Правда, только на полдня. А бороду сбривать запретила — как «часть имиджа».

Но министр взял меня и таким:

— Что же с тобой поделаешь...

Это было осенью 1998-го, когда Степашин был главой МВД.

Вообще, мне с ним повезло, пожалуй, еще больше, чем с остальными моими героями. Он долгое время жил рядом, в соседнем доме на Рубевском шоссе. А так как сосед мой прошел за эти годы много постов — был шефом Лубянки, министром юстиции, затем МВД, первым вице-премьером, премьер-министром и, наконец, стал председателем Счетной палаты — все эксклюзивы были и остаются моими.

Бывали случаи, что я, гуляя поздно вечером во дворе со своей немецкой овчаркой с журналистской кличкой Гранка, встречал Степашина у его подъезда, он отпускал охрану, и мы долго бродили с ним (и с Гранкой) по ночи. Так рождались многие интервью и репортажи...

...До начала приема у министра оставалось сорок минут. В двухэтажном «предбаннике», что рядом с Белым домом, — человек триста, если не больше. И все — к Степашину!

Очередь шумит, переругивается...

— Я занимал, когда Сергей Вадимович еще руководил Минюстом!

— А я когда он командовал на Лубянке!

— А я вообще здесь с пяти утра!

В панике бегу на второй этаж на доклад к министру: так, мол, и так.

— Всех примем! — шеф, в отличие от своего помощника, невозмутим. — Мне помогают мои заместители. А того, который с пяти утра, давай сюда, быстро, вне очереди!

Снова лечу вниз, беру под руку мужчину с тросточкой и веду к Степашину.

За спиной — гневный ропот «белодомовских» аппаратчиков:

— Ну что за помощничка себе Вадимыч откопал? Тащит блатной народ без всякого графика, режим нарушает. Он дров в МВД, пожалуй, наломает...

Я огрызаюсь:

— Министр приказал!

А в ответ:

— О, этот служака далеко пойдет. Если милиция не остановит.

А мы с министром пытаемся разобраться в афере, затеянной на обломках «МММ». Как поведала одна из жалобщиц, некий ушлый господин по фамилии Сарвазян Л.С. создал «объединение обманутых вкладчиков» и, обещая доверчивым гражданам вернуть их вклады, собирает с них вступительные взносы по триста рублей, которые распределяются между «членами правления».

Мы со Степашиным возмущаемся:

— Разве можно обманывать уже обманутых?

И берем Сарвазяна Л.С. вместе с его дутой фирмой на министерский контроль. (Тогда в своем репортаже я сделал приписку: «Господа члены правления, сушите сухари!»)

— Кто там следующий?

— Л.И. из Москвы. В 94-м у нее убили сына и сноху. Расследовала Юго-Западная прокуратура. «Висяк» полный.

— Что значит полный? — Степашин хмурится. — Значит, надо поднять планку. И изучить как следует, максимально помочь прокуратуре!

В кабинет заводят заплаканную женщину в черном берете:

— Сноха была беременной на девятом месяце. Внука я увидела только в гробу...

— Поверьте, я сделаю все, что от меня зависит, чтобы найти преступников, — железным голосом говорит Степашин.

И закрывает лицо ладонями. Может, у министра тоже слезы? Нет, показалось. Хотя...

— Товарищ генерал-полковник, — интересуюсь я у Степашина, — уж не на таких ли приемах у вас и родилась жестокая доктрина: с преступниками надо бороться со всей решительностью, вплоть до их физического уничтожения?

— Насчет жестокости — не согласен, — говорит министр. — Я за год потерял триста семьдесят милиционеров, которых уничтожили вооруженные преступники.

Пожалуй, самое трудное в службе помощника министра — это вовремя заметить, что у шефа пересохло в горле, и, не роняя собственного достоинства, с важным видом преподнести ему стакан воды. Я трижды проделывал эту манипуляцию — шеф вроде бы остался доволен и даже, то ли в шутку, то ли всерьез, сказал:

— А что, у тебя неплохо получается. Может, останешься?

Но я сослался на то, что уже вышел из образа...

Ух!

«Комсомольская правда», 25 декабря 1998 г.

* * *

Вот с тех пор Степашин и считает меня своим помощником и советником. Впрочем, меня этот титул вполне устраивает. Я много раз летал со своим героем на Северный Кавказ — в Чечню, Дагестан, Ингушетию, Северную и Южную Осетию... Были и опасные командировки.

...В один из хмурых апрельских дней 2003-го, в день приезда Сергея Степашина в Грозный, в чеченские правоохранительные органы поступили сразу две ориентировки.

Первая: на главу Счетной палаты готовят покушение две террористки-шахидки. Видимо, поэтому в ближайшем окружении С.В., как кличут Степашина в палате, в этот день не было замечено ни одной местной жительницы.

Вторая: на колонну председателя готовится напасть банда боевиков. Вот почему шестидесятикилометровая трасса от ингушского аэропорта «Магас» до Грозного напоминала прифронтовую полосу: там стояли бэтээры, БМП, орудия, солдаты, вооруженные автоматами, пулеметами и гранатометами.

Саму же колонну сопровождали вооруженные до зубов чеченские милиционеры.

Несмотря на это, укрывшиеся в лесополосе боевики все-таки двинулись в сторону степашинской колонны. Вот-вот должен был начаться бой. Тогда в небе появились военные вертолеты. Замеченные с воздуха, бандиты отступили.

Все это время я находился рядом со своим героем. На его лице не дрогнул ни один мускул...

АНЕКДОТ В ТЕМУ, УСЛЫШАННЫЙ В ГРОЗНОМ

«Экстренное сообщение полевого радио! В голову вице-премьера, отвечающего за восстановление Чечни, попало семь пуль. Мозг не задет».

Когда я рассказал этот «чеченский» анекдот Степашину, он смеялся недолго. И как-то грустно...

2. ...А еще он возродил «Фитиль»

Весной 2004-го на экраны — правда, телевизионные — вернулся знаменитый киножурнал «Фитиль». (Впервые на киноэкраны он вышел в 1962 г., всего было подготовлено 420 «Фитилей», в 1993-м выпуск прекратили «из-за нехватки средств».) И вот по инициативе Сергея Михалкова, бессменного редактора старого «Фитиля», Сергея Степашина и шоумена Игоря Угольникова киножурнал решили возродить. Разумеется, я узнал об этом раньше всех и отправился на «закрытую премьеру».

...Зал заседаний коллегии Счетной палаты. Входит Сергей Степашин, за ним — продюсер нового «Фитиля» Игорь Угольников.

Степашин:

— Игорь, ну что ты как неживой? Не выспался, что ли?

Угольников (зевает):

— Так ведь всю ночь пленку монтировал.

Степашин:

— Вот щас проведем «госприемку». Пусть тебе чего-нибудь нальют. Подкрепляющего.

Звучит фирменная «фитилевая» мелодия: «Блям-блям-блям!» На экране — мультипликационный кривоногий бюрократишка. Сидит на ящике со взрывчаткой, к которой, догорая, уже подбирается титр: «Фитиль». «Ба-а-мс!» От бюрократишки не остается даже мокрого места. У Степашина — он, не отрываясь, смотрит на экран — нервно вздрагивают плечи. Просыпается и Угольников.

Корреспондент «КП»:

— Со взрывчаткой не переборщили? Там же не меньше трехсот граммов в тротиловом эквиваленте! Жалко бюрократа...

Угольников:

— А чего их жалеть?

Сергей Михалков (грустно говорит с экрана):

— ...Но жизнь идет вперед, а недостатки остаются, надо продолжать их критиковать.

На экране — сюжет из старого «Фитиля»: Юрий Никулин и Михаил Пуговкин играют в шашки.

Пуговкин:

— Давненько не брал я в руки шашек.

Никулин:

— А может, в поддавки?

Только вместо шашек у них — рюмки с водкой: срубил — выпил, срубил — выпил.

Степашин (отрывается от экрана, говорит встревоженно, голосом кинорежиссера):

— А когда это у нас идет в эфире?

Угольников:

— В апреле.

Степашин:

— Тогда лучше после Пасхи. Пост ведь, выпивать нельзя.

На экране уже мультик. За столом — полный человек, похожий на генпрокурора. Перед ним — человечек маленький, но смахивающий на Абрамовича.

Корреспондент «КП»:

— Цензура у «Фитиля» будет?

Степашин:

— У нас один цензор — Сергей Владимирович Михалков.

— Товарищ прокурор, — жалобно скулит с экрана мультяшный Абрамович. — Я все налоги заплатил, предприятия вернул государству, по обязательствам рассчитался. Можно, я теперь уеду за границу?

— Можно! — отвечает мультяшный генпрокурор.

Степашин у телевизора потирает руки и заговорщически смотрит на корреспондента «КП».

— Только давайте-ка, — продолжает мультяшный генпрокурор, — по старой русской традиции присядем на дорожку.

«Блям-блям-блям! Ба-а-мс!»

Звучит песня: «Мы едем, едем, едем в далекие края...» Угольников у телевизора хихикает. Степашин хмурится.

Корреспондент «КП»:

— А президента «Фитиль» критиковать будет?

Угольников (делает клоунское лицо):

— Ну что вы? Как можно?

Степашин:

— Мы будем критиковать все!

Корреспондент «КП»:

— Но президент-то как раз за все и отвечает!

Степашин:

— Тебе лучше смотреть, чем говорить.

На экране — Александр Семчев в роли губернатора, который приехал в школу. Он чем-то напоминает... Впрочем, здесь придется привести слишком длинный список руководителей регионов, которых «копирует» Семчев.

Губернатор:

— Ну, какие проблемы?

Директор школы:

— У нас давно не было ремонта, трубы текут, очень холодно. Нам бы хотя бы один телевизор, я уж не говорю о компьютере и Интернете.

Губернатор сопит, поворачивается и уходит. Тот же губернатор, но в тюрьме, правда, пока еще на свободе.

Начальник тюрьмы:

— Видите, наша тюрьма давно нуждается в ремонте — трубы текут, холодно.

Губернатор:

— Непорядок!

Начальник тюрьмы:

— Нам бы телевизор. Я уж не говорю о компьютере и Интернете.

Губернатор:

— Здесь делаем ремонт, в каждую камеру — телевизор, холодильник, компьютер и Интернет.

Помощник губернатора:

— Но ведь школе мы отказали...

Губернатор:

— Сам подумай — в школе-то мы с тобой уж вряд ли окажемся. А вот здесь — еще вопрос!

«Блям-блям-блям! Ба-а-мс!»

«Комсомольская правда», 1 марта 2004 г.

* * *

Как-то я поинтересовался у Степашина:

— Как вы относитесь к тому, что вас иногда называют именем одного из сказочных героев популярной детской телепередачи!

— Вы про «Спокойной ночи, малыши!», что ли? — переспросил Сергей Вадимович. — Степашка — вполне приличный герой. Бывает хуже...

3. «Сейчас взятки берут не деньгами, а акциями»

Однажды я предложил председателю Счетной палаты пробежать стометровку по пересеченной «политической» местности современной России. Он согласился...

У обрыва

Вообще-то Сергей Степашин приезжал в село Городню, что в Тверской области, не кроссы бегать, а отмечать пятилетие православной гимназии, где на полном обеспечении — более 100 детей, в основном из неблагополучных семей. Эту гимназию в Городне называют «степашинской». Потому что главный контролер страны — ее главный попечитель. Впрочем, сам Степашин сей факт все эти годы скрывал. Но я его «разоблачил».

— Вы чего-то стесняетесь? — спрашиваю председателя Счетной палаты.

— Ничего я не стесняюсь, построили и построили, — отмахнулся он. — И зачем афишировать? Это же не для пиара, а для души. Между прочим, я человек крещеный — в Шуваловской церкви в Ленинграде, где в свое время отпевали попа Гапона... А потом, это же для ребятишек. Чем старше, тем больше понимаешь, какое это чудо...

Когда Степашин пообщался с ребятишками и попил с ними чаю, я спросил у него: «А не слабо нам прогуляться по крутому волжскому обрыву?» — он проворчал что-то типа: «Вечно “Комсомолку” на подвиги тянет...»

...Склон был крутой и скользкий — впору прыгать с парашютом. Экс-премьер постоял у края минуту, передернул плечами, расстегнул куртку и... ринулся вниз. Я сломя голову бросился за ним.

ДИАЛОГ ПЕРВЫЙ

Как проверить Степашина?

— ...Сергей Вадимович, а вот, допустим, поймали в коридоре власти взяточника...

— Взяточники сейчас — это уже экзотика.

— А Георгий Сатаров, президент фонда «Индем», утверждает, что взятки у нас сейчас в год дают и берут аж на триста девятнадцать миллиардов долларов. Это в три раза больше, чем бюджет страны, или половина ВВП.

— Цифра, которую приводит Сатаров, мне непонятна. Я могу четко сказать, что этот показатель не имеет методик расчетов. Я об этом говорил и с Нургалиевым, и с Патрушевым... Это, так сказать, «неучтенный вопрос». А если человеку известна такая цифра, значит, он знает, кто давал, кто брал, и не сообщил в правоохранительные органы. Его надо привлекать к ответственности.

— Сатарова?

— Не Сатарова, а того, кто ему эту цифру дал. Я бы поаккуратнее был с цифрами. Это будоражит общественное мнение. И создается впечатление, что Сатаров знает, а Медведев, Путин, Степашин, Нургалиев, Чайка — нет...

— А это не так?

— Проблема взяток — не главная в стране.

— Что, всех взяточников переловили?

— Да нет. Просто, повторяю, это уже «не модно». Сейчас напрямую деньги не дают и не берут — это редкий случай. Есть другие формы.

— Можете поделиться?

— Главная тема — тендеры, конкурсы, откаты, удорожание проектов. А еще так называемое условное награждение нужного человека. Это может быть и передача каких-то акций его близким родственникам, и предоставление преференций, которые милиционеру трудно увидеть.

— А аудитору?

— И аудитору тоже. Поэтому мы и бились за быстрейшее подписание Россией Европейской конвенции о борьбе с коррупцией. (Подписали ее в 1999 году, а ратифицировали только в 2006 году. — А.Г.)

Там есть один очень важный пункт, по которому госчиновник должен отчитаться перед соответствующим органом. Вот ты всю жизнь работал, скажем, замминистра, получая соответствующую зарплату. И вдруг на глазах людей вырастает особняк трехэтажный. Надо прийти и у человека спросить: на какие деньги ты это построил? Сейчас, после ратификации конвенции, эта позиция начинает у нас работать.

Тем, кто незаконно нажился, придется возвращать часть денег. Или доказывать, что ты заработал суммы или собственность честным трудом. Ну или хотя бы уходить с госслужбы.

— Или переписать собственность на родственников.

— Это уже уход от налогов и от ответственности. Да, многие так и делают. Но эта цепочка тоже проверяется.

— А Закон о борьбе с коррупцией поможет?

— Чтобы Закон не был декларативным, надо, чтобы позиции, о которых мы с вами здесь говорили, были четко прописаны и в Уголовном кодексе.

— А вы будете этого добиваться?

— Да, конечно.

— Несладко теперь придется тем, кто заграбастал деньги и собственность...

— Как сказать... Закон, к сожалению, обратной силы не имеет. Тут же есть срок давности — десять лет. Скажем, известный сенатор Вавилов сейчас уже неподсуден.

— А что же вы так долго собирались?

— К сожалению, не все зависело только от нас...

— А лично вам взятки предлагали?

— Нет. Во-первых, это мне не нужно. Во-вторых, потому что знают — это бесполезно.

— А как бы проверить Степашина?

— Пожалуйста. У меня, кроме зарплаты, больше нечего проверять.

— Вы не боитесь проверки?

— Нет. Счетная палата, как жена Цезаря, должна быть вне подозрений...

«Мяч стырили, сволочи...»

— А как вам такое явление, как кумовство, когда, допустим, родственники губернатора устраиваются на хлебные места?

— По-моему, такое не каждый губернатор себе позволяет.

— А по-моему, каждый. И не только губернатор. Особенно в Москве. Даже в высших эшелонах власти...

— Если так, то это неправильно. К сожалению, здесь мы имеем дело с нарушением элементарных норм этики. Если говорить о том, что кто-то из больших руководителей устраивает своих детей или родственников в госструктуры... Увы, из нашего лексикона практически выпали такие слова: «скромность», «стыдно»... Думаю, пора вносить поправку в Закон о госслужбе примерно с такой вот формулировкой: на высоких должностных лиц должны распространяться определенные ограничения при устройстве на работу их родственников. Давайте вместе выступим с такой инициативой.

— Давайте... Но вы понимаете, что замахиваетесь на самое святое?

— Почему? Я просто рассуждаю. Но те, кто ведет борьбу с коррупцией, думаю, со мной согласятся...

— И по вашей наводке к чиновникам нагрянут с обыском.

— Наводок мы не даем, правоохранительные органы активно изучают наши материалы. Не надо конъюнктурить, принюхиваться — как бы укусить. Глядишь, промазали, не того куснули.

— А конъюнктура-то в чем — чтобы Кремлю угодить?

— Наверное. А кому еще? В Кремле сказали: с коррупцией нужно бороться. Ну и начали. Но там же имели в виду сис-те-му!

— Но и по вашим материалам под Уголовный кодекс «подвели» уже немало народу.

— Мы ставим диагноз. И если вместо того чтобы лечить, люди воруют, их наказывают. К нам давно уже не относятся как к бухгалтерии.

— Как к силовому ведомству?

— Да. И пусть наша палата будет интеллектуально силовой.

— Наконец-то вы чистосердечно признались! Но у меня к вам, как к герою интервью, есть претензии...

— Героям замечания не высказывают.

— Но критикуют. Вам же из Кремля дают указания!

— Ни разу не давали.

— А секретные — по борьбе с коррупцией?

— Единственное, что попросили, — посмотреть итоги приватизации России за десять лет.

— Вот! А надо их пересматривать?

— Нет. Мы проверили: что получилось, что нужно, чтобы не повторилось то, что было. И собственники другие стали, нормальные в основе своей. Сегодня приватизация в России проводится прозрачно.

— А если добро не нажито непосильным трудом?

— Философское рассуждение. Если бы приватизация была противозаконной, мы бы вернули собственность государству. Как это было с Арктическим ледокольным флотом.

— Абрамовича почему больше не трогаете?

— За что его трогать?

— Потому что он на власть не наезжает?

— Он налоги платит, «Сибнефть» вернул.

— Не вернул, а продал государству по спекулятивной цене — за семь миллиардов долларов. А покупал за триста миллионов.

— Он продал «Сибнефть» по той цене, сколько компания на самом деле стоила. А капитализация еще больше. Другое дело, в

свое время государство «Сибнефть» продало по резко заниженным ценам. И это вопрос к государству, а не к Абрамовичу. Что мы и отметили в «Итогах приватизации».

— Раньше вы про Абрамовича по-другому говорили...

— И сейчас могу сказать, что нескромно сорить огромными деньгами. Он перестал это делать. По крайней мере, публично. Не сорит. Но кое-кого нужно серьезно пугануть.

— Ого! Даже так?

— В хорошем смысле...

— И еще мне не нравится, что вы предупреждаете тех, кого собираетесь проверять. Они же заметут следы!

— Если стырил, так стырил, и если пытаешься что-то скрыть — не получится.

— Ага, у вас тоже любимое словечко, как у Путина, «стырил»... Откуда?

— Не знаю, как у Владимира Владимировича, а я это слово впервые услышал в пятом классе, когда у нас во дворе украли футбольный мяч и кто-то из ребят тогда сказал: «Вот, сволочи, мяч стырили».

Середина дистанции

...Я скользил по обрыву на подошвах метрах в пяти от экс-премьера, почти в горизонтальном положении. И вскоре начал тормозить «пятой точкой». Степашин, слава богу, этого не видел.

— Сергей Вадимович, бегите по горизонтали! — крикнул вдогонку ему его охранник Игорь Кузнецов, который, кажется, встревожился не на шутку. Но экс-премьер уже несся по обрыву строго по вертикали...

ДИАЛОГ ВТОРОЙ

«У нас все было готово для задержания Березовского»

— Ваша версия — кто отравил Литвиненко? (Бывший сотрудник ФСБ РФ Александр Литвиненко скончался в лондонской больнице 24 ноября 2006 г. — А.Г.) На Западе утверждают, что полоний, которым его отравили, — из России...

— Глупость полнейшая.

— А откуда же?

— Не знаю. Может, что-то сами там придумали. Пусть МИ5, МИ6 (британские спецслужбы. — А.Г.), наши службы и Скотленд-

Ярд вместе расследуют.

— На Западе пишут — Литвиненко знал какие-то секреты, из-за чего его могли убрать.

— Ничего он не знал. И прославился-то только тем, что Березовский его купил, и он его защищал по убийству Влада Листьева. Я тогда был директором Федеральной службы контрразведки (так в то время называлась ФСБ. — А.Г.). 2 марта 1995 года мне позвонил Ельцин: «Листьева убили, вот чем будете заниматься». У нас практически все было подготовлено для задержания Березовского.

— А его по подозрению в убийстве Листьева хотели арестовать?

— Да. Для этого были основания. Было очевидно, что убийство Листьева связано с рекламой — это огромные деньги. Поступали сигналы — у нас на телевидении всегда были люди... Начали очерчивать круг конкурентов, вышли и на Березовского.

— Почему же не арестовали?

— Произошла утечка информации.

— Через Литвиненко?

— Конечно. Фактор внезапности был потерян, и смысла уже не было никакого.

— Кто-то и из президентской команды подсуетился?

— Думаю, да. Березовский был влиятельным олигархом, входил в так называемый «президентский клуб»... А если возвращаться к истории с отравлением Литвиненко, это политическая провокация.

— Ну а цель-то?

— Опорочить Россию и президента. Нам что обещал Березовский? «Мы вам еще покажем!» Вот он обещания и выполняет. Я не хочу грешить на Березовского — не имею на это права, но убийцу Литвиненко я искал бы там. Хотелось бы, чтобы англичане поняли, кого они у себя пригрели. Иначе полоний скоро заберется в их мозги.

— А может, Великобритания использует Березовского как рычаг давления на Россию?

— Какой смысл? Проехали уже, они просто отстали немножко. Жалко, конечно.

— Если бы Березовского выдали России, наша международная политика была бы более эффективной?

— Мы демонизируем Березовского. Да, он перешел Рубикон. Но Березовский — следствие, а не причина. Это — распутинщина. Не было бы Березовского, выискался бы кто-то другой.

— Как в этой ситуации должна вести себя Россия?

— Пожестче. Чего мы стесняемся? Почему они не стесняются?

Ребята, защищайтесь же вы!

— Вы имеете в виду наши спецслужбы? Или президента?

— Правительство и МИД могли бы выдать пару жестких заявлений. Мы недооцениваем наши информационные возможности. Или считаем, все пройдет само? Нас любили, когда мы были слабыми. Теперь мы с Западом партнеры. Равные и сильные. И давайте нас уважать.

Финиш

...Мы отдышались, и я спросил у экс-премьера:

— И с какой же скоростью вы сейчас бежали?

— Думаю, сто метров за одиннадцать секунд. Я же мастер спорта, в юности бегал по двадцать пять километров.

— Может, вам на футбольное поле выйти? — спросил я у Степашина, вспомнив о том, что он — председатель попечительского совета «Динамо».

— А я выхожу — на тренировках. Могу сыграть правым нападающим — метров двадцать—тридцать как следует стартануть...

ДИАЛОГ ТРЕТИЙ

«Путина называли “Штази”»

— А как у вас отношения с Путиным?

— В смысле...

— Но Ельцин же в 1999-м сперва вас хотел в преемники, а потом раз — и.о. президента стал Путин. Вы обиду проглотили?

— Какая обида в политике? Это вообще бессмысленно...

Кстати, это был самый драматический момент в жизни моего героя — он замкнулся, по крайней мере, от журналистов, на телефонные звонки не отвечал. И тогда я пошел на хитрость: позвонил на мобильник жене Степашина, Тамаре Владимировне. Она передала мужу трубку...

— Ну что, Саня? Не удалось тебе на этот раз поработать у меня помощником?

— Думаю, у нас с вами все еще впереди.

— Я тоже на это надеюсь. Спасибо, дорогой... Чего звонишь-то?

— Ваша отставка внешне представляется как результат какой-то интриги, затеянной Кремлем по очень простой причине: дескать, Степашин — «ненадежный человек, поэтому его следовало убрать»...

— А для кого я ненадежный? Саш, ты как считаешь?

— Я в Степашине никогда не сомневался.

— А для кого ненадежный-то? Для власти? Для страны? Для президента? Для тех, кто в меня поверил, — я же полстраны уже проехал?! Или для зарубежных партнеров, с которыми удалось вырулить с огромным трудом? С огромным! Мало кто знает, что во время моих разговоров с Клинтоном и Гором удалось получить согласие на реструктуризацию огромного — сто семьдесят миллиардов долларов! — долга СССР. Потому-то и убрали, что надежный... Я никого обслуживать никогда не хотел, меня никто никогда не покупал. Не все же продаются и не все же покупается в нашей стране...

— Какая ваша самая большая ошибка, допущенная на посту премьера?

— Ошибка это или не ошибка, но меня просто нельзя переделать. Я не стал обслуживать интересы определенной группы, которая и посчитала, что в этой ситуации я не надежен. На этом и стою, и стоять буду, сколько смогу.

— Когда вы стали премьером, многие увидели, что Степашин

— человек высокообразованный, культурный, знает наизусть Пушкина, Шукшина... В эти дни к классикам не обращаетесь за подмогой?

— Пушкин пока не читается, Шукшин тоже. Но с завтрашнего дня мы с сыном Володей договорились позаниматься английским, хочу поскорее восстановить... Ну что ж, спасибо, Саша, за звонок. Обнимаю.

— Обнимаю...

Кстати, об этом нашем разговоре Степашин довольно часто вспоминает:

— Ты знаешь, это, наверное, самое лучшее наше с тобой интервью. Почему? Оно, пожалуй, самое эмоциональное. Пока я с тобой беседовал по телефону, хлопнул три рюмки водки...

— А вот ту ситуацию вы с Путиным обсуждали? — спросил я у Степашина, когда мы приходили в себя после пробежки.

— Да, он приехал к нам на дачу. Мы посидели по-нормальному.

— Выпили.

— Немного. Поговорили откровенно. Мы с Путиным познакомились в 1991-м, когда я приехал работать в управление КГБ по Ленинграду. Путина, кстати, там все бизнесмены звали «Штази». Он их отстроил за пять секунд. Не строя буквально.

— А почему Штази?

— Штази (секретная служба МГБ ГДР. — А.Г.) уважали во всем мире.

— А он не обижается?

— Нормальный же человек.

— И вы его так называли?

— Нет, Владимиром.

— Однажды я у Путина спросил: как вы относитесь к Степашину? Там был довольно узкий круг. Я не рассказывал?

— Не-е-ет...

— Он помолчал и говорит: «Сергей — очень порядочный человек. Этого достаточно?» Я говорю: «Достаточно...»

— Для меня он в целом предсказуем. Хотя... Пусть не обижается, но я не думал, что он сможет раскрыться как публичный политик.

— Если говорить о будущем, какое место вы хотели бы занять в политике?

— Меня вполне устраивает моя работа. И она мне нравится. Ты обратил внимание?

— А как же...

Как я дал ему прикурить

— Закурите? — я протянул экс-премьеру пачку сигарет. Он нехотя взял одну — я щелкнул зажигалкой. Степашин с отвращением сделал пару затяжек и сигарету загасил...

— Вы что, бросили курить?

— Да. И подписал приказ о запрете курения в Счетной палате.

— Что за бесчеловечный приказ? Прямо как в «Комсомолке»!

— Табак плохой.

— Может, табачную промышленность проверить?

— Лучше не курить. Проверили, кстати.

— И что?

— На акцизах играли. Нам сейчас не повторить бы то, что мы сделали с алкоголем, с ЕГАИС[3]. Сначала водочку рубанули с винцом, десять миллиардов потеряли. Сейчас на табачок набросились ребята. Не лезьте вы со своими ЕГАИСами!

...Пришлось и мне загасить сигарету.

«Комсомольская правда», 25 декабря 2006 г.

* * *

Однажды я Степашину сказал:

— Скоро не останется начальника, который бы не попал в клещи вашего ОБХСС.

— У нас не ОБХСС и не клещи, — заметил он. — Большинство с пониманием относятся к проверкам. Если нет нарушений, они после экспертизы могут получить справку, где будет указано, что в их организации — порядок. С таким документом проще жить и работать.

— А мне можно справку?

— У тебя есть нарушения?

— Не всегда вовремя сдаю материалы.

— Значит, есть. Тогда тебе справка не положена.

VIII. Сергей Шойгу «В ПОЛИТИКЕ ШАЙБЫ НЕ ЗАБИВАЮТ, А ПРОПИХИВАЮТ»

Трусы без лямок от МЧС

...На Шойгу были хоккейные трусы с лямками. А на мне — без, и они все время с меня сползали.

— Я не знаю, почему тебе выдали трусы без лямок, — задумчиво оглядывая меня, сказал министр.

Самым сложным оказалось стать на коньки. Пора было на лед, а я все сидел с высунутыми языками (ботинок).

— Стельки вставляй правильно, — сердился Шойгу. — Не так! Ну что ты в самом деле? Что ты дурака валяешь?

— Я рос на заснеженной оренбургской окраине... И катался на «снегурках», привязанных к валенкам.

— Ага. А я, конечно, тренировался в «Детройте»... Так ты играешь или так нарядился?

— Так нарядился.

— Такая манера брать интервью, что ли?

— Ну.

— Так ты бы сначала на локти надел что-нибудь и на колени тоже. Стой! Вот это — на локти, а это, наоборот, — на колени! Это же самое опасное, когда упадешь...

Вот так начались мои испытания, когда однажды, на свой страх и риск, я решил проверить, крепко ли стоит на льду глава МЧС Шойгу.

ДО НАЧАЛА МАТЧА

«В правительстве — командная игра»

— Сергей Кужугетович, вот правительство у нас — как сборная по хоккею, правда же?

— В общем-то да.

— Есть ветераны, как Шойгу... Раньше вы какие-то реплики отпускали во время игры, то есть во время заседаний.

— Да, было. Иногда забываешь, что прямая трансляция...

— А сейчас вас не слышно.

— ...Сейчас в руках себя держишь. Дело-то такое... Когда в правительстве что-то «искрит» в личностном плане, это уже не команда.

— Теперь — без силовых приемов?

— Без. И правительство качественнее стало работать, острые углы до заседания снимаются. Притирка произошла.

— Вы, говоря армейским языком, старослужащий министр. Скажите, в правительстве есть «дедовщина»?

— Никакой «дедовщины» нет.

— У нас сборные по хоккею сыпались отчего? Не было сыгранности между тройками, пятерками. А в правительстве?

— Так же. Должна быть одна команда. Она сейчас есть.

— С кем из «игроков» вы бы могли выйти на лед?

— С Лавровым, Нургалиевым, Трутневым... Я не могу назвать, с кем у меня плохие отношения... Каждый из нас выпахивает свою поляну.

— Вы уже «отпахали» в МЧС шестнадцать лет. Сколько еще собираетесь?

— Я что, плохо работаю? Кому-то мешаю? Есть кандидаты на мое место?

— У «Комсомолки» — нет.

— Тогда к чему этот вопрос? Кстати, у нас в МЧС правило: когда меняется правительство, все мои замы, начальники департаментов приходят ко мне и кладут на стол заявления об отставке. Они лежат у меня в папке.

— Это еще зачем?

— Если придет новый человек на мое место, я ему эту папку вручу, а он решит: вот этот будет работать, а этот нет.

— Это вы их так приучили или они сами соображают?

— Сами. Если что, мы готовы. Но это не значит, что у нас — чемоданное настроение.

— Вот вы уже столько лет на «чрезвычайном гребне», это же психологически тяжело. Не возникает желания сменить работу?

— Вы прямо мысли мои читаете. А если серьезно… Я же ведь родом — из таежного края. А там у нас такой обычай: собрался в дорогу — на полпути не останавливайся. Это я о том, что дел-то впереди еще невпроворот… Сказать честно, о чем я мечтаю? Чтобы никто не знал, кто такой министр по чрезвычайным ситуациям.

— Вы серьезно?

— Абсолютно.

— У вас же рейтинг высокий!

— Это плохо. Значит, не все в порядке в нашей сфере. Иногда мне кажется, что людям моя физиономия уже настолько надоела, когда я рассказываю про чрезвычайные ситуации. Неправильно, что главу МЧС узнают на улице. Должны узнавать президента, премьера, главу МИДа…

ИГРА В ПАС

Верховая подача

...На воротах стоял рядовой боец МЧС Алексей Кузнецов. А мы с министром их штурмовали — голкипер только успевал отбиваться. За каких-то десять минут Шойгу заколотил полтора десятка шайб, из них одну — с подачи корреспондента «КП». Ну а на моем бомбардирском счету — семь точных бросков в цель. Из них два — с подачи форварда Шойгу (он сделал два паса, в том числе один — «верховой».)

— Ты не забиваешь шайбы, а запихиваешь их в ворота, — сказал Шойгу. — Ну что за манера?

— А в политике такое часто бывает?

— Да сплошь и рядом!

НА СКАМЕЙКЕ ЗАПАСНЫХ

Главное — выиграть вбрасывание

— Сергей Кужугетович, говорят, с 2012 года у нас начнется глобальное похолодание. Вы никаких мер на этот счет не готовите?

— Конец света прогнозировался много раз, но так и не состоялся. Подождем вот 2012 года. А если серьезно... У нас нет данных, что грядет такое похолодание.

— А на Западе есть. Мол, климат в России портится. По части демократии. И свободы слова.

— Пусть лучше о своей демократии задумаются, о двойных и тройных стандартах. В чем мы не демократическая страна? Что у нас запрещено? Митинги, публичные высказывания? Возможность ходить куда хочешь, заниматься чем хочешь? В рамках, естественно, закона. Нет же! А вы считаете, что да?

— Да. Мне нужна свобода.

— От кого?

— От вас, от власти. Сво-бо-ду!

— Тихо-тихо... А до этого ты был свободен?

— Нет. Но я был более расхристан. Несколько лет назад на интервью к вам я в майке пришел. А сейчас я к вам только в пиджаках хожу. Все пуговицы застегнуты... Ну, только вот сегодня в свитере. Но мы же с вами вроде в хоккей собрались играть...

— Если для тебя расхристанность — это свобода, следующий раз приходи в трусах. Но только когда я к тебе приду в таком же наряде, уверен, ты посчитаешь это распущенностью. В следующий раз я к тебе приду в грязной майке и шлепанцах...

— ...Нет, майка у меня вот тогда была чистая!..

— ...Но все равно майка. Не уверен, что ты подумал бы: «О, какой свободный министр!»

— Какую тогда мы демократию строим?

— Кто тебе сказал, что демократию надо строить? Это что, коммунизм? Мы его строили семьдесят лет, настроились — во! Все!

Я тебя спрашиваю: по какому праву Запад нас учит демократии? У них что, такая уж демократия верхняя? Когда один человек единолично решает, устанавливать нужный ему строй в другой стране, свергает главу государства? И говорит: «Слушай, он мне не нравится, он не демократ».

Вот у нас мораторий на смертную казнь. Да? А в США

электрический стул — «самый демократичный». И шоу: собирается толпа к девяти утра и ждет, чтобы посмотреть на казнь.

— А что же мы теперь строим?

— Мы строим не строй, а хорошую жизнь для людей. Рыночную экономику — да, надо строить. А демократия — это данность. Она или есть, или нет. У нас своя суверенная, если хотите, демократия.

Помнишь, когда мы выводили войска из Германии, все говорили: ну слава Богу, Варшавский блок разошелся, теперь и НАТО ни к чему. А оно все двигается на Восток. Для чего? Против кого, ребята? Это не обман? Считаю, обман...

Я не говорю, что у нас все классно и замечательно, нам еще многое надо сделать. Но сделать так, как мы это видим, а не так, как хотят видеть наши критики. А вот это выдавливание по капле из себя раба — оно касается всех, и меня в том числе.

— На Западе говорят про наши имперские амбиции...

— Мы просто страна такая...

— ...С амбициями?

— А то! Но только у нас они обоснованны. Мы действительно богатая страна.

— А какие у нас амбиции? Мы энергетическая держава, ага?

— Энергетическая, ядерная. С огромной территорией и богатствами, с невероятно талантливыми людьми. Я проще скажу: мы просто обречены на хорошую жизнь. И когда мне говорят о месте России, я, как человек, горячо любящий нашу страну, считаю, что оно, безусловно, первое.

— Ну а если не так громко?

— Помнишь, когда в магазинах ни продуктов, ни товаров не было? И вот мужики собирались в гараже — менять подшипник ступицы. Поменяли, вытерли руки, достали бутылочку.

— И огурчик.

— Да, и сало на газетке порезали. Разговорились: «Ну да — мыло по талонам. Зато, смотри, наша станция “Мир” там летает и летает. А в хоккей нам вообще равных нет!»

Было вот это ощущение гордости за страну, несмотря на то что не было этих супер- и гипермаркетов. Но при этом были праздники в душе.

— Оно что, утрачено? Чувство национальной гордости.

— Пока — нет. Не до конца. Но прилагаются огромные усилия, чтобы было утрачено. Нас постоянно заставляют оправдываться. Чтобы из святых вещей остались гамбургер, пепси-кола и боевики на телевидении с утра до ночи. Да дело и не в гамбургерах. Нам навязывают свою культуру, свою трактовку

нашей истории.

— Откуда навязывают? С Запада или изнутри?

— Да больше оттуда, мне кажется. Но и отсюда тоже. И когда кто-то говорит: вот вы должны извиниться за Вторую мировую войну — не так воевали, не так победили. За что извиняться? Перед кем? Стране, которая потеряла в этой войне больше двадцати миллионов человек!

— Что же делать-то?

— Не вбивать каждый день себе в голову гвоздями: «Мы тут все уроды. У нас демократия не та». А говорить о наших достижениях. О Достоевском, Толстом, Солженицыне. Об ученых, полководцах! Если мы не будем насаждать это каждый день...

— Насаждать?

— ...Именно насаждать, потому что противодействие этому яростное. Нам всячески преподносят другой пирог — пожрать, выпить, позаниматься сексом. Все!

— А как насаждать-то?

— Просто не надо сгущать краски. А насчет того, что в нашей стране все так хреново... Нет, далеко не так.

— Но, несмотря на «сдвиги», гордиться-то пока особо нечем...

— Пока мы будем с утра до ночи показывать по телевизору то, что мы показываем, этой гордости не появится.

— То есть?

— Я поймал себя на мысли, что за последний месяц хорошую, добрую передачу видел трижды. Все остальное: там — обезвредили, там — поймали, там — взятки, там – коррупция... То «Дом-два», то «Дом-три».

— Но ведь и в жизни так.

— В жизни немало и хорошего. Строятся заводы, жилье — во многих областях его объемы перекрывают советское время. Запускаются большие инвестиционные проекты. Я согласен с теми, кто говорит, что негатив, так же как рекламу, надо ограничить по времени. Десять—пятнадцать процентов негатива, не больше. Пятнадцать — это уже много, на мой взгляд.

— Цензуру хотите вернуть?

— Нет, здравый смысл. Вот я смотрел телепередачу: парень отвоевал, потерял ногу и глаз, но нашел в себе силы — вернулся в строй. Командир танкового батальона, жена ждет ребенка. Таких людей нужно поддерживать. Вот откуда рождается патриотизм! Посмотрите, какую волну вызвал фильм «Девятая рота». Таких фильмов должно быть в два, в три раза больше. Мы истосковались по этому всему...

Надо увеличивать расходы на культуру. Бюджет на патриотическое воспитание выделил деньги. Тут же кое-кто начал

иронизировать! И как!

Но никто не говорит, как лучше эти деньги использовать: сделать маршрут для школьников по местам боевой славы Кутузова, Суворова; дети должны увидеть, что у нас природа лучше, чем на Канарах и Багамах!

— Но это же рецепты из времен застоя!

— Свято место пусто не бывает. Там, где нет патриотизма, появляется ваххабизм, фашизм. А у нас своя национальная идея.

— И в чем она?

— В патриотизме. Родина может быть плохой или хорошей. Но это Родина. А у нас сегодня из голов выбивают понятие Родина. Я не агитки читаю. Говорю, что думаю.

— А что еще нужно, кроме патриотизма?

— Душа. В 2001-м, кажется, Путин сказал: вы хоть понимаете, что мы стояли на грани развала страны? И это было так. У каждой губернии — своя конституция. Между областями были границы и шлагбаумы, когда не пропускали продовольствие. Главное сегодня — сохранить самобытность страны. Многонациональность и многоконфессиональность. Разрушить это можно в один год. Так, чтобы народ пошел на народ — и все пропало. С экономикой всегда разберемся, но если вынем душу из страны… Можно считать, что этой страны не будет.

Ну кому нужны эти эксперименты: курс направо, курс налево, вперед-назад? Если такое огромное, как наша страна, море раскачать — сколько все это будет успокаиваться? Как раскачали его в 91–93-х годах — вот и успокаивалось оно до 2000-го. Если кто-то хочет это повторить, то он думает не о стране, не о людях, а о своих политических амбициях.

СИЛОВЫЕ ПРИЕМЫ

Игра высоко поднятой клюшкой

За весь матч глава МЧС применил к корреспонденту «КП» всего один силовой прием: толчок корпусом. Но дважды. Я на ногах удержался... А еще форвард Шойгу (разумеется, в шутку, слегка) ударил клюшкой по каске, которая была надета на голову форварда «КП». Каска (казенное имущество МЧС), слава богу, осталась цела...

А чтобы я не сильно комплексовал, мой соперник показал мне «боевой шрам»:

— Видишь эту рассеченную губу?

— Ну... Это когда?

— Попали шайбой. Прямо здесь, на катке, тогда и зашили. Так что, вот так вот все...

СПОР У БОРТИКА

«Нам такой хоккей не нужен!»

— И почему у нас такая страна послушная? Путин сказал: придите и проголосуйте за «Единую Россию». Страна пришла и проголосовала. Так было и с парламентскими, и с президентскими выборами.

— Тут дело не в послушности страны. Просто мы повзрослели. А власти — между прочим, не без участия журналистов — удалось донести до людей, что они действительно голосуют за свой завтрашний день. Люди устали от тех передряг, которые преследовали их начиная с девяностых. Они верят сделанному, а не тому, что им много лет рассказывали: вы нас только выберите, мы такого натворим, что вы все будете в шоколаде! Неинтересная это тема...

— Тогда давайте интересную. Вам не кажется, что «Единая Россия» превращается в КПСС? Как говорил Черномырдин, какую партию ни создашь, все равно будет...

— Да не может она превратиться в КПСС. Страна другая... Мы вкусили это чувство свободы и не хотим уходить сами и загонять остальных обратно. Когда говорят, что «Единая Россия» — прокремлевская...

— Пропутинская.

— ...А мы чьей партией должны быть? Пробушевской?

— А «Единая Россия» не наломает дров, как КПСС? Больше не будете допускать ошибки? Я имею в виду пресловутую монетизацию льгот...

— Какого ответа ты ждал сейчас?

— Моя задача — докопаться до истины.

— Извини.

— Да ничего, все в порядке. И поэтому я всякие буду вопросы задавать.

— Да ну нельзя без ошибок ничего сделать! Вы, наверное, забыли, что было до «Единой России»? Когда шли переговоры с Мировым банком и вся страна с замиранием сердца следила: дадут — не дадут? Пришел очередной транш или не пришел? Армия по девять месяцев не получала зарплату! Пенсионеры жили без пенсий.

Сейчас мы говорим: вот, один поселок — пятьсот человек — остался без тепла. А я поднял статистику за 1999 год — пятьсот тысяч без тепла зимой! Целые районы без света! Месяцами... Все

это было с нами! Я никого не хочу лягнуть. Но сейчас каждый год примерно на пять процентов сокращается количество пожаров и погибших на пожарах. Резервный фонд на ликвидацию чрезвычайных ситуаций — десять миллиардов рублей по стране. Такого тоже никогда не было. Слава Богу, все налаживается. Ну нельзя же не замечать того, что сделано!

— Как-то неинтересно...

— Интриги хочется?

— Да.

— Я интриг не хочу. У нас работа такая, что мы каждый день, каждый час ждем ЧП. Поэтому нам хочется спокойной, нормальной работы.

— А мне чего-то хочется, знаете...

— Тяжелый у вас труд теперь, тяжелый! Теперь надо писать про трудовые будни! И это хорошо.

— А чего вы радуетесь-то?

— Про успехи и неуспехи в нашей экономике, культуре, спорте.

— То есть вы нам специально так вот?

— А то, что касается политики... Я считаю, что она должна быть скучной и неинтересной. Потому что даже малейшее движение мизинца политика такого калибра, как президент или премьер, в любой стране — если оно не выверено, не отработано, не отточено — может вообще таким эхом раскатываться... В какой-то части созидательным, а в какой-то, может, и разрушительным.

— Вот в «Единой России» есть левое и правое крыло. Вы за которое? Вы за какой Интернационал?

— (Смеется.) Я бы мог ответить, как ответил Василий Иванович: «А Путин в каком?»

— Что самое опасное в политике?

— Социальный популизм, который некоторые политики пытаются «ввести в игру», невероятно опасен. Через это у народа утрачивается вера во власть.

— Это как?

— У популистов главное — прокукарекать. А там — хоть не рассветай. Вот если вы соберете весь букет предвыборных обещаний — что сулили и что сделали... (А по большей части, кроме «Единой России», никто ничего не сделал, и это объективно, потому что она — у власти.) Так вот — остальные обещания повисают в воздухе... Нам такой хоккей не нужен!

И сегодня можно раздавать обещания о повышении в разы социальных выплат — зарплат, пособий на детей... Но грамотный человек берет бумагу, карандаш, умножает — и получает

результат: это невозможно, нереально. Зачем же тогда обманывать? Мне это напоминает доброхотов, которые заботятся о нас больше, чем мы сами о себе.

Для меня политика — большая головная боль. В политике остается все меньше святого. Когда ради избрания депутатом идут на невероятные вещи. Люди, которые дружили двадцать лет, становятся врагами, на голубом глазу доказывают, что дерьмо — это не дерьмо.

— Как же вы остаетесь в такой политике?

— Я остаюсь, чтобы политика не превращалась в обмен грязным бельем.

— А как это Шойгу так ловко вывел себя из числа преемников президента России? Взял себе имидж, что он просто пахарь. И вот ушел...

— Слушай, ну я же не артист, чтобы формировать себе имидж какой-то... Дело ж не в имидже, дело в работе. А как Шойгу так изящно ушел? Я там не был никогда — «в числе преемников». Во всяком случае, те, кто когда-то как-то пытался меня к этой группе причислить, у меня не спрашивали. Я такого желания никогда не высказывал.

БУЛЛИТЫ

Бросок, еще бросок… Го-о-ол!

…Потом в ворота встал корреспондент «КП», а форвард Шойгу начал их атаковать. Четыре атаки мне удалось отразить — еще до броска министр не спеша смещался влево или вправо, и я смог спокойно проследить траекторию полета шайбы, успевал отбить ее клюшкой или прижать к штанге.

Но тут Шойгу сделал обманный финт: пошел на сближение с вратарем «КП», резко сместился вправо, а шайбу бросил в левый угол ворот.

— Го-о-ол!

В РАЗДЕВАЛКЕ

«Терпеть не могу тесную обувь и тупые коньки…»

— Ну, что еще?

— Насчет дач. Вот, говорят, у Шойгу их две.

— Докладываю: у меня один дом. Все. Других квартир нет.

— А мы слышали, что вы чего-то там продавали…

— Я строил новый дом. Нужны были средства. Я продал квартиру и дом, который был до этого. Деньги вложил в новый дом.

— И много денег?

— Фу! Хватило…

— У вас там, говорят, и конюшня.

— Какая конюшня? Чего вы глупости говорите? Нет конюшни. И никогда не было.

— Как тогда получается, что, судя по декларации о доходах, вы — самый бедный министр?

— Я не считаю себя бедным. Что, я с неба упал голый и у меня вдруг все появилось? Что за бред вообще?

Первые большие деньги заработал в студотряде. На Таймыре построили интернат из бруса. Деньги прогуляли, если говорить точно. А к возрасту Христа я имел «Волгу» — ГАЗ-2410, которой был премирован за сдачу Саянского алюминиевого завода.

— Вы не первый раз упоминаете Христа… А сами-то какому Богу молитесь?

— Есть корни и от буддизма, и от православия. Но я крещен в пятилетнем возрасте в городе Стаханове Донецкой области моей бабушкой, царство ей небесное и дай Бог, чтобы она там от наших дел здесь не перевернулась. Кстати, я своими руками срубил часовню в глухой тайге.

— Говорят еще, от вас многие женщины без ума?

— Это плохо, что ли?

— А как вы от них спасаетесь? Их же много.

— Зачем спасаться? На улицах не пристают.

— А вы часто влюблялись?

— Да по-всякому бывает. (Шойгу задумался.) Ну чего вы лезете в мою жизнь? Чего вам? Я же не поп-звезда, чтобы рассказывать, с кем на какой тусовке, кого люблю и как. Это моя личная жизнь.

— Сергей Кужугетович, а вас самого когда-нибудь спасали?

— Да. Меня матушка спасла в трехлетнем возрасте. Я стоял

на берегу горной реки, берег обвалился, и я упал в реку. Если бы матушка в этот момент не повернулась — они недалеко сидели у костра, — не прыгнула в реку и не вытащила меня, мы бы сегодня не беседовали...

— И поэтому вы стали спасателем?

— Не думаю. Моя первая профессия — строитель.

— Ваша дочь Юлия возглавляет в МЧС психологическую службу. Вы с ней часто встречаетесь?

— Не могу похвастаться.

— А когда видитесь, много говорите о работе?

— Вообще не говорим. У нас с ней такой уговор. А когда у нее есть какие-то вопросы, она, как и все стальные сотрудники, обращается ко мне в министерстве.

— Наверное, без очереди ее принимаете.

— У меня в приемной никогда нет очереди.

— А сколько всего народу в МЧС?

— Если брать всю систему, почти полмиллиона.

— А которые с вами с первого дня?

— Таких процентов сорок.

— Сколько человек вы знаете лично?

— Не считал.

— Тысяч сто?

— Тысяч двадцать. Бойцов, спасателей знаю многих, пожарных...

— Говорят, у вас есть и войска, и авиация... Прямо силовое ведомство. Это правда?

— Конечно. Это нужно для выполнения задач, которые перед нами стоят.

— В последнее время в России появляется мода — силовыми ведомствами руководят гражданские лица. А вы не могли бы снять погоны и тоже стать гражданским лицом?

— Ну, во-первых, я не понимаю такую моду. Во-вторых, если бы звезды мне на погоны падали с неба... — вот так: бум — упала одна большая звезда, через пару-тройку месяцев — вторая. И ты не обращаешь на них внимания...

Звание генерал-майора я получил в девяностые, во время событий в Южной Осетии. Вспомните, что это было — разведение противоборствующих сил, эвакуация людей, доставка продовольствия... — под бомбежками, под обстрелами. И ту задачу, которую передо мной ставили — остановить войну, прекратить кровопролитие, — мы выполнили.

Звание генерал-лейтенанта «досталось» мне после событий в Абхазии — в те же 90-е годы. Полтора года там — это не только успешная, хотя и тяжелейшая миротворческая миссия. Это потери

друзей-товарищей, невероятное напряжение сил и нервов.

Какой такой моде после всего этого я обязан следовать? Почему должен погоны снимать? Просто так ничего не бывает.

— В приметы верите?

— Есть такое... Не фотографируюсь перед посадкой в самолет у трапа. Никогда. И запрещаю это делать всем остальным. Когда что-то забываю и возвращаюсь, обязательно смотрю на свое отражение где-то в стекле или в зеркале. Можно язык показать. Терпеть не могу тесную обувь, завистников, лентяев и плохо наточенные коньки.

— Что вам снится по ночам?

— Одно время снились падающие самолеты. Потом прошло.

— А сейчас?

— В основном хорошее.

— Мне бы что-нибудь про аномальные явления...

— Ну, слушай... Значит, необычное. На моей малой родине, в Республике Туве, есть высокая гора, очень высокая, — там вечный снег, ледник. Мангун-тайга называется. А на самой вершине — это видел мой отец, еще несколько человек — лежит, как они его называют, «железный плот». Большой! Лежал — во всяком случае, в те времена, когда мой отец был совсем молодым. А первое упоминание о «железном плоте» появилось задолго до революции 1917 года.

— Вряд ли это остатки от какой-нибудь ракеты — спутников же тогда еще не было.

— Да, не было, и тарелки с неба не падали. Ничего не падало.

Плот этот сделан из больших толстых бревен. А почему «железный»? Там какие-то части железом обиты. Кто его туда затащил, зачем он нужен был? Загадка... Считается, что это — одно из неких подобий, что ли, Ноева ковчега. Может, мы туда экспедицию снарядим.

А второе чудо — «природный холодильник», тоже в Туве. Представьте себе: лето, плюс сорок, а в этом месте два камня отодвигаешь — там минус шестнадцать. «Природный холодильник» тоже давно нашли — рыбаки, охотники там хранят рыбу, мясо — все это замерзает прямо в камень.

Очень интересные вещи. Их трудно чем-то объяснить...

ПОСЛЕ МАТЧА

— ...Ну как? — спросил у меня Шойгу, когда я снял хоккейные доспехи. — Травм нет? Руки-ноги сгибаются? Две-три тренировки — и будешь играть нормально. Серьезно тебе говорю.

Но у меня к тому времени уже ничего не сгибалось. Хотя травм не было.

IX. …И КРЕМЛЕВСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Принято считать, что такого понятия, как «кремлевский фольклор», не существует. Но я все же беру на себя смелость утверждать (и постараюсь ниже это доказать), что и на Олимпе — большой простор для «народного творчества». Первую скрипку здесь играют «первые лица», в частности Владимир Путин…

1. «Если мозги утекают, значит, они есть»

В 2004-м в Москве вышла книга «Путинки» — сборник крылатых выражений президента, опубликованных в печати, в т.ч. и в «Комсомольской правде», в частности, и в моих репортажах. Поэтому я поместил в газете небольшую подборку изречений со своими ремарками...

О соплях и гигиене

«Почему у нас так не получается (как в ЕС. — А.Г.)? Потому что, извиняюсь, все сопли жуем и политиканствуем».

(Февраль, 2003.)

«Я не хочу сказать, что нам совершенно безразлично ваше мнение и что мы плевать на все хотели. Нет, мы будем прислушиваться к советам... доброжелательным».

(На пресс-конференции после встречи с канцлером ФРГ в Осло. 12.11.2002.)

«Надо исключить то, чтобы кое-кто присосался к власти».

(На встрече с доверенными лицами. 27.02.2000.)

«Мы будем преследовать террористов всюду. Если в туалете поймаем, то и в сортире их замочим».

(На пресс-конференции в Астане. 24.09.1999.)

О задирании и совании носа

«Мы понимаем свои преимущества, но не собираемся задирать нос и дремать на своих природных ресурсах».

(Из выступления в библиотеке Эдинбурга. 25.06.2003.)

«Спецслужбы не должны совать свой нос в гражданское общество».

(Из выступления в Колумбийском университете Нью-Йорка. 26.09.2003.)

«Я давно знаю Бориса Абрамовича (Березовского. — А.Г.), он неуемный человек, который всегда кого-то назначает и свергает. Пусть трудится. На то и щука, чтобы карась не дремал».

(На пресс-конференции в Кремле. 18.07.2001.)

В мире животных

«Пытаются, я бы даже сказал грубее, раздувать какие-то политические жабры для того, чтобы заработать капитал какой-

то».

(Из интервью РТР. 23.08.2000.)

«Никаких экспериментов здесь не будет. Над крысами пускай эксперименты проводят». (В адрес правительства насчет зажима льгот военным. — А.Г.)

(20.11.2000.)

Об американской яичнице

«Американская инициатива не что иное, как предложение “сжечь дом, чтобы приготовить яичницу”». (Насчет создания системы ПРО. — А.Г.)

(11.06.2000.)

«В ответ на предложение, чтобы российские военнослужащие сейчас приняли участие в операции в Ираке, так и хочется сказать: “Нашли дураков”».

(На пресс-конференции по итогам переговоров с Берлускони в Риме. 5.11.2003.)

О любви и сексе

«Это не значит, что мы будем спать под теплым одеялом нефтедолларов».

(На Всемирном экономическом форуме в Москве. 3.10.2003.)

«Татар любить надо, а не обижать».

(24.06.2000.)

«На нашем телевидении много насилия и того, что называется секс».

(На встрече с ветеранами в Санкт-Петербурге. 26.01.2004.)

Об обрезании и интимном месте

«Если вы хотите совсем уж стать исламским радикалом и пойти на то, чтобы сделать себе обрезание, то я вас приглашаю в Москву. У нас многоконфессиональная страна, у нас есть специалисты и по этому “вопросу”, и я рекомендую сделать эту операцию таким образом, чтобы у вас уже больше ничего не выросло».

(На пресс-конференции в Брюсселе по итогам саммита Россия — ЕС. 12.11.2002.)

«Надо исполнять закон всегда, а не только тогда, когда схватили за одно место».

(Из интервью итальянским СМИ. 4.11.2003.)

О сапогах всмятку

«Самое простое — махать шашкой, рубить головы и выглядеть на этом фоне крутым руководителем».

(На пресс-конференции в Кремле. 20.06.2003.)

«Это полная чушь, несуразица, сапоги всмятку». (Ответ на вопрос, означает ли подписание соглашения о Едином экономическом пространстве возврат к СССР. — А.Г.)

(На пресс-конференции в Ливадийском дворце. 19.09.2003.)

О диагнозе «идиот» и участи политиков

«Если мозги утекают, значит, они есть. Уже хорошо. Значит, они высокого качества, иначе они никому не были бы нужны и не утекали».

(На встрече с победителями Всероссийского конкурса сочинений. 5.06.2003.)

«Если человека все устраивает, то он полный идиот. Здорового человека в нормальной памяти не может всегда и все устраивать».

(Из интервью российским журналистам. 24.12.2000.)

«Я прекрасно знаю, что во всем виноват, даже если не виноват. Это в полной мере относится и ко всем, кто сидит сегодня в зале. Вы тоже виноваты, даже если не знаете, о чем идет речь».

(Из обращения к губернаторам на заседании Госсовета. 29.05.2001.)

«Сейчас получается, что если у человека есть фуражка и сапоги, то он может обеспечить себе и закуску, и выпивку».

(На встрече с министром внутренних дел Борисом Грызловым. 18.02.2002.)

«Это умные люди (российские генералы. — А.Г.) и уж тем более не глупее своих коллег в других странах».

(Из интервью польской «Газете выборча». 15.01.2002.)

«Если вы меня спросили, нужно ли это делать по Чубайсу, я вам могу сказать: нет. Делать нужно по уму».

(Из интервью ОРТ и РТР. 26.12.2000.)

О ночевках и явках

«Я не очень был взволнован тем, что ночевал на ранчо у Буша (речь о визите в США в декабре 2001 г. — А.Г.). Он должен был сам думать, что будет, если он пустил к себе бывшего сотрудника разведки. Но и сам Буш — сын бывшего главы ЦРУ. Так что мы

были в семейном кругу».

(Из интервью ОРТ и РТР. 24.12.2001.)

«О чьих правах вы говорите? Имена? Явки? Фамилии?» (Ответ на вопрос о правах человека в Чечне. — А.Г.)

(На пресс-конференции по итогам саммита Россия — ЕС. 3.10.2001.)

О бицепсах президента

«Руки у России все крепче и крепче. Их не выкрутить даже таким крепким партнерам, как Евросоюз». (Об условиях вступления РФ в ВТО. — А.Г.)

(На пресс-конференции по итогам российско-германского саммита. 9.10.2003.)

«Я не скажу, что существует два непримиримых врага, с одной стороны — государство, а с другой — олигархи. Я думаю скорее, что государство держит в руках дубинку, которой бьет всего один раз. Но по голове. Мы ее только взяли в руки, и этого оказалось достаточно, чтобы привлечь внимание».

(Из интервью газете «Фигаро». Октябрь, 2002.)

О книгах про Путина и ВВП на яйцах

«Я вообще не знаю, что там можно написать. Я бы лично про себя столько не смог написать».

(Из интервью болгарским журналистам. 28.02.2003.)

«Я не знаю, кто там рисует на яйцах чего, не видел». (Ответ на вопрос о «путинизации всей страны». — А.Г.)

(На пресс-конференции в Кремле. 24.06.2002.)

«Мое изображение и имя в современных условиях являются раскрученным брендом, которым пользуются все кому не лень...»

(На встрече с победителями Всероссийского конкурса сочинений. 5.06.2003.)

Куда нужно смотреть?

«Сюда нужно смотреть. И слушать, что я говорю».

(На совместном заседании президиума Госсовета и Совета безопасности. 13.11.2003.)

«Комсомольская правда», 22 апреля 2004 г.

2. Наши политики матом не ругаются. Они на нем разговаривают

А как-то я решил собрать в курилках и коридорах власти коллекцию «непарламентских» выражений. Как раз тогда депутаты Госдумы собирались принять Закон «О русском языке», который мог лишить страну такого мощного организующего начала, как русский мат. Пока этого не случилось, я решил запечатлеть для потомков наиболее яркие выражения наших политиков. Хотя бы те из них, которые стерпит бумага.

На хрена «звезданули» бюджет?

Самым «матерщинным» словом Ельцина, произнесенным публично, было «балаболы» (относилось оно не к журналистам). Хотя под рюмочку Б.Н., говорят, выражался куда крепче.

Путинское «мочить в сортире» стало хрестоматийным. Что же касается «ненормативных выражений», их ВВП не использует даже в узком кругу. И вообще, наверху стало меньше мата. Чаще всего в ходу литературные выражения «сука» и «зашибись». А еще — «блин»: и обычный, и горелый.

Даже бывший «главарь» администрации Волошин не матерится! Пытаясь воспроизвести ругательство «насчет какой-то матери», он долго тянет букву «е», этим и ограничивается.

Питерцы, пришедшие вместе с Путиным, стараются обогатить и кремлевскую лексику. Но выражения типа «заполосатить» и «отобрать шкурку» (на чекистском сленге это означает «приобрести источник информации» и «получить донесение») не очень приживаются.

«Бюджет звезданулся!», «Курсу Грефа приходит звездец!». Выражения, похожие на эти, часто можно услышать в Белом доме. Так здесь реагируют на непредвиденные траты, связанные с падением доллара и наводнением на юге страны. Касьянов, когда был премьером, в узких кулуарах называл все это своим любимым ругательством «хреновина».

Сколько можно «просрачивать»?

Среди военных и силовиков признанным стратегом по мату слыл начальник Генштаба (теперь уже бывший, а ныне — полпред президента в Сибирском федеральном округе. — А.Г.) Квашнин. Говорят, он любит иллюстрировать матерную мысль примерами

из жизни животных.

Председатель Счетной палаты Степашин изъясняется «по матушке» только в кругу близких друзей. Но первые буквы выражений пропускает, отчего даже грубые слова звучат «ласково».

Генпрокурор Устинов (бывший, ныне — полпред Президента России в Южном федеральном округе. — А.Г.) пополнил матерный арсенал правоохранительных органов шлягером «просрачивать» (так он однажды выразился по поводу затягивания сроков рассмотрения уголовных дел). Теперь, когда заводят речь о срыве осуществления какого-то важного циркуляра, говорят примерно так: «Ну и зачем ты просрачиваешь?»

«Пошел на х-х-хутор…»

Любимое ругательство спикера Миронова — «ядрена мать». Зюганов использует ленинское понятие «политическая проститутка». У Немцова в ходу нечто похожее на «е-к-л-м-н». У Явлинского — типа «пошел на х-х-хутор». Бабочек ловить. Бывший депутат-рабочий Шандыбин и ругается соответственно своему политическому образу: «Три господа Колумба в Макнамару мать!» В речи Лужкова часто мелькает «хрен с горы» и «хреновина».

Чемпионами по мату по-прежнему остаются Черномырдин с Бородиным. ЧВС — выходец из казачьих, причем пастушечье-шоферских кругов. Пал Палыч в юности грузчиком прошел все московские вокзалы и порты. А родился в городке со смачным названием Шахунья.

СЛУЧАЙ ИЗ ЖИЗНИ

На днях культуры в Большом театре

ЧВС: А-а! Привет, Пал Палыч!

П.П.: Здрасьте, Викстепаныч!

ЧВС: Я слышал, ты на эту, как ее, угуинарацию позвездюхал?

П.П.: Ну…

ЧВС: Да ты что? Да на кой поцелуй тебе это надо? Тебе же там может прийти полный капец!

П.П.: А мне по шаробану!

ЧВС: Подстрахуй ты, Паша, себя, подстрахуй!

П.П.: Да уж подстрахую…

Примерно такой диалог состоялся между Черномырдиным и Бородиным в январе 2001 г. в Большом театре, где проходили Дни культуры Белоруссии. Первый интересуется у второго: правда ли, что он собрался на инаугурацию Дж. Буша? И пытается его от поездки отговорить, просит подстраховаться. Но Бородин утверждает, что ничего не боится. (ЧВС как в воду глядел: в Нью-Йорке с П.П. случился полный «капец» — он угодил за решетку.)

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

Оскар ГОЙХМАН, доктор педагогических наук, специалист по русскому мату, писатель-сатирик.

— Если бы проводился конкурс матерщинников, какое бы место в нем заняли политики?

— Третье призовое. После рабочих и военных.

— Почему вы так думаете?

— Потому что смотрю телевизор. Когда политики говорят на публике, они запинаются, как бы боясь матюгнуться. На уровне подсознания часто мыслят через мат.

— Если его запретят, это сильно ударит по российской политической мысли и устоям государства?

— Устои без мата не очень пострадают. А вот политической мысли придется худо.

— Где же спасение?

— Я бы рекомендовал политикам использовать матозаменители типа «е-к-л-м-н, блин, затрахали!». А есть еще образные конструкции, например выражение Жириновского: «Россию хотят подтолкнуть: или ложись под Америку, или же принимай какую-то другую позу». Или фраза Черномырдина: «Правительство — это не тот орган, где, как говорится, можно языком».

А если серьезно... Голосуй за закон, не голосуй, все равно получишь, скажем так, тот же результат.

ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА

В отличие от Ленина, который ниже «ж..» не опускался, Сталин часто посылал соратников на букву «х». Самым безобидным ругательством Хрущева было «кузькина мать». Брежнев использовал матозаменитель: «Идите-ка вы куда подальше!» Горбачев употреблял термины «м...ки» и «кто есть ху».

«Комсомольская правда», 7 октября 2004 г.

3. Как на Старой площади и в Белом доме травят анекдоты

Министр обороны — президенту: «Мы попали в ВТО!»

Однажды, в канун 1 апреля, я собрал в коридорах и курилках власти коллекцию анекдотов, баек и веселых правдивых историй.

Как утверждали тогда в Кремле и Белом доме мои первоапрельские первоисточники, люди на Олимпе не лишены чувства юмора и тоже любят смешные анекдоты.

Даже байки «про питерских», бают, не вызывают у них привкуса уксуса во рту. Например, такой вот диалог:

— Он, кстати, тоже из питерских.

— Почему кстати?

— А это теперь всегда кстати.

Услышав это, Путин, говорят, хмыкал необычно долго. Целых три секунды.

А вот еще...

Вызывает Путин Кудрина, министра финансов:

— Слушай, скажи мне, что происходит у нас в экономике?

— Ну, Владимир Владимирович, сейчас попробую объяснить...

— Да нет, объяснять мне не надо, объяснять я и сам могу. Ты мне скажи, что происходит?

Между прочим, этот анекдот источники приписывают самому Кудрину: мол, благодаря своему юмору тот долго сидит на финансах.

Те, кто часто наведывается в Кремль, «выносят» через Спасские ворота и такие «правдоподобные истории»...

Президенту звонит министр обороны:

— Вы говорили, что надо попасть в ВТО?

— Ну, говорил.

— Так мы попали!

Авторство как минимум одного анекдота знатоки смело приписывают самому Путину: якобы подобные слова не раз звучали во время его «подходов к прессе».

Журналисты спрашивают у Путина:

— Вы следите за созданием в России гражданского общества?

— Я уже больше десяти лет ни за кем не слежу.

О Гормончике и дворнике Ельцина

...На Старой площади мне показали розовощекого «столоначальника» — все его здесь зовут Гормончиком. Когда у него спрашивают, как ему удается поддерживать форму, он отвечает: «Лекции читаю в девичьем институте. Там и запасаюсь гормончиками».

И вдруг однажды утром он получает письмо: «Милый, я жду от тебя ребенка». Без подписи! Гормончик весь день ходил сам не свой. И только вечером его поздравили с 1 апреля.

А другому крупному чиновнику (нам даже издали его не показали) в этот день принесли распоряжение Ельцина о том, что ему присваивается титул «Личный дворник президента». Он поверил — от Б.Н. всего можно было ожидать! — и начал звонить Ельцину. Но того в кабинете не оказалось...

Шаймиеву хотели приписать «аморалку»

В Кремле самый трудный жанр — текст поздравительных телеграмм за подписью президента. Помощник президента Джахан Поллыева, дабы разнообразить форму здравиц и пожеланий, поставила перед своей службой задачу: искать новые повороты мысли!

И вот в проекте телеграммы на имя Президента Татарстана Минтимера Шаймиева по случаю его 65-летия появилась формулировка: «Надеюсь, что этот день вы встретите в кругу родных и близких».

Правда, проект телеграммы до президента не донесли — по пути ее перехватили большие начальники и вернули «на доработку» с резолюцией: «А что, у вас есть сомнения насчет морального облика Минтимера Шариповича?» В смысле — неужели он проведет этот день с девушками на озере?

Опасные шутки едят с хлебом

Однажды 1 апреля председателю Комиссии при Президенте России по реабилитации жертв политических репрессий Александру Яковлеву подсунули на подпись письмо на бланке этой организации, где вместо «по реабилитации жертв» стояло «по организации жертв» — «подмену осуществили» с помощью ксерокса два озорных чиновника. Председатель не обратил на это внимания и бумагу подмахнул.

Чиновники-хохмачи сначала похохотали, но потом сами так испугались своей же шутки, что Яковлеву ничего о ней не сказали, а письмо съели за обедом с хлебом.

А вот как разыграл (правда, это было не 1 апреля) своего

помощника советник Президента РФ Сергей Самойлов. Они на пару посменно работали в предвыборном штабе Путина. Ближе к ночи советник отпустил помощника домой, а потом вдруг видит — у штаба автомобиль, на котором тот ездил. Стал выяснять: оказалось, машина сломалась, и помощник уехал домой на попутке.

Дождавшись полуночи, Самойлов набрал номер мобильника своего помощника и, изменив голос, строго спросил: «Вы почему бросили машину у предвыборного штаба кандидата в президенты Владимира Владимировича Путина? Вы знаете, что она у вас заминирована?»

Голос шефа помощник потом все-таки узнал. Но до утра не мог заснуть.

«Открывает как-то Путин холодильник...»

Титул «ходячего анекдота» в коридорах власти по-прежнему принадлежит Павлу Бородину, госсекретарю Союза России и Белоруссии. Он даже сам про себя их рассказывает — и хохочет пуще всех.

АНЕКДОТ ОТ БОРОДИНА ПРО ПАЛ ПАЛЫЧА

Встречаются два якута. Беседуют...

— Не знаешь, Пал Палыч дома?

— Нет, в тюрьму пошел, однако.

— Крышу красить?

— Нет, вовнутрь.

— Пал Палыч, — спросил я как-то у него, — а про Путина вам анекдот рассказать слабо?

— Но если только хороший. Значит, Путин резко так открывает холодильник, а там холодец весь затрясся. Путин и говорит: «Ты чего трясешься-то? Я за сыром!»

— А еще?

— Путин, еще когда был президентом, прилетает из Киева, приглашает премьер-министра Фрадкова и говорит: «Я в Киеве был, Михал Ефимыч». Он: «Ну и что?» Путин посмотрел грустно так на Фрадкова: «Я откровенно президенту Ющенко завидую». А тот — снова: «Ну и что?»

— А в чем юмор-то?

— Не доходит? Значит, прилетает Путин из Киева... А там кто премьер-то?

— Юлия Тимошенко.

— Во! Дошло?! Потому Путин Фрадкову и говорит: «Как я

президенту ихнему завидую!» А тот: «Ну и что?» Тоже, видать, не понял.

— А еще про Путина?

— Не... Два анекдота уже на пять лет тянут.

«Ни Шойгу назад!»

Уже появляется фольклор и на тему МЧС, Шойгу. Здесь и тосты типа «Ни Шойгу назад!» или «Ну, за то, чтобы были всегда готовы и никому не нужны!». И крылатые выражения: «Нельзя спотыкаться на каждом Шойгу», «Не доводите дело до Шойгу».

Есть и анекдоты. Вот один из них.

В винном магазине.

— Спасите!

— Я тебе что, Шойгу?

Как-то я спросил у самого главы МЧС — как он к этому всему относится?

— Человек, который в состоянии иронизировать над собой, — это нормальный человек, — ответил Шойгу. — А если на каждую шутку обижаться и надуваться, это что-то не то...

Прилетает Немцов в белых штанах в Японию...

Анекдот про Бориса Немцова мне рассказал все тот же Павел Бородин...

— Немцов в белых штанах прилетел в Японию. Встречает премьера Хасимото и видит: у того на пиджаке — три кнопки. Интересуется: «А это для чего?» — «А это у меня костюм-кондиционер, — отвечает Хасимото. — Когда мне холодно, я нажимаю на красную кнопку — тепло идет. Когда жарко — нажимаю на зеленую, идет холод. А когда я устаю, нажимаю на желтую, и идет поток энергии».

Через некоторое время Хасимото прилетает в Москву, а его во Внукове встречает все тот же политик в белых штанах. И у него на ремне дверь от «Волги» висит. Премьер спрашивает: «Что это у вас?» — «Кондиционер, — отвечает. — Когда мне жарко — я стекло открываю, когда холодно — стекло закрываю». — «А когда устаете?» — «Когда устаю, я дверь снимаю».

«Hotel Kak Luchshe»

А вот несколько анекдотов про Черномырдина. Правда, некоторые из них с бородой. Но их до сих пор рассказывают и в Москве, и в Киеве...

Вызывают Черномырдина в налоговую инспекцию:

— Каково ваше место рождения?

А Черномырдин в ответ:

— Какое месторождение вы имеете в виду — нефтяное или газовое?

Журналисты интересуются у Черномырдина:

— Виктор Степанович, говорят, у вас на счетах в швейцарсмком банке лежат пять миллиардов долларов?!

Черномырдин:

— Ищите на здоровье! Если найдете, все можете забрать себе!

Приходят журналисты к Черномырдину через месяц:

— И правда! Все досконально проверили с полицией и управляющим банка. И ничего не нашли!

Черномырдин:

— Как не нашли?!

Черномырдин открыл гостиницу для иностранных туристов и назвал ее «Hotel Kak Luchshe».

Черномырдин решил создать партию нового типа. Единственная проблема — никак не найти этого типа.

— В чем отличие ЦК КПСС от правительства Черномырдина?

— Короче на двадцать три буквы.

— Как следует называть Украину после назначения туда послом России Черномырдина?

— Сектор Газа.

В водочном магазине:

— Скажите, а чем водка «Кириенко» отличается от водки «Черномырдин»?

— Да это тоже самое, только без газа.

— Кто бы мог подумать? — спросил Черномырдин. Но добровольцев так и не нашлось...

А эти анекдоты —

от самого Черномырдина...

Старый директор уходит и оставляет молодому три конверта:

— Положи их в сейф. Если станет трудно, вскрой первый конверт. Еще труднее — вскрывай второй. А когда совсем будет плохо, то третий.

В первом конверте была записка: «Все вали на старого директора». Во втором: «Еще больше вали». А в третьем: «Готовь три конверта».

И еще…

— Стоят, значит, на Майдане два пьяных мужика. Один говорит:

— Слушай, а кто это в оранжевом шарфе?

— Пан Ющенко.

— А кто сзади него с косой?

— Неужели смерть?

4. Скуратов запевает после первой, а Степашин — после третьей…

Нынче вроде не до песен. Особенно политикам: кризисы, реформы, повороты, переломы… Но и сейчас в коридорах власти нет-нет да и чокнутся, вздрогнут — и зазвенит застольная нота. Да и на банкетах, до которых всегда охоча политэлита, без песняка — никак. Поэтому я и решил как-то отрецензировать репертуар политиков, с которыми мне довелось участвовать в застольях.

«…Вставал на пути Магадан»

Перефразируя известную поговорку, замечу: если чиновник пьет, но не поет, он либо хворый, либо подлюка. В коридорах власти таких нет.

Самую жалостливую песню — «Я помню тот Ванинский порт» — я слышал от Бородина и его сибирских ходоков, притащившихся в столицу «с сумой на плечах». С неразведенным спиртом и селедочкой с луком особенно гармонировала рифма о том, как «на море спускался туман, ревела стихия морская», и, хотя под боком был Кремль, у нас «вставал на пути Магадан, столица Колымского края…». Не хочешь, а подпоешь:

Будь проклята ты, Колыма!
Что названа чудной планетой…
Пал Палычу особенно удалось «крещендо»:
…По трапу сойдешь ты туда,
Откуда возврата уж нету!

Про тюрьму и передачку

Гадом буду, если чистосердечно не признаюсь: лучше всех про социалистическую пенитенциарную систему «лабает» Скуратов:

Ранним утром мать-старушка
К воротам тюрьмы пришла,
Своему родному сыну
Передачку принесла…
Это было аккурат после бани и кружки пива с раками.
…Передайте передачку,
А то люди говорят:
Заключенных в тюрьмах много,

Сильно голодом морят...

После четвертой кружки и девятого рака Скуратов стал материть привратника тюрьмы за то, что тот, гад, усмехнувшись, сказал старушке: мол, «ее сына здеся не-е-ет».

...Прошлой ночью был расстрелян
И отправлен на тот свет.
Повернулась мать-старушка,
От ворот тюрьмы пошла...

Я тогда впервые на глазах у Скуратова увидел слезы.

...И никто про то не знает,
Что на сердце понесла.

«Витя, помнишь дни золотые?»

Общепризнанным «застольно-песенным» королем остается Черномырдин. На обедах с Мстиславом Ростроповичем и Морисом Дрюоном ЧВС, помнится, мурлыкал мелодии из репертуара Джо Дассена, запивая их французским вином и заедая маслинами. Зато на гулянке у бывшего вице-премьера Заверюхи в Оренбурге был сугубо русский «репертуар»: водка, занюхиваемая хлебушком, плюс соленые грузди.

«Встретились мы в баре ресторана, — затянул, обращаясь к Заверюхе, ЧВС. — Как мне знакомы твои черты».

Помнишь ли меня, мой Саша?
Мою любовь и наши прежние мечты...

Заверюха подтягивал:

Витя, помнишь дни золотые?
Весны прошедшей мы не в силах вернуть...

После чего оба разрыдались.

Концерт для Счетной палаты с оркестром

А Степашину я подпевал под жареного барашка и полные бокалы вина и водки:

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей...

Это было в дагестанском селе Каякент на торжественном обеде по случаю пуска водопровода. Размявшись, председатель Счетной палаты взял в руки микрофон и под аккомпанемент национального оркестра исполнил сольную партию:

Призрачно все в этом мире бушующем,
Есть только миг, за него и держись...

В отличие от Черномырдина, Бородина и Скуратова, Степашин берет нижнее «до-диез» только после того, как

опорожнит третий бокал.

...Есть только миг между прошлым и будущим.

Именно он называется жизнь...

* * *

Впрочем, вскоре сам Степашин опроверг мои «песенные» утверждения.

Как-то на одном банкете он подозвал меня к своему столику:

— Саня, ты вот написал в «Комсомолке», что я запеваю после третьей.

— Ну...

— А вот полюбуйся, что у меня в стакане. Минеральная вода. Газировка...

Да, я сразу заметил на стенках стакана множество маленьких пузырьков.

Правда, Сергей Вадимович на этот раз почему-то не пел.

А что распевают за столом другие политики?

Михаил Горбачев, экс-президент СССР:

— Темная ночь, только пули свистят по степи...

Владислав Сурков, замглавы администрации, помощник Президента РФ:

— Время угрюмое, кончились праздники,

Мир и покой, мир и покой.

Ломятся в дверь эти черные всадники:

Это за мной, это за мной.

Сергей Миронов, спикер Совета Федерации РФ:

— Я люблю тебя, жизнь, и хочу, чтобы лучше ты стала.

Владимир Жириновский, вождь ЛДПР:

— Как много девушек хороших, как много ласковых имен...

Юрий Лужков, мэр Москвы:

— Дорогая моя столица, золотая моя Москва!

Геннадий Зюганов, лидер КПРФ:

— Я люблю тебя, Россия, дорогая моя Русь...

Борис Немцов, экс-лидер СПС:

— Вот новый поворот!

Сергей Шойгу, глава МЧС:

— Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались...

На политсцену вышли гитаристы

За последнее время на главной российской политсцене появился целый ансамбль гитаристов: спикер Госдумы Борис Грызлов (подыгрывал Олегу Газманову, когда сочиняли гимн

«Единой России»), вице-спикер Госдумы Олег Морозов (участвует в фестивалях бардов), лидер партии «Народная воля» Сергей Бабурин (выпустил компакт-диск со своими песнями), глава МВД Рашид Нургалиев (исполняет под семиструнную произведения собственного сочинения)...

КСТАТИ

Солируют ли Медведев и Путин?

Музыкальные предпочтения Дмитрия Медведева еще со школы — хард-рок, а именно — группы Black Sabbath, Led Zeppelin и Deep Purple. Некоторые песни Deep Purple он знает наизусть и даже напевает, правда, в узком дружеском кругу.

Владимир Путин за годы президентства и премьерства тоже ни разу не показался публике в роли певца. Хотя музыкальные источники на Старой площади утверждают, что однажды на дне рождения у одного из своих питерских соратников он якобы вместе со всеми подпевал «пора-пора-порадуемся» Михаилу Боярскому, когда тот исполнял «Мерси боку!».

X. Владимир Путин
«ВСЕ ЭТИ ГОДЫ Я ПАШУ, КАК РАБ НА ГАЛЕРАХ»

Вообще-то точно эта фраза звучала так:

— Все эти восемь лет я пахал, как раб на галерах, с утра до ночи. И делал это с полной отдачей сил. Я доволен результатами своей работы.

А произнес ее Владимир Путин 14 февраля 2008-го в Кремле, когда проводил последнюю — в ранге президента — большую пресс-конференцию, а фактически отчитывался о двух

президентских «четырехлетках».

Он отвечал на мой вопрос — я задал его первым:

— Что вы считаете своей главной неудачей за эти годы?

Путин тогда еще посмотрел на меня как-то даже строго и произнес с некоторым надрывом в голосе:

— Я не вижу никаких серьезных неудач...

На секунду задумался.

— ...У нас даже гимна своего не было. На постоянной основе...

Тут он сверкнул в мою сторону взглядом.

— ...У нас в каждом субъекте Федерации была своя конституция, отличающаяся от Конституции Российской Федерации. У нас не было единой страны, мы восстановили территориальную целостность и единство нашего государства, мы воссоздали государство...

Потом почему-то посмотрел на часы.

...Теперь, когда я бываю на заседаниях Российского правительства, всегда ловлю себя на мысли: чем Путин-премьер отличается от Путина-президента? И прихожу к выводу: да практически ничем. Разве что выглядит более утомленным. И формулировки бывают резче, чем те, которые я слышал от него в Кремле.

Но в этом, скорее всего, виноват глобальный финансовый кризис, который обрушился на Россию под занавес 2008-го...

На одном из заседаний правительства сам Путин так объяснил «координаты» этой нашей очередной беды:

— Мы с начала девяностых годов, как заклинание, повторяли одно и то же — нужно интегрироваться в мировую экономику. Вот и интегрировались! Как в народе говорят, за что боролись, на то и напоролись.

После того заседания мне удалось задать премьеру несколько вопросов...

— Владимир Владимирович, мы же с вами провинциалы?

— Да...

— Когда звонишь в провинцию, их там волнует не только то, что президент и премьер их защитят — это как бы понятно, на то, как говорится, и посажены...

— Разумеется.

— ...А как глубоко все-таки кризис проник в наше государство?

— Да, это сложно...

— Но вы же сказали: за что боролись, на то и напоролись. Зараза эта все-таки оттуда пошла, с Запада?

— Это, по-моему, очевидно.

— И сколько это продлится? Если честно, вот это беспокоит больше всего.

— Я могу вам сказать так же честно. Ответить на вопрос о том, как долго это продлится, не может никто. Потому что не с чем сравнивать. Проблема заключается в том, что таких глобальных кризисов еще не было в мировой экономике. И поэтому аналитики не могут сделать ясных и более или менее обоснованных прогнозов.

— А лично вы как считаете?

— Если примерно... Я лично считаю, что в третьем-четвертом квартале 2009 года в мировых финансах наступит оздоровление.

— Что это значит?

— Это значит, что в 2010 году, во втором-третьем квартале, это позитивным образом должно отразиться и на реальном секторе экономики.

— На нашем?

— На мировом, а значит, и на нашем.

— А лично вас кризис коснулся? — спросил я тогда у Путина — И как вы выживаете?

— Меня лично кризис коснулся тем, что работы стало больше. Раньше я ложился спать полвторого ночи, теперь полтретьего ложусь.

1. Как мы съели окрошку директора ФСБ

С Владимиром Путиным я познакомился еще до того, как он взошел на политический Олимп. Несколько раз встречал его в Управлении делами Президента России — Владимир Владимирович в 1986-м был замом тогдашнего «кремлевского завхоза» Павла Бородина. Потом его назначили замом руководителя Администрации Президента РФ, одновременно он занимал в Кремле должность начальника Главного контрольного управления. В июле 1998-го стал директором ФСБ России, а в марте 1999-го — еще и секретарем Совета безопасности РФ.

Интервью тогда Путин вообще не давал.

Обет молчания нарушил лишь однажды — в «Комсомольской правде», в июле 1999-го.

Встреча была запланирована еще в марте, когда на одной из политических тусовок, куда любил захаживать шеф ФСБ, я пригласил Путина к нам в гости. Как ни странно, он сразу же согласился. И даже назначил дату: «ближайший вторник».

Но на нашу беду в стране каждую неделю, как водится, приключались какие-нибудь катаклизмы, вторники пролетали за вторниками, а Путин все не ехал. Была опорожнена и припасенная для высокого гостя бутылка хорошего конька, и мы, вконец обидевшись, хотели было уже вычеркнуть прообещавшегося госчиновника из списков гостей.

Но его помощник Анатолий Лысков нас предостерег: «Не спешите, ребята! Владимир Владимирович свое слово держит».

Впрочем, мы и сами в этом вскоре убедились. В жаркий июльский полдень к нам, на улицу «Правды», нагрянула многочисленная охрана. А потом появился и сам долгожданный визитер.

Первое, что бросилось в глаза, — очки на шнурке, висевшие у Путина на груди, точно бинокль. С помощью метода дедукции мы сразу же определили: наш гость страдает дальнозоркостью.

И тут же представился случай воочию в этом убедиться.

Казалось, не обращая внимания на портрет президента Ельцина, который красовался буквально перед самым носом, Путин устремил свой взор в глубь редакционного кабинета: «Это что за рыбья голова у вас на стене?» Пришлось объяснить: голова горбуши, выловленной на Дальнем Востоке, которая, впрочем, ровным счетом ничего не символизирует. Так, мол, для красоты. «Неплохо, неплохо», — похвалил нас главный контрразведчик.

Ни разу не прибегнув к помощи очков, Путин, так сказать, в духе той же дальнозоркости, отвечал и на наши самые ехидные

вопросы...

А вот фрагменты — я считаю, они актуальны и сегодня — из того самого интервью...

«Никого я не боюсь»

— Владимир Владимирович, а мы, пока вас ждали, такого насмотрелись: милиция, гаишники, охрана в штатском. Даже машины наших сотрудников, которые обычно стоят у подъезда, приказали отогнать подальше. Вы кого-то боитесь?

— Никого я не боюсь. По российскому законодательству директор ФСБ — неохраняемое лицо. Но у него есть своя ведомственная охрана. Вы заметили — со мной пришел один человек? А секретарь Совета безопасности — лицо охраняемое. И его берет «под опеку» Федеральная службы охраны...

— А когда вы едете по городу, движение перекрывают?

— Нет. Движение перекрывают только для президента и премьера.

— А самолет у вас есть?

— Нет.

— Как же вы летаете?

— Если надо по личным делам, то покупаю билет и лечу. А если по служебным, то тоже либо рейсовым самолетом, либо «попутным» спецбортом, в зависимости от того, по какой линии мероприятие...

«Шпионы бывают и крупные»

— В печати появляется много «шпионских историй». Только знаете, что настораживает? Шпионов вы вроде бы ловите много, но уж больно они все какие-то мелкие.

— Ну почему же? Встречаются и крупные. Просто мы договорились с нашими зарубежными партнерами не озвучивать информацию на сей счет. Потому что это ухудшает двусторонние международные отношения. С американскими коллегами мы даже вырабатываем систему мер по предупреждению негативных последствий, связанных с деятельностью спецслужб наших стран. И пусть вас это не удивляет.

Во всем цивилизованном мире основная задача спецслужбы — обеспечивать достоверной информацией свое политическое руководство. В наших национальных интересах — нормальное, конструктивное сотрудничество с подавляющим большинством

стран.

— Если нельзя называть новых громких имен, давайте хотя бы остановимся на «старых» шпионах — мы имеем в виду Обухова, Пасько, Моисеева, Никитина....

— Да, вокруг этих персонажей по-прежнему много шуму. Но, считаю, в данных случаях наше ведомство поступает, исходя из государственных интересов. Остановлюсь на Никитине. Ведь что там на самом деле произошло? Он проник в библиотеку и взял сведения, которые являлись секретными. Кстати, за свою «общественную деятельность» он получил денежное вознаграждение. Конечно, есть другой вопрос: насколько эти сведения актуальны сегодня? И с точки зрения политеса, в том числе международно-экологического, наверное, можно подумать о смягчении наказания. Но это должен решать суд.

К сожалению, зарубежные спецслужбы, помимо дипломатического прикрытия, очень активно используют в своей работе различные экологические и общественные организации, коммерческие фирмы и благотворительные фонды. Вот почему и эти структуры, как бы на нас ни давили СМИ и общественность, всегда будут под нашим пристальным вниманием. Этого требуют от нас интересы государства.

Мы ничего не делаем «ради конъюнктуры». Работаем, как говорится, только по факту. К слову, дело Моисеева — из разряда как раз таких случаев. И не важно, на какую разведку он работал — южнокорейскую или северокорейскую.

Сколько штыков на Лубянке?

— А теперь давайте заглянем в Совет безопасности. Недавно, говорят, еще два ваших полковника получили генеральские звания. Президент Ельцин требует сокращать генералов, а вы их там «раздуваете»...

— Количество генералов не увеличивается. Но генерал-майоры по занимаемым должностям имеют право получить следующее воинское звание — генерал-лейтенанта. А в том, что у нас работают преимущественно военные люди, нет ничего странного. Ведь что такое Совет безопасности Российской Федерации? Посмотрите повестку наших совещаний и заседаний: противовоздушная оборона, развитие морского флота, силы ядерного сдерживания... Кто будет этим заниматься? Прапорщики? У них свои заботы — котелки, бляхи, фонари...

В ФСБ при всех перестановках, разливах и сливах количество генералов уменьшается. Как, впрочем, и общая численность

сотрудников. У нас их было за сотню тысяч, сейчас меньше. Но тоже немало. А все почему?

К сожалению, в наших спецслужбах — экстенсивный метод развития. Не хватает средств. Поэтому там, где могла работать техника, заняты люди. И если мы просто сократим численность ФСБ, допустим, до двадцати тысяч и не обеспечим их техникой, у нас будет больше проблем, чем есть сегодня...

«Звание полковника меня устраивает»

— Почему всем звания повышают, а президент Ельцин как был полковником, так и остается?

— А какое воинское звание было у Николая Второго?

— Полковник.

— Вот! Это очень почетное звание.

— Вы же тоже полковник?

— Да, недавно получил звание полковника запаса. (Кстати, когда Путин был тогда у нас в редакции, он называл себя полковником, а это уточнение — «запаса» вписал после того, как я приехал к нему на Лубянку визировать текст интервью. Эта была единственная правка. — А.Г.) Хочу обратить ваше внимание на то, что я остаюсь гражданским лицом.

— А как же командуете генералами?

— Мы не в армии, и мы не командуем. Никто не щелкает каблуками, у нас другой стиль. Что же касается меня... Я оставил службу в КГБ подполковником. Когда снова перевели на Лубянку, мог практически сразу получить генерала. Но думаю, это было бы с моей стороны некорректным. В воинских коллективах есть определенная традиция: очередную звезду надо заслужить.

«С Мавзолеем суетиться не стоит»

— Когда вы встречаетесь с президентом Ельциным, он дает вам какие-то указания или рекомендации по поводу «нейтрализации оппозиции»?

— Я не буду вас убеждать в обратном. Приведу лучше один пример. Как-то, основываясь на оперативных материалах, я подробно рассказал Борису Николаевичу о том, как проводится предвыборная кампания в одной из соседних стран, где органы безопасности напрямую получают указания работать по оппозиции и добиваются при этом успеха. Президент меня выслушал и сказал: «Мы так работать не будем». Да, в ФСБ

создано управление конституционной безопасности. Но оно «работает» не с оппозиционными партиями и движениями, а с экстремистскими — они могут быть как левого, так и правого толка.

— ФСБ — одна из самых осведомленных структур. Ваш прогноз: как будет развиваться общественно-политическая ситуация в России в ближайшие месяцы? Что будет с компартией России, с Мавзолеем Ленина?

— Да, аналитические службы у нас неплохие. Но мы не считаем, что в современной жизни можем подменять других аналитиков, профессионально работающих в своей области. Что будет с КПРФ? Думаю, что запрет не самый лучший способ борьбы с оппозицией. Цель не будет достигнута, а эффект получится обратным. На Руси гонимых любят.

Ну а по Мавзолею... Не думаю, что в ближайшее время с ним что-то произойдет. А если и появится решение, никаких волнений не будет. Но вообще, любой вопрос должен созреть. Все должно быть вовремя, не стоит суетиться...

«Кого переворачивать-то?»

— По страницам оппозиционной прессы гуляет такая версия: премьер-генерал Степашин (в то время, когда готовилось это интервью, генерал-полковник Сергей Степашин занимал пост председателя правительства России. — А.Г.) в последнее время еще больше сблизился со своими давними приятелями и друзьями — директором ФСБ Путиным, министром обороны Сергеевым, министром внутренних дел Рушайло. Высказывается подозрение: не соберутся ли друзья-приятели и не устроят ли какой-нибудь военный переворот?

— А зачем нам устраивать переворот, когда мы и так у власти? Кого переворачивать-то?

— Президента.

— Но он же нас назначил!

— Так может и разназначить. Почему возник августовский путч 1991 года? Потому что над генералитетом нависла угроза отставки.

— Нет, лично я ничего переворачивать не собираюсь. Надо у Сергеева спросить, может, он чего задумал? А если серьезно...

Уверен: никто из тех, кого вы здесь перечислили, за свои посты зубами не держится. Жизнь красочнее и интереснее, она не ограничивается только кабинетами и служебными делами. Все хорошо в меру. Я считаю, что больше пяти лет руководитель не

должен сидеть на одном месте, его работа становится неэффективной.

— А президент?

— Президент — должность особая. Два срока, я считаю, оптимальный вариант...

«Люблю порыбачить»

— И наконец несколько вопросов «по существу». Как вам удается поддерживать хорошую физическую форму?

— Я занимался борьбой самбо, выполнил норматив мастера спорта, а потом перешел в дзюдо и тоже стал мастером. Сейчас каждое утро делаю зарядку, иногда плаваю.

— А где разряжаетесь — в театре, в бане?

— Музыку люблю, книги. Почему бы и в баньку не сходить? Люблю порыбачить. Недавно был в Якутске, ходили на рыбалку. И, не скрою, немного потаскали сетку. Там были во-о-о-т такие рыбины!

«Комсомольская правда», 8 июля 1999 г.

* * *

Тот разговор длился битых два часа. И мы, заметив беспокойство офицеров охраны: «Вы оставили шефа без обеда!» — накрыли в соседнем кабинете. Но гость от обеда отказался. Его окрошку нам пришлось съесть самим.

Кто ж знал, что через месяц Владимир Путин станет премьер-министром и преемником президента? А потом и главой государства...

За эти годы мне пришлось немало с ним поездить и полетать. И по стране, и за рубежом — я был с Путиным в США, Ливии, Индии, Китае, Северной Корее, Японии, Брунее, Саудовской Аравии, во многих других странах. Большинство репортажей и интервью передавал в редакцию прямо из поездок. В этой книге — лишь малая их часть...

Я намеренно больше не стал включать в эту подборку «чисто деловые» публикации. И вовсе не потому, что кому-то они могли бы показаться скучными или устаревшими. Дело вовсе не в этом.

Просто, на мой журналистский взгляд, среди моих газетных вырезок «про Путина» есть такие, которые — рискну предположить — позволяют читателю увидеть моего героя в неформальной обстановке, с несколько необычных ракурсов, — в этом случае, мне кажется, характер этого достаточно скрытного

человека (как-никак — вышел из чекистов) прочитывается полнее и интереснее...

2. «Президент-экспресс» набирает ход!

В феврале 2001-го Владимир Путин проехался по железной дороге в спецпоезде от Томска до Омска. (Расстояние — 935 км.) Я тоже оказался в числе пассажиров литерного экспресса № 101.

...Как говорится, вечерело.

— А где же вагон для журналистов?

— Да вон он, впереди электровоза, — на полном серьезе говорит местный фээсбэшник, которого мы встретили на перроне. — Пресса у нас будет вместо «тральщика»!

...Но наш одиннадцатый, слава Богу, идет следом за локомотивом. (Потом уже, ночью, на станции Тайга спецпоезд «развернули», и журналистская железнодорожная «кибитка» оказалась в самом хвосте. А ваш покорный слуга, согласно разнарядке, — в последнем купе, на второй полке, амплитуда колебания которой была столь велика, что я тут же спустился вниз и немедля начал строчить этот репортаж, ведь редакция могла его от меня попросту не дождаться.)

Честно говоря, сразу после посадки «президент-экспресс», как его иногда называют сами железнодорожники, не произвел на меня никакого впечатления. От обычных поездов его отличало только то, что даже в тамбурах лежали вычищенные ковровые дорожки, а на окнах висели петушиной расцветки занавески.

Впрочем, были и более существенные детали, которые отличали литерный от извечных российских «теплушек». На ужин каждому пассажиру — независимо от того, снайпер он или журналист, выдали спецпоездной паек: паштет, сработанный, как гласила этикетка, «из потрохов, шкуры и мяса птицы».

Ближе к полуночи журналистов зовут на совещание, которое собирается проводить Путин со своими высокопоставленными попутчиками. Проходя вагон-ресторан — белые скатерти, дорогая посуда, официанты в галстуках-«бабочках», — понимаю, что нас здесь не ждут, и вспоминаю реплику еще одного проводника:

— А вам, ребята, крупно не повезло, что вас прицепили к президенту.

— Это почему же?

— Вот когда Борис Николаевич ездил в Рязань, журналисты следовали за ним на своем поезде. В нем было всего два вагона: пассажирский и вагон-ресторан.

...По центру «конференц-вагона», облицованного изнутри деревом (оказалось, в обычные дни он служит баром для иностранных туристов), — длинный стол, за ним — дюжина «притранссибирских» губернаторов и столько же чиновников из

московских министерств. Зал заседаний качает, и поэтому кажется, что все сидящие клюют носами, что они собрались, дабы коллективно подремать, а вовсе не для того, чтобы вырабатывать единую тарифную политику.

Неожиданно падает и разбивается пустой бокал. Но поездная охрана начеку: «Восьмой, восьмой! Я — двадцатый! У пятого с левого ряда — битый хрусталь! Срочно убрать!»

За минуту до появления Путина поезд набрал ход, и «заштормило» еще больше. Но президент вошел в «конференц-вагон» твердой походкой — даже ни разу не качнулся. А когда под стук колес держал речь, говорил своим обычным спокойным голосом. Повышал его, если только начинали призывно звенеть пустые бокалы, на которые многозначительно косились губернаторы.

После совещания Путин и его попутчики отправились в ресторан (ужин для них готовили лучшие железнодорожные повара, которые обычно обслуживают иностранцев). А нас увели в «пресс-вагон» и уложили спать.

Подремав «для маскировки» часа три, я почистил зубы и отправился бродить по экспрессу. Но был «застукан» сотрудниками ФСБ (оказалось, на время поездки они, как и проводники, тоже «лишены фамилий»). Ребята рассказали «много интересного».

— А правда, что впереди президентского поезда идет «контрольный» состав?

— Да?

— Почему по всему маршруту закрыты все вокзалы?

— Так ночь же!

— А это ваш сотрудник выглядывает вон из того сугроба?

— Где? Ни зги не видно!

— В президентском вагоне ванна есть?

— Не знаем, мы там не моемся...

Пришлось путинский вагон исследовать на расстоянии — «дедуктивным методом». Но ни ванны, ни тем более бани там не оказалось — только душ. И вообще — никаких излишеств. Еще бы: вагон построен в... 1959 году! Может, в нем ездил еще Хрущев. А Брежнев с Андроповым уж точно сидели «в купе Путина». Кстати, оно просторнее обычных — там есть и стол, и кресло. И конечно же штандарт. В «железнодорожной резиденции президента» оборудованы и места для офицеров, стерегущих «ядерный чемоданчик», и для сотрудников «ближней» охраны.

Но самое интересное в президентском поезде — это, наверное, сны. Мне, например, привиделся председатель Счетной палаты Сергей Степашин. Будто идет он по вагону в

железнодорожной фуражке, с компостером в руке и выкрикивает: «Граждане пассажиры, предъявите билеты!» Я у него спрашиваю: «Сергей Вадимович, Путина вы тоже будете проверять?» А он: «Ну а как же? Мы сейчас всех проверяем — Владимир Владимирович так велел. Скоро в стране не останется ни одного безбилетника!»

...Среди ночи президентский поезд несколько раз останавливался. Под вагоны ныряли какие-то люди с фонариками и начинали долго простукивать колеса...

Литерный поезд № 101 «Томск — Омск», вагон 11, место 36

СИБИРСКИЕ СЮЖЕТЫ

Встреча в пургу

...В Калачинске, что в восьмидесяти километрах от Омска, сильно пуржит. Поэтому Путин, прежде чем выйти из спецвагона, натягивает на себя черный, крупной вязки свитер и куртку «аляску».

Десятка три калачинцев, сгрудившись в зале ожидания железнодорожного вокзала, выставляют на середину деревянную вешалку, на какие обычно цепляют шапки, и водружают на нее схему газификации района. Президенту, который приехал «утеплять» Сибирь, этот «символ», похоже, нравится. И он долго вникает: как же так получается, что в калачинских котельных и трубы не ржавеют, и кочегары не напиваются?

Воодушевленный ВВП выходит на улицу и всем желающим раздает автографы. Пока чернила в ручке не замерзают, президентский поезд с места не трогается.

На приеме у врача

Путин прибывает в Омск и решается немного побродить по улице. Но неожиданно попадает... на прием к врачу.

— Я доктор и очень-очень за ваше здоровье беспокоюсь, — говорит Тамара Федоровна Ахмеджанова, строго глядя на президента. — Как у вас самочувствие-то?

— Да пока ничего, — отвечает Путин.

— И еще я боюсь за детей наших и пенсионеров, много платного сейчас в медицине. А здравоохранение мало получает. Потому и хромает.

— Это правда, — грустно соглашается с «диагнозом» президент. Видимо, понимает, что теперь ему придется работать еще и ортопедом.

О поворотах в деревне

В селе Лузино, что под Омском, Путина ждет специально обученный отряд «трудящихся», роль которых исполняют управленцы АО «Омский бекон». Перед встречей с президентом их два часа нарочно отогревают в местном клубе. А напротив, за оцеплением, мерзнет толпа селян с маленькими ребятишками. Может, Путину кто-то наябедничал, а может, сам просекает, но, когда он приезжает, почетный строй управленцев будто и не замечает, а сразу — в замерзающую толпу.

— Ну и как вам наша погодка, Владимир Владимирович? — интересуется у гостя заиндевевший гражданин.

— Н-ничего, терпимо, — отвечает президент, хотя у самого, похоже, зуб на зуб не попадает.

— А чего вы вдруг завернули в село? Никак новый поворот готовите в деревне?

— Хватит нам резких поворотов, — говорит, как отрубает, Путин. — Давайте жизнь улучшать без рывков, постепенно.

— Снега много, Бог даст, с урожаем нынче будем, — делятся прогнозами селяне.

— На Бога надейся, да сам не плошай, — резюмирует бойкий старичок, обращаясь то ли к селянам, то ли к президенту.

Телочка по кличке Звездочка

В крестьянское подворье Виктора и Анны Поповых Путин заворачивает аккурат к обеду. Хозяева усаживают его за стол, а он ни в какую:

— Не-а, сначала скотину посмотрим.

И идет в хлев, потом в свинарник. (Охранники, заткнув носы, следуют за президентом, а независимые журналисты остаются на свежем воздухе.) Особенно долго президент гладит телочку по кличке Звездочка...

Вымыв руки, гость наконец-то садится за стол. А там уже исходят парком сибирские пельмени. А еще кулебяка, соленые огурчики в укропе и квашеная капуста с клюквой. Припасена и бутылка водки.

Разливают по стопкам.

Хозяева:

— Ну, за президента!

А он:

— Нет, так не годится. Сперва — за хозяйку, за дом, за вашу семью.

Путин выпивает, даже не поморщившись. Закусывая, все

больше нажимает на капусту с клюквой.

А я прикидываю: за один день Путин побывал «на приеме» у нескольких тысяч граждан, были еще встречи с рабочими мясокомбината, реставраторами музея изобразительных искусств и артистами Театра драмы. На это в общей сложности было затрачено семь часов сорок минут, то есть две трети рабочего времени.

* * *

... Городская набережная. Около часовни — толпа людей. Все аплодируют. Две девицы громко кричат:

— Володя, мы вас боготворим!

ВОПРОСЫ НА ЗАСЫПКУ

«Как вам сказать — как положено или по-честному?»

Прежде чем улететь в Москву, я решил Путина кое о чем расспросить...

— Владимир Владимирович, почему в Омске вы так много времени уделили встречам с простыми людьми? Нужны ли Президенту России такие встречи? И что они вам дают прежде всего в человеческом плане?

— Вы хотите, чтобы я вам ответил как положено или по-честному?

— По-честному.

— Хорошо. Давайте я вам скажу и как положено, и по-честному.

Так вот, как положено: общение с гражданами создает обратную связь, помогает лучше понять нужды простого человека, заставляет спуститься с небес на грешную землю и сопоставить результаты нашей деятельности с тем, как воспринимается это рядовым гражданином. А значит, лучше выстроить собственные действия и действия правительства.

А теперь совсем по-честному. Я должен вам сознаться, что мне это нравится. И тоже понятно почему. Вы обратили, наверное, внимание, что люди меня принимают очень тепло и я отвечаю тем же самым. Скептики и пессимисты могут, конечно, сказать, что это не может долго продолжаться и рано или поздно закончится. У всех так было. И я согласен.

Но не будем забывать о том, что все когда-нибудь заканчивается. Но если сегодня это есть и это приносит удовлетворение, то зачем же мимо этого проходить? Я думаю, что

этим нужно дорожить...

«Комсомольская правда», 20 февраля 2001 г.

Эпизод

Березовскому не удалось споить президента

...Так, как в Ленске в октябре 2001-го, Путина, наверное, нигде не встречали. Вошел он, к примеру, в дом Евгения Березовского, местного водителя, тот тут же налил президенту стопку водки.

— Нельзя, я на работе, — отказался ВВП. — А то что же получится: дерябнешь, и с катушек?!

— И Сергей Кужугетович только сметану ест, — пожаловалась Путину на главу МЧС Женя, хозяйка дома. — Из-за ударной стройки объявил «сухой закон».

— Уже отменили, — перепугался Шойгу.

Тут же, у Березовского, президент и глава МЧС подбили бабки: после наводнения в Ленске построено 242 новых дома — 1112 квартир, 4643 квартиры отремонтировано, восстановлено 18 больниц и поликлиник, 11 школ, 6 детсадов...

— А я же вам письмо в Кремль писала, — сообщила президенту напоследок Женя. — Но до вас, наверное, не все доходит?

— До меня все доходит! — заверил Путин.

Улицы Ленска запружены народом. Через каждые пять метров — транспаранты со здравицами в честь Путина и Шойгу. Но ВВП делает вид, что их не замечает.

— Вода на сколько поднималась? — деловито спрашивает он у местных.

— На двадцать два метра. А дамба — всего четырнадцать метров.

— Кто же строит так, чтобы потом заливало?

Вопрос остался без ответа. А над толпой подняли плакат: «С Путиным Лена по колено».

«Комсомольская правда», 20 октября 2001 г.

3. «У меня нет бессонницы. И здоровье нормальное»

А в один из теплых июньских дней 2003-го в загородной резиденции Президента России «Ново-Огарево» произошла протокольная заминка, можно даже сказать, происшествие, если учесть плотный график главы государства. Виновником ЧП стала… Впрочем, все по порядку.

В 16.39 к центральному подъезду гостевого особняка, где должна была пройти встреча со студентами российских вузов — финалистами конкурса сочинений «Мой дом. Мой город. Моя страна», подъехал «Мерседес». Из подъезда вышли Путин и глава его администрации Волошин. Но они не стали садиться в машину, а остановились подле, с нетерпением кого-то поджидая.

В 16.40 из подъезда никто не вышел.

16.41. Раскрылись двери гостевого особняка. В парке нервно зачирикали воробьи.

16.42. В дверях появилась… черная, как смоль, девочка-лабрадор Кони, любимая президентская собака. Путин шепотом сказал: «Место!» Кони забралась на заднее сиденье. За ней последовал Волошин. Путин тоже сел с ними. Так и поехали втроем: слева Волошин, справа Путин, а между ними Кони.

Минут через двадцать «Мерседес» с президентом вернулся. Кони в нем не было. Почему Путин увез собаку? Может быть, потому, что ее пока не научили писать сочинения?

Кони много потеряла — разговор ВВП с сочинителями был чертовски интересным.

Президент велел рожать

— Владимир Владимирович, ведь очевидно, что решение демографической проблемы зависит от нашего поколения…

— Конечно. Я очень на вас надеюсь. На всех, кто здесь собрался.

— Постараемся оправдать ваши надежды.

— Посмотрим…

— Рожать-то все равно надо!

— Я думаю, для любого человека важно иметь семью и детей. Для женщины, мне кажется, в особенности. Хотя… (Тут Путин крепко задумывается.) …Это зависит, видимо, от обоих супругов.

ПРИМЕЧАНИЕ. Говорят, однажды у Путина спросили: а он сам мог бы снова стать «молодым отцом», как это сделал Тони

Блэр? Президент от прямого ответа якобы ушел: мол, такие вопросы должны решать не только мужчины, но и женщины.

Оброс ли Путин «камарильей»?

— А ваше здоровье не пошатнулось за годы президентства?

— У меня нет бессонницы. Так что все нормально.

— Владимир Владимирович, вы довольны своей командой?

— Я собой-то недоволен, не то что своей командой. (ВВП замолкает и оглядывается по сторонам. — А.Г.) Вот теми, которые сейчас окружают, доволен. А вообще-то в принципе не очень.

— Предполагали ли вы о своем высоком назначении в детстве и юности?

— Я не предполагал этого, даже когда в Москву приехал на работу. Больше того, поработав здесь года полтора, я для себя уже решил, что должен оставить госслужбу, и собирался куда-нибудь в адвокатуру податься.

ПРИМЕЧАНИЕ. В Москву Путин переехал в августе 1996 г. Через полтора года, в феврале 1998-го, он был первым замом руководителя Администрации Президента РФ.

— Чего не может президент, но очень хотел бы?

— Президент не может поменять Конституцию, хотя иногда очень хочется. (Смех.)

— Если бы президента избирали и на третий срок, он знал бы об этом и не делал бы ничего плохого...

— Человек, когда очень долго находится у власти, даже если это очень хороший человек, у него стило притупляется. Так? Он обрастает всякими «околотворческими» коллективами, которые в простонародье называют «камарильей».

О культе личности

— Вам самому не кажется чрезмерным внимание к личности президента? Уже и в детских садах проводят конкурсы стихов, посвященных президенту.

— Это просто, как сейчас модно говорить, раскрученный бренд, на котором можно заработать. Вот все кому не лень и делают это, с меньшим или большим успехом, интеллигентно либо грубовато...

ПРИМЕЧАНИЕ. Путин в подобных случаях говорил примерно так: я не могу это запретить, но очень просил бы этого не делать.

— С одной стороны, жесткость и централизация. С другой — заявления о том, что мы последовательно движемся по лестнице демократизации... Не является ли это ложью?

(Путин почему-то вздыхает.)

— Нет, конечно. Очень большой ошибкой было бы считать, что расхлябанность, слабость госвласти, неспособность решать задачи, которые стоят перед ней, являются признаком демократии. Что касается тоталитаризма, культа личности... Это предполагает демонтаж основных институтов демократии, передачу власти от закона конкретному человеку либо группе лиц. Уверяю вас, такого в России уже никогда не будет.

— Если бы была возможность, вы бы в каких исторических событиях приняли участие: реформа, переворот либо сражение?

— Не хотелось бы принимать участие в переворотах...

— А как насчет сражения на Куликовом поле?

— Я подумаю над вашим предложением.

«Комсомольская правда», 6 июня 2003 г.

4. «Это же последний срок. Чего здесь сложного?»

13 марта 2004-го Путина вновь избрали Президентом России. В три часа ночи он пришел — пешком — в свой предвыборный штаб, который находился рядом с Красной площадью. И я рискнул спросить у него о том, о чем при дневном свете спрашивать вроде бы не принято. Но президент все-таки ответил. «Комсомолка» тогда опубликовала подробную стенограмму этого разговора. Приведу лишь некоторые выдержки. Мне кажется, многое из того, что говорил тогда Путин, он мог бы повторить и сегодня...

— ...Владимир Владимирович, вы сказали, что следующую четырехлетку будете работать так же напряженно, как и предыдущую. Президент и правительство, а главное, страна выдержат этот темп, который вы задаете?

— Я надеюсь, что мы все выдержим. Если мы хотим быть успешными, нам нужно выдержать. Мы очень задержались в пути в начале 90-х и особенно в середине.

Знаете, искусство политики — это поиск баланса между необходимым и возможным. Вот в начале девяностых было ясно, что нужно делать. Но сделали очень неаккуратно. Поэтому, думаю, никто не будет спорить со мной: доверие к властям было со стороны населения утеряно в значительной степени. И власти что начали делать? Они вынуждены были остановить всякие реформы и начали балансировать на грани фола, чтобы только удержаться в этой области, чтобы не сдать назад, в прошлое. И как результат — задержка в развитии экономики, социалки, политической системы.

— Откуда у вас такая уверенность, что мы выдержим этот темп на этот раз и не сдадим назад?

— Вы понимаете, это только так кажется, что все напряженно работают. На самом деле резервов очень много.

— Вы сами к критике готовы? Второй президентский срок в этом плане, наверное, все-таки будет сложновато.

— Почему сложновато? Это же последний срок. Чего же здесь сложного?

— Вы же сами как-то сказали в Омске, что вы готовы к тому времени, когда и президента Путина начнут критиковать.

— А меня что, не критикуют? По-моему, только этим все и занимаются. Это общенациональный спорт новый. Я сегодня был у боксеров, они, правда, единственные меня не критикуют. А так

все это — общенациональное развлечение — критиковать президента Путина.

— То есть вы готовы, да?

— По-моему, я уже давно к этому готов. Это же мы и наблюдаем... Граждане России за меня проголосовали. Так? Но есть, к счастью, такие граждане, как господин Гамов, которые с удовольствием критикуют власть. Ну и слава Богу, что такие есть.

— То есть можно и дальше?

— Нужно! Но я думаю, что мы с вами все-таки должны выработать... Ну какие-то общечеловеческие правила. Гуманные. Которые не вели бы к тому, чтобы представители прессы занимались бы критикой только для того, чтобы самим покрасоваться. А для того, чтобы достичь какой-то цели, чтобы выявить проблему, ткнуть власть носом в эту проблему и заставить действовать.

...Вы представьте себе — вот вы в «Комсомолке». Там главный редактор Сунгоркин. А вы, Гамов, Сунгоркину сказали: «Знаешь что, ты теперь будешь работать вместо меня. А я на твое место сяду».

— Это невозможно.

— Я просто говорю: представьте себе. Разница-то есть или нет? Кто главный редактор?

— Сунгоркин.

— Ну вот, правильно. И он определяет политику редакционную. Правильно? А не вы. Хотя он считается, наверное, с вашим мнением. И вы представьте ситуацию в министерстве — там то же самое. Есть министр, он определяет политику министерства. И это важно.

«Комсомольская правда», 15 марта 2004 г.

5. «Помните «Операцию “Ы”?»

«Мне Кони дает хорошие советы»

1 февраля 2007-го Владимир Путин проводил в Кремле свою большую пресс-конференцию. Мой вопрос, который тогда прозвучал, одни коллеги сочли «заготовленным и согласованным», другие — «нестандартным». Я же его считал и считаю дежурным — давно хотел спросить об этом у президента...

— Владимир Владимирович, а часто ли у вас бывает плохое настроение? Чем оно обычно бывает вызвано и как вы с ним боретесь? И еще. В некоторых западных СМИ время от времени появляются заметки о том, что человек, даже Путин, не может держать в памяти столько информации, сколько вы здесь воспроизводите, и что вы, отвечая на вопросы, куда-то подглядываете, что у вас там что-то вмонтировано в столе — то ли компьютер, то ли «суфлер», то ли еще какая-то электроника...

— Помните фильм этот? «А доцент...» Или кто там? Как фильм назывался-то?

— Помним...

(Президент, это понятно, имел в виду знаменитую сцену из фильма «Операция “Ы” и другие приключения Шурика», где экзаменатор говорит: «Профессор, конечно, лопух. Но аппаратура при нем».)

— Нет, у меня техники никакой нет. Я думаю, что ваши коллеги, да, собственно, и вы, особенно при проведении крупных мероприятий, связанных с работой в прямом эфире, часто видите, не можете не видеть, что там ничего нет.

А с этим фактическим материалом, с цифрами не так сложно работать, потому что я работаю с этими цифрами не от пресс-конференции к пресс-конференции, а каждый день, и поэтому здесь сложного-то, уверяю вас, ничего нет. Здесь не нужно особых каких-то данных и качеств...

А что касается плохого настроения, то оно, конечно, бывает, как у каждого человека. Но я в этих случаях стараюсь проконсультироваться со своей собакой Кони, она мне дает хорошие советы.

Жена недавно подарила книжку хорошую — стихи Омара Хайяма, там тоже много интересного есть, что может помочь в таких ситуациях. Рекомендую.

Как я искал «суфлера» в столе у президента

...После того как Путин ответил на мой вопрос, произошел любопытный эпизод. Пресс-секретарь президента Алексей Громов (он вел пресс-конференцию), делая красноречивые жесты, стал подзывать меня к столу, за которым сидел... глава государства. Путин как раз отвечал на следующий вопрос. Я, стараясь не топать, вышел на сцену и подошел к Громову.

— Можешь сам посмотреть и убедиться, есть у президента какая-то электроника или нет, — шепнул мне Громов. — Только тихонько...

Путин сидел в метре от меня, искоса глянул в мою сторону, но, похоже, ничуть не удивился.

Я подошел поближе, заглянул под крышку стола — заметил только устройство для синхронного перевода. «Суфлера» не было. Компьютера тоже.

Потом скользнул взглядом по крышке стола — перед президентом лежал только блокнот, исписанный крупным почерком. (Путин, оказывается, предпочитает черные чернила.) Обратил внимание на слова: «Важно» и «Очень важно». И еще заметил несколько жирных восклицательных знаков.

Утолив свое любопытство, я пошел на место.

— Ну что, нашел «суфлера» в столе у Путина? — посыпались вопросы от коллег.

— Нет, — ответил я, — «суфлер» не обнаружен.

Но на этом история не закончилась — буквально на следующий день мне вновь пришлось выступить в роли «следователя по особым президентским делам». Дело в том, что у нас в «Комсомолке» появился снимок одной из страниц президентского блокнота — нам удалось сделать его во время пресс-конференции. Тогда же и родилась мысль: а почему бы не полистать этот блокнот? Самое удивительное, что мне это удалось.

Листая блокнот президента...

Сразу оговорюсь: блокнот в Кремле я не крал. Он попал мне в руки не без ведома самого Путина.

Зачем он загибал страницы?

...Блокнот как блокнот. Даже без опознавательных знаков «Москва, Кремль» на корешке — а именно такие блокноты давали каждому из тысячи трехсот журналистов, которые собрались 1 февраля в Кремле.

Первое, на что я обратил внимание: уголки некоторых

страниц президентского блокнота загнуты вовнутрь — так бывает, когда пишущий несколько раз возвращается к одной и той же странице, что-то зачеркивает, переписывает... Некоторые предложения и пометки разобрать не удалось — это понятно, Путин писал для себя. А может, по привычке «зашифровал»? Но большинство записей удалось прочитать.

«11%» отчеркнуты резкой ломаной линией. Видимо, Путин сделал эту пометку, когда у него спросили: почему ипотеку можно взять только под одиннадцать процентов?

Он начал рассуждать вместе с журналистами:

— Ну прикиньте... Главный вывод какой? Укреплять экономику и подавлять инфляцию до четырех-пяти процентов, и тогда ипотека будет пять-шесть...

Что же касается стихов Омара Хайяма, которые записаны в блокноте...

Не оплакивай, смертный,
вчерашних потерь,
Дел сегодняшних завтрашней меркой не мерь,
Ни былой, ни грядущей минуте не верь,
Верь минуте текущей, будь счастлив теперь.

Как мне стало известно, специально к пресс-конференции это четверостишие Путин не готовил, а записал его по памяти, когда ему задавали вопросы. Но к чему-то конкретному это поначалу не относилось.

А когда я спросил у президента, как он поступает, когда у него бывает плохое настроение, тогда, видимо, он и вспомнил о четверостишии.

Когда Штирлиц не советчик

За время президентства Путин исписал несколько сотен блокнотов. Куда они подевались?

Как бывший разведчик, после совещаний и пресс-конференций он никогда ничего не оставляет после себя на столе — все, до последнего клочка бумаги, уносит с собой. Разрозненные страницы Путин обычно аккуратно складывает, сворачивает вчетверо и прячет в левый внутренний карман пиджака (там же у него лежат еще и ручка, и небольшой носовой платок). А блокноты, как правило, исчезают в правом внутреннем — Путин их и подбирает по размеру кармана.

Нужные бумаги и блокноты, которые еще могут пригодиться, он сдавал в президентский архив — есть такой в его канцелярии. А те, что ценности не представляют, уничтожались.

Разумеется, Путин не сжигал их в камине, как это делал

Штирлиц. Для этого есть специальные устройства (они в кабинетах многих кремлевских чиновников): просовываешь документ в небольшое отверстие, нажимаешь на кнопку — и он тут же превращается в мельчайшую крошку.

...Сдается мне, что блокнот, датированный 1.02.2007 г., все же остался в президентском архиве. Он может еще сгодиться. И не только из-за стихов Хайяма.

Когда я дописывал этот материал, позвонили из пресс-службы президента:

— А блокнотик вы когда нам вернете?

Пришлось вернуть...

«Комсомольская правда», 2, 5 февраля 2007 г.

* * *

Кстати, однажды в редакции «Комсомолки»гостил Александр Лукашенко, который взял ручку, бумагу и по памяти начертил подробную схему расположения российских войск ПВО, дислоцированных в Белоруссии. Этот листок он оставил у нас на столе. Мы секретную схему потом сами уничтожили — чтобы шпионам не досталась. Путин бывал в «Комсомолке» трижды. Все свои записи он унес с собой — ничего нам не оставил...

6. «Значит, Христос родился, если такая милость к нам пришла...»

Так сложилась, что Рождество Христово все последние годы я встречал вместе с Путиным — в храмах Подмосковья, села Городни, что в Тверской области, в Якутии... Но почему-то очень запомнилась поездка в старинные русские города Суздаль и Звенигород. Вот выдержки из того репортажа...

Путин не матрешка

...У ворот Спасо-Евфимиева монастыря, что в центре Суздаля и куда в ночь под Рождество должен был приехать Президент России, Путина-матрешку продавали вперемешку с лаптями, деревянными гребешками и старинными монетами. Лапти, гребешки и монеты туристы еще брали, а вот Путина — нет. Почему?

— Так ведь не похож! — объяснил мне один из покупателей. — Больно румяный!

...Настоящий Путин припоздал в Суздаль — уже взошла луна, а на заснеженные дорожки легли узорчатые отблески монастырских окошек. Президент был одет в куртку «аляску». Да и выражение лица было далеко от матрешечного — Путин был сосредоточен и даже озабочен.

По программе он должен был блуждать по монастырским коридорам минут сорок пять. Но Путин преодолел запрограммированное расстояние за полчаса. Успел даже потрогать некоторые экспонаты руками.

Я давно заметил: когда он видит колокол, ему всегда хочется в него ударить. Но в Спасо-Евфимиевом монастыре случилась осечка. Путин раза три безуспешно дергал за веревку, привязанную к колокольному языку, но тот так и не зазвонил.

— Не хватает замаху, — сказал владимирский губернатор Виноградов.

— У кого, у Путина? — спросили у него.

— Да нет, — вовремя спохватился губернатор, — у колокола.

Молитвы читал нараспев

...В Знаменскую церковь, что на окраине Суздаля, Путин шел один — даже слышно было, как поскрипывает снег под президентскими ботинками.

А внутри его ждали прихожане — крестились, били поклоны, но изредка оглядывались на входные двери.

— Откуда вы знаете, что он сюда приедет? — спросил я у молодого паренька.

— Это самое святое в России место. Здесь когда-то был деревянный монастырь, но его сожгли.

— Коммунисты? — спросил я.

— Нет, татаро-монголы. А каменная церковь с шестнадцатого века...

Путин появился неожиданно. Вместо куртки «аляски» на нем уже было легкое осеннее пальто. Он зажег свечу и стал креститься.

На этот раз Путин впервые читал нараспев некоторые молитвы — вместе с церковным хором и верующими.

Пожилая женщина, стоявшая рядом со мной, удивилась:

— Значит, с детства их знал? Может, раньше стеснялся молиться?

В Суздале у Путина было несколько экспромтов — он не мог проехать мимо замерзающей толпы.

Останавливался:

— Ну что, замерзли!

— Не-а! С праздником!

Суздальцы президента не грузили своими проблемами. Видимо, по случаю Рождества.

А на следующий день, уже в Москве, президент рассказал патриарху Алексию II о поездке в Суздаль:

— Холодно было... А место понравилось. Я впервые такое увидел. Там настоящие прихожане, которые постоянно бывают в церкви. И служба очень красивая.

«Вот чего не умею — в хоккей играть»

Встретив в Суздале Рождество и толком не выспавшись, наутро Путин отправился в подмосковный Звенигород, в Саввино-Сторожевский монастырь. В местном храме ему показали уникальные фрески Андрея Рублева. Но не только они интересовали президента — при монастыре обустроили сиротский приют, где воспитываются двадцать восемь мальчишек, которые обучаются пению, народным ремеслам и иконописи.

А еще президент узнал о том, что приютские дети летом отдыхают на море, а зимой ездят в Одинцово играть в хоккей.

— Ну, молодцы, — похвалил их Путин и тут же признался: — Вот чего не умею — в хоккей играть. На коньках не умею кататься...

За трапезой, в которой участвовали и ребятишки, Путин спросил:

— А что еще не готово в приюте, что нужно сделать?

Матушка-опекунша Анна промолвила:

— Да баню, да еще с бассейном хотим. Как осилим — не знаю.

— А территория позволяет? — осведомился президент.

— Если нам помогут... — ответила матушка. — Вообще-то там пустырь.

— А мы сейчас московского губернатора спросим, — сказал Путин, отставив чашку с чаем, и обратился к губернатору Громову: — Вы не знаете, территории хватает?

— Если нужно, поможем, — отозвался губернатор.

— Мы договоримся, — заключил Путин, — губернатор вам территорию выделит, а мы поможем построить бассейн.

— Спаси, Господи! Ну что скажу? — всплеснула руками матушка. — Значит, Христос родился, если такая милость к нам пришла.

Ребятишки стали креститься...

«Комсомольская правда», 9 января 2004 г.

* * *

До сих пор многие спорят: действительно ли Путин является глубоко верующим человеком?

В феврале 2007-го я освещал его визит в Иорданию, встречи с королем Абдаллой II (согласно официальной иорданской хронологии, прямым потомком в сорок третьем поколении пророка Мухаммеда.)

Поездка была сугубо деловой, а график — сверхнапряженным. Но Путин все же выкроил пару часов, чтобы съездить к реке Иордан, одной из главных христианских святынь — здесь находится место крещения Иисуса Христа.

(Кстати, именно тогда король Иордании и принц по просьбе Путина выделили России гектар земли прямо на берегу Иордана, вблизи от места крещения Христа, чтобы Русская православная церковь могла построить здесь дом для российских паломников.)

Президент прошел по каменистым дорожкам, остановился у источника Иоанна Крестителя, присел на корточки и умыл лицо. Кстати, вода в этом роднике соленая...

Потом Путин спустился к месту, где Иоанн Предтеча совершил крещение Иисуса. Правда, оно теперь в нескольких десятках метров от реки, которая со временем изменила русло. Поэтому Путину показали кусочек суши. Он постоял,

перекрестился. Потом спустился к реке на деревянные мостки, опустил руки в воду и так сидел несколько минут.

После того как Путин вернулся, я спросил у него:

— Что вы чувствуете?

— Прежде всего, производит впечатление общая обстановка. Но мне здесь трудно что-то комментировать, потому что это личные впечатления, и я не думаю, что их нужно излагать... Могу лишь одно сказать: у меня с самого начала было чувство присутствия в библейских местах.

Говорил он искренне...

7. Его любимые приемы — бросок через спину и подножка

Прилюдно на татами дзюдоист Путин, облачившись в кимоно, выходил лишь дважды.

Первый раз — летом 2000-го, когда был с визитом на Окинаве. Тогда японский борец — как мне казалось, по «сговору» с нашим президентом, — применив прием, бросил его на ковер. Такого поворота событий не ожидала даже охрана Путина.

— Честно говоря, я не мог этого предвидеть, — рассказывал мне потом руководитель Федеральной службы охраны Евгений Му-ров. — Если бы наш президент был в спортивном костюме, еще неизвестно, как бы все повернулось. Я знаю Владимира Владимировича как спортсмена и думаю, он не позволил бы себя бросить.

Хотя, наверное, в тот момент он учитывал и настроение публики. Глаза-то у всех видели, как горели: президент разрешил себя бросить! Спорт для Владимира Владимировича — вторая жизнь. Он боролся, если можно так выразиться, искренне, а не для показухи. Думаю, в данном случае ему был не важен его статус.

— А вам-то каково? — посочувствовал я Мурову. — Сильно переволновались?

— Я бы считал, что этого не надо было делать, — признался руководитель ФСО. — Все может быть: рука может как-то подвернуться, еще что-то. Хотя он человек тренированный. Но мы переживали.

— Значит, мы, журналисты, зря выстраивали свои версии: мол, японец был не настоящим, а «засланным» — его «роль» выполнял офицер ФСО?

— Это несерьезно.

— А свое мнение насчет экспромта на Окинаве ему высказывали?

— Да. Но пускай оно останется между нами.

А второй публичный выход Путина на борцовский ковер состоялся в декабре 2005-го в Питере, в Высшей школе спортивного мастерства. Тогда он, похоже, сам был готов бросить кого угодно — его вид казался воинственным (в спортивном, конечно, смысле).

Кимоно на Путине было не новым, но чисто выстиранным и хорошо проглаженным. А еще президент пришел в шлепанцах на босу ногу. Причем шлепанцы тоже оказались довольно

поношенными — наверное, он прихватил их с собой из Ново-Огарева.

Путин, похоже, забыл, что он — президент. Увидев на полу монету, нагнулся, поднял и положил на скамейку, чтобы не мешала юным босым борцам. Потом, заметив мусор, глава государства собрал его в ладонь и вытряхнул на лист бумаги.

Олимпийские чемпионы из Японии Ясухиро Ямасита и Косэй Иноуэ — они вместе с президентом проводили мастер-класс — с некоторым недоумением наблюдали за мастером спорта Владимиром Путиным (а именно так его представили). Чемпионка России и Европы Людмила Богданова улыбалась.

Когда тренер Михаил Рахлин (сын Анатолия Рахлина, того самого, который когда-то в этой же школе тренировал Вову Путина) скомандовал: «Бегом!» — Владимир Владимирович Путин побежал вместе со всеми. Затем десять раз отжался от пола («Только на пальцах!» — командовал тренер, и президент беспрекословно подчинялся) и три раза кувыркнулся через голову. Иногда он смешивался с толпой рослых мальчишек (а в тренировке участвовали пятьдесят три юных дзюдоиста), и я терял его из виду.

Путин (в быстром темпе) показал ребятам свои излюбленные приемчики: бросок через спину, а также переднюю подножку. Тех, у кого это не получалось, он заставлял повторить прием, приговаривая: «Быстрее! Жестче!» В глазах некоторых сотрудников высших эшелонов власти, которые вместе с журналистами наблюдали за баталиями с балкона, стоял немой вопрос: а вдруг президент захочет использовать эти «броски» и в проведении притормозившейся административной реформы?

Хотя для этого скорее сгодилась бы «боковая подсечка в темп шагов», которую Путин показал вместе с Людмилой Богдановой. Она потом поделилась с журналистами, что у президента «супержесткий захват».

Все надеялись, что мастер спорта Путин все-таки поборется с олимпийским чемпионом Ямаситой. Но маститые спортсмены, едва ухватив друг друга за пояса, тут же начали хохотать и одновременно повалились на татами: мол, победила дружба.

После борьбы Путин снял пояс и куртку, надел шлепанцы и пошел опять работать президентом.

— Сколько бы вы продержались, если бы боролись с Ямаситой? — спросили мы у Путина.

— Долго, — отшутился президент. — Пока он не догнал бы меня.

И на полном серьезе сказал:

— Следующий раз вы выйдете на татами.

— Мы готовы! — тут же отозвался корреспондент «КП». — Когда приходить?

Путин промолчал. Что, видимо, означало: когда хотите, тогда и приходите...

8. Тимошенко кокетничала и стреляла глазками

В марте 2005-го я освещал визит Путина в Киев. Эта поездка была примечательна тем, что наш президент должен был впервые встретиться с одним из лидеров победившей «оранжевой революции» Юлией Тимошенко.

— ...Вы еще не бачили новый Юлин прикид? О, да она сразит пана Володимира наповал! — судачили молоденькие украинские журналистки, пока мы томились во временной резиденции Путина в Киеве, ожидая встречи.

Белый пиджачок, черная юбка, кокетливые светло-коричневые колготки... Зря Путин пришел на «первое свидание» с «железной леди» в строгом черном костюме и коротко стриженным. Мог бы надеть светло-серый в полоску, отрастить челку в конце концов.

Кстати, в руках Тимошенко держала блокнот в оранжевом переплете. Прежде чем войти в зал, где ее дожидался Путин, премьер поднесла ко рту кулачок и два раза кашлянула.

Когда она впорхнула, он, похоже, не мог скрыть удивления: «движущая сила оранжевой революции» на вид казалась хрупкой. Ладонь, которую опасливо протянула навстречу дзюдоисту, он жал осторожно и недолго. После «Я рад с вами встретиться» и «Я рада с вами познакомиться» сразу почему-то стали говорить не о набухающих почках на каштанах, а о...

Юлия (кокетничая):

— Это самая важная встреча для украинского народа.

Владимир (думая, похоже, только о ЕЭП — Едином экономическом пространстве):

— Основной груз ответственности — на правительстве.

Юлия (стреляя глазками и поправляя юбку):

— Все элементы ЕЭП... мы сохраним и приумножим.

Владимир (как бы отстраняясь):

— Э-э... ЕЭП не было нашей инициативой.

Юлия (игриво пожимая плечиками):

— Но вы же не отказываетесь от него?

Владимир (как бы нехотя):

— Это предложили Казахстан и Белоруссия, чтобы тарифы на энергетику устанавливались в тарифном комитете. Это у нас хотят отнять часть суверенитета.

Юлия (снова стреляет глазками):

— Но вы еще готовы?

Владимир (застегивая на всякий случай пиджак на одну

пуговицу):

— В интересах всей огромной экономической территории — да! Мы готовы! В полном объеме — так в полном объеме!

Юлия (томно и покорно):

— Тогда мы за то, чтобы ЕЭП существовало...

«Свидание» продолжалось сорок две минуты. Владимир раз пять бросал взгляды на блокнот Юлии. (Возможно, в нем были собраны контраргументы против ЕЭП.) Но она его так и не раскрыла.

...Пресс-конференция Путина и Ющенко, которая прошла после этой встречи, никак не начиналась. И тут «на манеже» появился Черномырдин. К нему подошел посыльный: «Вас зовет президент». Посол, семеня, убежал. После пресс-конференции я учинил ему «допрос».

— Для чего вас вызывал Путин?

Черномырдин выложил все начистоту:

— Ты заметил, что президент исправил предложение насчет отношений России с Украиной? В тексте была фраза: «Конечно, у нас есть проблемы...» Президент ее вычеркнул.

— Это вы отредактировали Путина?

— Я предложил убрать «конечно» и «у нас». А то, что «есть проблемы», он сам убрал...

«Комсомольская правда», 22 марта 2005 г.

* * *

Для меня та поездка была примечательна еще и тем, что я зафиксировал в своем блокноте несколько новых «путинок».

«Можно зачистить все проблемы».

(Насчет урегулирования азово-керченской проблематики.)

«Чтобы не было мысли, что кто-то что-то хочет утащить... Главное, чтобы работало».

(О деятельности Международного газового консорциума.)

«Я с Путиным каждый день встречаюсь».

(Ответ на вопрос украинского журналиста: как президенты России и Украины собираются строить свою работу после встречи со Шредером и Путиным?)

9. Скорость Путина — 75 километров в час

«Хотите со мной на горных лыжах?»

В начале марта 2002-го на горнолыжной базе «Чимбулак», что в Казахстане, проходил неформальный саммит лидеров стран СНГ. Улучив часок, Путин встретился с журналистами — мы ели с президентом шашлык и рассказывали ему анекдоты «про питерских». Он хохотал.

А со мной тогда приключилась, прямо скажем, — необычная история...

— ...А вы на горных лыжах когда-нибудь катались?

— Нет.

— Хотите попробовать?

— Конечно!

— Завтра в десять ноль-ноль. У вас какой размер обуви?

Вот такой разговор состоялся у нас с Президентом России в пятницу вечером. А в субботу ранним утром, дабы не ударить в снег лицом и не опозорить «честь кремлевского пула» (кстати, кто говорит, что он «прикормленный», тот сам дурак), я, преодолевая дрожь в коленках, отправился на «Чимбулак», где спорт-инструктор Дима Полевой три часа терпеливо обучал меня азам горнолыжного искусства.

Путин появился после полудня. Да не один, а вместе с Назарбаевым. Потом подошел Лукашенко, а за ним следовали широко известные в эстрадных кругах горнолыжники Лещенко с Газмановым и Винокур, представлявшийся всем «чемпионом по сноуборду».

— Не трусьте! — подбодрил меня ВВП. — Александр Григорьевич тоже в первый раз.

Лукашенко изобразил на своем лице ухмылку удачливого горнолыжника и чуть не хлопнулся в снег.

Путин и Назарбаев на пару ловко взобрались в металлическое кресло канатно-буксировочной дороги и через несколько секунд, как мне показалось, скрылись за облаками.

— Значит, на Трехтысячник рванули! — ахнул кто-то из зрителей.

Я тоже было ухватился за убегающее на верхотуру кресло, но Дима Полевой вовремя поймал меня за рукав:

— Ты что? Трехтысячник — это три тысячи метров! Спуск такой, понимаешь?

Мой довод: «Как же я теперь репортаж напишу?» — спорт-

инструктора не тронул.

— Хочешь дописывать его на том свете? — полюбопытствовал он, и мы по бугельной дороге (она тоже канатная, но приходится ехать на своих двоих, сидя на небольшом железном цилиндре), отправились к началу 800-метрового спуска. Местные горнолыжники называют его Профессорским. Как объяснил мне один пацан, это значит для «чайников».

На Профессорском уже тренировался президент Белоруссии. Тренером у него, как я понял, был «сноубордист-чемпион» Винокур. Когда он кричал снизу: «Александр Григорьевич, держитесь!» — Лукашенко падал на бок. Винокур тут же подбегал к нему и пародировал доброго доктора Айболита. Зрители снисходительно посмеивались.

Вслед за Лукашенко я дважды, гордый и счастливый, съехал с Профессорского. А на третий раз мне не повезло. Неудачно выполнив маневр «плуг» («носки вместе, пятки врозь»), я не успел вовремя погасить скорость и при повороте метра полтора пропахал снег носом. В это время на огромной скорости (она, как пояснили инструкторы, достигала семидесяти пяти километров в час!) мимо пролетал Путин. Он сочувственно качнул головой.

Три километра ВВП преодолевал минут за пять-шесть. Газманов (он лихачил — ездил без палок) не отставал от президента. Лещенко, когда Путин уговорил его подняться на Трехтысячник, взял «бронзу», так как дважды падал на крутых спусках. Классно катался и Назарбаев.

А у нас на Профессорском лидировал Лукашенко — он перестал падать, что тут же было отмечено руководителями России и Казахстана. Президент Белоруссии, со своей стороны, заявил: «Чем подвижнее будут лидеры СНГ, тем динамичнее оно станет развиваться». Хотелось бы.

Мне же пришлось еще дважды повторить пируэт с разрыхлением Профессорского спуска: снова носом, а также коленом. Но Путин моего позора не видел — он уже один, без притомившегося Назарбаева, находился где-то за облаками.

При случае я поинтересовался у Президента Казахстана: о чем они говорили с Путиным, когда канатно-буксировочная дорога несла их к Трехтысячнику?

— Ты не поверишь, но мы обсуждали проблемы Содружества, — признался Назарбаев. — Спорили, как укрепить Таможенный союз.

...После четвертого и пятого спусков, которые прошли без происшествий, ноги не держали — пришлось лыжи отстегивать и ставить «на просушку». За этим занятием меня и застал Путин, то ли в одиннадцатый, то ли в четырнадцатый раз прилетевший с

Трехтысячника.

— Гамов сачкует, — тут же проинформировал ВВП своего пресс-секретаря Громова.

Но, узнав, что я за пять заходов взял штурмом «Четырехтысячник», президент поинтересовался:

— И как ощущение?

— Горные лыжи — это что-то космическое!

— Может быть, — сказал Путин.

И снова пошел на подъем.

* * *

А вот что мне сказал тогда, глядя вслед Путину, мой инструктор Дима Полевой:

— Владимир Владимирович хорошо катается. Техника довольно высокая. Чувствуются напористость, уверенность. Особенно он чисто выполняет повороты. Помарок очень мало. Он не боится ни скорости, ни высоты.

...А потом он взял меня в свой самолет

История с катанием на лыжах в компании с президентам имела еще более удивительное продолжение.

Когда Путин в последний раз спустился с Трехтысячника, он неожиданно спросил у меня:

— А на чем ты полетишь обратно в Москву — журналисты-то все уже улетели?

— Так на рейсовом, — ответил я. — Я уже вон и денег занял — на билет хватит.

Путин секунду подумал и, обращаясь к своим помощникам, сказал:

— Давайте возьмем его в наш самолет. Думаю, место найдется.

...Симпатичные стюардессы Ил-96 с надписью «Россия» встретили меня доброжелательными улыбками, но тут же указали:

— Эти двери не открывать, в то помещение не заглядывать, не забудьте пристегнуть ремни... Счастливого полета!

Очень мне понравились и кресла, в одном из которых я просидел 4 с лишним часа, пока наш самолет летел из Алма-Аты в Москву. Расположены они таким образом, что, если твой сосед задремал, ты спокойно можешь выйти, не побеспокоив его. Но пассажиры путинского лайнера и не думали дремать — все они были заняты делом.

Шеф протокола Игорь Щеголев делал в блокноте какие-то наброски — наверное, разрабатывал новые протокольные программы. Замглавы президентской администрации Сергей Приходько постоянно доставал из своего дипломата документы и всю дорогу их листал. Управляющий делами президента Владимир Кожин считал на микрокалькуляторе. Пресс-секретарь президента Алексей Громов сидел, уткнувшись в бумаги, и все время что-то писал.

Чем занимался во время полета Путин, я не знал — в президентский салон мне ходить «не рекомендовалось». Но судя по тому, как часто чиновники срывались с мест и скрывались за запретной для меня дверью, в летающем кабинете ВВП вовсю кипела работа.

В непрезидентском самолете пассажиры во время длительного полета обычно переодеваются. В президентском только снимают пиджаки и слегка ослабляют галстуки. Наверное, это на тот случай, если их неожиданно вызовет Путин.

После часа полета стюардессы попросили пассажиров выдвинуть столики, которые были спрятаны в подлокотниках кресел, и стали разносить обед.

Оказалось, что кухня в президентском самолете примерно такая же, как и в других лайнерах ГТК «Россия». Нам подавали жареную рыбу с картошкой, а также миниатюрные плавленые сырки, фруктовые джемы, салаты из свежих овощей, фрукты. Из напитков были разные — соки, чай, кофе.

— Президент во время полета ест то же самое? — поинтересовался я у стюардессы.

— Может быть, — уклончиво ответила она.

— А спиртное здесь не подают?

Услышав это, стюардесса посмотрела на меня так, будто увидела перед собой инопланетянина...

«Комсомольская правда», 5 марта, 18 июня 2002 г.

10. О картах, генерале Чарноте и «Ключах от спальни»

Однажды в президентскую резиденцию «Ново-Огарево» в гости к Путину нагрянули сразу два юбиляра — Эльдар Рязанов и Михаил Ульянов... Хозяин принимал гостей в уютной каминной — угощал чаем и яблочным пирогом.

Поздравляя мэтров с 75-летием, ВВП каждому вручил часы с гравировкой: «От Президента России».

— У них гарантия — двадцать пять лет, — заметил Путин.

Гости заулыбались:

— Намек поняли....

— Вообще-то нам с Ульяновым вместе уже сто пятьдесят, — сказал Рязанов.

— А со мной получается двести, — подытожил президент.

А узнав о том, что родители режиссера работали в Персии по линии разведки, Путин обрадовался:

— Ну вот, все свои собрались...

Потом в шутку спросил у Ульянова: не сложно ли ему было с такой фамилией играть белого генерала Чарноту в фильме «Бег»? Тот признался, что исполнял эту роль «с большим подъемом», понимая, что жизнь Чарноты — большое горе: и для него самого, и для России.

— Чарнота в карты отлично играл — вы действительно так хорошо играете в карты? — неожиданно поинтересовался Путин.

Ульянов-Чарнота смутился, видимо, решил, что Путин сейчас достанет колоду, поэтому замахал руками:

— Нет, нет, в карты я играю плохо, на съемках этим занимались другие специалисты.

Потом вся троица принялась соображать насчет проблем театра и кино. Денег у президента гости не просили, но он сам завел этот разговор: мол, как выходите из положения?

— В такой радостный день не хочется говорить о печальном, — сказал Ульянов.

А Рязанов все же поделился горестными мыслями:

— Когда снимал последнюю картину, в поисках финансов обходил многих банкиров и богатых людей. Меня поили кофе, но денег не давали... Куда им столько денег? На тот же свет с собой не заберешь...

— Карманов там нет! — бросил реплику Путин.

— Да и с одеждой там плоховато, — резюмировал Рязанов.

Ульянов поведал о новых сценических формах в Театре

имени Вахтангова, о том, как ставят спектакли на Малой сцене. А Рязанов — о своем новом фильме «Ключи от спальни». Еще он рассказал Путину о давней мечте: снять картину, посвященную сказочнику Андерсену, и фильм по книге Булгакова «Мастер и Маргарита».

...Хотя на столе стояла неплохая закуска — колбаса, сало, сыр, фрукты — в бокалы была налита обычная минералка...

«Комсомольская правда», 21 ноября 2002 г.

11. Тульев — Платову: «А ведь мы жили на одной улице…»

Как-то я стал свидетелем «конспиративной встречи» президента с «резидентом». Явка была назначена в Кремле…

…Такого еще не бывало: журналисты в назначенный час заходят в президентский кабинет… А Путин не появляется! Его посетитель (а президент принимал актера Георгия Жженова, который отмечал свое 90-летие) — тоже!

На столе одиноко стояли две чашки, в которых остывал зеленый чай. Рядом — вазы с печеньем, конфеты «Мишка косолапый». Деревянная коробка, похожая на те, в каких обычно лежат сигары. Рядом — кипа газет, сверху — «Комсомолка»…

Сразу мелькнула догадка: все это для конспирации. А товарищ Платов (псевдоним Путина во времена работы в КГБ) и товарищ Тульев (фамилия героя Жженова в фильмах про резидента) сидят где-нибудь в Белой кремлевской гостиной и попивают тот же самый чай из запасных кружек…

Так и оказалось. Минут через десять журналистов попросили перейти именно в Белую гостиную. Там уже лежала загадочная «сигарная» коробка.

Сначала появился Платов (то есть Путин). За ним — Тульев (он же Жженов). Судя по тому, как они иронично переглядывались, когда пожимали друг другу руки, можно было понять: «разведчики» давно поздоровались, пообщались и теперь «работают» на камеры.

Путин:

— Что у вас самое дорогое из работ в кино?

Жженов:

— «Вся королевская рать» — о жизни в Америке, выборах президента.

Путин (заинтересованно):

— «Вся королевская рать» — достаточно актуальная для сегодняшней нашей жизни картина.

Только после этого Жженов вспомнил «Экипаж», «Горячий снег», сериал о резиденте. Путин, услышав о сериале, еще больше оживился.

Жженов (не без гордости):

— Это ирония судьбы: в «Резиденте» играю сына эмигранта, врага советской власти, однако именно за эту работу был признан КГБ, ФСБ, МВД и все знаки отличия получил тоже за него.

Путин (со знанием дела):

— Но Тульев — известный человек!

Жженов:

— Кстати, мы с вами не только земляки по Васильевскому острову, мне недавно показали, что из моих окон виден ваш дом на Второй линии.

Путин:

— Да, похоже, это совсем рядышком… А правда, что вы помогли Смоктуновскому вернуться с Севера?

Жженов:

— Да, он во время войны был в плену, бежал, оказался в Москве, но, когда стали фильтровать, он уехал в Норильск. Мы там с ним и повстречались. А в хрущевскую «оттепель» я спросил у Смоктуновского: почему он не возвращается в столицу? Я-то, говорю, ссыльная морда, а ты что сидишь? «Боюсь», — ответил Кеша. Тогда я написал письмо Аркадию Райкину, и Иннокентий Смоктуновский вернулся в Москву. Раскрутился, стал мировой величиной…

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Путин подарил Жженову букет роз. Возможно, в нем была спрятана «шифровка». А в деревянной коробке оказался подарок «с намеком» — миниатюра с изображением Георгия Победоносца.

«Комсомольская правда», 22 марта 2005 г.

12. Сергей Михалков — Владимиру Путину: «Эх, какой я был Кобелино!»

В день 90-летия автора гимна и «Дяди Степы» Владимир Путин приехал к классику домой на улицу Поварскую и взял у него интервью. А я записал его на диктофон и напечатал в «Комсомолке». Получилось забавно...

13 марта 2003 года. Полдень. Кабинет Сергея Михалкова. Президент и мэтр сидят. Молодая миловидная жена мэтра и его сыновья, тоже мэтры, стоят.

В. Путин (оглядывает стены и потолки рабочего кабинета классика):

— Я смотрю, у вас дома ремонт сделали?

С. Михалков молча поправляет «поэтический» платок, который у него повязан вместо галстука.

Братья Михалковы — Андрон (в мятых режиссерских штанах) и Никита (в отутюженном костюме председателя Союза кинематографистов РФ):

— Да вчера всю ночь готовились!

В. Путин (тоном литературного критика):

— Посмотрел материалы, касающиеся вашего, Сергей Владимирович, творчества, вашей жизни, и с удовольствием отметил, что общий тираж ваших произведений вдвое превышает население России. Триста миллионов экземпляров!

С. Михалков (несколько виновато):

— Вот такая судьба...

В. Путин (со знанием дела):

— Она началась интересно. Из материалов, которые я посмотрел, видно, что ваше первое стихотворение называлось «Дорога», оно было опубликовано в журнале «На подъеме».

С. Михалков (задумчиво):

— Семнадцатый год я встретил, мне было четыре года. А когда распался СССР — восемьдесят лет. Я человек той эпохи...

В. Путин (настойчиво):

— Мы все-таки считаем вас по праву человеком нашей эпохи. Я, еще будучи молодым человеком, ребенком, до сих пор помню... И сейчас с удовольствием смотрю «Фитили», которые вы создавали...

С. Михалков (несколько удивленно):

— Да, да...

В. Путин:

— Я уж не говорю о всех других произведениях, о «Дяде

Степе» и прочем, на которых воспитывались очень многие поколения сегодня живущих людей и вспоминающих вас всегда с удовольствием и благодарностью...

С. Михалков:

— Да, я человек и двадцать первого века тоже. Работал на благо отечества и поэтому, видимо, хорошо сохранился.

В. Путин (тоном завзятого репортера):

— А в Великую Отечественную были корреспондентом?

С. Михалков:

— Во фронтовой газете. Был контужен, чуть в плен не попал. И тут меня отзывают в Москву, и я случайно узнаю, что мои коллеги работают над текстом Гимна Советского Союза...

(С. Михалков подробно рассказывает историю о том, как вместе с Эль-Регистаном создавал текст гимна, который «очень понравился Сталину».)

С. Михалков:

— А насчет гимна России уж сама судьба распорядилась. Вы, Владимир Владимирович, все это читали, смотрели, утвердили...

В. Путин:

— Мы очень рассчитываем, что познакомимся с вашими новыми произведениями. Но самые большие достижения, наверное, здесь, рядом присутствуют...

(Братья Михалковы вынимают руки из карманов и артистично пожимают плечами: мол, о ком это президент?)

В. Путин:

— Я недавно взял кассету: фильм хороший, американский. Смотрю, а в титрах — Андрон Кончаловский!

(Никита Михалков начинает нервно покашливать.)

С. Михалков:

— Владимир Владимирович, я на вас смотрю: как вы работаете! Нужно железное здоровье иметь... Вы не курите?

В. Путин:

— Пока не сделал привычки, как говорил Чичиков.

С. Михалков:

— И я не курю. И мои ребята тоже не курят — и Андрей, и Никита.

В. Путин:

— Хорошие ребята.

(Братья Михалковы заливаются краской и смехом.)

С. Михалков:

— Одному шестьдесят шесть лет, а другому... Никита, сколько тебе?

Н. Михалков (после заминки, голосом Паратова из «Жестокого романса»):

— Пятьдесят восемь...

С. Михалков:

— Ужас, ужас!

В. Путин (тоном разведчика):

— Я думаю, у вас многое есть. Но не уверен, что есть все.

(В руках у ВВП появляется альбом со старыми фотографиями.)

С. Михалков:

— Я ненавижу фотографироваться!

В. Путин (рассматривая снимок):

— Какой майор Советской армии, а?

С. Михалков:

— Да, да, красавец... Как я упустил, что я красавец?

В. Путин (листает альбом и находит фото 30-летнего С. Михалкова):

— Вот хороший портрет!

С. Михалков (озорно поглядывая на молодую супругу):

— Да, да, да... Кобелино!

(В. Путин начинает хохотать.)

Братья Михалковы (как бы извиняясь):

— Папа похож здесь на итальянца.

(Из кухни доносится запах печеного и свеженарезанных апельсинов.)

В. Путин (встает):

— Если позволите, я бы хотел перейти в вашем доме к официальной части...

С. Михалков тоже встает и становится похожим на дядю Степу на пенсии.

Сотрудница службы протокола (звонким пионерским голосом):

— За выдающийся вклад в развитие отечественной культуры награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени Михалков Сергей Владимирович! Писатель!

ВВП вешает С. Михалкову поверх «поэтического» платка ленту с орденом. Братья Михалковы (режиссерскими голосами):

— Пониже! Повыше!

Юлия, жена С. Михалкова:

— Ну что? К столу?

С. Михалков:

— Служу России!

(Вносят бокалы с шампанским.)

В. Путин:

— Как полагается, пора отмечать...

С. Михалков:

— А я пью за вас. Как шампанское?

В. Путин:

— Отличное!

...А в один из октябрьских дней 2005-го Путин пожаловал на 60-летие Никиты Михалкова. Приехал в десятом часу вечера, а уехал после полуночи. Благо загородный дом мэтра, что на Николиной Горе, недалеко от президентской резиденции «Ново-Огарево». Прикатил президент на «Мерседесе» — сам был за рулем.

— И кого же вы на такой машине возите? — спросил несколько обескураженный Михалков.

— Себя, — невозмутимо ответил Путин.

С собой он привез картину в подарок юбиляру — живописную панораму кремлевских куполов.

Видимо, вспомнив эпизод из фильма «Жестокий романс», Михалков, усаживая гостя за стол, рядом с отцом Сергеем Владимировичем (а собрались только близкие), голосом Паратова запел:

— К нам приехал, к нам приехал Владимир Владимирович дорогой!

— Вам что налить? — спросил Михалков у Путина.

— Мне бы морсу, — попросил президент.

— Лучше вот «Кончаловку» попробуйте. Наш семейный фирменный напиток, — посоветовал Михалков.

Но всех секретов его приготовления объяснять не стал.

А я узнал. Просто позвонил ему на мобильный...

— Алло, Никита Сергеевич! Извините, что беспокою вас сразу после юбилея...

— Ничего. Я уже на съемках.

— Даже так? А что снимаете?

— В данный момент — передачу. У вас ко мне что-то серьезное? У меня очень мало времени...

— Конечно! Откройте, пожалуйста, секрет «Кончаловки», которой вы угощали президента.

— О, вопрос действительно серьезный. Записывайте. Это очищенная марганцем водка, настоянная на черной смородине. Причем настаивается она долго — не то что засыпали и сразу выпили. Долго настаивается! Приблизительно три месяца. Но потом, по мере того как настойка выпивается, водка — очищенная же — снова доливается.

— А пропорции-то какие?

— Так, сейчас вам скажу... Это приблизительно два килограмма черной смородины на десять литров водки. Напиток получается славный.

«Комсомольская правда», 14 марта 2003 г., 24 октября 2005 г.

13. Ржали лошади, гудели паровозы…

После того как Путин в мае 2008-го стал премьером, он отправился в Питер. И снова попал в гости к Никите Михалкову. Правда, очутился он… в 1943 году — на съемках фильма «Утомленные солнцем-2».

…Ближе к вечеру к деревне Шушары, что под Ленинградом, пыхтя, приполз старенький паровоз, и из разбитых пассажирских вагонов стали высыпать потрепанные, невыспавшиеся (многие позевывали) граждане с мешками и облезлыми чемоданами. Приезжие дико озирались по сторонам.

Майор НКВД, тоже, казалось, дремавший на ходу, встрепенулся и стал отдавать приказы своим ощетинившимся штыками сотрудникам:

— Смотрите в оба, чтобы не разбежались. А то они еще под вагоном прошмыгнут. И обыскивать всех подряд!

В воздух полетели старые шмотки. Ругань, крики…

«Не замай!» — истошно орал дедок с окладистой бородой.

— Заткнись, морда оккупационная!

У меня по спине побежали мурашки.

— Нас привезли с оккупированных территорий, — пояснил мне мужик в грязном, когда-то, видимо, белом пиджаке и такой же шляпе. — Теперь хотят в окопы. Может, слыхал про «черную пехоту»? Вот это мы и есть… Дадут, может, лопату, винтовки от них не дождешься — и в окопы. Вот сволочи!

Ржали лошади, гудели паровозы, беззвучно матерились энкавэдэшники.

— Стоп, стоп! — послышался голос генерала Котова. — К нам едет председатель правительства Владимир Владимирович Путин. Теперь нам придется ему объяснить, что здесь происходит…

В это время на съемочной площадке появился Путин.

— Владимир Владимирович, здесь у нас 43-й год, — отрапортовал генерал Котов (он же режиссер Михалков) и вручил премьеру кепку с надписью «Утомленные солнцем-2».

Путин кепку надевать не стал, но за режиссерский пульт с тремя мониторами рядом с Котовым-Михалковым сел и даже надел по его совету наушники.

— Так, продолжаем! — громыхнул Котов-Михалков в микрофон. — Паровоз и Маковецкий — на исходную!

Сергей Маковецкий (это он играет злющего майора НКВД) козырнул, а паровоз снова запыхтел. С Маковецким было все ясно…

— А где паровоз-то взяли? — полюбопытствовал Путин. — Наверное, на железной дороге?

— Откуда у них там паровозы? — со смехом сказал генерал-режиссер. — В музее достали.

Снова заорали энкавэдэшники и на глазах у премьер-министра учинили шмон гражданам оккупированным. Больше всех старался майор Маковецкий. Недаром же Котов-Михалков три дубля подряд предупреждал его: «Ты по-настоящему обыскивай, а не искусственно». Когда майор потом присел рядом с премьером, тот покосился на него и спросил:

— И что, Сергей, вот так сегодня с утра и до вечера, целый день?

— Если бы только сегодня, — грустно ответил майор НКВД. — И завтра придется заниматься тем же самым.

Путин удивленно глянул на майора. Актеры Артур Смольянинов и Андрей Мерзликин, которым, как они пояснили мне, достались «хорошие» роли — они играют друзей Котова, глянув на Маковецкого, тоже изобразили на лицах сочувствие.

...Ржали лошади, гудели паровозы.

«Комсомольская правда», 14 мая 2008 г.

* * *

Путин — человек закрытый. И мало кто из журналистов наблюдал его в домашней обстановке. А может, и никто не наблюдал. Кроме, разумеется, меня (прошу прощения за бахвальство).

Я приехал в Ново-Огарево, домой к Путиным, в один из воскресных зимних вечеров. Вместе с Людмилой Путиной мы отбирали снимки из домашнего архива к ее очередному интервью для «Комсомолки». (Фрагменты самих интервью читайте в следующей главе.)

Мы сидели с супругой президента в гостиной, которая, кстати, была обставлена довольно скромно: небольшой камин, книжные шкафы, несколько мягких кресел, стол, на котором стояли чайник, чайные чашки и несколько небольших вазочек — с печеньем и вареньем, кажется, малиновым.

Людмила Александровна достала из шкафа три толстых альбома с фотографиями. Мы с ней даже немного поспорили: те снимки, что нравились ей, по моему мнению, для газеты не подходили, а те, что приглянулись мне, казались ей неинтересными.

На ковре, у ног первой леди, мирно дремали два пуделя, посапывая и повизгивая во сне. Вдруг они вскочили и бросились к

двери. А оттуда им навстречу — лабрадор Кони. И тут все три собаки начали с лаем носиться по гостиной. Потом лабрадор легла на ковер, а пудели принялись легко покусывать ее за уши. Кони довольно заворчала.

Неожиданно вошел Путин. На нем были светлая куртка, черные джинсы и коричневые ботинки. Я поднялся из кресла, пошел президенту навстречу, протянул руку... Но рукопожатия как такового у нас не получилось: ладони у Путина были испачканы в грязи (видно, он играл на улице с собакой — бросал ей палку или мяч). Поэтому президент протянул мне, как обычно делают в таких случаях, согнутую в локте руку, которую я и пожал.

— Лапуль, — с улыбкой сказала ему Людмила Александровна (а я первый раз слышал, чтобы так называли президента, пусть даже и супруга), — а мы здесь чай пьем и интервью обсуждаем, снимки вот выбираем.

Путин сел в кресло, молча посмотрел на меня. А я вдруг поймал себя на мысли, что не знаю, о чем говорить с президентом у него дома. О делах? Но ведь воскресенье, на часах — одиннадцать вечера... У человека — выходной, а тут я начну грузить его своими вопросами.

И стал рассказывать ему про свою немецкую овчарку с журналистской кличкой Гранка, которая обычно по ночам (а мы, когда освещаем поездки Путина, почему-то чаще всего прилетаем из командировок за полночь) встречает меня у дверей, заботливо обнюхивает, облизывает... Все домашние же спят! А потом ведет на кухню и показывает, где искать вкусный ужин. И сама со мной же его и делит.

«Домашний» Путин внимательно слушал мой рассказ и хорошо так улыбался...

XI. Людмила, Джахан, Любовь, Валентина (ПОРТРЕТЫ ЖЕНЩИН-ПОЛИТИКОВ)

1. Людмила Путина: «Владимир Путин для меня — прежде всего мой муж»

Когда Президентом России стал Владимир Путин, его супруга Людмила сразу оказалась в зоне повышенного внимания журналистов. На то были особые причины.

Дело в том, что за годы советской власти сложился этикет, согласно которому супруги первых лиц существовали в глубоком тылу своих мужей. Никакой политической или общественной активности, никакого вмешательства (по крайней мере, видимого!) в государственные дела. Первой прорвала эту блокаду супруга Михаила Горбачева, последнего Генерального Секретаря ЦК КПСС и первого (и единственного) Президента СССР. Но народ Раису Максимовну не понял и подвига ее не оценил.

Супруга первого Президента России Наина Ельцина продолжила традицию советских кремлевских жен — симпатичная женщина явилась воплощением почти идеальной жены политика: мудрой, тактичной, хранительницей домашнего очага.

С появлением Путина было интересно: продолжит ли Людмила линию Наины Иосифовны или пойдет по стопам Раисы Максимовны? Забегая вперед, скажу: Людмила Александровна вышла за рамки просто жены, проявив общественную активность, но аккуратно избежав при этом задиристой напористости феминизма, так пугающего склонное к домостроевским атавизмам российское общество.

Мне повезло стать первым журналистом, кому удалось взять интервью, причем не одно, у Людмилы Путиной. Я несколько раз бывал дома у Путиных. Мне кажется, разговоры с Людмилой Александровной, помимо прочего, добавляют много новых красок и к образу ее мужа...

Что такое атмосфера любви?

— Людмила Александровна, у вас дома такой порядок! И дровишки в камине сложены — хоть сейчас поджигай...

— Мы очень часто пользуемся камином. Хотя у нас и так тепло.

— Вы насчет «погоды в доме»?

— Да, именно о ней...

— Вы с Владимиром Владимировичем — супруги и родители со стажем. Есть у вас, наверное, и свои секреты воспитания

детей...

— Какие тут секреты... Для каждого ребенка важна обстановка, в которой он живет и воспитывается. Владимир Владимирович как раз это и имел в виду, когда говорил о том, что вырос в атмосфере любви. Я бы к этому еще добавила привычку к системному труду, которую мы стараемся привить своим дочерям.

— Что это за привычка?

— Ребенок должен быть загружен все свое свободное время каким-то делом. Наши дочери, например, всю жизнь занимались на скрипке. Конечно, детям хочется гулять, в куклы играть, а чаще просто бездельничать. Но это не должно продолжаться постоянно.

— Что же — и не похулиганить?

— Интуиция подскажет, как поступать в той или иной ситуации. А критерием, наверное, должна быть та самая справедливость. С ребенком нельзя по принципу: вот что захочу, то и буду с тобой делать! Нужно понимать: это — человек, который имеет право выбора, право на какие-то свои чувства. Ну, дать ему когда-то и просто поразгильдяйничать. Но чтобы это не стало привычкой.

И опять же забота — о здоровье: чтобы весь этот системный труд не был в ущерб.

И еще дети не должны бояться родителей, они должны их уважать. Отсутствие страха у ребенка, забота о его здоровье, любовь — вот это все в сочетании, наверное, и помогает нам вырастить человека. Ведь так?

«Когда меня в школе дергали за косы, я давала сдачи»

— Вот готовясь к этому интервью, со своими детьми разговаривала, Катей и Машей. Я говорю: «Девчонки, что бы вы в нашей школе изменили?»

— Что ответили ваши дочери?

— Ой, они сказали много интересных и умных, на мой взгляд, вещей. На первое место они поставили, конечно, полное отсутствие в нашей школе (а дочери учились и в немецкой, и в российской) уважения к учащемуся. К мнению ребенка, к его индивидуальным способностям: может — не может, успевает — не успевает, испытывает стресс или нет...

Они, кстати, сказали, что это, собственно, проблема не только школы, а и всего нашего общества, что у нас в России слово «ребенок» переводится порой как «глупый». Он не знает, чего ему надо, на что он имеет право. А родители все знают за

него: в какую школу он пойдет, должен он читать или нет, сидеть ли ему за компьютером, какой выбор сделает ребенок после школы, в какой вуз пойдет... Вот молодежь это и возмущает.

— Мне мои взрослые дети примерно то же самое говорят.

— Вторая по важности, на взгляд наших девочек, проблема — очень высокий стресс на экзаменах. Дочери привели пример: в немецкой школе они сдавали экзамен — он длился шесть часов. Учителя подходили, психологически поддерживали, приносили чай из буфета, бутерброды... — то есть педагоги как бы на стороне учащегося, сотрудничают с ним, не создают ему дополнительного стресса.

В нашей школе тоже есть такие учителя. Но в общем и целом атмосфера другая — ребенка запугивают экзаменом: вот, смотри — ты экзамен не сдашь! Да мне сами родители такое рассказывали!

Знаете, я никогда не требовала от детей оценок из школы. Считаю: главное — знания. А если тебе учитель «тройку» поставил или «двойку» — ну мало ли по какой причине это произошло? Ребенок же не может постоянно быть начеку: где-то расслабился, с кем-то заболтался и — получил.

— Сейчас Катя и Маша учатся в Санкт-Петербургском госуниверситете. А что у них в зачетках, вы смотрели?

— Пятерки. Они девушки ответственные.

— А какой ученицей вы были в школе? Двойки получали?

— За все десять лет пара двоек наверняка была. Ну так — текущие, в журнале.

— По какому предмету?

— Двойки? Вы знаете, даже и не вспомню сейчас. Настолько меня мало интересовали тогда оценки. Я, наверное, всегда понимала, что оценки — это далеко не весь показатель знаний.

— Я видел ваши школьные фотографии — у вас там косы. Мальчишки за косы вас не дергали?

— Ой, дергали-дергали, это была целая проблема.

— И как вы с этим боролись?

— Ну, давала сдачи.

Зачем она ездит по тюрьмам

— Помнится, в колонии для несовершеннолетних девочек-преступниц, что под Рязанью, вы провели целый день. До этого была Можайская женская колония... А потом Дума объявила об амнистии осужденных, не совершивших тяжких преступлений, прежде всего женщин и детей. Говорят, не без вашего участия...

— Да, в Можайской колонии сразу амнистировали десять

человек. Но этим занимаются законодательные и правоохранительные органы. Моя же основная задача — привлечь внимание общества к проблеме детской преступности.

Часто ведь дети нарушают законы под давлением внешних обстоятельств, даже не задумываясь о последствиях своих поступков. Уже потом, в колонии, став взрослее и по годам, и по мировосприятию — а я в этом лично смогла убедиться, — многие (если не сказать — все) хотят вернуться к нормальной жизни и забыть тот кошмар, с которым они столкнулись в своей «прежней» жизни.

И еще я поняла: у этих ребят, оказавшихся волею судьбы за колючей проволокой, огромный потенциал для того, чтобы позитивно воспринимать действительность, надо только помочь им в этом. И здесь не обойтись без поддержки взрослых, без поддержки государства. Только в этом случае малолетние «отверженные» получат шанс стать полноценными гражданами.

— А детская и подростковая наркомания, проституция — проблемы того же ряда?

— Я бы назвала это самой страшной «болезнью века». Во многом ответственны за это родители. Когда ребенку не хватает тепла, сочувствия, любви, когда ему некуда идти и нечего есть, он будет инстинктивно искать защиты и помощи на стороне. Вот здесь-то и появляются те, кто, спекулируя на детской доверчивости, на детском горе, вводит ребенка в мир наркомании и проституции.

Бороться с этим злом надо сообща. Когда наши дети не будут сиротами при живых родителях, когда общество действительно будет настоящей защитой и опорой для подрастающего поколения, а государственная политика позволит реально улучшить благосостояние людей — только тогда можно будет говорить и о реальном сокращении детской беспризорности, преступности, наркомании, проституции...

Принято считать, что все эти проблемы — из категории общественных. Отчасти так и есть. Но мне очень хотелось бы, чтобы они стали личными проблемами каждого из нас. Вы понимаете, о чем я говорю? Личными не только для граждан России, но и для всех людей мира.

«И у нас бывают споры...»

— Обсуждаете ли вы все эти темы с Владимиром Путиным? Как он реагирует?

— Владимир Путин для меня — прежде всего мой муж. Да, меня волнуют многие проблемы, и я, как жена, как женщина,

конечно же обсуждаю их с Владимиром Владимировичем, когда у него есть свободные минуты.

Хотя с этим-то, пожалуй, трудно: муж практически все свое время отдает работе.

— То есть Трудовой кодекс он не соблюдает?

— Я пыталась воздействовать на него убеждением, что нужно не только работать, но еще и жить.

— А Владимира Владимировича вообще можно в чем-то убедить? Он вам рассказывает о работе?

— Иногда чуть-чуть получается. Но я с вами согласна — с Трудовым кодексом у него сложности. Он слишком много работает. Все члены семьи это знают, и поэтому кто хочет пообщаться, ждет его приезда за столом, за чашкой вечернего кефира...

— Вы пьете на ночь кефир?

— Не я, муж. Как раз в это время можно поговорить, расспросить о том, как прошел день. Но это может быть какая-то общая информация. Если не устал, то делится, отвечает на вопросы. Он у нас «ходячая энциклопедия», как я его называю, особенно в том, что касается истории и политики. Но если задать вопрос о каких-то планах, касающихся работы, то это конечно же бесполезно. Можно даже не задавать.

— А Владимир Владимирович с вами советуется?

— Такого ни разу не было. Может быть, потому, что я могу начать навязывать ему свое мнение. Но когда мы касаемся какой-то проблемы, говорю о своем отношении к ней, даже порой спорю.

— А он прислушивается?

— Думаю, что на самом деле, как любой умный, образованный человек, он учитывает многие мнения, в том числе, наверное, и мое. Но он мне никогда не говорит — вот, я учел твое мнение. Как в любом разговоре, даже в самом обычном бытовом, мы что-то для себя черпаем. И политик не был бы политиком, если бы он тоже этого не делал. Однако я очень ценю мнение своего мужа, да и точки зрения наши чаще всего совпадают.

Почему государство не помогает семьям?

— Многие молодые мамы и отцы, с которыми мне довелось беседовать, считают, что молодым семьям нужна не только материальная поддержка — пособия, квартиры...

— Да, я согласна.

— ...а и поддержка моральная. То есть надо повышать престиж семьи, роль женщины в обществе, чтобы она не

чувствовала себя стесненной. Например, женщин с маленькими детьми неохотно берут на работу, особенно в коммерческие организации.

— У меня есть ответ на этот вопрос. Когда у нас родилась Катя, мы были в Дрездене, и Маше был год и четыре месяца, я со спокойной душой старшую отдала в ясли. Почему со спокойной душой? Потому что ясли были такие, что не страшно было отдать туда ребенка.

То есть то, о чем вы говорите, это не проблема взаимоотношений молодой мамы и начальника, который не хочет брать ее на работу. К тому же если речь идет о какой-то бизнес-структуре. Мне кажется, глупо сейчас заставлять наших предпринимателей брать на работу молодых мам. Им нужен сотрудник, который должен работать с отдачей. И тут вы не можете бизнесу приказывать: вот берите, и все.

— Что же делать?

— Наверное, и законодателям надо подумать на эту тему, чтобы, допустим, у молодой мамы был неполный рабочий день. А государство должно создавать такие детские дошкольные учреждения, чтобы там работали педагоги с высшим образованием, чтобы ясли и детсады не были перегружены, чтобы и туда не страшно было отдавать детей.

— А то молодые мамы рожать больше не будут.

— Все равно будут рожать.

— Но не так, как хотелось бы...

— Кстати говоря, если вы, Александр, следите за текущей политикой, то, наверное, замечаете, что многое сейчас сдвинулось с места, в частности по вопросу оплаты родового отпуска.

Как сохранить чувства?

— По статистике, примерно каждая третья российская семья распадается. Причем речь идет в основном о молодых семьях, которые могут рожать и воспитывать детей. Какие здесь могут быть рецепты, советы?..

— По поводу того, чтобы не разводиться, или по поводу детей?

— Я о том, как сохранить любовь в семье, чтобы дети рождались и воспитывались в любви. Женятся же и выходят замуж по любви?

— По любви, конечно.

— А потом что происходит? Почему же уходит любовь, Людмила Александровна?

— Смотря что понимают под любовью. Вот вы, например?

— Ну любовь — это готовность к самопожертвованию ради любимого или любимой.

— Я не согласна с вами — это скорее антилюбовь. Так умрут все оставшиеся чувства.

— А по-вашему, это что?

— Любовь — это взаимность, это уважение, признание, терпимость во всем, это совокупность всевозможных чувств.

— Как сохранить эти чувства?

— Вас это так занимает... Мне кажется, вы спец в этой области — откройте в «Комсомольской правде» рубрику о любви.

— А вы же только что сказали, что у меня неправильное представление о любви.

— Но вы можете обратиться к грамотному семейному психологу, который поможет вам эту рубрику вести. Есть же курсы английского...

— А это — курсы любви?

— А если серьезно... Мне кажется, в школе опять же мог бы быть предмет... Можно назвать его как угодно — допустим, «Психология семейных взаимоотношений». Ну кто у нас учит общаться мальчика с девочкой?

— Некоторых — улица...

— Ну, ужасно она учит, вы же понимаете... Хотя, бывает, и в школе — не лучше. Надо учить выстраивать отношения в детсаду — между маленькими, в школе — между мальчиками и девочками, между юношами и девушками, с учетом психологии возраста. И дальше — между взрослыми людьми, в семье, между мужем и женой... И не заниматься тем, что все время предъявлять претензии друг другу, а попытаться вместе учиться строить семейные взаимоотношения. Это великое искусство.

«За модой не гонюсь»

— В газетах прошла информация, что вы сменили имиджмейкера...

— Да что вы! У меня его вообще никогда не было.

— Кто же тогда работает над вашим имиджем?

— Полагаюсь на собственную интуицию.

— Ну а стилисты, модельеры имеются?

— Стараюсь следовать внутреннему пониманию красоты, моды и стиля.

— Где шьете или покупаете одежду? Как следите за модой?

— Вещи для себя шью в России, но не отказываюсь и от покупки готовой одежды.

За модой я практически не слежу. Вижу, как одеты окружающие, в том числе мои приятельницы и подруги, и тоже что-то себе подбираю.

— Что именно?

— Я люблю одежду яркую, стильную, оригинальную... Смотришь на ткань и думаешь: что же из нее можно сшить? И вот так прикладываешь — и она сама ложится: вдруг какие-то выточки возникают, какие-то воротнички... То есть все это на ощупь. Но так, чтобы следить за модой, — нет...

— В театр, на выставки «вне протокола» ходите? Телевизор успеваете смотреть?

— Сейчас основной источник информации для меня — интернет и телевидение. Театр люблю, но практически там не бываю, эмоций и в повседневной жизни слишком много. Для выставок «вне протокола» просто нет времени.

— А какие у вас музыкальные пристрастия?

— Люблю наших эстрадных певцов, популярную музыку. Здесь даже особого принципа нет: услышала мелодию, нравится — и буду слушать ее с удовольствием. Романсы очень люблю.

— Сами не поете?

— В кругу друзей напеваю.

— А Владимир Владимирович?

— Он, как правило, нет. Да и в кругу друзей в последнее время редко его вижу, времени нет совсем. В основном деловые встречи, деловое общение...

Астрологов просят не беспокоиться

— Верите ли вы в гороскопы, прислушиваетесь к советам восточных мудрецов?

— Нет, я этим не увлекаюсь. Хотя, когда говорят: этот Новый год нужно встречать в белом, а этот — в красном, более или менее стараюсь как бы следовать этим рекомендациям.

— Как вы проводите праздники, к примеру новогодние? Есть ли какие-то семейные традиции?

— Праздники, если бываем все дома, как правило, проводим в камерном кругу: это наша семья и, может быть, какие-то близкие друзья.

— А как насчет подарков?

— Я либо совсем их не дарю, но если уж решаюсь на это, то обдумываю, тщательно выбираю. Как себе. Люблю дарить и получать полезные вещи. Хотя человек я нетерпеливый: куплю ко дню рождения подарок — за два месяца до того — и непременно его сразу же должна подарить, не могу удержаться.

— А Владимир Владимирович?

— Он в этом смысле меня всегда удивлял. У него в таких случаях хватает выдержки и терпения. Как-то зимой мы вместе были в отпуске. Утром в свой день рождения просыпаюсь, а рядом на тумбочке лежит золотая цепочка и крестик на ней. Оказалось, он приготовил это еще два месяца назад, когда мы вместе ездили в Иерусалим, купил там крестик, освятил его на Гробе Господнем и мне подарил.

«Вера в Бога — очень личное…»

— Наместник Сретенского монастыря архимандрит Тихон, духовник Владимира Владимировича, рассказывал, что вся семья Путиных — православные верующие люди, ходят в церковь, исповедуются, причащаются…

— Да, это так. В церкви мы бываем примерно раз в месяц.

— Что для вас вера?

— Мне не хотелось бы говорить об этом вот так, вслух, публично. Это очень личное… Хотя скажу вот что: вера может стать объединяющим началом для людей.

— Это касается только православных христиан?

— Мне кажется, что человечество в том самом светлом гармоничном будущем, о котором многие мечтают, должно прийти к единой вере. Или как минимум к взаимоуважительному сосуществованию различных вероисповеданий — без войн, без зла, без насилия. Потому что православие, как, кстати, и большинство других религий, проповедует прежде всего идеи взаимной любви и терпимости.

«Наши собаки живут дружно»

— У вас дома три собаки?

— Да. Кроме лабрадора-девочки Кони — условно это собака Владимира Владимировича, — есть еще мамочка Тося, той-пудель, и ее сыночек Родео. У Тоси было два мальчика: Ромео и Родео. Ромео отдали, когда ему было полтора месяца. Родео тоже собирались отдать, но он остался в своем доме, сам выбрал, ни за что не хотел никуда уходить.

И все наши собаки очень добрые, ласковые, а также умные и смелые, конечно, и у нас с ними взаимная любовь.

— Почему у вас в доме все время животные?

— Я бы не сказала, что мы специально их заводим. Они вроде как сами у нас приживаются. А что это нам дает? Может быть, психологическую разгрузку. Есть же даже специальная терапия —

например, присутствие животных в доме благожелательно сказывается на настроении, самочувствии людей. Но конечно же только в тех семьях, где их любят. Плохо, когда родители заводят животных по детской прихоти, как игрушку, а потом они оказываются на улице... Сочувствие к животным надо воспитывать в детях с раннего возраста — это делает их добрее.

СЕМЕЙНЫЙ РЕЦЕПТ

Чем Людмила Александровна кормит Владимира Владимировича? Уха из судака и щуки

Судака и щуку без жабр и внутренностей, но в чешуе замочить на час-полтора в «кислой» воде (т.е. с уксусом, лимоном или белым вином). Затем рыбу разделать. Головы, хвосты, кожу вместе с чешуей и кости залить холодной водой, посолить, добавить целиком картофель, морковь, луковицу, три неочищенных зубчика чеснока, стебли петрушки, укропа и шафрана. Довести до кипения и варить на слабом огне 1 час. После этого процедить.

Филе судака нарежьте ломтиками толщиной 3 см, а филе щуки пропустите через мясорубку вместе с луком. Добавьте желтки, корицу, кари, шафран, вымесите и сделайте из фарша шарики чуть крупнее фрикаделек...

Помидоры опустите на пятнадцать секунд в кипящую воду, затем снимите с них кожицу и нарежьте дольками. Мясистые стебли сельдерея и лука-порея, а также репчатого лука тонко нарежьте и припустите на оливковом масле. Мелко нарежьте зелень петрушки, укропа и немного оранжевой кожицы апельсина.

Процеженный бульон доведите до кипения, постепенно (по одному) опустите в кастрюлю шарики из щуки, затем кусочки филе судака и варите десять минут. Добавьте дольки помидоров, припущенные сельдерей и лук, кожицу апельсина, зелень и «любимые» специи (что-то типа «Вегеты», кари, шафрана и т.п.). Доведите до кипения, снимите с огня, дайте настояться.

Да, совсем забыла: добавьте немного души, и тогда уха будет безумно вкусной!

Приятного аппетита!

«Комсомольская правда», 28 декабря 2001 г., 31 мая 2005 г., 31 августа 2006 г.

2. Джахан Поллыева: «Ну и мысли у мужчин!»

Помощник Президента России Джахан Поллыева, которая руководит спичрайтерами, отказывала мне в интервью одиннадцать раз. Пришлось воспользоваться банальным, но проверенным способом: я дождался весны, купил букет тюльпанов и наведался к ней в Кремль накануне 8 Марта. (Кстати, в то время она работала с президентом Путиным, а сейчас продолжает заниматься тем же делом при президенте Медведеве.)

Почему она молчит?

— Руки своей будущей жены Любови Моисеевой я добивался всего четыре месяца, интервью с вами — почти три года... Джахан, скажите, за что такая кара?

— Да никакая это не кара. Я и сейчас вот думаю: какой интерес привел вас ко мне? Хотите узнать о работе президентских спичрайтеров?

— Хочу!

— Но эта тема закрыта. О технике работы говорить ни к чему — ни в одной стране мира действующие службы спичрайтеров откровениями не разбрасываются. Разговор «о роли женщины в политике»...

— О да!

— ...у нас с вами тоже не получится. Поверьте на слово: в политике, как и в творчестве, не бывает особого «женского фактора», как нет и особенной сильной «мужской руки».

— При президенте Путине женщинам на Олимпе власти вообще почему-то «дали волю». Если так пойдет и дальше, власть в России захватят женщины...

— Не переживайте, такого не случится никогда. А если без шуток, то женщин в эшелонах власти мало.

— Но ведь они нами уже и командуют!

— А вам не нравится? Но что делать, расслабьтесь и получите удовольствие. Кстати, спасибо за тюльпаны. Надеюсь, это не только для фотосъемки?

— Это от души!

«Как женщина я открыта»

— Ох, Джахан, Джахан... Что с вами случилось? Мы давно

знакомы, вы ведь не всегда были такой «закрытой женщиной».

— Как женщина я и сейчас открыта. Если бы это было не так, я бы с вами сейчас не разговаривала.

— Не хотите о политике, давайте хотя бы о любви.

— Ну и мысли у мужчин накануне Восьмого марта...

— Вы же не будете отрицать, что она процветает и в коридорах власти.

— Что вы имеете в виду?

— В Госдуме прошлого созыва появились три депутатские супружеские пары. А Виктор Христенко женился на симпатичной замминистра...

— Это скорее исключение, чем правило. А потом я не думаю, что «супружество коллег» сколько-нибудь существенно влияет на работу. На госслужбе «вопросы любви и пола» в расчет не берутся, больше того — женские «штучки» только вредят и отметаются при первой же попытке ими «злоупотребить». Справляешься — значит, востребованна. Нет — будь добра «на выход». Это в своей жизни проходил не только каждый политик, но и каждый чиновник, к коим я себя отношу.

Вы, Саша, все-таки неисправимый лирик и ищете «женский взгляд» даже в коридорах власти. Не пытайтесь — не найдете.

— Вы сдержанный, терпеливый человек?

— Что до сдержанности, то ее отродясь у меня не было, и это по сей день огромный повод для критики со стороны коллег. И со стороны мужчин, кстати, тоже. Однако, как было сказано в одной современной пьесе, «каждая несовершенная душа сама несет в себе наказание»...

— И все же, Джахан, если снять ваши бюрократические «латы»...

— Ну-ну...

— Признайтесь, какие мужчины вам нравятся?

— В каком смысле?

— В прямом.

— В людях — политиках, коллегах — я прежде всего ценю честность. А мужчины — тоже люди.

— Спасибо.

«И будут ангелы летать над вашим домом...»

— А правда, что по ночам вы пишете короткие рассказы?

— Да. Однако ни их, ни мемуаров издавать не собираюсь. Зато «на пенсии» обязательно напишу приключенческий роман для детей и взрослых — что-то вроде русского «Гарри Поттера».

— Но хотя бы можно услышать, как вы поете?

— Ах, это не по теме. Но кто вам сказал, что я пою?

— Кремль слухами полнится... Говорят, есть диски с записями песен в вашем исполнении.

— Ну это громко сказано. Да, я записала с десяток романсов разных авторов. С аранжировкой помогли друзья. Но эти записи не тиражирую. Они только для самых-самых близких.

— Насколько мне известно, вас слышали и коллеги, и некоторые профессиональные певцы. Оценки были благожелательны.

— Нет, не уговаривайте. Я же на работе.

— А может быть, все-таки...

— Ну тогда держите плеер. Вам слышно?

...И будут ангелы летать
Над вашим домом.
Луна рассыплет жемчуга,
И за порогом
Спокойной будет и тиха
Ночь-недотрога.
Да будет мир вам и покой –
Усните с Богом...

— А Путин слышал, как вы поете?

— Нет, слава Богу.

— Чего же вы так таитесь?

— Это мое личное, чисто женское увлечение. Ну должна же быть какая-то отдушина...

«Мне в Кремле интересно»

— Джахан, извините, но все-таки можно, пока мы наедине, краешком глаза все-таки заглянуть на вашу кухню?

— Вы считаете это приличным?

— Нет. Но...

— Я же вас уже предупредила.

— Но вы и меня тоже поймите. Я же не могу допустить, чтобы ваш «скромный кремлевский подвиг» остался незамеченным.

— Насчет «подвига» вы всерьез?

— Объем проектов президентских выступлений, обращений и приветствий возрос во много раз. И этот фронт закрывает такая хрупкая женщина с горсткой — чуть больше десяти человек — сотрудников.

— Я только на вид такая хрупкая. Разве вы еще не поняли?

— Кто истинный автор президентских программных выступлений — ваши спичрайтеры или ваше экспертное управление?

— Автор — сам президент. А мы ему только помогаем. Скажем так: в информационном, аналитическом плане.

— Но вы же раньше всех узнаете о важных решениях президента...

— Большое заблуждение...

— Разве вы еще не поняли: президент Путин (то же сегодня можно сказать и о Медведеве. — А.Г.) — не только самый информированный и инициативный человек в стране. К тому же он прекрасно владеет словом и вполне сам может подготовить любой текст.

— Стилистика президентских выступлений за последние годы сильно изменилась.

— В смысле?

— Путин всех в стране называет не «дорогими россиянами», а коллегами.

— Вам бы все шуточки... Это не самый серьезный повод для таких выводов.

— Речи Путина становятся более наступательными.

— Я могу сказать только одно: он не только наступательно действует, но и старается доходчиво объяснить людям свои решения, свои шаги. Его слова должны быть доступны каждому гражданину. Разумеется, при этом они не могут быть похожими на речи министров...

— Потому-то в этих речах становится меньше деталей?

— Вам виднее.

— В США спичрайтеры с карандашом в руках изучают устные выступления президента. А как вы?

— Не могу сказать, чтобы с карандашом... Но сотрудники моего управления тоже имеют представление, как Владимир Владимирович строит свою стратегию и соответственно формулирует свои мысли. Да, нам бывает это необходимо для работы. Если вы наблюдательный человек, вы тоже можете составить об этом свое суждение.

— Довольно часто Путин отрывается от текста, и его речь становится, скажем так, весьма образной.

— Он говорит то, что считает нужным.

— Вы его не поправляете?

— Я только что ответила на этот вопрос.

— Когда Путин выходит на трибуну, в его тексте бывает немало правок. Это говорит о том, что текст несовершенен?

— Это не ко мне вопрос.

— Путин — строгий автор?

— Скорее требовательный. Он очень хорошо чувствует слово.

— Часто делает замечания?

— Бывает.

— Вам с ним трудно?

— Мне с ним интересно.

«Запасного аэродрома у меня нет»

— Но раньше ведь вы не стеснялись афишировать свою «чиновничью» службу, когда готовили советский закон о молодежи, работали в Белом доме...

— А вы никогда не задумывались, почему участники политических событий редко становятся историками?

— А что тут думать — начальства побаиваются...

— В отличие от политика истинный чиновник скромен и тих. Вот как я. Чистота в «разделении властей», понимаете ли.

— Вы что, вообще отказываете чиновнику в собственной позиции?

— О нет! У него сейчас достаточно путей отстаивать свое мнение.

— Это вы насчет «кремлевских интриг»? Про вас пишут, что, как представитель «староельцинской команды», вы неустанно боретесь с «чекистами», пришедшими с Путиным.

— Ой, только не надо меня смешить. Мне только этого еще не хватало. Ну можете вы в конце концов поверить женщине: все это выдумки. Сейчас нагрузка в Кремле такая, что нам не только заниматься этим, а даже думать об этом некогда. О том, что кто-то в наших кабинетах и коридорах плетет какие-то интриги, я лично узнаю из газет.

— Каждый чиновник, просыпаясь утром, наверняка помнит о том, что в любую минуту он должен быть готов из власти «парашютироваться». А вы готовы?

— Применительно к себе я бы уточнила: «катапультироваться». Поскольку роскошь иметь запасной аэродром позволяют лишь те, у кого много свободного от работы времени. У меня для этого нет ни времени, ни желания.

— Как вам удается так хорошо выглядеть?

— Так получилось... А если серьезно — жизнь заставляет держать себя в тонусе, заниматься спортом...

— Каким?

— Гимнастикой. У меня есть свой комплекс упражнений и растяжек.

— А одежду где покупаете?

— Раньше — когда было больше времени — сама себе ее шила. Теперь в основном конструирую и сдаю ткань в ателье. Это и недорого, и красиво, и то, что мне нравится.

«Комсомольская правда», 5 марта 2004 г.

3. Любовь Слиска: «В детстве я мечтала стать продавцом мороженого»

Еще одна загадочная женщина на нашем политическом Олимпе — вице-спикер Госдумы Любовь Слиска. Поначалу казалось, что она заняла эту должность случайно. Многим известна история о том, как президент Владимир Путин, озабоченный отсутствием женщин на высоких госпостах, взглянул на список победившей на выборах в Думу партии «Единая Россия» и «выхватил» оттуда необычную фамилию. Но Любовь сразу начала вести заседания нижней палаты парламента такой твердой и уверенной рукой, что стало ясно: эта случайность — всего лишь проявление закономерности.

Разговаривать с ней очень интересно: она не выбирает «парламентских выражений», может — но только к месту, и в присутствии тех, кому доверяет, — выдать соленое, но, к сожалению, «непечатное словцо». Если бы можно было публиковать все, что она говорит, — интервью с ней выглядели бы намного образнее. А так приходится довольствоваться «печатной продукцией»...

«Попробуй меня обидь...»

— Любовь Константиновна, я давно за вами наблюдаю... Ну что вы за человек?

— Если честно... Я не оставлю в беде даже злейшего врага, если буду понимать, что в данный момент ему, кроме меня, никто не поможет. Всегда скажу правду в глаза, кто бы передо мной ни стоял. Не надо реагировать на женщин, как просто на красивый слабый пол. Мы иногда даже сильнее, чем мужчины.

— А в Думе к вам мужики ходят поплакаться?

— Ходят, да. Может, не поплакаться, а посоветоваться, какие-то вопросы порешать. Мне приятно, что они меня считают равной себе.

— Ходят как к женщине, вот вопросы именно житейские?

— Всякие вопросы. Однажды пришел депутат, который узнал о том, что в отношении него готовится преступление. И я в течение часа-двух включила все рычаги, и мы спасли ему жизнь.

— А на жен там не жалуются?

— Нет, ну я что, профком, что ли? Еще мне не хватало у них в семьях разбираться.

— Почему у нас так мало женщин в политике? Они что,

сильно скандальные? У мужчин в присутствии женщин мысли возникают несерьезные?

— Каждый рассуждает в меру своей испорченности.

— Да я вроде...

— Это у мужчин надо спросить, почему они нас не пускают во власть. Думаю, боятся просто свои посты многие потерять, потому что женщины работу выполняют гораздо ответственнее и аккуратнее. Но я считаю, что вот эта хорошая мода на то, чтобы женщин приобщать к большой политике, — она будет усиливаться, в скором времени это почувствуем.

— Может, у вас там какой-то женский заговор?

— Нет, абсолютно никаких заговоров. Я никогда ни в женских, ни в мужских заговорах не участвую.

— Вы же сами нас, мужчин, холите, там, продвигаете...

— Тебя, может, холят и лелеют. Я же своих держу в казарменном варианте. И мужчины мои, и родственники, и племянники, все знают четко: если тетя Люба сказала — все, попробуй не выполни! Я своих мужиков не балую.

— А мужики в Думе не обижают вас?

— Попробуй меня обидь.

— Что тогда будет?

— Ну, некоторые пытались. Потом навсегда это забыли. Знаешь, обидеть ума много не надо. Простить, извиниться — это тяжелее.

— А правда, что Жириновский вас побаивается?

— Мы нашли общий язык. У нас с ним были командировки ответственные. Когда нам пришлось стоять за Россию, как на поле боя, — на парламентской ассамблее НАТО, на ОБСЕ. У нас многие депутаты любили пофилонить, туризмом заняться в той или иной стране. А Жириновский всегда работает.

— А вам приходилось плакать в Думе?

— Приходилось. Но меня трудно до слез довести. Ну знаешь, я могла поплакать по уходу Нонны Мордюковой...

— Она вас очень любила, считала своим человеком.

— Да, я очень дорожила этим. Она вот мне звонила — вот ее слова были, как в фильме «Русское поле»: «Моя ты красота». Меня так никто не называл в жизни, никто... Сейчас вспоминаю — и у меня влажные глаза...

«Мой мат не злой, а ироничный»

— А правда, что вы с Нонной Мордюковой по телефону иногда матерились?

— Почему — иногда?

— По какому поводу матом можете выругаться?

— Нужно настроение, под которое можно... Не надо думать, что только я это делаю. Бывает так — человек не понимает ни фига слов, хотя у меня очень большой запас, я цицеронить могу, когда надо. Но иногда два слова как врежешь — и сразу все понятно.

— У вас злой мат?

— Нет, не злой, ироничный.

— Не будем воспроизводить?

— Ну, слушай, ну еще в газету... Не надо!

— Ясно... Кем вы мечтали быть в детстве?

— В раннем — продавцом мороженого. У меня часто болело горло — мороженое родители не разрешали есть. А в седьмом классе, начитавшись детективов, мечтала стать юристом. И эта мечта сбылась.

— Вы сейчас кто больше — юрист или политик?

— Больше — юрист. Потому что за девять лет работы в Думе мне пришлось участвовать в разработке десятков законопроектов, то есть заниматься, как мы говорим, черновой работой — впоследствии многие из этих документов стали законами, которые сейчас нормально работают. Мы строим правовое государство, и в этом здании есть кирпичики, положенные мной.

— А сейчас о чем мечтаете?

— Чтобы мы победили коррупцию наконец.

— А почему мы никак не победим коррупцию?

— А мы ее еще и не пытались побеждать, по-моему. Только начинаем. Очень бы хотелось, чтобы это в кампанию не превратилось. Вот с беспризорностью боролись, потом почему-то бросили. Дома престарелых тоже все увеличиваются. А все от того, что воспитание такое сейчас у нас стало. Мы все на телевизор валим, но смотрим этот телевизор и ничего не предпринимаем, чтобы изменить хотя бы то, что нам противно смотреть. Эту жестокость, грязнуху эту.

— Вы прямо перечислили сейчас целые законопроекты.

— Нет, никакие это не законопроекты. Я думаю, что это просто вот желание любого нормального человека...

«Власть и деньги — это не одно и то же»

— Правильно ли сделал президент Медведев, отменив избирательный залог для участников выборов всех уровней? (Такой закон был принят в феврале 2009-го. — А.Г.)

— Давно надо было это сделать. Потому что люди все-таки должны по делам знать своих представителей в законодательных

органах власти любого уровня, а не по тем суммам денег, которые эти представители платят за свое желание там оказаться. То есть власть и деньги — это не одно и то же. Авторитет зарабатывается делами, а не оценивается круглыми суммами.

— Значит, теперь во власти станет меньше бизнесменов, «депутатов-денежных мешков»?

— Не то что станет меньше бизнеса, просто снизится «денежное влияние» на тех или иных кандидатов. Я неоднократно говорила, что я в Думе не вижу как минимум 100 человек. Многие из них спокойно занимаются своим бизнесом. А некоторых, которые три созыва избираются в Думу, я вообще в глаза ни разу не видела. Только заглянув в журнал, где есть список всех депутатов, можно понять, кто есть кто. Это, наверное, тоже те люди, которые заплатили, может быть, за себя когда-то денежный залог.

— Судя по всему, президент Медведев хочет как-то вообще деньги вывести из политики. Иногда приходится слышать, что вот какие-то конвертики там, какие-то лоббисты каким-то депутатам дают...

— Я одиннадцатый год уже в Думе — с таким не сталкивалась никогда. Ни с конвертиками, ни с лоббистами. Наверное, просто они знают, к кому идти и сколько нести. И не всегда эти ходоки достигают цели, ради которой они вот и собирают эти средства. У нас говорили, что и стоит депутатский запрос такое-то количество денег... Уверяю вас, здесь, как правило, иногда больше популизма и чистого мошенничества.

— Все равно идут и несут... Как вы считаете?

— Я не знаю. Я не была свидетелем такого никогда. Разговоров ходит много. Но не пойман — не вор. А кто пришел заработать вот таким способом, уверяю вас, такая веревочка вьется недолго.

«Утром — гимнастика на балконе»

— А как вы выдерживаете такой ритм — у вас масса командировок, перелетов.

— Никаких секретов, просто надо системно жить. Я встаю, обязательно принимаю контрастный душ, вечером прогуливаюсь либо катаюсь на велосипеде и хотя бы раз в неделю хожу в бассейн.

— А какая-то гимнастика?

— Утром на балконе — обычные упражнения.

— У вас всегда аккуратная прическа. К парикмахеру ходите?

— Да, я причесываюсь уже много лет в салоне «Долорес», у

меня там абонемент и большая скидка.

— А любимые ваши блюда?

— О, много. Пироги. Я делаю их сама, правда, в Москве стала делать это реже. Но, думаю, если кризис зайдет поглубже, мы все научимся снова готовить и печь.

— А зайдет поглубже, да?

— Надеюсь на лучшее. Мне терять нечего — денег у меня негусто, квартиру я не покупаю. А за людей душа болит. Мы подобное уже переживали в 98-м, и не дай Бог, еще раз такое. Потому что это может подорвать доверие к власти. А это не надо никому.

«Комсомольская правда», 15 октября 2008 г., 9 февраля 2009 г.

4. Валентина Матвиенко: «Я сказала, что напишу в “Комсомолку”, и меня из милиции отпустили…»

За единственной в России женщиной-губернатором, Валентиной Матвиенко мы наблюдаем вот уже многие годы.

В первом ряду политической элиты страны она появилась в тот момент, когда казалось, что женщины отсюда исчезли всерьез и надолго. Тогда, в 1998 году, закончила свою карьеру главы Минздрава Татьяна Дмитриева. Как-то незаметно, проработав всего год, мелькнула на посту министра культуры Наталья Дементьева. Явно начала «увядать» председатель Госкомитета России по поддержке и развитию малого предпринимательства Ирина Хакамада…

Красивая, по-южному яркая Валентина Матвиенко (ее призвали в Москву с поста посла в Греции и назначили вице-премьером в правительство Евгения Примакова) выделялась на общем фоне, как пышный тропический цветок в северном саду. Очень скоро стало понятно, что и «колючки» у этой розы на месте: в делах она проявляет отменную хватку.

Мы встретились с ней в Смольном в один из апрельских дней 2009-го…

«Танцевала твист и рок-н-ролл»

— …А мы вам книги привезли — «Комсомолка» выпустила. И нашу серию дисков «Великие композиторы».

— Спасибо.

— У вас будет время все это читать, слушать?

— Читаю в основном в отпуске, иногда в выходные. А музыку… Устаешь до смерти, в одиннадцать вечера выхожу из Смольного, сажусь в машину и с удовольствием слушаю классику, легкую музыку.

— Валентина Ивановна, это же вы в годы своей комсомольской юности приложили руку к созданию легендарного ленинградского джаз-клуба?

— Было дело. А еще мы построили в Ленинграде Дворец молодежи. Лариса Долина со своим джазом в нем окрепла, а не где-то еще. И Давид Голощекин, выдающийся джазмен, — тоже наш воспитанник.

— А как же лозунг: «Сегодня он танцует джаз, а завтра родину продаст»?

— Такие настроения у идеологов СССР, конечно, были. А все, что запрещалось, переходило в андеграунд.

— Но вы-то вроде не из подпольных джазистов, а были активной комсомолкой — доросли до первого секретаря Ленинградского обкома ВЛКСМ...

— Я никогда не стану открещиваться от своей комсомольской юности. Думаю, если бы не прошла эту школу,— может, и судьба бы моя по-другому сложилась. Да, был ленинский зачет безумный... Но была и другая жизнь — очень активная, интересная.

— Ну а твист-то вы танцевали?

— Я вообще очень люблю танцевать. У меня неплохо получалось. Конечно, твист. И рок-н-ролл тоже. Я еще училась в медучилище. И мы с одним парнем танцевали как раз твист. Пришла милиция, и нас с моим молодым человеком... Нет, не арестовали, а пригласили пройти в отделение. А за нами вся толпа... Это была моя первая встреча с милицией.

— Первый привод.

— Да, первый привод. (Смеется.)

— И что, вас посадили в «кутузку»?

— Хотите верьте, хотите — нет, — отпустили! Я ж отличница, комсомолка... Говорю: «Объясните, почему нельзя такие танцы исполнять? Кто это сказал? Если вы меня сейчас не отпустите, я напишу в “Комсомольскую правду”, что вы нарушаете наши права!» То ли моя дерзость сыграла роль, то ли толпа повлияла, которая нас ждала, но нам сказали: «Ладно, идите, но больше этого не делайте».

— И вы послушались?

— Ну что вы? Нет, конечно. Как можно было сдержаться! Я тут недавно посмотрела фильм «Стиляги». Вот один к одному — так у нас это все и было!

— А сейчас у вас не возникает желания написать в «Комсомолку», покритиковать кого-то?

— Нет. (Смеется.) У меня сейчас другие возможности. Если это необходимо, я могу защитить и себя, и свой город. А «Комсомолка» и сама с критикой прекрасно справляется.

— Но если что — пишите в «Комсомолку».

— Договорились...

«Это я придумала отправлять мужиков в декрет»

А. Гамов:

— А теперь о женской логике и о женщинах вопрос...

Л. Гамова:

— А он неуместный. Его обычно задают на Восьмое марта.

А. Гамов:

— У нас с таким правительством теперь каждый день Восьмое марта… К министрам Татьяне Голиковой и Эльвире Набиуллиной добавилась еще и Елена Скрынник. А тактика Медведева и Путина сейчас такая, что там может появиться еще больше женщин. Не перебор ли это?

В. Матвиенко:

— Нет. Мне, да и большинству женщин, наверное, даже приятно, что благодаря президенту и премьеру эта тема стала так активно звучать.

А. Гамов:

— Может, это вы Медведева с Путиным как-то подговариваете?

В. Матвиенко:

— Да, я ратую за это, но никого не подговариваю. Просто у нас становится больше ярких женщин. И они востребованны.

А. Гамов:

— Мужиков снимают, женщин ставят. Планомерно так…

В. Матвиенко:

— Специальной программы нет. И Владимир Путин как-то высказывался, что он против квот каких-то женских. Я, кстати, тоже категорическая противница таких квот.

А. Гамов:

— Ага, против, а сами назначают.

Л. Гамова:

— Реплика некорректная.

В. Матвиенко:

— Но назначают же не по половому признаку, а по принципу профессионализма, опыта. Причем на очень тяжелые посты. Далеко не каждый мужчина там потянет.

А. Гамов:

— Значит — вперед к матриархату?!

В. Матвиенко:

— Нет, я не призываю к матриархату, Боже упаси! Я просто считаю, что потенциал российских женщин недооценен. Хотя сегодня традиции становятся более европейскими. Когда я была председателем Комитета Верховного Совета СССР по делам семьи, материнства и детства, я тогда пробила, продавила в полном смысле, закон о том, что право получить отпуск по уходу за ребенком до трех лет имеет как женщина, так и мужчина. Тогда это была бомба!

А. Гамов:

— Так это вы?!

В. Матвиенко:

— Вы себе не представляете, как мужики надо мной измывались, издевались: «Да вы что, сумасшедшая? Что вы унижаете мужчин? Как это мужчина будет в декретном отпуске?» Я говорю: «Пусть сама семья решит — жене или мужу сидеть с ребенком. Мало ли, у жены, может, карьера хорошая?» Сейчас это уже считается нормой.

«В министры обороны не собираюсь»

Л. Гамова:

— А может, все дело в том, что существует разница между женским и мужским подходом к проблемам?

А. Гамов:

— Давайте сменим тему.

В. Матвиенко:

— Не надо! Женщины, я считаю, более добросовестные, более ответственные, более дотошные. Меня, например, всегда раздражали разбитые дворы в Петербурге. После того как в октябре 2003-го я стала губернатором, прошлась по Невскому — все вымощено плиткой. А сворачиваешь во дворы, вправо, влево... Разбитый асфальт, нет освещения. Я была в ужасе! Это все равно что лицо помыли, а про уши забыли.

Как будто двадцать лет никто из властей туда не заходил. Вот мужики: у них глаз замылился, они этого не видят! Мы разработали программу «Дворы Санкт-Петербурга», восемьдесят процентов их благоустроили. Построили двести тридцать спортплощадок — при школах. Дворы ожили, там молодежь, дети...

А. Гамов:

— А последнюю новость слышали? Якобы Валентину Матвиенко хотят назначить министром...

В. Матвиенко:

— ...Погодите! Вот в первый год мы высадили цветы. Так половину посрывали. На следующий год запланировали больше цветников. Мне коллеги говорят: «Все равно сорвут!» Я говорю: «Будем высаживать, пока люди не привыкнут, что это для них». И люди сами стали цветы высаживать. И никто не срывает.

Женщина природой своей так устроена, что она идет на компромисс, а не на конфронтацию. Она во всем старается, чувство самосохранения у нее, может быть, больше развито, чем у мужчин. И деловая хватка.

Л. Гамова:

— Ну да — Россия на втором месте в мире по количеству

женщин-руководителей.

В. Матвиенко:

— Вот! Там, где надо пахать, — там и женщины.

А. Гамов:

— Но вы хоть согласитесь с тем, что женщина-начальница — это... Как бы помягче сказать...

В. Матвиенко:

— Я вас поняла. Да, принято считать, что если женщина пришла руководить, то она не допускает никакой женской конкуренции, вокруг нее — выжженное поле. У меня как раз наоборот... У нас, наверное, единственный регион в России, где из пятнадцати министров — четыре женщины, две женщины занимают посты вице-губернатора.

А. Гамов:

— Да, последняя новость — якобы вас вот-вот могут назначить министром обороны...

В. Матвиенко:

— Я давно такую ерунду не читаю. Не слушайте досужих разговоров!

А. Гамов:

— Я просто подумал: бедные же мужики-генералы, если у них будет маршалом Валентина Матвиенко!

Л. Гамова:

— А что? В мире такой опыт есть.

В. Матвиенко:

— Мы видели даже беременного министра обороны — в Испании.

А. Гамов:

— А вы взялись бы, да?

В. Матвиенко:

— У нас прекрасный министр обороны, который успешно справляется с работой. Я более чем удовлетворена своей карьерой. Очень люблю Петербург и хочу реализовать все те планы, которые задумала.

А. Гамов:

— А еще в последнее время молодых стали продвигать в губернаторы: Андрей Турчак в Псковской области, Никита Белых в Кировской... Это что, будущая модель власти: молодые мужики плюс симпатичные женщины?

В. Матвиенко:

— Насчет женщин вы не преувеличивайте. Что касается молодых губернаторов, вообще приток молодых кадров во власть, это замечательно. Если вы посмотрите состав правительства Санкт-Петербурга — это молодые люди от тридцати до сорока

лет.

А. Гамов:

— Ну вот прямо все из Питера идет!

В. Матвиенко:

— Нет, не все из Питера идет.

Л. Гамова:

— А дров эта молодежь не наломает?

В. Матвиенко:

— Конечно, им надо помогать, их надо, что называется, окучивать. Я в тридцать шесть лет стала зампредом Ленинградского горисполкома. По тем временам это была очень высокая должность. Извините, что на себя перевела. А сейчас пришло время этих ребят, которые выросли уже в новой России. Конечно, во власти должно быть сочетание и опыта, и молодости. Главное — не бояться. И рисковать.

А. Гамов:

— Над нами уже столько экспериментировали...

В. Матвиенко:

— В данном случае это уже не эксперимент, а логика времени.

«Прежде чем делить пирог, надо его испечь»

— Кто из современных женщин-политиков вам наиболее симпатичен?

— Я очень уважаю Маргарет Тэтчер. Она как-то сказала, что, прежде чем делить пирог, надо его испечь. Мы последние пять лет как раз заботились о том, чтобы этот пирог у нас был готовым.

— Вы о кулинарии или об экономике?

— Я о кризисе, который, кстати, не застал нас врасплох. В последние годы мы создавали новые рабочие места, привлекали инвестиции. Они у нас выросли в десятки раз. Увеличили в пять раз бюджет города. Заметьте, это рекорд для российской экономики. Зарплата наших бюджетников давно перешагнула минимальный прожиточный уровень и сегодня сопоставима со средней зарплатой по городу.

— А какая зарплата?

— Двадцать с половиной тысяч рублей — это больше, чем в среднем по России. Теперь вот наша задача, чтобы в кризис ни один бюджетник не был сокращен и не потерял в заработке.

— Прямо как-то радужно все в Питере...

— Нет, вы не подумайте, что у нас все идеально и гладко. Но вот эта подушка безопасности, которую мы создали...

— Пирог, да?

— Да. Существенно смягчает последствия мирового финансового кризиса.

— Лично вы в кризис сами от чего-то отказались? Губернатору зарплату урезали?

— Конечно. Как всем, так и мне. Хотя я против популизма. Когда на волне кризиса им начинают заниматься, доходят до дури и маразма. Стыдно. Надо анализировать ситуацию — системно — и принимать меры. А не кричать: вот, мол, какой я молодец — сам себе резанул зарплату.

— А как с социальными гарантиями для бедных?

— Ни одно обязательство мы не нарушили.

А с хлебопеками — отдельное соглашение. К хлебу же у петербуржцев — жива память о блокаде — особое отношение. Мы последние годы держали неизменной цену на социальные сорта хлеба. А сейчас на некоторые даже снизили. Держим цены и на молочную продукцию.

— А как держите? Приказываете, и все цены — по стойке «смирно»?

— Нет, тут я не командир. Сколько ни стучи кулаком по столу и ни приказывай, мы же в рыночной экономике. По-хорошему договариваемся с производителями, продавцами. Идут навстречу.

— Вам?

— Петербуржцам!

— Вот сейчас мы ехали к вам в Смольный и глазам своим не верили — с Невского проспекта исчезла вся коммерческая реклама... Валентина Ивановна, это что — из-за кризиса?

— Нет, к кризису это не имеет никакого отношения. Рекламы нет не только на Невском. Мы сняли растяжки по всему историческому центру, со всех магистралей. Особенно меня глубоко возмущали вот эти крупноформатные рекламные щиты. Их тоже теперь нет.

«“Зенит” — чемпион!» — национальная петербургская идея

— Валентина Ивановна, питерские болельщики говорят: если губернатор на трибуне стадиона, то «Зенит» всегда выигрывает.

— Это, скорее всего, совпадение, а не закономерность.

— Или договоренность губернатора с «Зенитом»?

— Я, как и все петербуржцы, от мала до велика, действительно страстный болельщик «Зенита». Причем с семидесятых годов. Когда есть возможность, обязательно иду на

стадион, болею. Потому что никакой телевизор не может заменить этой атмосферы.

А вообще «”Зенит” — чемпион!» — это наша национальная петербургская идея, если говорить о спорте, да и не только о спорте.

— Мы вас видели на лыжах, на коньках. Это у вас с детства, для души, или по обязанности губернатора?

— С детства. В свободную минуту не позволю себе полежать на диване. Я всю жизнь занимаюсь спортом. Это уже образ жизни, состояние души. Катаюсь на горных лыжах, играю в большой теннис. Коньки роликовые я освоила года два назад. Мне просто интересно было, смогу ли? И получилось. Я иногда выезжаю на городские спортивные мероприятия на роликах.

«Люблю джинсы и свитера»

— Как вам удается следить за модой? По журналам?

— Я не читаю журналы и не хожу на показы. У меня нет времени на эти глупости... Стилисты, макияжи, дизайнеры... Что там еще бывает? Я настолько загружена работой — головы не поднять.

Мне кажется, чувство стиля, моды в человеке или есть, или его нет. Я всю жизнь имею свой стиль. Не всем моя манера одеваться нравится, некоторые не одобряли мои короткие юбки. Но я не изменяю себе. Я знаю, какой цвет мне идет, в какой одежде я себя более комфортно чувствую.

— Но должность-то влияет на стиль?

— Да, я понимаю, что представляю Санкт-Петербург и не могу себе позволить в одежде то, что вызовет неприятие. А вот в выходные отрываюсь, отвязываюсь, что называется. По субботам у меня объезды города. Тогда и одеваюсь неформально. Люблю джинсы, свитера.

— Если сравнить фотографии сегодняшней Валентины Ивановны Матвиенко и десятилетней давности, то вы явно молодеете и хорошеете...

— В каждом возрасте есть свои прелести, достоинства. Вот что мне кажется главным для женщины? Не важно, сколько я спала — три, четыре, пять часов, но утром обязательно — физзарядка. И контрастный душ. Лед на лицо — это несложно.

А еще очень важно внутреннее состояние. Мне кажется, хорошо выглядит не злобный, не злопамятный, не завистливый человек. Я никогда в жизни никому не завидовала, не знаю, что это за чувство такое. Никого не предала, никому не сделала подлости.

Да, в работе я очень строгий человек. Но даже если увольняю кого-то или наказываю, не унижаю человека.

И еще — это удовлетворенность тем делом, которым ты занимаешься. Я всегда была на интересной работе: комсомол, горисполком, Верховный Совет СССР, потом МИД. Кстати, это очень закрытая корпорация, которая очень неохотно принимает чужаков и отторгает их, как правило. У меня сложилось. Я дважды была послом — в Республике Мальта и в Греции. Работала в правительстве в очень сложное время. И наконец, вернулась в город, который безумно люблю и счастлива тем, что могу что-то для него сделать.

* * *

— А как женщина вы счастливы?

— Я в своей жизни сделала все, что надо: родила и вырастила сына... И я горжусь тем, что у меня такая хорошая, добрая семья. Когда были трудные времена, когда хотелось на все плюнуть, уйти, мне всегда муж говорил: «Ну что ты переживаешь, ну наконец-то ты будешь мне вовремя готовить обеды, ужины, мы заживем другой, счастливой жизнью. Все будет хорошо!» И вот это ощущение, что у меня есть тыл и спина, к которой я могу прислониться, — оно очень важно. Да, я счастлива.

«Комсомольская правда», 7 апреля 2009 г.

(Материал подготовлен в соавторстве с Любовью Гамовой.)

XII. Нонна Мордюкова «Я ВИНОВАТО ИСКАЛА ЛУЧ СОЛНЦА...»

Эту главу я делал в соавторстве с Любовью Гамовой. (Она — моя жена, профессиональная журналистка, работала на Оренбургской студии телевидения — где, кстати, и родилась наша семья, — в читинской газете «Забайкальский рабочий», в московском издании «Вечерний клуб», печатается в различных столичных СМИ, с «Комсомольской правдой» сотрудничает с 1995 года.)

Мы думали, как выстроить эту главу, посвященную великой русской актрисе, народной артистке Советского Союза Нонне Викторовне Мордюковой. Была мысль разбить все интервью на смысловые куски и сложить из этих осколков тематические картинки: о муже, о сыне, о ролях, о быте... Потому что неоднократно в разных интервью, записанных в разное время, она возвращалась к тем или иным событиям своей жизни. Иногда повторялась, иногда добавляла в тему новых красок...

Но, поразмыслив, пришли к выводу: не стоит этого делать. Потому что темы в разговоре порой возникали не по воле журналистов, а по прихотливому течению ее собственной мысли. Это вовсе не означает, что мы шли только за потоком ее сознания. Разумеется, наша собственная «линия» не выпадала из нашего поля зрения, но мы и не отметали поток ее ассоциаций и мыслей, стараясь в своих интервью донести до читателя не только смысл ее высказываний, необыкновенное своеобразие ее речи, но и своеобразие мышления. И потому мы решили представить интервью такими, какими они были опубликованы, разве что убрав некоторые повторы.

В начале 90-х мы поселились в доме на Рублевском шоссе. И первая же новость, которой поделились с нами старожилы здешних мест, привела нас в сильное волнение:

— В соседнем доме живет Нонна Мордюкова!

Мы всегда были восторженными ценителями искусства актрисы: видели все фильмы с ее участием, знали все роли. Мы всегда чувствовали и понимали масштаб дарования этой незаурядной личности. Просто увидеть такого человека в жизни, а тем более поговорить, прикоснуться к внутреннему миру, попытаться хоть немного понять ее феномен в непосредственном общении — мечта и по человеческим, и по профессиональным мотивам. Разумеется, вскоре мы нашли ее телефон, позвонили: мол, мы журналисты, ваши соседи, хотим встретиться, взять интервью для «Комсомолки»...

— Как же вы мне все надоели! — в сердцах воскликнула Нонна Викторовна и бросила трубку. В общем, контакта не получилось.

Мы не стали настаивать. Это был, может быть, самый трудный год в ее жизни: год гибели единственного, горячо любимого сына. Да еще длительное отсутствие работы...

А вскоре Мордюкова переехала — правда, недалеко, она получила квартиру здесь же, в Крылатском.

Неожиданно обстоятельства сами нас свели. Мы готовили для «Комсомолки» «чисто медицинский» материал, связанный с оригинальными методами лечения серьезных заболеваний

известного доктора, который, кстати, оказался нашим земляком-оренбуржцем. Доктор предложил познакомиться с некоторыми своими пациентами. Вот среди них и обнаружилась Нонна Викторовна. Она сразу и легко согласилась поговорить о докторе — он в буквальном смысле поставил ее на ноги. И мы отправились к ней в гости. Просидели у нее дома часа два — разумеется, говорили не только о медицине. А напоследок получили приглашение заходить по-простому, по-соседски.

В общем-то она никогда не забывала о нашей журналистской профессии, но вместе с тем у нас установились чисто человеческие отношения. Говорить с ней можно было о чем угодно. Она живо интересовалась политикой, новостями. Расспрашивала нас о нашей семье, детях, работе. Ну а мы расспрашивали ее...

1. «Я не английская фермерша. Я деревенская баба»

Нонна Викторовна очень внимательно следила за тем, что происходило в российском кинематографе. А конец 90-х XX столетия и начало XXI — не самый лучший его период. Упадок этого некогда процветавшего в Советском Союзе вида искусства, давшего немало шедевров мирового уровня (фильмы Сергея Бондарчука, Андрея Тарковского, Сергея Герасимова, Григория Чухрая, Эльдара Рязанова, позже — Павла Лунгина, Алексея Германа-старшего — список весьма и весьма неполный!), беспокоил художников.

В чем причины, куда идти, как развиваться дальше — самые больные вопросы времени, которые кипятили умы как самих служителей этого искусства, так и его почитателей.

Очередной съезд кинематографистов, который прошел в ноябре 2004-го, оказался одним из самых бурных и скандальных в истории этой организации. Ушатов грязи киношники друг на друга вылили тогда предостаточно, а вот о собственно кино, похоже, почти забыли. Нонна Викторовна позвонила нам домой как раз накануне съезда. Прийти на съезд она была не в силах, но остаться в стороне от проблем не могла:

— Душа болит за наш кинематограф, хочется высказаться.

Мы взяли зеленых яблок, которые она так любила, и отправились на чай-кофе в гости к актрисе. Включили диктофон и два часа сидели завороженные. Ей даже не надо было задавать вопросы — актриса говорила о наболевшем... Ей хотелось, чтобы коллеги услышали ее мысли. Мы с радостью предоставили ей трибуну на страницах «Комсомольской правды».

Об артистах

— Говорят, мало по-настоящему хороших молодых актеров. Да откуда им взяться? — спрашивает Нонна Викторовна. — ВГИК рухнул, потому что из него ушли лучшие кинематографисты-преподаватели. Студенты бегают: какие-то лохматые мальчики и девочки в коротких юбках — и у них одни доллары в глазах. Все думают только о деньгах — как бы побольше заработать. А с такими установками хорошим артистом не станешь.

Я училась в голодные послевоенные годы. Однажды мама прислала мне восемь килограммов кукурузы. Это была единственная еда. Кукурузную кашу на керосинке целый день

варить надо было, поэтому в общаге оставляли дежурную. А остальные шли на занятия. Однажды подруга прибегает на лекции: у котелка донышко отвалилось, и вся наша еда пропала. Как я рыдала! А с репетиций не ушла...

Чтобы хорошо сыграть роль, нужно себя тратить. Суть актерской игры одна — прожить жизнью своего героя. Всей душой отдаться, со всей страстью, выплеснуться до самого донышка. Чем сильнее страдание — тем слаще, тем больше можешь сыграть.

В картине Григория Чухрая «Трясина» моя героиня — женщина, которая спасает от войны последнего сына, двадцать лет прячет его на чердаке. Она теряет рассудок в конце концов. Эту сцену не репетировали. Я просто говорила «сыну»: «На чердак не ходи — там черти. Там бесы. Я слышу их...» И идет полный экспромт. Я все пропускала через себя. Мне казалось, я сама сойду с ума. Снимаем сцену, когда герой вешаться приготовился. «А ты, Митя, это зачем? Я тебя сохранила, на чердаке тебя охраняла, а ты что удумал, гадина?» Мать берет ремень и бьет его. Уже не помню себя, он плачет, у него полосы от ударов на спине. Режиссер кричит: «Стоп!» — а я отойти не могу. Один раз в перерыве падаю на костюмершу: «Тоня, я сдохну на этой картине, не выдержу!» И плачу...

О Голливуде и национальной гордости

— Артисты рвутся в Голливуд за славой и деньгами, режиссеры пытаются делать кино для американцев. Не только молодые — некоторые маститые пытаются американизироваться. Зачем? Свое не ценим, все нам кажется, что за морем и кисель гуще, и берега круче. И все удивляются, почему ни у тех, ни у других ничего не получается.

Понастрогали каких-то бандитских поделок по образцу их боевиков. Все изощряются в форме: на экране непонятные пятна мельтешат, фокуса нет. Но ведь в кино главное — человек, его чувства, его глаза... Нужно делать кино про себя и для себя. Мне один известный режиссер предлагал роль английской фермерши в экранизации «Саги о Форсайтах» Голсуорси. Я, говорю, английского совсем не знаю, даже в школе не учила. Ничего, говорят, мы вам английский текст русскими буквами напишем, а потом наша актриса озвучит. Я отказалась.

Многие говорили: «Ну и дура! Ты ж актриса от Бога — все можешь! Какой режиссер, какой проект! Всемирное признание! А гонорар какой!» Я понимать должна, что я говорю. А главное — кого играю. Ну какая я английская фермерша! Я такая же деревенская русская баба, как моя мама. Почему такой успех

имел фильм Звягинцева «Возвращение»? Потому что про свое снимал, не старался понравиться Голливуду. В американском кино много мастеровитости, но нет души.

О «Молодой гвардии»

— Какой-то холодный ветерок пошел в адрес нашего прошлого. Но разве ж в прошлом — один только негатив? Нас, детей, шестеро было у мамы. На оккупированной немцами территории мы скрывали партизан. Один приносил листовки. Мама собирала проверенных людей и читала им. «Скоро наши придут» — так назывались эти мамины вечера. Сетуют, что настоящие герои — положительные примеры — с экрана исчезли. Что главной фигурой стал бандит. Мол, какое время — такие и герои. Вот и молодогвардейцев-подпольщиков стали хулить, мол, ничего особенного не сделали. Показывать фильм перестали. А зря!

Ну что ж, нет сегодняшних героев — покажите хотя бы вчерашних. Пусть бы люди смотрели, что это за форма такая человеческая — дети от двенадцати до семнадцати лет, которые жизнь свою не пожалели ради Родины. Зрители посмотрят, да и поплачут, да и мурашки по спине побегут, да и влюбятся в этих героев...

«Комсомольская правда», 10 ноября 2004 г.

2. «Ухажеры мне всегда попадались какие-то неудачные…»

…Каждый раз, собираясь навестить Мордюковых (а Нонна Викторовна в последние годы жила с сестрой, художником по костюмам Натальей Викторовной, в замужестве Катаевой), мы старались прихватить с собой что-нибудь вкусненькое: диабетическое печенье или халву, фруктов или кусочек соленого «рыбца» (семги или форели) — просто хотелось доставить хоть маленькое удовольствие великой актрисе. А ее это напрягало. «Время такое тяжелое, все дорого, а у вас же дети! Что вы все на меня тратитесь!» Уверения, что эти маленькие знаки внимания никак не разрушают наш семейный бюджет, ее не убеждали. Приходилось хитрить: вручать гостинцы Наталье Викторовне уже уходя домой. Мы воспринимали Нонну Викторовну как великую актрису. (Во всем мире считают одной из самых выдающихся актрис XX столетия. Английская энциклопедия «Who is who» поставила ее в первую десятку артистических явлений.) И как родню — она была безумно похожа на наших мам. (Особенно остро ощутили это, когда наших мам не стало.) Видимо, она это чувствовала и совсем не боялась говорить с нами «по-свойски»… Особенно в «неформальные» встречи, когда навещали ее просто так.

Они с Натальей Викторовной всегда просто фонтанировали историями из своей жизни. Понимая, что это надо сохранить, кое-что мы записывали по памяти дома. Иногда, когда диктофон был при себе, ставили его на стол: она не возражала. Некоторые рассказы потом входили в «официальные» интервью, которые мы публиковали. Разумеется, с согласия самой актрисы.

Вообще-то к нашим собратьям по перу она относилась, мягко говоря, настороженно и в последние годы практически игнорировала просьбы на общение, исходившие от газетчиков.

Иногда тоска по камере, по съемочному процессу, по общению со зрителем перебивали неприязнь к репортерам.

К приему журналистов готовилась. Обязательно причесывалась и наводила макияж. Но главное — собиралась внутренне. Это была работа, которую она хотела сделать только на «отлично». Не понижая планки. Но при этом она никогда не изменяла себе, не пыталась играть перед оком телекамеры или микрофоном — она прекрасно знала себе цену, понимала, что сама по себе — роскошный бриллиант, который не нуждается в приукрашивании. И всегда была естественной и органичной. И

вполне откровенной.

Но очень не любила, когда интервьюеры пытались «влезть в душу», «развести» на откровенность, чтобы потом посмаковать сальности, пикантные, скандальные подробности.

Нонна Викторовна даже слово это — «интервью» — на дух не переносила.

— Ну сколько можно говорить об одном и том же? — ворчала она. — Я же книжку написала... Нельзя же заниматься любовью всю ночь и весь день напролет — тоже ведь надоест?

— Но ведь книжку не все могут купить, а вырастает новое поколение, которое прочтет о вас впервые...

Этот аргумент ей показался убедительным. И она время от времени давала нам «зеленую улицу» для основательных диалогов. Была искренна, хотя иногда уже после разговора могла позвонить и сказать: «Давай это смягчим как-то — а то Римма (Лида, Ирина, Люда) прочтет — обидится».

Первое большое интервью состоялось накануне ее 80-летия, которое собиралась отметить 25 ноября 2005 года.

Свой юбилей Нонна Викторовна решила отметить «не по-газетному»: взяла да и отказалась от всех интервью. Но для нас она сделала исключение и даже пригласила к себе домой. Как заметила сама актриса, только из уважения к «Комсомолке».

...Нонна Викторовна встретила нас с колокольчиком в руках: «Он, правда, чудодейственный. Я в него — как мне становится плохо, расстроишься или там понервничаешь — звоню. Успокаивает. Поклонница подарила недавно, специально для меня в церкви освящала...»

«Эх, перевелись у нас сильные мужики!»

— Как живется, Нонна Викторовна? — сразу начали мы с порога свои вопросы. — Телевизор у вас, смотрим, новый?

— Да, купили вот. На премию кинематографистов «Ника», «За честь и достоинство» называется. Путина в новостях смотрим.

— Интересуетесь политикой?

— Тут вступает в дело женская жилка. У нас же все женщины-актрисы просто влюблены в Путина, как в образ мужчины. Вот вроде бы и небольшой, неяркий, а сила в нем есть. Особенно подруга моя ушлая — и лицо у него, мол, церковообразное, и что он похорошел.

— А вам он нравится?

— Нравится.

— Нонна Викторовна, а вы влюбчивая?

— Да я не в том плане! Это другая любовь. Это красивый

авторитет, заслуженный, умница. Я людей мастеровитых люблю, талантливых. Вот Колька Басков — как поет! На церемонии «Ники» на коленки передо мной встал. Я заранее ничего не знала — все было для меня сюрпризом.

— Нет, а вообще?

— Конечно, конечно! Я всегда готова была полюбить кого-нибудь. В молодости однажды были в доме престарелых с выступлением. И вдруг Алка Ларионова спрашивает у директора: «А правда, что и здесь бывают ревности, замужество, страсти, соперничество?» Он говорит: «Истинная правда».

Ведь духовное начало зарождается рано и до самой смерти существует — любить. Но я останавливаюсь, а зачем? Я не представляю себе совместной жизни с кем-то или объяснения в любви. Я же разумная очень в этом плане. Посидеть в ресторане при хорошем освещении да с рюмочкой. Не более того.

— Неужели и смолоду так было? У вас же всегда было много поклонников.

— Я-то всегда человеком была работящим — и когда в колхозе жили, и когда еще была студенткой подрабатывать ходила. Мы ж понимали, что никто не поднесет на тарелочке, мы были никому не нужны, на нас даже москвичи некоторые раздражались. Я потому всю жизнь любила и люблю человека мастерового. Пусть он руководит, все равно мастеровой.

Но на меня цеплялись в основном какие-то неудавшиеся артисты, хлюпики. И вечно гундосили, что у них денег нету. Они думали — вот я их вывозить буду. Случился у меня роман уже после развода с Тихоновым. Сложно было встречаться, сын уже был подростком. Я пару раз замуж за того красавца собиралась. Он и хорош, и умен, и образованный, и Байрона прочитает на английском языке, и выскажется так-то интересно. Но не знал, как хлеба заработать. Он умел только талантливо организовать застолье. Да чтоб оно подешевле обошлось бы ему. И так смотришь, смотришь, да пошел ты к черту.

— Сурово...

— Ну не такими, конечно, словами. Я одному сказала: «Да иди на вокзал и погрузи!» Короче — не грубо, не сурово, а справедливо. У меня от этого заканчивалось увлечение. Да что ж у тебя сопли текут из носа! Возьми носовой платок!

— Ну не было, видимо, у нас сильных мужиков!

— И до сих пор нет таких. Редко! Или воры хорошие, добротные миллиардеры. Или такие, едва концы с концами сводят. Но они, бедные, не виноваты тоже. А я больше и не увлекалась никем так, чтобы замуж выходить.

— Тихонов в юные годы тоже не подходил под ваши

стандарты сильного мужчины?

— Не подходил, да только и сама я тогда была другая. Мы поженились в институте еще. Красивый был. Первый парень нашего курса, все девки были в него влюблены. А мы попались друг другу девственными — и он, и я. Мне его сравнить было не с кем. И ему не с кем. Такие молодые, бестолковые. Сами еще зеленые, учились, а тут — ребенок. Мальчика брали с собой в институт. Валялся он в медпункте, нянчили все кому не лень.

Идут занятия, дверь открывается — мне жестом показывают, что орет. Я руку поднимаю: можно я пойду ребенка покормлю? И главный педагог по мастерству Бибиков протирает пенсне: «Ну сходи, покорми!»

Холодноватый был человек Славка. Как-то так получилось, что я не проявила мужества не быть с ним. И мама твердила: «Дочка, не бросай Славку, будешь жалеть. Ты смотри, какой он домашний». А у него вся задачка — как играет «Спартак». Схемы начертит — и все. Он никогда не читал книг. Только футбол. И думал, что так и надо жить. Что с днем рождения поздравлять — смешно. Я ездила на выступления, деньги зарабатывала. Он считал, что это унизительно.

Мы оба не готовы были к семейной жизни.

Во мне женщина-то проснулась много позже, когда я уже в разводе была. Я долго была свободной и не думала ни о чем. Вот в очередной экспедиции — а снимали в деревне — один раз утром сидим мы с подругой-актрисой во дворе дома на дровах. И я увидела в окне нашего актера. Точнее, спину его загорелую в белой майке. Широкоплечий такой был мужчина, небольшого роста. Он наливает молоко из кувшина — и пьет. И я так пальчиком ему постучала — чего меня черт понес? — по стеклу. Он повернулся и через окно вылез к нам. И начал молоком угощать, а сам притулился ко мне. Вот тут я вдруг в первый раз в жизни просто чуть не потеряла сознание... Но я про половую сторону не хочу говорить.

Поцелуй — и тот очень интимная вещь. Потому что любовь — это духовное. Когда уже объятия, там, в койку — это не важно, когда это случится и где, и случится ли вообще. А вот этот натяг такой — как пинг-понг: он тебе слово — ты ему второе... Я Славку чтобы очень глубоко и не любила. Вот и он второй раз женился — и живут. Дочка у него какая чудесная — Анечка, внуков-двойняшек недавно родила, как это хорошо. Я малышей почему-то представляю рядышком в матросских костюмчиках! А мы со Славкой просто плыли в разных лодках.

Роману с Шукшиным помешал Штирлиц

— Насколько мы знаем, с Василием Шукшиным вас тоже связывала не только работа, но и взаимная симпатия?

— А как же иначе, если работаешь на одной площадке? С Васькой Шукшиным у нас не было никаких таких отношений. А был только сильно идущий магнит. Он не давал повода к тому, чтобы там объятия какие-то или признания в любви — он просто говорил: «Ты мой человек».

Попали на одну волну, когда снимались в «Простой истории». Приехал последний раз на съемку. Пока свет ставили, пока актеры одевались, он мне говорит: «Я уже сказал своей невесте, что люблю тебя. Теперь слово за тобой». Больше он ничего не говорил. А в это время, держа удочку за плечами и сыночка за руку, Штирлиц мой приехал.

Никогда в жизни за все годы, сколько мы жили, не приезжал в киноэкспедицию — это было не заведено, — а тут приехал. Да еще с сыном. Рванула бы я тогда — все было бы по-другому. И Васька не посмел больше подойти ко мне. Он снялся и ушел. Больше я Васи и не видела. Я увидела его только тогда, когда запустилась картина «Они сражались за Родину». А я не хотела ехать — там Славка Тихонов с новой женой, с ребенком. А мне все звонят, звонят. Рассказывали, на мою роль баскетболистку какую-то там взяли, из губки сделали груди большие.

Потом Васька звонит: «То, что ты думаешь, ничего такого не будет. Вылетай». Прилетаю: как корова языком слизнула — никого. Только партнеры — Васька Шукшин, Юрка Никулин — и я. Всех жен с детьми отправили. Решили пощадить мое банкротство в замужестве. Я говорю: «Ой, Вась, зачем это, я же совсем не это имела в виду, пускай бы они шатались».

— А Лидия Федосеева, вдова Шукшина,похоже, на вас обижена.

— Да тут такая путаница возникла. Когда я первый раз обнародовала эту историю, назвала имя Васиной невесты — Лида. Только это не Федосеева была — с ней он познакомился позже, когда уже порвал отношения с той подругой. А Лида почему-то на свой счет приняла. Но никогда у меня ни одного романа не было ни с чужими женихами, ни с женатыми мужчинами. Женатый человек для меня вообще не мужчина. У меня ни перед одной женщиной нет такого состояния, чтобы я не могла ей в глаза посмотреть... Если и заводила романы — то только с холостяками. Да и мало их было у меня, романов. Могло быть и больше. Но я способна на отношения только по высокой любви, по-духовному.

«Сына я не уберегла»

— А сын часто бывал с вами в экспедициях?

— Я Вовку в первый раз с собой взяла, когда он в 9-м классе учился. Жара 50 градусов, я целый день на съемках. Отправила его в Москву, вот в это время, получается, и начала терять сына. Без присмотра жил, папа не соизволил приходить, мы ж были в разводе давным-давно.

— Что, совсем один оставался дома?

— Была женщина чужая за деньги, мать одной из моих подруг. Короче, в самый зеленый подростковый период попал в гвардию испорченных людей. Они в той же школе учились. Я ведь сначала даже радовалась, что он с этими мальчиками дружил. Даже когда мне начали говорить про наркотики — не верила: мы ж и знать не знали про такую заразу. А потом уж, когда сначала один из друзей умер, потом второй, — уж поздно было. Только я знаю, какой он был тонкий, нежный, человеколюбивый. В чем-то он был глубоким человеком, но куда его эта глубина увела... Я уверена, он был бы хорошим рабочим. Дед его, Славкин отец, был хорошим механиком по швейным машинкам. И Володя говорил — я хотел бы работать с дедушкой на фабрике.

Ошибка наша, что мы его в актерство втянули. Когда поступал на актерский факультет ВГИКа, Тамара Макарова звонила мне, говорит: «Володя будет средним актером, нужно ли это тебе?» Я говорю: «Нет, не нужно». Сказала Славке Тихонову. Так он взял и устроил его в Щепкинское училище.

Мягкий был Володя, нетвердый, поддался компании. Прохладновато относился к отцу, а меня он любил. Маленьких детей любил, зверюшек, птичек. Примета такая народная есть: если птица в окно бьется, недобрую весть несет. Я на кухне стояла — вдруг стриж прямо в стекло как ударится — у меня аж сердце захолонуло, наверное, с Вовкой плохо. А у него уже бывали приступы. Сорвалась, поехала к нему — лежит на кровати, хрипит... Не дай Бог кому такое пережить.

«Если бы не Путин, я бы упала»

— Нонна Викторовна, любят вас зрители...

— Это правда, ко мне простые люди всегда хорошо относились. И раньше, когда ездили на встречи со зрителями, другие артисты даже обижались — меня такими овациями встречали! Мало того, когда Наташа (сестра) приезжала со съемочной группой фильма про Будулая на Дон — она была художником по костюмам — туда, где мы раньше снимали картину «Возврата нет», так там люди приходили смотреть на «сестру Нонны». И еду, как мне когда-то, приносили: сало, яйца.

Клара Лучко сильно ревновала... Из Казахстана мужик постоянно в любви признается. Я ему говорю — не надо. Это же межгород, дорого ужасно. Жена его говорит: жить он без вас, Нонна Викторовна, не может, вы у него свет в окошке.

Жители Махачкалы просят: «Приезжайте, поддержите нас, а то тут такой бандитизм!» Из Израиля звонят: «Поднимите нашему народу дух!» Я говорю: «А нам кто дух будет поднимать?» А недавно земляки вручили диплом — Нонна теперь почетный гражданин города Ейска. Я же играю одну роль всю жизнь — моя героиня просто попадает в разные предлагаемые обстоятельства. А героиня моя — это Народ, с большой буквы. Не Анна же Каренина...

— Нам кажется, сущность у людей одна, независимо от сословия.

— Нет, люди разные: вы же с кем-то дружите — а с кем-то нет, кого-то любите — кого-то нет. Значит, не твое кровообращение, настройка не твоя. Старые соседи из дома на Рублевском шоссе, где я раньше жила, до сих пор звонят, ходят. А другая семья — я с ними не общалась. Жена такая генеральша типичная с шестимесячной, все время бочком-бочком. И вдруг в самый последний момент, когда мы переезжали на новую квартиру и начали наши вещи выносить, а она пол в коридоре метет — говорит: «Как жаль, что вы уезжаете». Я говорю: «Почему, мы же с вами и не общались?» Она, подметая: «Ну как же, зато ложишься спать и знаешь — за стеной талант спит»!

— Не холодно в панельном доме на первом-то этаже?

— Да нет, нормально, ноги только подмерзают. Может, в кирпичном, сталинском или вроде того, полы потеплее, мы бы не отказались, а где его возьмешь, такой дом в Крылатском? Чубайс вот медицинский полис сделал.

— Да что там, сам Путин в любви объяснился...

— Это когда он мне орден в Кремле вручал... Он же меня тогда спас — на глазах у почтенной публики. Я в то время очень серьезно заболела. Начались у меня падения — ни с того ни с сего, ничего не болит — и вдруг упала.

И тут меня вызывают в Кремль. Идем вместе с сестрой. И вот я на ковровой дорожке — и раз — падаю прямо на президента. Он подхватил за руку, сильный — удержал. А никто ничего не заметил — у меня в руках букет был. Он вышел, провел рукой по плечу и надел этот орден. И обратно я уже резво побежала. А позже, когда раздали шампанское, подошел к нам. Я встала, говорю: «Знаете, как я вас люблю». А он мне: «А если бы вы знали, как я вас люблю!» Через некоторое время загремела в больницу. А с Путиным больше мы не встречались.

— А правда, что «Печки-лавочки» Шукшин писал на вас?

— Ну да, откровенно. Знал об этом Тихонов, знала я, знали мои подруги. И когда приехали в экспедицию снимать фильм «Русское поле», поставили чемоданы — «Мордюкова, к телефону!». Я подхожу — это Василий. «Нонна, помнишь, я говорил тебе про картину “Печки-лавочки”? Так я уже запустился». Я говорю: «Вася, ты меня ранил, ты меня просто прострелил! Я для тебя на край света! Но тут же главная роль — ни одного кадра без меня нету. Это мне если приехать — всю съемочную группу останавливать надо. А ты знаешь, как дорого стоит фильм».

И он на эту роль жену Лиду взял. Она тогда только недавно родила, еще не совсем оправилась, полноватая была. Но у нее типаж народный, и актриса она хорошая. Они очень друг другу подошли.

Да, теперь-то я все про себя поняла: зря у меня так сложилась судьба, что никто не посвятил мне свою профессию. Надо было больше играть. После «Молодой гвардии» нас тринадцать лет не снимали. Сколько было простоев — по три-четыре года без работы.

— На наш взгляд, фильм «Комиссар» — один из самых значительных и поворотных в вашей актерской судьбе. И мы абсолютно уверены — без Мордюковой он не поднялся бы на такую высоту. Попадание — в яблочко.

— Режиссер Александр Аскольдов самолично дал интервью: мол, я до такой степени был уверен, что роль комиссара будет играть Мордюкова, что, когда писал сценарий, все время слышал ее голос. Хотя ни разу не видел в жизни, был с ней незнаком. Он такое нагромоздил про тембр голоса! И вообще она, говорит, была со мной все время, пока работал над сценарием. Очень тяжелые съемки были. Роль такая сложная, нервная. Трудная роль по вживанию. А тут еще за сына беспокоилась — как он дома без материнского присмотра?

— Вы сжились с героиней, когда играли?

— А как же. Ты ведь эту судьбу через себя по каждому капилляру пропустить должна. Иной раз так выложишься — света не чуешь. Как будто свое сердце вырываешь.

— Честно говоря, мы, как родители двоих детей, не могли без слез смотреть, как героиня ребенка оставила...

— Ну, она же узнала этих людей, которым сына оставляла: видела, как малышей любят, как дети танцуют, как они прячутся во время опасности, она думала — и он тоже будет прятаться...

Просто тогда — особенно для коммунистов — долг был выше собственных интересов, это чувство культивировали и пестовали. Я играла с полной искренностью, помня таких коммунистов, как моя мама, как мой отец. Мама моя была ярая коммунистка. Ее все на укрепление колхозов посылали. Не смотрели, что семья большая — а нас шестеро у нее было. Надо — значит, надо. И ничего для себя лично никогда не получала — обуть-одеть было нечего. Она все мечтала: «Вот куплю валенки с галошами, съезжу на курорт — и заживем!» Про валенки с галошами — это мы понимали, а что за «курорт» такой, с чем его едят — да Бог его знает! В войну партизан у себя прятала — это с оравой-то ребятишек! Вот такая была наша мама! Она была настоящая, честная коммунистка, как эта Клавдия, которую я играла в «Комиссаре».

— А для вас лично долг выше, чем все остальное?

— Если бы у меня были внуки, я бы заткнула их в детский садик, а сама бы на работу. Я всегда была горячая на дело. Бывало, приезжает машина, чтобы отвезти на съемки, скажет водитель — вот никогда не видел такой дисциплинированной. Я минута в минуту, никогда не опаздываю.

— Ужасно, что фильм «Комиссар» — такой шедевр — десятилетия пролежал на полке.

— Аскольдов за картину проливал кровь двадцать лет. По всем инстанциям ходил. И никто не хотел брать на себя ответственность выпускать ее на экран. Тогда в один из международных фестивалей на секунду опустела сцена — ушел оратор, иностранец — и выходит Александр Яковлевич. И рассказывает все про картину. В Доме кино паника, скандал. И на следующий день устроили просмотр. Смотрели, затаив дыхание, и аплодировали фильму стоя. Только после этого картину выпустили на экран. Ее затребовали все страны.

Депардье с гаечным ключом

— Последний раз вы снимались в фильме Дениса Евстигнеева «Мама»?

— Сценарий был слабоватый, зато мысль социальная хорошая — мать хочет детей в кучку собрать. И актеры собрались замечательные: Меньшиков, Машков, Женя Миронов. Олег Меньшиков с юмором человек, смешливый и очень милый. Он меня один раз в прямом смысле с ног свалил на съемках. Снимали зимний эпизод, в пургу. Когда выезжали — было более-менее тепло. Поэтому как следует не оделись — ни теплых штанов, ни кофт. Я в телогрейке, а у Олега пальто не пальто,

рубаха не рубаха, зипунчик какой-то без подкладки, с короткими рукавами, чтобы больше на подростка смахивал. Ботинки морские, очень тонкие и холодные.

А съемки затянулись, как это обычно бывает. Двенадцать часов ночи. Ветродуй включили — вьюга воет, щепки летят, кусочки льда. Я чувствую, кажется, одна щека уже совсем отморожена. Мочи никакой нет. Олег сам по себе худенький — а тут и вовсе как синичка подсиненная: руки синие-синие, как култышки стали. Губ нету — синим шнурком. Думаю, может, это манекен? Бывают же такие случаи, когда во время репетиции манекен ставят вместо актера.

Он не он — а просто изо льда вылепленный — глаза застыли на месте, а челюсть, смотрю, шевелится. Говорит чего-то. Я к нему наклонилась, а он: «Ну что, Нонна Викторовна, нравится вам быть артисткой?» А я смешливая — так и упала — вместе с ребенком, которого на руках держала. И все подскочили меня поднимать, только он не мог — сам до смерти хохотал.

— Новых предложений с тех пор не было?

— Меня все этим вопросом донимают. Недавно одна журналистка с телевидения пристала. А где сниматься-то? Сценариев хороших нет. Один, помню, принесли, там все шло к тому, что партнером моим должен был быть этот, как его, Портье-Депардье.

Я по роли — сантехник. Как будто по путевке приехала в Париж и там увидела ихнего сантехника — а у него чего-то там не получается. И вот она чего-то там вертнула, как обычно положено главному исполнителю — он же всегда лучший, — и утерла нос французу. И там у них с Депардье якобы даже любовная история начинается! Ну нету сценария, нечего играть. Что ж я, возьмусь за такое, только чтобы в Париж съездить? Была я там. И в Америке была, и еще много где. Я и так могу съездить в Париж. На фестиваль какой-нибудь присоседюсь.

Режиссеры наши растерялись и стали подражать, а неизвестно кому. А картины гасли и гасли.

Так вот та журналистка спрашивает: а почему не снимаетесь в мыльных фильмах? Вот Людмила Гурченко, знаменитая артистка, бандитку, говорят, какую-то сыграла. Другие примеры приводить начала. Я отвечаю, отвечаю, и потом она меня все-таки доводит, и я кричу: «Потому что актеры голые и босые, им деньги надо на лекарства зарабатывать! Шесть тысяч в месяц на таблетки надо!» Вот так скажешь, а потом думаешь — ну зачем? Некоторые от азарта к профессии берут материал с большим любопытством. Я не смотрела сериал, в котором Гурченко сыграла. Но я же знаю — Гурченко, наверное, не просто так взялась за роль. Она

женщина небедная, и актриса замечательная. Значит, было за что зацепиться. Было ей интересно. А мне хорошего материала не предлагали...

— А разве вам деньги лишние?

— Нет, конечно, не помешали бы. Я вот лет десять назад за фильм «Мама» хороший гонорар получила — в долларах. Когда заболела, очень эти деньги пригодились — разменивали потихоньку и платили за лекарства. А Денис Евстигнеев еще стиральную машину-автомат подарил.

Но дело-то ведь не только в деньгах. Сейчас, видно, просто нету для меня роли. Да нет, меня даже и не тянет. Суть-то не в том, что это сериал на телевидении или картина для кинотеатра. В сценарии ты должен за что-то зацепиться, болеть душой по-настоящему.

«Комсомольская правда», 24 и 25 ноября 2005 г.

* * *

Это интервью заканчивалось не вопросом о деньгах. Был еще один — о секретах красоты. Но он вошел в публикацию в таком урезанном виде, что мы решили выделить его в отдельный сюжет, и вот почему.

Она была потрясающим рассказчиком. Со своим, ни на кого не похожим, строем речи, изобилующим неожиданными сочетаниями, сочными словечками и смачными сравнениями. Да плюс ее непередаваемый артистизм. Стоило ей «поймать» волну вдохновения — а происходило это мгновенно, казалось бы, без повода, — и в ее устах любой, самый, казалось бы, пустяковый, обыденный эпизодик превращался в великолепный спектакль.

Нонна Викторовна сама знала об этом и не без гордости замечала порой, что эта слава тянулась за ней еще с исторического экзамена во ВГИК, когда она буквально покорила своими уморительными «байками» из жизни строгую приемную комиссию. В этом она легко «забивала» многих своих коллег, кино- и театральных корифеев.

Пластические операции — тема деликатная, но весьма животрепещущая для нашего времени. Голливудские красавицы уже давно перестали скрывать, что своей неземной красотой до глубокой старости они обязаны виртуозным умениям пластических хирургов. Наши артисты, хотя и научились прибегать к таким кардинальным способам омоложения и улучшения внешности, все еще стеснительно умалчивают об истинной причине своей неувядаемости, бормоча «сказки» об исключительности своей породы, позволяющей вопреки законам природы с годами становиться все краше и совершенней.

В принципе такой феномен — «хорошение» с возрастом —

действительно встречается. Есть много факторов, которые могут сделать внешность более гармоничной и оттого более привлекательной, располагающей, чем в молодости. Но на фоне естественного физического старения.

Мордюкова была как раз из числа этого редкого исключения. При том что лицо ее до последнего дня было гладким, округлым — и минимум морщинок! Многие не верили в естественность сохранения такой внешности.

Вот мы и спросили:

— После того как вас показали по телевизору, стали говорить, что вы оттого так хорошо выглядите, что сделали круговую подтяжку лица.

Нонна Викторовна ответила — и как! Полчаса мы умирали со смеху, пока она смачно, в лицах, рассказывала о своем посещении пластического хирурга....

СЕКРЕТ КРАСОТЫ

«Перекрестилась и пошла омолаживаться…»

— Операцию я делала, только очень давно и совсем небольшую. У меня еще со школьных лет немного выглядывал второй подбородок. Хоть его заклеивай клеем. И когда я стала актрисой, решила это исправить. Пошла к доктору знаменитому по этой части. Он говорит:

— Нечего тут делать. Лет через восемь приходите.

Я сразу плакать:

— Как! Я хозяйка себе! Я хочу, и вот сейчас же, говорю, срезайте!

Он говорит:

— Знаете, сколько анализов одних делать надо! Да очередь на операцию — полгода ждать!

Да меня не переупрямишь. Пошла я записываться, спустилась в вестибюль — а там народу — со всего Советского Союза! Разговаривают. Одна говорит: а вот тот доктор девушкой сделать может. Я не пойму — как, из мальчика сделать девочку? Она — ой, дура ты, дура. А еще в Москве живешь. Оказывается — теперь-то прошли годы я все уже знаю — этот Шмелев или как его — восстанавливал утерянную девственность. Очень просто. И операция, говорят, легкая. Ну, это я так, к слову вспомнила.

В общем, записалась. Прошли месяцы, дождалась... Перекрестилась, глядя в угол, пошла. Прихожу, а того доктора, с которым разговаривала, нет на месте. Сидит какая-то тетка. Говорит — раздевайся. У нее бутерброд с селедкой. Она кусает этот бутерброд, а я сижу на табуреточке, жду ее.

— Она что, не узнала вас?

— Нет, не узнала и знать не хочет никого. Жует этот бутерброд и кричит в трубку: «Я на шестой этаж не пойду. Скажи, пускай выбирает любой дом, только чтоб был четвертый этаж».

Я думаю, а где же мой врач, с которым я договаривалась? И вот она жует и говорит — ложись. Лежи, говорит, тихо, а то выгоню. Будешь еще полгода стоять в очереди. Я лежу. Холодно мне, неуютно. Она доедает бутерброд, моет руки с мылом как следует. Потом берет накладную — бумажку, с которой я пришла, читает, говорит, тебе не надо еще делать. Я говорю — я столько перетерпела — одна реакция Вассермана чего стоит! И зажала зубы.

Операция в общем-то маленькая, мышцы не трогают, только

кожу. Утром просыпаюсь — все лицо как будто покусано пчелами — пухлое, щеки такие огромные. А через неделю-полторы все прошло. И, я помню, у Аллы Ларионовой день рождения. Алка дверь открыла: «Что с тобой? Какая ты стала молоденькая!» Я, говорю, тебе один на один скажу. И тайком показала — вот шрамчик, запудрила.

Вот и все мои операции. В остальном — природа моя. Когда я еще в школе училась, бывало, на танцы собираюсь, а мама мне говорит: «Знаешь, доченька, ты будешь очень долго молодой». Я говорю: «Почему?» — «Потому что ты в тетю Нюсю Крикунову (это ее тетка). Ей в восемьдесят три года больше сорока одного не давали». Наверное, права мама была?

3. На свой юбилей она помирилась с Натальей Варлей

В последние два-три года жизни Нонна Викторовна медленно, но верно ослабевала. Периодически попадала в больницу, где к ней применяли интенсивную терапию, поддерживали и ставили на ноги. Но творческих вечеров и встреч-концертов со зрителями она уже не устраивала. Сообщения о ее госпитализациях и болезнях попадали в прессу, и поклонники понимали: время играет против нее, и шансов вновь увидеть актрису на сцене становится все меньше. Даже простое интервью — дома, в привычной обстановке — выматывало ее так, что потом у нее поднималось давление и она порой два-три дня не могла прийти в себя и восстановиться. Она и сама сознавала, что силы уходят, но все же решилась на юбилейный творческий вечер в Доме кино, куда пригласила и нас. Разумеется, мы не могли не поделиться своими впечатлениями с читателями своей газеты.

...У Дома кино, где проходил творческий вечер Нонны Мордюковой, искатели лишнего билетика начали топтаться уже за полтора часа до начала. Наконец открыли двери в зал, и толпа в считанные минуты заполнила все проходы. Кому не хватило стульев, сели на пол. Когда Нонна Викторовна, в строгом черном платье, моложавая и очень красивая, появилась на сцене, зал аплодировал стоя. В соответствии с титулом — а вечер назвали просто — «Королева» — именинница, кутаясь в норковый палантин, расположилась в кресле. Мордюкова не была бы Мордюковой, если бы не порадовала поклонников своими самобытными, приправленными сочным юмором актерскими байками...

Двадцать девять поцелуев с Вициным

Все, наверное, помнят фильм «Женитьба Бальзаминова», где Нонне Мордюковой досталась роль купчихи Белотеловой. Самая замечательная сцена — неожиданная встреча и страстный поцелуй Белотеловой с Бальзаминовым, которого играл суперпопулярный актер Георгий Вицин.

Вот как рассказала о съемках этого эпизода Нонна Викторовна:

— ...И вот эта сцена началась, с Вициным. А он такой прямо худенький был, бедняжка, и добрый, и йогой занимался. И так я

его мусолила у этого забора — ну никак режиссеру нельзя угодить! Думаю, ну я ж правильно говорю (передает интонации): «Он мне нравится. Ты мне чтобы его каждый день — ко мне!» «Нет, стоп, — кричит режиссер, — ну, Нонна, ну что же ты!» Я говорю: «Не могу, у меня уже коленки трясутся!» У Вицина бедного все лицо уже красное, пятнами, и шея... И поцарапан об гвоздь в заборе! А тот: «Давайте сначала!» И вот я снова: «Вы любите меня, я вас — так — буду». Шмякаю Вицина об забор, и не воздушный поцелуй, а такой — крепкий! И так было двадцать восемь раз! И только на двадцать девятом дубле режиссер сказал: «О! Вот это да!» За эту единственную фразу я получила медаль братьев Васильевых!

«Зря мы ее мучили, она же выражала эпоху...»

Настоящей сенсацией стало появление на юбилее создателя «Комиссара» Александра Аскольдова. Сейчас режиссер живет в Германии, в России бывает редко, а если и появляется — на светские мероприятия не ходит, интервью не дает. Но любимую артистку не забывает: они с Мордюковой время от времени перезваниваются, встречаются.

— Я молчал несколько десятилетий, — грустно молвил мэтр-затворник. — Но не прийти на юбилей Нонны Викторовны не мог, ведь так много выстрадано вместе.

Режиссер вспомнил, сколько было помех и препятствий и во время съемок, и после, когда двадцать лет пробивал ленту к показу. Повинился, что «тоже мучил Мордюкову»:

— Мы снимали по пятнадцать, по двадцать дублей. А надо было сразу понять, как понял я где-то в конце работы, что не надо ее мучить, а нужно, «разогрев», дать сыграть один-единственный, «золотой» дубль».

И, обращаясь к великой актрисе, добавил:

— Вы — кусок естества, кусок породы. И никакие метафоры и эпитеты не определят то, что вы делаете на съемочной площадке. Мы страна великого искусства и великих актеров, которые играют время. Мордюкова в каждой своей роли выражает эпоху.

Евгений Миронов обозвал себя свиньей

Евгений Миронов, один из самых талантливых и успешных актеров нового поколения, по-мальчишески взбежав на сцену, с места в карьер начал каяться за всех «сыновей» Мордюковой по фильму «Мама» Дениса Евстигнеева: что мало звонят и редко заходят.

— Но вы с нами всегда: кто однажды к вам прикоснулся, тот никогда вас не потеряет, не забудет, — исповедовался киношный сын. — Мы эгоисты, конечно. И я надеюсь, что не буду больше такой свиньей, честное слово, буду звонить.

А зрителям Миронов рассказал о случае, который произошел на съемках (мать привозит сыновей на памятное им место, она, вспоминая прошлое, плачет, сыновья переживают):

— Нонна Викторовна сыграла свой крупный план с полной отдачей. А потом нужно было снимать поочередно «крупняки» каждого из сыновей — реакцию на мамины слезы. Нонна Викторовна становилась за камерой перед каждым из нас и снова и снова не проигрывала — проживала для нас свою сцену. Абсолютно с полной отдачей!

Кумушки сплетничали прямо на сцене

— Здорово, кума! — таким радостным возгласом встретила Нонна Викторовна свою давнюю подругу — народную артистку СССР Людмилу Гурченко.

Людмила Марковна на сей раз изменила привычному телезрителям гламурно-шикарному стилю, пришла в элегантном черном брючном костюме, что не помешало ей быть ослепительной. Спела песню из фильма «Дом, в котором я живу» «Тишина за Рогожской заставою...», наговорила имениннице кучу комплиментов. Мордюкова ответила тем же, заодно рассказав о том, как они впервые познакомились, когда Гурченко была еще студенткой, как дружили, воспитывали детей.

— Дочка у нас общая, Машка, красавица, от первого мужа, — вслух откровенничала Мордюкова. (Уж не намекала ли на их «общего» с Гурченко мужчину — красавца Бориса Андроникашвили, который сначала три года был женат на Людмиле Марковне, а потом одно время «крутил роман» с Нонной Викторовной после ее развода с Вячеславом Тихоновым?)

— Да, у нас много общего, — туманно подтвердила Гурченко.

Под аплодисменты зрителей кумушки дружно «поржали» над своим бурным прошлым. А Гурченко, прощаясь, еще раз удивила публику: она низко поклонилась Мордюковой и так, пятясь неповторимой своей походкой, в полупоклоне, ушла со сцены.

Про родню и «желтые» страницы

В последние годы многие газеты немало «желтых» страниц посвятили непростым отношениям великой актрисы со своей бывшей невесткой — Натальей Варлей, она была женой сына

Мордюковой, Владимира Тихонова. Поэтому появление на юбилее «кавказской пленницы», а еще красавицы, актрисы, поэтессы и певицы было полной неожиданностью для виновницы торжества.

— Мы с вами знаем, что мы близкие люди. — Наталья Варлей, заметно волнуясь, говорила это не столько своей знаменитой экс-свекрови, сколько зрителям и журналистам. — А между близкими людьми всякое бывает. Бывают размолвки, бывает непонимание, но они все равно остаются близкими людьми. Как говорил Володя, связала нас судьба одной веревочкой. И я хочу, чтобы сегодня вышел на сцену еще один близкий и любящий вас человечек — еще одна родная, близкая душа — ваш, Нонна Викторовна, правнук Женя.

Десятилетний правнук Женя трогательно поцеловал прабабушку. Мордюкова погладила «кровиночку» по головке и долго сидела в кресле, не шевелясь...

Кстати, о родне. Весь «мордюковский клан» насчитывает 47 человек. Всех собрать на юбилей не удалось, но самые близкие пришли. А с сестрами Натальей и Людмилой Нонна Викторовна даже спела на три голоса украинскую «Темну ничку». Песня была грустной. Многие в зале плакали...

Самый экстравагантный политик современности Владимир Жириновский умудрился устроить на юбилее Мордюковой свое маленькое шоу. «Все спрашивают, кто из женщин в России мог бы стать президентом? Да вот же она!» — кивнул он на Нонну Викторовну. Мордюкова сделала вид, что слова Жириновского к ней не относятся.

А еще лидер ЛДПР пообещал, что к Восьмому марта актриса непременно получит орден.

Весь вечер на сцене маячила «тень Никиты Михалкова». Как пояснил ведущий, наш знаменитый режиссер-оскароносец, глава Союза кинематографистов «задерживается на совещании». Через час зачитал его поздравление: «Преклоняюсь, ценю, мы с тобою роднее, чем родня». (Напомним, именно так — «Родня» назывался фильм Никиты Сергеевича, в котором Мордюкова сыграла одну из лучших своих ролей. — Авт.) А под занавес вместо Михалкова явился «подсыльный», как выразилась Мордюкова, с корзиной цветов.

Зато в этот вечер к великой актрисе приехали коллеги-актеры Инна Макарова, Татьяна Конюхова, Зинаида Кириенко, Борис Щербаков, Борис Галкин, Раиса Недашковская, композитор Александр Фляркoвский, поп-певец Феликс Царикати...

Вечер актрисы закончился около полуночи. Мы проводили Нонну Викторовну до самого ее дома в Крылатском. Пришлось

немного поработать грузчиками — к подъезду подрулили три машины: одна с цветами и две с подарками. Чего там только не было — вязаные варежки, вышитые рушники, настоящая казацкая шашка...

— Какой подарок вам всего дороже? — спросили мы у актрисы.

Мордюкова улыбнулась:

— Аплодисменты зрителей.

«Мы с Путиным смеялись без остановки семь минут»

— Нонна Викторовна, а Путин до вас дозвонился? — спросили мы в тот вечер у Мордюковой.

— Прямо мне в гримерную, когда я к вечеру готовилась, позвонил. И откуда телефон-то достал?

— И что он вам сказал?

— А ничего. Мы смеялись. Говорили: «Нет, я сильнее люблю вас — нет, а я вас люблю сильнее». И — ха-ха-ха-ха... Смеялись, как девятиклассники. Никаких отступлений, кроме как объяснения в любви. Я говорю: я и ваших девочек беленьких люблю, дочек, и жена мне ваша очень... Уютная такая, кажется, женщина, такая хорошая.

— А что Путин?

— Он опять — ха-ха-ха-ха... В общем, мы с ним разговаривали, как будто вышли из какого-то важного дома на полянку... А почему мы смеялись, хоть не было причины для смеха? Но видно, нам было приятно друг друга слышать, вот и все. Ага.

— Вы даже не спросили, как у них там, в Кремле, дела?

— Боже сохрани! Как я буду спрашивать? Это уже сверхнахальство. Только: будьте здоровы, здоровы, здоровы... И я говорю: и вы будьте. А потом, что я пойму, если мне скажут, как там в Кремле дела?

— Но может, чего посоветовали бы? Жириновский же предлагал: «Мордюкову — в президенты!»

— Пускай он предлагает. А Путин и без Мордюковой дела все поладит.

— И сколько же минут вы с президентом смеялись?

— Ну, я думаю, не более чем минут семь. Человек-то он занятой.

— Без остановки, что ли?

— Без остановки. Иначе бы просто были бы тогда не мы, если бы останавливались. Вот.

«Комсомольская правда», 28 ноября 2005 г.

* * *

Вскоре после тех событий Нонна Мордюкова обратилась к одному из авторов этой главы с такой вот необычной просьбой:

— Слушай, Саша. Ты же же часто бываешь в Кремле?

— Ну да, бываю.

— Зашел бы к Владимиру Владимировичу Путину. Он же меня орденом наградил в честь юбилея — «За заслуги перед Отечеством». Скажи: мол, так и так, Нонна Викторовна прихворнула, сама прийти в Кремль не сможет... Взял бы ты у президента орден, да мне бы и принес.

— Вы что, Нонна Викторовна! — удивился я ее просьбе. — Это же — государственная награда! Вы должны сами ее получить. Из рук президента.

— Ну ладно... А там где вручать-то будут?

— В Екатерининском зале.

— Это какой же этаж?

— Третий.

— Да я же не поднимусь.

— Так там лифт.

— А-а-а... А ступеньки или крыльцо какое, чтобы в здание с улицы подняться, есть?

— Кажется, да.

— Ты, Саш, пересчитай, сколько их там.

И я по просьбе Мордюковой специально поехал в Кремль — считать ступеньки у центрального подъезда Первого корпуса, где находится резиденция президента. Ступенек оказалось семь.

— Ну, это еще ничего, — сказала Мордюкова, когда я доложил ей об этом. — Пожалуй, семь ступенек-то я еще осилю.

И сама поехала в Кремль получать награду...

4. В ЦКБ Нонна Викторовна разгадывала кроссворды

В начале ноября 2006-го Мордюкову из-за проблем со здоровьем госпитализировали в Центральную клиническую больницу. Нонна Викторовна не любила, чтобы ее навещали в палате. Но для корреспондентов «Комсомолки» она сделала исключение.

Перед тем как идти в ЦКБ, мы спросили у сестры Мордюковой, Натальи Викторовны (она неотлучно проводила все дни у постели актрисы):

— Может, приготовить для Нонны Викторовны что-нибудь вкусненькое?

— Ей хочется чего-нибудь домашненького, — сказала сестра. — Например, блинчиков.

Блинчики Нонна Викторовна отложила на обед, а заварное пирожное с творожной начинкой, которое мы принесли, попробовала сразу. С удовольствием вдохнула аромат алых роз — букет поставили тут же, на тумбочке. Актриса сидела в кресле — в голубом халате. Потом прилегла на кровать.

Она неплохо выглядела, цвет лица был довольно свежий.

— Так я принарядилась, — сказала Мордюкова. — Подкрасилась, припудрилась!

А потом «подколола»:

— Вы же, журналисты, такие — где-нибудь за пазухой фотоаппарат принесете и сфотографируете в самом неподходящем виде.

(Фотоаппарата за пазухой не было. Родственники строго предупредили: «Если хотите, чтобы разговор получился, лучше с этим не шутить». Да и не в наших привычках злоупотреблять доверием людей, тем более — близких.)

— Любите вы это дело — застать человека врасплох, — продолжала Нонна Викторовна уже без улыбки. — Ваш брат журналист так и норовит всеми правдами и неправдами пробраться в больницу и снять актрису под капельницей. Прямо удовольствие это кому-то доставляет! А зачем актрису так снимать? Обидно даже. Вон как народ пишет — вы наша красавица — а тут на тебе...

(Это мы прочитали Нонне Викторовне отклики пользователей интернета на информацию о болезни всенародной любимицы. А их был просто шквал: тысячи людей хотели поддержать актрису в трудное для нее время.)

— А меня-то как газетчики напугали! — сокрушалась сестра актрисы Наталья Викторовна. — Нонну только отвезли в больницу, вечером прихожу домой измученная. Стою на кухне, а в окне (мы с Нонной на первом этаже живем) девушка с фотоаппаратом, а ее двое парней на руках держат. Меня снимают... Думала — воры. Хотела в милицию звонить. Пришлось плотные шторы на окна повесить. Но и в ЦКБ есть свои «папарацци».

— Когда меня только перевели в это отделение, ночью чую — кто-то дверь приоткрыл, заглядывает, — со смехом рассказывает Мордюкова. — Оказывается, мужчине очень захотелось увидеть «живьем» свою любимую артистку. Я персоналу и больным свои книги дарю с автографом. Я ими уже, наверное, всю больницу обеспечила. Не жалко — люди же так по-доброму относятся. А врачи здесь умные, обходительные. Такие все грамотные, умелые. Сестрички прекрасные, как-то по-хорошему пронырливые.

Нонна Викторовна лежала в двухместной палате. Был у нее и телевизор.

— Но мы его смотрим редко, — говорит сестра Мордюковой. — Нонна не любит современные ток-шоу, передачи — они в основном негативные. Много чернухи, найди, говорит, что-нибудь хорошее...

— Удивляюсь, что и как в мое отсутствие говорят обо мне по телевизору, — немного сердится Нонна Викторовна. — Как будто хозяйки нет дома, а дети одни без присмотра балуются со спичками! Тако-о-ое услышишь, наговорят черт-те что, чего и в жизни не бывало! Как передача — обязательно подпустят желтенького. Я и перестала их смотреть. В основном только свежие новости отслеживаю. Чтобы не отрываться от жизни, надо же знать, что снаружи происходит.

— И в новостях негатива хватает.

— А я хорошему радуюсь. Вот, смотрю, как дела в Чечне налаживаются. Как шахтеры-кемеровчане бытуют...

В палате актрисы постоянно были свежие газеты. Обычно их читала вслух Наталья Викторовна.

— «Комсомолка» всегда при нас, — говорит Нонна Мордюкова. — Про Рамзана Кадырова вот читали. За Любовь Константиновну Слиску переживаю — она для меня так много хорошего сделала.

И, подмигнув, снова улыбается:

— Сплетничаем иногда, косточки чьи-нибудь перемываем. Слегка. Сильно — энергии не хватает...

Мордюковым часто звонят совсем незнакомые люди. Беспокоятся.

— Мне вот Наталья рассказывала — к нам домой позвонила Оля из Уфы. И в трубку плачет: «Нонна Викторовна заболела, а мой муж пришел с работы, лег на диван и лежит». Я всем благодарна за хлопоты, за беспокойство. Это меня и греет, и лечит.

— Один товарищ, — смеется сестра актрисы, — советует: от всех напастей первое средство — подогретое пиво. Выпить стаканчик — и под одеяло!

— Я как-то раз попробовала — давно, еще до больницы, — бросает реплику Нонна Викторовна. — Простуду как рукой сняло...

А еще, особенно по вечерам, сестры разгадывают кроссворды.

— Все отгадываете?

— Нет, не все, — говорит сестра Мордюковой. — Приходится подглядывать. Нонна, кстати, больше меня слов знает. А если попадаются незнакомые — старается их запомнить: «О, что-то новенькое, пригодится!»

«Комсомольская правда», 15 ноября 2006 г.

* * *

Мордюкова весьма болезненно переживала чрезмерный интерес некоторой прессы к ее здоровью, а точнее — к нездоровью. Ее коробило то, что телесная немощь актрисы интересует некоторых людей больше, чем ее духовная наполненность. Ее оскорбляло стремление застать «небожительницу», которой предстает актриса на вершине своего художественного творения — в роли, во всей бытовой некрасоте болезни. Некоторые издания не гнушаются при этом прямых фальсификаций.

Хотя желтую прессу Нонна Викторовна не читала, время от времени кто-нибудь рассказывал ей о подобных «сенсациях». А то еще и полосу принесут...

Как-то летом 2007-го она позвонила по рабочему телефону:

— Нельзя ли маленькую записочку напечатать? Мол, жива, здорова, чего и вам желаю. А то ж ведь одна газета меня опять в больницу определила... Какую-то чушь пишут. Ну это же неприятно. И неприлично.

Мы развернули газету с пугающим аншлагом: «Мордюкову сразил новый приступ».

— А врачи вам не предлагали ложиться в ЦКБ?

— Даже слуху не было!

— Как себя чувствуете?

— А хорошо! И сплю прекрасно. Утром сделаю процедуры, физзарядку, какие надо лекарства приму. И — за работу. Я же вторую книгу пишу, вы знаете.

Мы действительно об этом прекрасно знали. Когда издательство предложило Нонне Викторовне продолжить свою автобиографию, ей понадобился диктофон, чтобы надиктовывать свои мысли. Мы с радостью предложили свою помощь. Сначала хотели купить навороченный цифровой, потом решили: лучше попроще, кассетный,чтоб не путаться в кнопках.

— Сколько времени работаете?

— После обеда часа три попишу, посмотрю телевизор, потом еще немножко попишу. Вот эта главка называется «Успех». Как сказал художник Васнецов, если хочешь оставить след в искусстве, поглубже вторгайся в свое, отечественное.

— Много уже написали?

— Книга уже почти готова. Просто когда первую книжку я сделала из этих всех своих бумажек мятых — а эти записи у меня всю жизнь, — она разошлась в считанные часы. Вот я снова и взялась...

— Так что передать вашим почитателям?

— Что книга уже почти готова. Мне хочется не только жить, а еще и поработать. А все эти слухи о моем здоровье... Ничего, тем здоровее буду! Выйду в свет. Вот так вот!

5. «Я могла бы сыграть домработницу олигарха»

Работа над книгой занимала очень большое место в ее жизни в последний год. В ее биографии еще были такие «потайные ящички», которые она до поры до времени не желала открывать. По разным причинам. Но в этот раз решила-таки обнародовать содержимое некоторых из них. Она достаточно четко представляла себе и идею, и структуру своей будущей книги.

Однажды рассказала нам о своих непростых отношениях с Сергеем Бондарчуком и его супругой актрисой Ириной Скобцевой. Но настойчиво попросила: писать об этом не надо. Мол, я сама расскажу читателям обо всем так, как считаю нужным. В новой книге. Так что этот сюжет из нашего интервью был благополучно изъят с обещанием не вспоминать о нем до выхода книги.

Известие же о новых мемуарах актрисы вызвало интерес у почитателей ее таланта: нас спрашивали — когда же они выйдут?

В общем, не случайно наш разговор накануне ее дня рождения в 2007 году начался именно с вопроса о книге.

«Не заглядывайте в кастрюли с супом»

— ...Книгу закончила, отдала уже в издательство.

— Ждем с нетерпением!

— Неизвестно еще, может быть, для профессионала моя книжка слишком наивна по линии мастерства. Но она новая. Там я рассказываю то, чего не было в первой книге. А теперь отобрали эту бумагу, и я прямо маюсь — нечем заниматься.

— Ну, давали бы почаще интервью...

— В основном с телевидения приходят, снимают, но редко. Да я сама не очень... Тяжелое очень дело. Потом — желтая пресса: все-таки пролезли...

— Как вы определяете, что это именно желтая пресса?

— А кто же, если по закоулкам и кастрюлькам заглядывают: какой суп там кипит? Наташа (сестра) увидела, как оператор — маленький такой — сгорбатился, в спальню залез и снимает. Наташа возмутилась: «Вы что тут делаете?» Он молча вышел — видно, сделал все, что ему надо.

— Вы сильно обижаетесь на них?

— Очень. Им бы глубже залезть в лифчик женщине или подсмотреть что-то такое, совсем их не касающееся. Они это

снимают — аж слюну глотают от счастья.

Она себя уже неважно чувствовала, но бодрилась: «Давайте, сыпьте свои вопросы...» Ну, мы и сыпали. На некоторые она отвечала не сразу — надолго задумывалась. К сожалению, это было ее последнее большое интервью...

«У меня в сундуках много сюжетов»

— Старые друзья вас навещают?

— Как-то Александр Аскольдов приходил... Давненько уже. Так, поговорили, чаю попили.

— А Никита Михалков часто звонит?

— Нет. Мы дружим с ним, любим друг друга, как говорится, на расстоянии. Он очень занятой человек. И кино снимает, и на телевидении выступает.

— Вы за ним следите?

— Я ни за кем не собираюсь следить! Газеты читаю, телевизор смотрю — Михалковы всегда на виду.

— Вы как-то нам сказали, что хотели бы сняться в фильме и сыграть современницу. Но не сказали, кого именно.

— Ну как это кого? Надо сценарий иметь. Напишите сценарий. Я же не смогу написать — я другой профессии.

— Ну пенсионерку вы бы хотели сыграть или продавца какого-нибудь?..

— Такого выбора не существует. Самое главное не то, кто она — пенсионерка или трактористка. Главное — сама вязь сюжета. А так — какую шляпку надеть: XVIII века или, наоборот, фартук дворничихи — не имеет значения.

— И что, разве нет сюжетов?

— Сюжетов уйма! Но ведь не каждый мне подойдет. Я ж не буду играть в фильме про бандитов. Мне другое нужно.

— Например?

— Ну вот один сюжет. Живут эти, как их, олигархи. А их домработницы — из деревень окрестных. И они создали свой мирок в жизни. Вплоть до того, что скинулись и соорудили себе мазанку такую и собираются в свободное время. Там они и разговоры ведут, и на балалайке играют, и песни поют... Тянет их к той жизни, где молодость прошла. Когда жили все вместе, одними интересами. Верили: да здравствует, да здравствует! — и все будет хорошо...

— Что, действительно есть такое?

— Да, говорят. Рассказали добрые люди. Но когда это не написано, то все это — воздушный шар. На самом деле в жизни изобилие тем, но то, что предлагает сейчас кино и телевидение,

— не мое. Не по моим убеждениям, может, не по моим природным данным. В запасниках много образов, руки чешутся написать — прямо хоть за третью книгу берись.

— Образы из жизни или плоды фантазии?

— Да вот пошла как-то к подруге, а у них в подъезде лифтерша — такая странная старушка: лифт пустит — и бегом в свою каморку, то за кровать, то за кресло спрячется. От людей скрывается. У нее кисет в руке, и она оттуда что-то достает и грызет. Хрум, хрум, хрум. Ни на кого не смотрит. Меня прямо с ума сводила.

И наконец-то однажды подруга ее окликнула: «Дуся!» Она: «Га?» Я говорю: «Чего все время грызете вы? Фасоль, что ли?» — «Какая фасоль? Это кофе. Зерна». Какая старушка! Какое надо сердце иметь, чтоб грызть все время кофейные зерна. Спрашиваю: «Что ж вы бегаете все время от людей? Все шныряете и шныряете?» Она говорит: «Да мне как-то неловко». — «А чего неловко-то?» — «Дык, все живу да живу, живу да живу!» Разве это не образ? Она стесняется того, что ей 95 лет, слишком долго живет! Ну разве это не гениально? Это я говорю к тому, что материала столько в себе, что неизвестно, в какой сундук руку запускать. И где это те охочие, которые хотели бы видеть меня в какой-нибудь роли? Это сейчас очень сложно... Но я на это трагически не смотрю...

— Вы снимались у потрясающих режиссеров — Михалков, Бондарчук, Аскольдов... А были такие, с кем очень хотелось бы поработать, а не получилось?

— Я хотела бы сняться у режиссера Андрона Кончаловского. Да-а! Он всегда был для меня желанной загадкой. Как режиссер.

«...И тратила на съемках душу»

— А чем объяснить, что столько фильмов с вашим участием постоянно показывают по телевидению?

— А я скажу. Не сочтите за хвастовство, но я просто уже научно понимаю, что не зря тратила свою душу на съемках. Я была очень-очень органичной, старательной, реальной женщиной на экране. Может, если б мне дали Анну Каренину, я была бы смешна. И поэтому я от нее и отлынивала — мне предлагали сыграть в учебной постановке. А там, где идет разговор о вот таких бабках, дедках да тетках, там-то я сильна! И там уже лучше меня никто не сыграет.

А из кого народ наш состоит — из таких работяг. У меня в новой, еще не напечатанной книжке описана девочка — в школе на последней парте сидела, худенькая такая, голодненькая, как

все. Из бедной-бедной многодетной семьи. Колхоз, немцы только что ушли, школу открыли. У нее вместо портфеля торбочка холщовая, а на ней пучок калины булавкой пристегнут. Она выходит к доске, подняла головенку свою, читает стихотворение Некрасова. Помню только последнюю строчку: «Как на соху налегая рукою, пахарь задумчиво брел полосою...» И так она слово выделила, протянула: «...заду-у-умчиво». Потому что тяжко крестьянину: опять поздно весна пришла, опять неурожай будет. У девочки слезы на глаза навернулись. А учительнице не понравилось, что она именно на этом слове акцент сделала.

— И что это за девочка?

— Ну-у... Это я была. Приписала все другой — а то хвастовство выходит. Но это не вранье — мы все такие были. Вот такие люди — как крестьянин из стихотворения, как такие девочки — меня задевали.

— Так, может, прав Аскольдов, когда говорит: «Мордюкова — самородок, не надо было ее мучить режиссерскими задумками, а надо было снимать такой, какая она есть»?

— Да нет, меня тогда совсем не мучили. Но это не значит, что в картине я ничего не играю, а изображаю саму себя. Хотя вообще-то я этот фильм по-другому представляла. Революция — это ж можно как сильно сделать! А приехали в экспедицию, нет и нет пафоса. Все какие-то мы то в грязи, то в песке. И все никак у меня не получается — чтоб была как настоящий комиссар — как я понимала! И картина какая-то не революционная. Думаю: а где же все, чему нас приучили в школе, к чему мама приучала? И только теперь мы понимаем, какой был провидец Аскольдов. Он снимал фильм о несовершенной революции, об изнанке, несозидательной ее стороне.

— Честно говоря, и все предыдущие роли, и ваша собственная жизнь располагали именно, как вы выразились, к пафосному прочтению темы революции.

— Я так и думала! И в картине я такую и играю — революционерку, только мне нужны были определенные краски. Их все не было и не было. И так я зачуханная и иду в конце картины с рваным мокрым знаменем. В этом и есть гениальность Аскольдова: в жизни все не так, как люди потом представляют.

«Меньшикова нашла я»

— А есть какая-то роль, которую хотелось бы сыграть заново — по другому, лучше?

— Нет. Я со своими ролями справилась. Другое бы что-нибудь сыграть. Камера тянет. И подумать, поразмыслить. Что-то

от своей руки написать. У меня же все роли оснащены моей литературой.

— Это как?

— Ну, например, картина «Журавушка». Алексеев, автор рассказа, — известный писатель, казалось бы. Так он одну роль написал тонко выточенным карандашиком — героиню, которую играет Чурсина. А Глафиру Огрехову, которую я должна была играть, — так себе. Просто ворует яйца на птицеферме, целиком глотает и дом построила на ворованное. А снимал мой приятель, Николай Москаленко, это была первая его картина... «Ты меня лишишь профессии, если откажешься». Я так рыдала, так не хотела эту роль!..

Уже были под Горьким (ныне Нижний Новгород. — Авт.), выбирали натуру. А я лежу, телогрейкой накрылась — рыдаю! Говорю: «Коля, ну не хочу я эту заразу играть!» А он говорит: «А ты сделай из нее не заразу! Ты же умеешь!» Я всхлипнула последний раз, взяла — и к чертовой матери все переписала. Так она чуть не самой любимой ролью в жизни стала.

— А еще какую роль сами доделали?

— Все.

Сестра Наталья Мордюкова:

— Я свидетель — она на полях сценария всегда что-то подписывала себе. И результат получался отличный. Даже если сценарий был слабый. Кстати, бывало, что актеры только из-за Нонны соглашались сниматься. Например, Меньшиков — в «Маме». Так и сказал. Они хохотали все время, пока шли съемки...

— Нонна Викторовна, вы же с ним вместе уже снимались до этого — у Михалкова в «Родне»?

— Так я и заметила его тогда и, можно сказать, притащила в фильм. Мы готовились к съемкам, исполнители на все роли были утверждены. Не было только парня на роль старшего сына бывшего мужа героини, которого она упрекает в том, что бросил спивающегося отца.

И вот пересматриваю фотопробы... и вдруг попадает маленькая фотография — такая, на паспорт, с беленьким уголком. Что-то меня зацепило. Спрашиваю у Никиты: «Этого парнишку видел?» Он — Тасе, помощнице: «Это кто?» Она: «Студент театрального училища». — «Завтра приводи на фотопробы».

— А вот последний эпизод в той же «Журавушке» с вашим персонажем — с чернобуркой. Откуда, из какого сундука достаете такие яркие штрихи?

— Отовсюду! В жизни материала уйма! Ну вот случай. Снимали фильм «Родня». Чего-то у меня день не заладился,

ничего не получалось, настроение отвратительное. Эпизод не досняли, я ушла к Римме Марковой — мы с ней хорошо дружили. А она с занятий по карате идет.

Это у нас в Театре киноактера придумали: чтобы те, кто, несчастный, работы не имеет, не плакали, пригласили лучшего каратиста Москвы. И все бабы — тетки и молодежь — занимаются этим карате. И они худеют, румяные стали такие, хорошие! Римма приходит — такая тоненькая, — кладет свою амуницию, села: «Ну что?» Я говорю: «Не клеится». А она мне: «Ходи на карате!» Я Никите назавтра сказала: «Вот закончу сниматься — пойду на карате». Он так хохотал!

«Моя зона — это праздник»

— Нонна Викторовна, многие люди, в том числе и артисты, бывает, сетуют на тяжелую жизнь. Причем и бедные, и богатые. Почему Мордюкова никогда не жалуется?

— А черт его знает! Я не жалуюсь. Я констатирую.

— И не констатируете никогда, что вам плохо. Как ни спросим вас, как живете, всегда отвечаете: «Нормально».

— Так нормально! Жаловаться... А какой смысл? Ну ладно, будет одноразовый какой-нибудь укол, может, пшена принесут или еще что-нибудь... Мне и так ни с того ни с сего сто тысяч прислали из Союза кинематографистов. Потом четыре тысячи прислал как-то Юрий Михалыч Лужков. Я им благодарна за внимание. Правда, все улетает быстро.

— Кстати, вашу первую книжку, кажется, недавно переиздали?

— Да, три тысячи экземпляров отпечатали.

— Гонорар хоть хороший получили?

— По пять рублей с экземпляра.

— Вот цены опять подпрыгнули. Вас это задевает?

— А как же, конечно. Мы так же недовольны повышениями цен. И так же пугаемся: что дальше будет? Но не выносим это за ворота. У нашего народа всегда так: кто бедный — кому не хватает от пенсии до пенсии — они молчаливо себя ведут: они не знают, что делать. Они в растерянности. А кто не бедный, тот на эти скачки не реагирует, для них это мелочи.

— И все же что бы вы посоветовали людям: что делать, как не поддаваться унынию?

— Да как не унывать? И так все ясно. И вам ясно, и им ясно. Что переживаем очередное горе. Не хотела бы я говорить лозунгами — мол, давайте, товарищи, держаться. Они — советуй, не советуй — будут унывать все равно, но молча.

— Нередко простые люди обращаются к знаменитостям с просьбами о помощи, о поддержке. А вы играли сильных женщин, да и по жизни — стойкий человек. Вам бывают такие звонки?

— А вы знаете, чаще всего не звонят, они пишут. Что видели меня по телевизору, в газете, в кино. Как по улице шла. Люди все — начиная от генерала и кончая простой-простой киоскершей, бабушкой старенькой, — считают, что моя зона — не для жалоб. Что актеры — это носители праздника. Не важно, я это или другая артистка. Мы несем в себе какое-то такое оптимистическое настроение. Мы как будто бы предназначены для оптимизма. Для того чтоб выдержка была, чтоб пережить любые трудности.

«Жили за шкафом»

— Нонна Викторовна, такое впечатление, что вы привыкли только на себя рассчитывать...

— Все всегда сама делала. Я натасканная с малолетства: из детей — самая старшая была в семье, и мешки тяжелые таскала, и сумки — мускулистая была. Семью свою в основном я обеспечивала. Да я рассказывала, как учились в институте — все время жрать хотелось. Бедненькая мама с Кубани приезжала и за бок держалась — у нее уже был рак. Ляжет на маленький диванчик: «Доченька, я ведь что к тебе приехала? Денежку надо...»

А какие там деньги? И я, как только услышала, что можно выступать перед народом от общества «Знание» — такой вид концерта с кадрами из кинофильмов с твоими ролями — и за это еще и деньги платят, сразу согласилась. Тут уж, конечно, я первая пошла.

Славка дулся, скисал и говорил, что это неэтично — актеру выступать за деньги. Я говорю: «Красть неэтично». А если я выстояла три часа на сцене, и пот с меня течет, и люди стоя аплодируют, и платят за это деньги, и я расписываюсь — все по документам, — я не считаю, что это неудобно. А потом сам, как миленький, начал ездить с концертами, когда мы с ним разошлись. Стал думать о семье, о том, как на жизнь заработать.

Мы — люди из того времени. Из тяжкого. Плакали, бывало, но никогда не плакались. Мы были патриотичны. Ну прямо хоть ты убей — патриоты! И никогда в жизни никому в голову не пришло, чтоб какие-то там жалобы или сходки, восстания, никогда в жизни! Я только в Москве узнала, что такое демонстрация. Не жаловались. И ничего не просили.

Мы с Тихоновым одиннадцать лет жили в проходной комнатке — через нас ходила другая семья. Там была

четырехкомнатная квартира. В каждой комнате — по семье. Кухня — четыре метра. Своей ложкой до своей кастрюльки не дотянешься — когда «часы пик» готовки. Нашу комнату от кухни отделял фанерный лист. И одиннадцать лет сын Володя из-за этого листа со мной общался: «Ма-ам!»

— То есть вы были уже известные актеры, а ютились в этой маленькой комнатке?

— Многие жили так — за шкафами, занавесками. И никакая я не Ульяна Громова, никакая не Нонна Мордюкова — с нами грубо обращались...

— Чиновники?

— Чиновники. И Славка никогда — чтоб он пошел куда-нибудь в исполком, попросил нормальную комнату... Но потом мы все-таки получили квартиру.

А позже я и братьев с сестрами с Кубани перетащила. Не в Москву, правда — Москва не принимала приезжих, без прописки, — в Люберецкий район, в совхоз. Мама была там бригадиром.

Мама наша была — это уникум. Голос у нее был потрясающей красоты. Но пела она для себя. В церкви на клиросе пела.

А еще один раз мы вместе с сестрами пели в Большом театре. В 1957 году в Москве проходил фестиваль молодежи и студентов, и был концерт самодеятельных семейных ансамблей. Мама красивая была. И в почете. Она была, бедненькая, схвачена этой коммунистической идеей, верила в нее. Семье хлеба не хватало, а она все-таки накопила денег, купила ношеное кожаное пальто, сфотографировалась и большой портрет повесила, говорит: пускай классовые враги знают, как коммунисты живут. А то, что мы тогда были голые и босые, не важно.

— Тихонов вас не критиковал, что вы ходили просить квартиру?

— Нет, он вообще почти всегда молчал.

— А сейчас звонит иногда?

— А зачем? Он смотрел на все со сдвинутыми бровями. И на власть, и на меня. И на мою маму, и на сына своего...

«Мужа кормила картошкой с селедкой»

Наталья Мордюкова (сестра Нонны Викторовны):

— И на наш колхоз...

— Это наше семейство имеется в виду. Родственники Славки боялись, что мы всей оравой займем их дом. Они хорошие вообще люди. Мать у них такая была — из белоручек дореволюционных. А дед Славкин был машинистом на паровозе. И он заработал и выстроил дом — и сейчас стоит — деревянный, двухэтажный в

Павловском Посаде. Тихоновский.

И вот одна семья занимала нижний этаж, другая — верхний. Моя сестра Наташа — единственная, кто пожил в этом доме: попросили они ее. Чтоб она помогала им. Так потом отпускать не хотели. Предлагали, чтоб она навсегда осталась у них жить.

Наталья Мордюкова:

— У нас с дядей Васей, Славиным отцом, «тайная жизнь» была: его язва желудка мучила, он все просил: «Наташа, на плиточке свари суп — молочную лапшу». Сам и научил готовить. Мне четырнадцать лет было.

— Нонна Викторовна, а вы умели готовить, когда с Тихоновым жили?

— А чего варить — картошка, больше нечего и некогда. Если селедка есть, совсем хорошо. И маргарин на хлеб вместо масла мазали.

— А вообще, у вас, как у хозяйки, какое любимое блюдо — фирменное?

— Любимое — борщ. На второе — стакан молока.

— А борщ со своими секретами, по-особому варили?

— Наташа по-своему готовит, и я — по-своему.

— А сейчас вы не варите такой борщ?

— Нет. Мы сейчас берем его готовый. Как-то странно — я в такой форме даю интервью впервые. Все-таки понимаю, мы люди разных времен — вы из другого... Вот зачем вы сегодня спрашиваете: «Как вы борщ варили?» Борщ варят по всей России, что в этом интересного?

— Да ведь актриса, тем более такого масштаба. И представить, что вы стоите у плиты и варите борщ...

— Ну как же, я прекрасные вареники делаю, и пельмени, и что хотите, но у нас нет такого... многосолья. Да мы в нем никогда и не нуждались, мы привыкли: основная головешка — это борщ. А потом там уже блинчики, сырники.

«Я колхозный человек»

— А прислуга у вас была?

— У меня не прислуга была, а няня. Ребенок же был, а у меня постоянные разъезды. Вынуждены были искать няню. Одну, потом другую... Они у меня не приживались.

— Что так?

— Даже не знаю. Жена Ивана Пырьева говорила: «Надо соблюдать расстояние». Я этого не умела. Я дружить сразу кидалась. Я колхозный человек, мне кажется, все равны. Надо мной подруги смеялись: я фактически сама за няню все делала.

Премиальные придумывала по воскресеньям... Платья свои давала, когда она на свидание шла.

— Почему?

— Неловко было утруждать. Вот у меня жила одна — Нина. Утречком подойду к ней — она собирается в магазин, — говорю: «Надо двадцать пять рублей разменять. Часть с собой возьми, а часть нам оставишь. Мы тоже без денег не можем выйти на улицу». А она молчит, как будто не слышит, продолжает берет стряхивать. «Ты слышишь, Нина, что я говорю?» — «Разменяю — так разменяю. А не разменяю — так не разменяю», — взяла берет и пошла.

— А ваш сын Володя ее любил?

— У нее в кармане всегда был пистолет маленький, с пистончиками. Володя не ест — она пистолет достает: «Не будешь есть?» Он: «Буду, буду!» Ну он ее и «рассчитал» фактически. Однажды отец приехал из Чили — ездил с картиной «Война и мир» — и привез сувенир: деревянную змейку. Она как-то так сделана — извивается вся.

И Володька подсторожил няню, на цыпочках подкрался — и раскрутил эту змеюку. Он малый-малый, а понимал, что я мучаюсь с ней. И она собрала вещи и ушла.

— Обиделась, наверное.

— Да вообще, могла и умереть от страха. Самое интересное: прошло двадцать лет, прихожу к Лиле Скирде (известная актриса, последняя супруга Пырьева. — Авт.), выходит существо с во-от такой горой тарелок. Бабка давно. И я ее смутно вспоминаю: «Это же Нина!» Она почему-то превратилась после меня в этакую «старорежимную» домработницу...

«Россия — это бабка-квочка»

— Нонна Викторовна, вы ведь за политикой следите? Как считаете, правильно ли делает Путин, что отказывается идти на третий президентский срок?

— Я все знаю про него. Такую несет на себе тяжесть человек — мог и подустать. Мне кажется, он очень, очень износился за время, пока работает президентом. Ему этот отдых вот так нужен. Я за то, чтобы он ушел отдохнуть на четыре года. Раз по Конституции так полагается. А потом чтоб вернулся.

— А вообще, политика наша не напоминает вам театр или кино?

— Правда, напоминает! Когда на Немцова смотрю. Жириновский — так просто гениальный артист. А вообще, очень многие политики хотят воспользоваться властью, чтобы пройти

еще глубже во власть. Есть такой сорт людей, которые хотят быть вождями. Или царем. Вот такие они — поднаторевшие, грамотные, наверное, хорошо в университете учились. Но быть правителем российским не каждый годится. Наверное, это все-таки ветром надуло, навеяло, поднесло кверху...

— А что, по-вашему, Россию держит, почему она не погибнет?

— Она, во-первых, большая очень. Силы много в ней. А вот как такая бабка-квочка: сидит себе и сидит — и будет сидеть. Боже сохрани трогать ее, переделывать... Все равно выпрямляется в свою эту форму, какая должна быть она, Россия. Нашему человеку трудиться надо, иначе он разлагается. Работа и работа. А человек должен работать пружинно.

Политологи говорят: «Хочешь разрушить страну — просто растлевай молодежь». Вижу по телевизору: кому не лень говорят. Высказывания — как треск деревьев во время пожара. Телевизор пользует любой: тот голяком, другой матом сыплет — есть такая передача, якобы юмористическая.

— «Комеди Клаб»?

— Вот-вот. Телевидение перестало быть рупором таинственным, выдавили из него искусство.

— А сериалы вы по телевизору смотрите?

— Нет, не смотрю, я не могу заразиться их энергией. Я смотрю новости, канал «Культура». Чуть не умерла, слушая Хворостовского. Гениальный певец, ничего не скажешь. Равного ему среди молодых сейчас нет. Те в основном на уровне моды. Смотрю старые фильмы.

— А новую экранизацию «Войны и мира» Толстого, снятую европейцами?

— Я люблю фильм Бондарчука. Я сама снималась в нем в маленькой роли. Но дело не в этом. Ни одного современного фильма — даже глазом не взгляну — не показывайте мне. Только рекомендованные, проверенные. Вот Никиты Михалкова фильм «12» я буду смотреть. А на другие время тратить...

Я только знаете чего опасаюсь: не считайте меня такой, как сказать, нравоучилкой. Мы тоже в свое время остро воспринимали то, о чем старшие рассуждали. Но ведь и они были в чем-то правы. В том, что касалось сохранения нравственности, оберегания духовного заповедника. И я к этому пришла...

Рецепт борща от Нонны Морюковой

Кладется мясо, все равно какое — говядина, свинина. Варится, пенка снимается. Варится, варится, варится... А в это время деликатно режется капуста, свекла. Когда мясо почти

готово, закладывается вся эта чебурда: капуста, лук, картошка. Все вместе. И обязательно свежие помидоры. Или томатная паста, если это зима. А потом берется свиное сало, в ложку нарезается, а ложка не расписная, а такая, обыкновенная, деревянная, и потом скалкой сало раздавливается с чесноком. И последнее уже — зажаривается с луком. Травки, конечно...

«Комсомольская правда» (еженедельный выпуск),
22 и 29 ноября 2007 г.

* * *

Общаясь с Нонной Викторовной и ее сестрой, мы часто касались самых обычных, даже, может быть, обыденных тем. И, публикуя интервью, не избавлялись от этих мелких деталей. Нам кажется интересным все, что было интересно ей самой. Нам представляется важным показать ее не только в возвышенных сферах, но и в обычной жизни. Тем более что у нее и эти мелочи бытия часто оказывались окрашены яркими красками ее своеобразия.

6. Через сорок пять лет после развода она помирилась с Тихоновым

В конце апреля 2008-го, приехав из ЦКБ к себе домой, Нонна Мордюкова сразу же позвонила к нам в «Комсомолку».

— У меня для вас хорошие новости, — поделилась Нонна Викторовна — голос ее был бодрым и веселым. — Во-первых, на дворе весна — позеленело все. А то зима была какая-то неуклюжая, а сейчас солнышко светит — так радостно на душе. Во-вторых, я наконец-то дома. В больнице хорошо, а когда родные стены — оно-то лучше...

(Нонна Мордюкова находилась в ЦКБ с середины марта. После поддерживающих процедур она почувствовала себя настолько хорошо, что врачи приняли решение выписать актрису домой.)

Ну а третью новость мы выпытали у нее сами...

«Он первый сказал: «Нонна, прости...»

— Нонна Викторовна, пока вы были в ЦКБ, там же и Вячеслав Тихонов тоже лежал. Вы с ним не виделись?

— Нет. Зато потом... Ну и что? Он же первый про меня по телевизору — фильм назывался «Все о тебе», то есть о Мордюковой — сказал: «Нонна, я виноват, что перепутал твою жизнь. Прости... Я хорошо к тебе отношусь, и все пустяки». Я довольна была, что он сказал такое. Поэтому взяла и ему позвонила.

— Из больницы?

— Из больницы, конечно.

— Прямо домой?

— Да. Ему домой. Он же на два дня раньше меня выписался. А у нас с его женой хорошие отношения. Вот я и позвонила...

— И что вы ему сказали?

— Вам это обязательно? Говорю: «Славочка, дорогой, я тебя очень уважаю и посылаю тебе большой привет и спасибо, что ты вспомнил обо мне. Я тоже твою жизнь запутала, дорогой, не обращай внимания на то, что было, — что было, то уплыло. Все равно ты был первым, ты и последним остался для меня». Поздравила, что родилась у него двойня — внуки его. Давно, правда. Все как-то по-теплому говорили. И сказала еще: «Очень целую тебя в щечку».

— А он?

— Он говорит: «Спасибо».

— И все?

— Да, и все. И больше ничего не сказал. Что же он, разбираться бы там начал, что ли? Нет, он не такой. Он в душе все держит — такой человек.

— Больше ни о чем не разговаривали?

— Больше ни о чем. Я говорю: «Спасибо, Славочка, и тебе тоже».

— У вас как-то на душе после этого полегчало?

— Да чего легчать-то? Что мы, сойдемся, что ли? Нет. Это просто как ответное ему мое слово за то, что он обо мне вспомнил так хорошо. Ведь развелись мы в 1963 году. И все эти годы — сорок пять лет — ни разу друг с дружкой не поговорили...

— Что-то шевельнулось у вас в душе?

— Ох, вы какие... Шевельнулось, конечно! Но ему-то я не стала говорить об этом.

— А нам можете сказать?

— А что? Хоть и положили мы трубки, но не конец же всему. Я каждый день о нем вспоминаю. Как мы учились, как впервые на свидание пошли. Воспоминания... От них никуда не денешься. Все это меня согревает. Потому что это детство и юность. Все же у нас со Славой была семья. Больше у меня уже не состоялось семьи. Я каждый день его вспоминаю и благодарю в душе.

А потом я ему еще написала письмецо. Маленькое такое: «Слава, была очередь большая, никак не соединяли с тобой. Так я решила написать... Что было, то было, а осталось только хорошее. А плохое не хочется вспоминать, оно у каждого бывает».

— Тихонов не ответил пока?

— Нет, не ответил. Наверное, он удовлетворился тем, что я говорила ему до этого, а потом написала. Потому что и так ясно все.

«Хочу сниматься. Очень соскучилась!»

— Как вам в ЦКБ-то поживалось?

— Ничего... Сперва – в общей палате. А потом меня в элитную переселили. И я как барыня там была. Никита Михалков заплатил за лечение. Такие деньги, аж стыдно было.

— Чем теперь, после больницы, собираетесь заниматься?

— Мне бы только сняться! Возраст героини меня не пугает — хоть старенькую бы сыграла, все равно это интересно. Соскучилась по работе. Очень соскучилась!

«А на Пасху будем христосоваться»

Интервью это готовилось накануне Пасхи, поэтому мы спросили у Нонны Викторовны:

— Как отпразднуете Пасху?

— Как в детстве... Мама у нас в деревне была такая коммунистка, что куда там чего! А яйца на Пасху красили. Мама придет, а мы — детвора, нас же шестеро: «Ой, да это Нюрка, соседка, принесла!» А мама: «Сколько раз ей говорила — не крась яйца, я — коммунистка!» Меня так смех брал...

Кулич мы уже купили — Наташа сходит в церковь, освятит... Яиц немножечко покрасим — наверное, луковой шелухой. А на Пасху будем христосоваться.

Молодежь наша сейчас тянется к церкви. И пускай тянется. Плохого там ничего не найдут, только хорошее. А «Комсомолке» и читателям, которые меня вместе с вашей газетой так поддерживают, я желаю нежности в отношении к религии божественной. Нежности и доверия. Все зависит от Неба и от веры.

«Комсомольская правда», 26 апреля 2008 г.

7. «На экране я мало целовалась»

Мы много раз говорили с Нонной Викторовной о несыгранных ролях, о неосуществленных мечтах и желаниях актрисы. В газетные интервью входило далеко не все, что она рассказывала, о чем размышляла вслух. Многое оставалось на магнитофонных пленках, в расшифровках, записках. Вот несколько таких фрагментов...

«Я не заводила романы с женатыми мужчинами»

— Вы снимались с такими партнерами, как Рыбников, Ульянов... Зрители вас не соединяли в любовную пару? На встречах задавали вопросы по этому поводу?

— Задавали. Я отвечала правду: что Рыбников очень любит свою жену Аллу Ларионову и что он ее любил со студенческой скамьи, что у них очень хорошая семья.

— А выпивка характерна для артистической среды?

— Да это вся страна выпивала. Мы все равны — такой же процентаж пьющих и непьющих. Уверяю вас, что пьяниц одинаковое количество.

— То есть это еще один миф — о повальном пьянстве среди артистов?

— Да.

— А у народа представление — пьют и крутят романы.

— Это трудно объяснить, но, играя искренне, актеры почти всегда балансируют на грани влюбленности друг в друга. Почти всегда. Это очень близко ко греху. Но закончилась съемка — и до свидания. А бывает такая сила накала чувств, как сейчас у Домогарова и Марины Александровой, — приводит к невозможности не жить вместе.

— И как не поверить в роман артистов, если видишь в фильме, например, как Ульянов смотрит в кадре на Мордюкову...

— Ну, и приходилось разъяснять, что у него жена — актриса Алла Парфаньяк. В юности он был влюблен в Дину Дурбин. А встретил Аллу — очень красива была и смахивала на Дину — и забыл про Америку.

— У вас в фильмах мало сцен близких контактов с партнером — объятий, поцелуев...

— Это было немодно. Это было стыдно, неинтересно, не заведено. Никогда. Я себе и представить не могла... И не предлагалось такое. В картине «Отчий дом» снималась с Валькой Зубковым, и вот они (герои. — Авт.) должны были поцеловаться.

И вот он ее тянет, тянет к себе — и вот уже губы к губам — и все, камера поехала. А мы и не приучены были, не претендовали.

— А если бы режиссер потребовал? Сейчас актрисы раскрепощенные...

— Я бы не поцеловалась с актером. Здесь (на съемочной площадке. — Авт.) сто человек народу, и при них... Поцелуй — это интимная вещь.

— А вы сами — как в школе мы влюбляемся в учителя — влюблялись в режиссеров?

— Было, было, все это было, но разум-то есть! Мы же понимаем, что есть дети, жена, да и зачем это? Близкие отношения? А дальше что?

«Бондарчук сам подбирал мне костюм...»

Вот снималась в картине Бондарчука «Они сражались за Родину»... Я приехала, а у меня заблудился администратор — в Волгограде не встретил. Надо было добираться.

Подхожу к милиционеру: «А где же здесь кино снимается?» — «А вот райком партии, вы пойдите, там дежурный, он в курсе всех дел». Прихожу: «Как добраться?» — «Туда 69-й автобус идет... Нет, я сейчас машину дам! Доедете до “кукурузника”» (так называют самолет Ан-2. — Авт.).

...Летим. Начинаем приземляться. А там дед какой-то с флажком по ромашкам ходит и дает сигнал, куда самолету посадку делать...

— Успели вовремя?

— Да. Бондарчук — за руку меня, в костюмерную. Костюм подбирал, сам надевал, сам снимал с меня — одну кофту, другую — рад, что я приехала...

— ...Как реагировали на ваши работы в кино коллеги-актеры?

— Если картина вышла хорошая и я хорошо сыграла, многие делали вид, что они кино не видели. Вот так и реагировали: «Прилетаю. Шубу вешаю. Думаю: что это за знакомый тембр голоса? Смотрю — уже финал...» Ну брешет, просто нагло. И чем громче фильм, чем лучше я сыграла, тем чаще говорили, что не видели. Зависть...

Еще о Шукшине и Штирлице

— ...Вася Шукшин был такой характерный. Пел русские песни — головой мотал...

А отношения у нас складывались — как пинг-понг: он мне слово — я ему второе. Друг дружку понимали — один и тот же

юмор, одно и то же горе... Уже вроде бы пора обняться, а мы все нет... Я замуж выходила оттого, что забеременела раньше времени: аборт там делать или что? Сначала со Славкой любили друг друга — потом по-другому пошло... Ну на разной волне мы были...

А тут любовь пришла настоящая... Рванула бы я тогда — все было бы по-другому...

Но как? Чем меньше женщина понимает своего мужа, чем труднее ей ложиться с ним в кровать, тем она больше себя виноватой чувствует, что она его не любит. Боже сохрани ему это показать! Ну и, короче говоря, не завершился ничем этот роман с Шукшиным.

Повода не давала

— Это у меня будет отдельная тема в книге, называется «Же ву зем». По-французски — «я люблю вас». Это Пьер Безухов сказал Элен. А потому по-французски, что он не любил ее. И еле выдавил: «Же ву зем».

А вот режиссер Сергей Бондарчук с удовольствием мог бы мне это сказать: он меня как актрису любил...

Я цепляю вопрос о том, как жены — я найду дозу — талантливых мужей, будучи тоже актрисами, всегда ревновали ко мне мужей. Что я обладаю этим умением вскочить на тот самый мостик, на который им слабо вскочить.

— И кто войдет в эту вашу главку?

— Кто войдет? И Скобцева, и Ларионова...

— Вы пишете о том, как они ревновали?

— Как трудно было общаться. Хотелось им угодить или добрым словом, или поставить чашку чая, или что-нибудь такое... Как правило: хороший крепкий режиссер — мы сразу понимаем друг друга, и всегда это на линии греха. Выше искусства ничего нет.

— Никита Михалков при каждом удобном случае говорит, что обожает актрису Мордюкову.

— Я его как режиссера и человека тоже обожаю. Я у них с Таней всех детей перенянчила... А по-другому — никогда не было никаких намеков. Никита вообще из другого века...

— Сцены не устраивали жены?

— Нет. Вот одна хотела, а не за что...

«Нужно быть адвокатом своей роли»

— Что бы вы принципиально не стали играть? Например,

роль бандитки.

— Когда читаю сценарий, уже есть отторжение или нет отторжения. Даже, играя бандитку, ищешь яростно оправдание ей, чтобы она все равно имела что-то положительное. А просто бандитку играть, чтобы она людей вешала, — это неинтересно. Это не моя стихия. Это не искусство. Патология.

Когда у нас актер играет Гитлера, он через себя по каждому капилляру пропустит. Все слабые черты Гитлера, все сделает своим, репетирует походку, все сделает. Обязательно нужно быть адвокатом своей роли, иначе ты ее не сыграешь. А некоторые от азарта, от профессии берут материал с большим любопытством. Это же интересно. Самая трудная роль по вживанию, по пропусканию...

— Насколько образ, который складывается у зрителей, соответствует вашему истинному характеру? На экране сильная, боевая женщина. А в жизни?

— У всех складывается такое мнение, что я силач по жизни. Я с ними соглашаюсь, глядя в зеркало, да, я не могу играть Дюймовочку. Внешние данные — начало начал.

— А на самом деле плакать в жизни приходилось?

— Плачу, как все плачут. Маму вспомнишь — слеза вот здесь. Вот на кладбище пойду к сыну... Я хожу свободно. Мы с сестрой — там муж ее похоронен. Там и для меня место есть.

— Ой, не торопитесь.

— Я не тороплюсь, но место есть, волноваться не надо... Плачу, как все, — одинаково. Мы две сестры — она художник (про Наталью Викторовну. — Авт.), а я актриса. Она заплачет нескоро. А у меня здесь искра. Она более мужественная. А я терпеливая, но не мужественная.

«Комсомольская правда», 8 и 10 июля 2008 г.

8. Памятник Актрисе хотели поставить при жизни…

Летом 2008 года в семье Нонны Викторовны обсуждали инициативу земляков-кубанцев: установить на ее малой родине, в Ейске, скульптурный портрет актрисы. Место ейчане выбрали подобающее — на площади Киноискусства у кинотеатра, где, кстати, уже есть монумент еще одному именитому земляку — выдающемуся кинорежиссеру и актеру Сергею Бондарчуку. Установить скульптуру собирались 16 августа — в день города. Создание монумента доверили молодой художнице Ирине Макаровой, которая вылепила и памятник Бондарчуку.

Мы встретились с Ириной, когда работа над скульптурой шла полным ходом. Актриса была изображена присевшей на крылечко рядом с корзиной абрикосов босой крестьянкой, вольной красавицей с царственным взглядом.

Нонна Викторовна была уже в курсе этих задумок — ей показывали эскиз (еще весной земляки навестили Нонну Викторовну, Ирина тоже приходила):

— Сначала, правда, меня это насторожило. Как же это я в бронзе-то вся буду? Не приучена к такому. Я не алчно к этому отношусь — к возвеличиванию. Но мне сказали, что я буду у кинотеатра стоять. И все зрители будут ко мне приходить, а я буду их встречать. Вот, согласилась...

— А как вам сама скульптура-то?

— Хорошая... Хотя я не отношу себя к знатокам в этой области. Все это лестно очень, чего там говорить... Я благодарна всем.

Мы всячески избегали слова «памятник». А Мордюкова — нет.

— А я как-то и не переживаю, что у меня не было памятника. Никогда не было такого желания. Но коль уж задумали — пусть будет. Только я хотела бы — вот когда его поставят, чтобы мимо меня проходили люди с высоко поднятой головой.

— Как у вас настроение?

— Ничего, нормальное.

— Чем сейчас занимаетесь?

— Вот слушаю записи Дмитрия Хворостовского, которые мне прислала «Комсомолка». Ой, вот это подарок! Спасибо.

«Комсомольская правда», 28 июня 2008 г.

* * *

...Тогда мы еще обсудили всякие новости. Как раз незадолго перед этим российская сборная по футболу на чемпионате Европы обыграла Голландию.

— Я слушала репортаж по радио — у меня есть такое маленькое, тихо говорит, — поделилась актриса. — Когда наши забивали голы, я подпрыгивала прямо до потолка!

Это был последний наш разговор с Нонной Мордюковой. Вечером 6 июля великой Актрисы не стало...

9. «Я хочу, чтобы гроб не открывали — пусть меня запомнят живой»

Когда рано утром 7 июля мы вошли в квартиру Мордюковой, первое, что увидели, — кастрюли на плите с нехитрой едой.

— Я же еще вчера все приготовила, — не сдерживая слез, рассказала Наталья Викторовна. — Думала, покормлю сегодня Нонну вкусненьким. А кормить-то и некого... Я была у Нонны в субботу. Она плохо ела. Говорила: «Вот зарубите меня топором, а есть я не буду». В воскресенье, 6 июля, она чувствовала себя неплохо, была в хорошем настроении. У нее были брат Геннадий с женой Валей. Я разговаривала с Нонной по телефону — голос у нее был бодрый, хороший. Через неделю я собиралась забрать ее домой...

Мы отвезли Наталью Викторовну в ЦКБ. А через час с ней созвонились.

— Что врачи говорят о причине смерти?

— Мы же против вскрытия... А врачи говорят, что у нее, скорее всего... Видимо, тромб... оторвался. А сердце было слабое и сосуды слабые... В воскресенье вечером Нонна уже спать собиралась. Медсестра ей говорит: «Сейчас я вам таблеточку на ночь принесу». Нонна сказала: «Хорошо, я подожду». Это были последние ее слова. Медсестра возвращается с таблеткой, а Нонна — уже все... Ее скорее в реанимацию, делали все возможное, но уже ничего нельзя было сделать... И она спокойно уснула.

— Нонна Викторовна ни о чем не просила вас перед смертью? — спросили мы у сестры актрисы.

— Ни о чем таком не просила, — ответила Наталья Викторовна. — Сказала только: «Если я умру... Я хочу, чтобы гроб на людях не открывали — пусть меня запомнят живой». И чтобы, сказала она, не было никакой панихиды и чтобы отпевали ее в маленькой церкви, что на Кунцевском кладбище.

И еще мы спросили у сестры актрисы:

— Нонна Викторовна больше не звонила Тихонову?

— Нет, — ответила Наталья Викторовна. — Видимо, решила, что все, что хотела ему сказать, сказала.

«Комсомольская правда», 8 июля 2008 г.

10. Провожали аплодисментами. В последний раз…

Хоронили великую Актрису 9 июля…

— …Вы за Тихоновой? — огорошил нас один из служителей ритуального зала ЦКБ, когда мы приехали туда вместе с родственниками актрисы. Они решили попрощаться с ней без посторонних глаз и потом уже везти на Кунцевское кладбище.

Родственники не обиделись на служителя — только поправили его:

— Она была Нонной Мордюковой…

Первой к гробу подошла сестра актрисы, Наталья — она не плакала, и стала разговаривать с Нонной Викторовной, как с живой:

— Нонна, как же ты страдала, сколько пережила — одному только Богу известно… Все какие-то сценарии в уме сочиняла, да репетировала… Ты все волновалась — актриса же! — как будешь выглядеть, когда мы будем тебя провожать? Так вот, ты у нас красивая…

И Наталья Викторовна поправила сестре косынку.

Вице-спикер Госдумы Любовь Слиска положила ладонь на руки актрисы, спрятанные под покрывалом:

— Простите, Нонна Викторовна…

— Они любили друг с дружкой поговорить, — рассказала нам Наталья Викторовна. — Бывало, сдабривали разговор крепким словцом. И хохотали!..

На кладбище народу собралось столько, что пришлось выставлять милицейские посты. Проститься с Мордюковой пришли не только люди в годах, но и совсем молодые. Далеко не все смогли попасть в небольшой храм Спаса Нерукотворного Образа на Сетуни, что на Кунцевском кладбище (там проходило отпевание) — просто не уместились.

Перед тем как начать отпевание, огласили соболезнование патриарха Алексия II. Отпевание проводил архиепископ Уфимский и Стерлитамакский Никон — так пожелала сама актриса.

— Он приезжал как-то к Нонне, привез денег, — рассказали нам сестры актрисы. — Но дело не в деньгах. Просто отец Никон ей как-то в душу запал…

Режиссер фильма «Мама» Денис Евстигнеев пришел вместе с «киношными сыновьями» Нонны Мордюковой — Владимир Машков выглядел потерянным, а Евгений Миронов не стеснялся

слез.

Никита Михалков немного опоздал, и мы подали ему уже зажженную свечу. Но он тут же передал ее стоявшему рядом министру культуры Александру Авдееву, а сам встал поближе к церковному хору — начал вместе с ним петь «Вечную память».

После отпевания мы рассказали Михалкову, что Нонна Викторовна перед смертью очень сильно его благодарила за то, что назначил ей кинематографическую премию 10 тысяч рублей в месяц, полностью оплачивал ее лечение...

— Это не она нас, а мы должны были ее благодарить, — виновато сказал Михалков. — И больше ей помогать. И еще раньше надо было...

Когда гроб вынесли из храма, раздались аплодисменты.

Пока его несли к тому месту, где похоронен Владимир Тихонов, актриса Наталья Варлей все время утирала слезы...

Гроб с телом Нонны Мордюковой опустили в могилу, вырытую рядом с могилой Владимира (так завещала Нонна Викторовна).

Близкие родственники, бросив на крышку гроба по горсти земли, расступились, чтобы дать возможность многочисленным почитателям таланта великой актрисы подойти поближе.

А Наталья Варлей не двинулась с места — так и осталась стоять у вороха свежесрезанных хвойных лап, которые окружали могилы матери и сына...

Кстати, в храме гроб с телом Нонны Мордюковой был без крышки, хотя она завещала, чтобы на людях он был закрыт: «Пусть запомнят меня живой».

Мы спросили у Натальи Викторовны, не было ли нарушено завещание?

— Я считаю, что нет, — сказала сестра актрисы. — Ведь из храма тело Нонны выносили в закрытом гробу. А при отпевании нельзя закрывать лицо покойному.

«Комсомольская правда», 9 июля 2008 г.

* * *

Кстати, памятник Нонне Викторовне, отлитый из бронзы, открыли в Ейске, как и планировали, 16 августа 2008-го, через десять дней после смерти великой Актрисы. Наталья Викторовна присутствовала на этом мероприятии. Возвратившись, рассказывала:

— Там многое изменилось. Кинотеатр, в который Нонна когда-то ходила, сделали современным — это потрясающе! Ее фотографии в фойе. Там билет можно купить через компьютер! Смотришь картинку и выбираешь себе место, какое нравится...

Жалко, что Нонна этого не увидела. Она ведь порой мечтала

съездить в родные места, с подругами повстречаться. Да какие там уже подруги! Кто умер, а кто переехал и неизвестно где, и живы ли...

Памятник так хорошо смотрится! Люди тут же стали фотографироваться рядом с Нонной, детишки на коленки забрались...

Что меня поразило — деньги на изготовление скульптуры пожертвовали местные бизнесмены: три грека и один грузин! Один так наклонился, грек, и говорит: «Разве можно женщине босыми ногами стоять на камне? Конечно, нет. Мы опять собрали деньги, чтобы скульптуру поправили — надо под ногами из бронзы «деревянную» ступеньку сделать...»

11. «Она до последних дней своей жизни ждала звонков от режиссеров»

Чем больше времени проходит, тем яснее становится масштаб и глубина уникального явления в искусстве — Нонны Мордюковой. И еще вот думаем: хорошо, что народная любовь не знает ни девальвации, ни дефолтов...

Великая актриса всего несколько месяцев не дожила до своего 83-летия. Этот, теперь уже посмертный, ее день рожденья мы решили отметить на страницах газеты с помощью Натальи Викторовны Катаевой (Мордюковой).

Она поначалу засомневалась — как интервью-воспоминание связывается с православными правилами поминания усопших? Посоветовалась с отцом Никоном. Отец Никон сказал: устраивать обед — поминки, нельзя, а вспоминать не возбраняется...

«Самая лучшая сыгранная роль — ее уход»

...Мы расположились в той же комнате, в тех же креслах, за тем же самым низким столиком, за которым Нонна Викторовна всегда принимала нас, когда мы приходили с диктофоном. Чаепитие на кухне — с непременными искрометными актерскими байками, в этом Мордюкова была непревзойденным мастером! — это когда визит «неофициальный». А интервью — непременно в этой комнате.

— Она называла ее офисом, — замечает Наталья Викторовна. — Чуть что, говорит: «В офис пойдем!» Она не знала, что такое офис! Офис — это она представляла — там какой-то босс сидит!

— Это она себя представляла боссом?

— Да-да-да!

В этой же самой комнате ровно год назад, отвечала она и на вопросы украинских телевизионщиков, «напросившихся» на ее последний в жизни день рожденья.

— Этот день рождения мы не забудем никогда, — говорит сестра актрисы. — Потому что предыдущий она встречала в больнице — вы еще приходили с пирожными, эклеры с творожной начинкой... Вот, а тут — дома, на своих ногах, собрали всю родню и самых близких друзей. Вы же помните, какая она тогда была довольная, веселая. Я тогда и думать не могла, что такое не повторится.

Это невыносимо, потому что настолько мы с ней были связаны — пуповиной. Я знаю каждое ее выражение лица,

ужимку, знаю, что нравится ей или не нравится. Я все угадывала. Мы одновременно начинали говорить об одном и том же... Настолько мы даже телепатически были связаны. Понимаете?

Раз я была при смерти — у меня тромб оторвался... Нонна в Карелии снималась, и звонит моему мужу на работу: «Петя, спасайте Наташку!» Вот как она почувствовала, что мне плохо? И поэтому у меня рефлексы к ней до сих пор остались, я от них еще не избавилась.

По привычке вскакиваю утром: сейчас Нонне завтрак сделаю... И ком в горле. Вы понимаете, не уходит этот ком...

— Вы жили с Нонной Викторовной последние десять лет, верно?

— Да, но дело не в этом. Мы с ней никогда в жизни так надолго не расставались. Вот с тех пор, когда я в Москву к Нонне переехала еще совсем девчонкой, Вовочку, ее сына, нянчила. Я и мужа своего, кинооператора Катаева, встретила в киноэкспедиции, куда Нонна меня взяла с собой.

Даже когда она уезжала в командировки одна, все равно хоть на день, а вытащит меня. Помню, как отмечали ее день рождения, когда Нонна снималась у Никиты Михалкова в фильме «Родня». Она мне звонит: «Наташка, приезжай!» А у меня ведь тоже — семья, работа — я тогда трудилась на телевидении, в объединении «Экран» — двадцать девять лет на одном месте, кстати! В общем, я поехала. Там Римма Маркова была с дочерью, Никита Сергеевич, сидели с Нонной, пели — до четырех утра! Я чуток поспала — и скорей в Москву. А когда я была в командировке в Протвине, что под Серпуховом — она ко мне приезжала. Ходили в финскую баню, березовый сок пили, шашлыки жарили...

Сестры мне предлагают переехать из этой квартиры, потому что здесь каждая вещь о ней напоминает. Но я не уеду. Она не хотела, чтобы я после ее ухода отсюда уехала.

Она мне сказала: «Знаешь, что, сестрица, когда меня не будет, живи здесь. Понаслаждайся одна. А то ты со мной влипла».

— Так и сказала – «влипла»?

— Да, так и сказала. Я говорю: «Нонна, ну если бы со мной что случилось, разве бы ты со мной тогда не влипла бы?» — «Влипла бы, конечно».

А я знаю: она б никого из родных в трудную минуту не бросила. Помню, я еще молодая была — только замуж вышла, со мной «ЧП» случилось. А дело было на первое мая, транспорт в центре не ходил — она чуть ли не через всю Москву, сквозь толпы народу — шла, да еще врача с собой привела. Она ж после смерти мамы нам всем, младшим детям, ее заменила.

— Она цементировала вашу семью.

— Нонна? Она связующей была, конечно. Она у нас всегда такой была, всегда. Ее энергия — даже если себя плохо чувствовала — на всех распространялась... Она хотела, чтобы и после ее ухода мы по-прежнему собирались в ее квартире, в ее любимой комнате. Она так и останется ее комнатой. Как при жизни.

— Хотите сделать что-то вроде домашнего музея?

— Можно и так назвать. Здесь будут вещи, которые она любила. Вот этот диванчик и кресла — она сама выбирала гобелен для обивки. Шкаф, который сама покупала. Платья, которые носила, — они вот здесь в шкафу так и будут висеть. Если кто захочет посмотреть — вытащу и покажу. Она мечтала о комодике — куплю, привезу... Сюда поставлю скульптурное изображение Иисуса Христа, который ей подарили.

— Портрет ее, написанный маслом, фотографии повесите?

— Обязательно, хорошие сделаем, отреставрируем снимки... Она мне столько успела сказать — прямо наказывала, наказывала, как наша мама.

— И что же она наказывала?

— Много чего. Мы смотрели похороны Сошальского. Она и говорит: «Вот видишь — театр, гроб стоит на сцене. Люди-то идут с одной стороны ручейком, а боссы — с другой...»

— И ей это не нравилось?

— Ей это ужасно не нравилось... «Я, — говорит, — так не хочу». Я говорю: «Нонна, ну о чем ты говоришь!» — «Ну а как же, — говорит, — ты должна это знать! Слушай меня! Я простой человек. И поэтому не надо театральной панихиды. Вот чтобы отец Никон попел молитвы... — она слово «отпевание» не говорила. — И все! На кладбище все равны!» Точно!

Поэтому ее отпевали в небольшой церкви на Кунцевском кладбище. И похоронили рядом с сыном Володей...

Александр Яковлевич Аскольдов потом, после похорон, сказал: «Самая лучшая ею сыгранная роль – это ее уход». Она все сама — и проиграла, и прорежиссировала...

«Володя был самой большой ее болью»

— Покоиться рядом с сыном ведь тоже было ее наказом?

— Конечно! Она даже о памятнике подумала. Говорит: «Ты смотри, мне не сделай лучше памятник, чем у Володи. Чтобы он не чувствовал себя униженным». В январе вплотную займусь этим делом. Я хочу Нонне с Володей один общий камень поставить. А фотографию сделать с кадра из фильма «Русское поле», где они в

обнимку стоят...

Родственники все одобрили эту мою задумку. Потом еще надо оградку сделать, и скамеечку, и столик, чтоб могли читать люди молитву. Мы же православные. Вазу для цветов. Мы очень благодарны людям, что они ее не забывают. На могиле свечу некуда поставить — вся обложена цветами и свечками. Правда, расстраивает немного то, что фотографии нет — сколько раз ни крепила — куда-то исчезают. Наверное, поклонники уносят...

— Это все вы из мрамора хотите сделать?

— Я пока не знаю. Надо посоветоваться. Потому что я посмотрела — фотография лучше смотрится на черном фоне — гранит или мрамор — я не знаю. Форму надо придумать...

— Денег-то хватит?

— Я еще не знаю. Попрошу составить смету, чтобы я рассчитала... Я хочу выкрутиться сама! Обращаться куда-то... Неудобно это все! Вы понимаете, это так неудобно! Не уложусь в сумму — значит, цоколь буду делать другой, не из гранита. Нонна мне всегда говорила: «Нечего равняться по олигархам!» (Этот памятник был установлен в начале июля 2009 года. — Авторы.)

— На этом снимке Нонна Викторовна и Володя выглядят такими счастливыми...

— Я так и хотела, хотя оба очень страдали из-за его зависимости от наркотиков. Володя ведь тоже понимал, что губит себя, заставляет страдать близких людей.

Я никогда не забуду один ее день рожденья — Нонна жила еще на Рублевке, 34. Володя тогда прошел курс иглоукалывания, и ему на какое-то время это помогло. Для него написали хороший номер, и он, когда был в бодром состоянии,выступал перед зрителями. Володя приехал с клеткой, с попугаем, и Нонна такая была счастливая! Когда стали расходиться, Володя говорит: «Тасюра, — он меня так называл — я, говорит, заработал и тебя на такси до дому довезу». Мы с ним едем, и он говорит: «Ты знаешь, Тасюра, я никогда не видел мать такой, как сегодня. У нее впервые смеялись глаза!»

И он был такой счастливый! Счастливо-грустный, я бы сказала. Потому что уже понимал, что надвигается опять гроза... Нонна часто вспоминала тот день рожденья. Потом она эту птицу отдала кому-то из артистов. Но страдала она все годы. Каждое воспоминание о Володе причиняло ей боль.

— После кончины Нонны Викторовны в нескольких СМИ появились интервью Натальи Егоровой, второй жены Владимира Тихонова — она рассказывает о своем бывшем муже и о непростых отношениях с бывшей свекровью.

— Да, я читала. Мне Нонна в последнее время все говорила, что не нужно обращать внимания на то, что пишет желтая пресса: «А чего я буду возмущаться? Столько о других жареного говорят». И я ей говорила: «Нонна, будь спокойна, я ни за что не буду скандалить...» Но ведь должен же быть элементарный такт! Нельзя теребить душу умерших! Это же христианская заповедь! Не надо!

— Егорова утверждает, что отсутствие контакта с Нонной Викторовной — результат козней со стороны Натальи Варлей, первой жены Владимира Тихонова.

— Да нет, конечно. Нонна Наташу Варлей уважала. За то, что она большая труженица, детей хороших вырастила. Варлей время от времени звонила, заходила, поддерживала связь. Мне очень неприятно, что Наталья Егорова так... неделикатно и, как бы это сказать... не очень правдиво ворошит прошлое. Вот она говорит, что всегда любила и любит Володю до сих пор. Когда поженились — да, любовь была. Спустя несколько лет она родила ребенка. Но потом... Наташе ведь тяжело пришлось: и плакала, и с ребенком в колясочке — было и такое — ночью пешком от мужа уходила. Я ее не осуждаю, и Нонна все понимала.

Но... Помню, приезжаю к Нонне, у нее внук — ему месяцев десять было — в перевернутом табурете прыгает (тогда манежей для малышей не было), а Нонна плачет: «У Володьки опять все началось...» Наталья просто уходила и все. И исчезала надолго-надолго.

— Нонна Викторовна не могла простить, что Наталья оставила Володю один на один с его наркотической болезнью?

— Когда Володя умирал, с ним была только мать. В 1985 году он лежал в больнице — в очередной раз лечился от зависимости, и написал матери письмо — она его сохранила. Здесь есть такие строчки: «Мама, еще не все потеряно... Больше понять меня некому. Ведь ты понимаешь, что Егоровой больше нет, а отцу... не до меня... Мама, мне ведь тридцать пять лет, я очень одинок. Если не ты, то кто?»

— Наталья Егорова не пыталась наладить отношения со свекровью? Не звонила?

— Звонила. Но только затем, чтобы высказать претензии, потребовать помощи.

— Материальной?

— Да. А чем могла помочь Нонна? После смерти Володи у нее не было ролей, она простаивала. Нонна уже не в состоянии была работать — а она нам звонит: «Вот, Володе (внуку Мордюковой. — Авт.) нечего надеть». Я говорю: «Так работай!» Она: «В магазине, что ли, стоять? Да я в 12 часов утра еще в

разобранном виде!» Наташа считала для себя зазорным такую работу. А у меня тоже был период — я не стесняюсь этого — хоть я и художник по костюмам, а работала гладильщицей. По шестнадцать часов. Ничего! Стыдной работы не бывает. В конце концов можно было бы сдавать дачу или комнату в трехкомнатной квартире. У нас в семье все так и крутятся. И я в свое время свою квартиру сдавала. А тут: «Я не могу постороннего человека в квартире терпеть». Нонна не хотела с ней разговаривать и по телефону. Говорит: «Ты скажи, что мне больно ее слышать!»

Когда Володя умирал, ни души не было около него, никого! А сейчас читаю: Наталья Егорова, оказывается, приехала, когда Володя умер, посмотреть кровать, на которой он спал. А где же она была пять лет? Егорова никогда не интересовалась, как живется свекрови — а может, ей самой помощь нужна. Наташа Варлей приезжала, подарила Нонне халат, тапочки из овчины ей в больницу привозила. И чай пили, сидели. Им было о чем говорить. Об искусстве и так далее.

В 1998 году Нонна ушибла кисти рук. Я вынуждена была своего внука в детский сад отправить, ездила к Нонне готовить, кормить — она не могла даже ложку держать...

— Сын Натальи Егоровой и внук Нонны Викторовны, тоже Владимир Тихонов, в телеинтервью с обидой говорил, что бабушка была к нему холодна...

— Поймите — ей действительно было больно встречаться и с внуком. Представьте: в половине одиннадцатого вечера у нас раздается звонок: «Нонна Викторовна, это Владимир Тихонов! Я здесь, у вас под окном!». Нонна чуть сознание не потеряла! Ей было так плохо: она не сразу сообразила, что это внук звонит — как будто сын с того света объявился. У нее душа о нем всегда болела. Не переставая.

«...А впервые сыграла на глазах у полицаев»

— Актерство — это от природы. Это в ней Богом было заложено. Буквально с рожденья. Вот если бы у меня спросили, какая была первая ее роль, я бы ответила: первая сыгранная роль была в оккупации. И сыграла она ее так хорошо, достоверно, что этим самым нам всем спасла жизнь.

— А поподробнее можно? Что это был за случай?

— Это был февраль 1943 года. Мне было около семи лет. Мы жили на стану. Стан — это в горах маленькая избушечка в одну комнатку, с перегородочкой — там папа сидел, инвалид. Он отморозил ногу, и ему ампутировали стопу. Мама была

убежденная коммунистка, в период коллективизации и после все в колхозах на руководящих должностях была.

Когда началась война и к Ейску, где мы жили, немцы подходили, она наняла грузовик, погрузила муку, что возможно из вещей и мы помчались в станицу Отрадную. Оттуда на быках на хутор Трубадур, через горную реку Уруп. А все равно немцы и туда пришли. Оккупанты организовали колхоз, и маму тоже заставили в нем работать. Они не знали, что она коммунистка — документы мама в лесу закопала, так их потом и не нашла. А партбилет оставила — зашила в подгиб пальто брата...

Председатель колхоза говорит: «Ирина Петровна, у тебя пятеро детей, а ты такая языкатая — боюсь я за тебя. Лучше мы тебя отправим на стан, в горы. Сторожить колхозные запасы». Там в траншеях с крышей были семечки, сахарная свекла, картошка и кукуруза.

Вот в этой избушке мы и жили. Печку топили — стеблями подсолнухов и кукурузы — из-за оккупации их на полях срезать не успели. Или соломой — стог стоял. Огонь держали круглосуточно — спичек не было. Раз не углядели — погасла печка. Нонну с Геннадием, нашим младшим братом, мама отправила на большак. А это километра три, наверное... Им дали немцы огня — подожгли ватку. И они всю дорогу несли, закрывая, дули, чтоб не погасло, и принесли. Кукурузу в ведре варили — это еда была.

Скотины никакой не было. Зато набежало диких собак штук двенадцать. Нас якобы сторожили — лаяли. Но ни на кого не нападали.

Скоро к маме по ночам партизаны приходить стали. Приходили мужчины по двое. Приносили иногда что-нибудь: то кресало, чтоб огонь разжигать. Один раз курицу принесли, другой раз — соль. Всю ночь шепчутся, шепчутся... Расскажут новости — они там слушали в лесу радио, Сталина речи — мама интересовалась. Нужны были явки. Мама в станицу под видом гадалки ходила, контакты налаживала, поддерживала людей, разведданные собирала. А потом Нонну стала посылать. Ей уже шестнадцать лет было. Носила солдатские ботинки, телогрейку, юбку шерстяную, чулки на резиночке и платок. Идти нужно было через висячий мост. Это очень страшно.

— Пропасть глубокая?

— Да, внизу река шумит. А мост — одно название. Никаких перил: внизу трос и вверху трос. А настил с во-о-от такими дырами — досок не хватало. Летом босиком едва держишься, а обледенеет — ужас! Ну, вот... Однажды партизаны настолько осмелели, что пришли утром к нам. Шушукаются. А я в окошко

вижу — в гору кто-то поднимается с винтовками. Полицаи! Партизаны ползком — в траншею, зарылись там. Папа — за печку, мама у окна застыла. А Нонна надевает телогрейку, платок... Мама: «Ты куда?!» А я, говорит, пойду солому дергать.

Я с мамой смотрю в окно: Нонна дергает солому в мешок и на идущих посматривает. Несколько человек отделились, приближаются: у двоих наготове ружья — на Нонну направлены. Мама меня так больно за волосы дергает. А Нонна грызет семечки, напевает незапрещенные песни: «Ну-ка, чайка, отвечайка, друг ты или нет...» И улыбается, смотрит на них. Молодые ребята. И они ее рассматривают. Красивая девушка. Говорят о чем-то и... уходят.

Нонна потом рассказывала: «Они мне говорят: “Девушка, подойди к нам”. А я им: “Дяденька, вы меня зовете?”» Вот так подумайте — кого же еще — она одна стоит... Понятно, испугалась — а по лицу не скажешь. Такая простушка деревенская! Они говорят: «У вас здесь никто не проходил?» А правда, снег выпал, следы партизан так четко были видны! Она говорит: «Хм, наверно, проходили, у нас же добро колхозное — брали, наверное. Хотите — кукурузы возьмите, хотите — семечек. А потом — я ж ездила по воду. На лошади с бочкой. Вы у мамы узнайте. Погрейтесь». И на избушку показывает рукой.

Нонна так естественно, непринужденно держалась, они повернулись и уехали. Потом Нонна позвала партизан — у одного из кармана револьвер выпал. Видно, уже готовы были отстреливаться. Что это — не роль была?

— Выходит, ей нетрудно было входить в роль Ульяны Громовой в фильме Сергея Герасимова «Молодая гвардия»?

— Конечно! Мы же все то же самое переживали, что и комсомольцы Краснодона. Она мне сколько раз говорила: «Ты понимаешь, для меня ничего нового там не было. Сама видела, как на базаре комендант станицы выступал. Евреи ходили с повязками с шестиконечной звездой». И душегубки были. И казни.

Вот я про партизан говорила — старший потом фамилию свою назвал: Князев. А Нонна говорит: «А в станице Шуру Князеву казнили». Он говорит: «Это моя дочь». Она комсомолкой была.

— Ее прямо в станице казнили?

— Привязали к машине и поволокли в Армавир.

— И это на глазах у всего народа?

— Да. Чтоб неповадно было. Все ужасы мы пережили. А Нонна бесстрашная была. Все ей хиханьки да хаханьки. Как-то партизаны отбили скот, который немцы угоняли в Германию. Голов сто. Днем его прятали у нас на стану в подсолнухах.

Молодежь из станицы приходила — скотину кормили, поили. А на ночь у нас оставались. А нас самих семеро! Спали на полу, на соломе. Хохот чуть не всю ночь: «Ванька, это твои ноги? Нет, не мои! А чьи? Клавкины!» И так целую неделю.

— Немецкие солдаты к Нонне не приставали — девушка-то была яркая?

— Они шоколадки дарили девушкам. Но не трогали. Не было такого хамства среди простых немцев-солдат. Вот офицеры, эсэсовцы в черном, спецотряды — зверствовали. А солдаты даже, когда там наши работали на дороге, сами говорили: «Когда едет грузовик — можете отдыхать. Но если легковая машина — работайте изо всех сил!»

— Начальство едет...

— Да-да-да! Предупреждали. И даже делились с сельчанами солью.

— Может, это не немцы были, а солдаты другой национальности?

— Немцы. И мама говорила — это те же пацаны, как наши. Задурили им головы — вот и пошли воевать.

— А как наши пришли?

— Несколько дней канонада была слышна с большака. А когда мы уже увидели солдат в буденовке с красной звездочкой — мы с братом и Нонной выскочили, и стали петь: «Партизанские отряды занимали города». Это была армия — в некоторых частях еще буденовки носили. Как сейчас помню: солдаты просят — пусть наш командир побреется. Мама горячей воды из чугунка дала. А потом бычка закололи. Варится котел мяса. С картошкой. У нас один табурет и столик для командира. Остальные все — мы и солдаты – на полу. У них котелки походные. Всем по куску мяса и этот бульон!

И ничего нам больше не надо — у нас такая радость! Что освободили нас, освободили! Тем же вечером вернулись партизаны. Пошел такой пир! И Нонна с мамой пели. Нонна стреляла из пистолета и из ружья, бойцы ее научили. Ей это потом пригодилось: после войны молодежь по ночам с оружием патрулировала города и поселки, и Нонна ходила.

«Помирилась со Славой и успокоилась...»

— Мы знаем, Нонна Викторовна всегда интересовалась политикой...

— Это точно! Нонна у нас — великий политик. (Смеется.) Все возмущалась: «Ну как же наши правители не могут понять — экономика начинается с сельского хозяйства! А его разрушили,

уничтожили».

Она писала рассказ, «Трахтур» называется. О том, как бабка умерла от радости, когда наконец-то дождалась «трахтура», чтоб вспахать огород.

— Этот сюжет она сама придумала?

— Нет, это действительный случай! Мы с ней ездили в деревню под Калугой, к знакомым. Они и рассказывали. Мы видели разрушенную ферму, бывших колхозников, которые не знают, чем заняться... От безысходности вымирать стали... Нонну это потрясло.

Мы ведь родом из деревни. А сколько хороших фильмов о простых людях, деревенских, раньше снимали! «Отчий дом», «Журавушка», «Простая история», «Русское поле», «Возврата нет» — в них Нонна такие хорошие роли сыграла. А сейчас будто деревни вообще нет: на экране телевизоров — одни бандюки да убийцы... Мы из-за этого телевизор не смотрели.

— Но за новостями все-таки следили?

— Мы каждое утро начинали с чтения газет. И в больницу я для нее газетки приносила, вслух читала. Только уже последнюю неделю мы просто разговаривали. Она мне говорит: «Снился сон, что я репетирую роль, а какой-то мужчина и говорит: да что ты репетируешь, ты ж скоро умрешь!» Я ничего не могла ей сказать. Потому что это была бы такая фальшь с моей стороны. Я просто промолчала.

Говорю: «Давай попьем кисель твой любимый». — «Не хочу». Наступает обед — я уговариваю: «Ну, ради меня, проглоти хоть одну ложечку бульона...» Для меня в это время главное было: ест или нет... Когда она совсем от еды отказалась, я испугалась.

Я ж с того времени, как фильм «Мама» снимали, ее питанием всерьез занялась. На площадке ей стало плохо, вызвали «скорую помощь», и в больнице обнаружили диабет. А попробуй Нонну держи на строгой диете! Она любила простую пищу: селедку, картошку жареную. Я говорю — этого нельзя, а она — как преснятина надоела! Я борщ варила — картошку вымачивала, добавляла немного квашеной капусты, ложечку сметаны 10-процентной. А в больнице вообще все паровое. А я помидор натру, лимончик выжму — получается соус.

— И она до последних дней придумывала для себя какие-то роли?

— Всегда! Все время придумывает, придумывает, придумывает... Я говорю: «Нон, ты мозги себе не сломай». Ведь сколько лет не снималась, такие простои были. А жажда творчества была, идеи бурлили.

У нее вирус этот — воображение — моментально

активизируется, с ходу. Вдруг такое придумает, какую-то деталь, настолько точную и яркую, от которой образ просто заиграет. Я с ней работала на картине «Мама». Снимается финальная сцена — встреча с сыновьями на станции. Она говорит: «Дайте сажи!» Зачем? Где взять? Но нашли, принесли чуток. А она — раз — отпечаток на лицо. И помните — сыновья и сама мать начинают хохотать. И ведь какая точная деталь: вот бурильщики, когда нефть находят — все мажутся ею, и так празднуют открытие. И здесь — радость от единения семьи.

Я потом спрашиваю: «Нонна, как это тебе в голову пришло?» — «Не знаю», — говорит. Вот это как раз то состояние у нее аффекта, когда приходит это зерно. Так же, как и в «Простой истории» — это ж так сыграть, как они с Ульяновым: на грани...

— Какие образы ей приходили в голову?

— Да разные. Она говорит: «Вот “Чайка”... Помнишь, был спектакль?» Не могу повторить ее слова — матом немножко...

Так вот, они (герои) сидят и впустую говорят, говорят, от скуки не знают, что делать... И зрителю тоже скучно. Не так надо ставить эту пьесу. Что все такие серьезные, с надрывом? Полегче нужно, с юмором, с иронией, играючи...

Очень ей нравились социальные клипы Дениса Евстигнеева. (Напомним, в одном из них Нонна Мордюкова и ее подруга актриса Римма Маркова сыграли путейцев-шпалоукладчиц. Эта трехминутная роль — настоящий шедевр актрисы. — Авт.)

Она сожалела, что закрыли этот проект. Говорила: «Ох, Денис, ох, прогадал! Надо было прямо клип за клипом, клип за клипом снимать! Что они, темы найти не могут, что ли? Да вот: одна бабка (Римка): “Все Хуссейна не могут найти!” А я ей говорю: “Как не могут, говорят, он в Ростове-на-Дону ботинки чистит!”»

Или еще: собираются на квартире три бабки: одна — в коляске — Римка, другая — с палочкой — я (она тогда действительно с палочкой ходила), а третья — Светка Светличная — еще очень даже ничего!..

Я говорю: «Нон, по-моему, такие сюжеты уже были». Она: «Да они всю жизнь были и будут! И тут обязательно — роман! Я без романа не могу! Обязательно: песни, гитара, роман, и молодежь к нам заходит»... Она же в душе молодая была.

— А кого на роль героя-любовника?

— Про это она не говорила. Да шутила она!

— Но кого-то из мужчин-актеров выделяла?

— Как актеров очень высоко ценила Олега Меньшикова, Владимира Машкова, Евгения Миронова. Очень нравился Александр Домогаров — сильный артист.

— И красивый мужчина.

— Нонна тоже так считала. Но ценила она, прежде всего, не внешность, а талант. Это у нас от мамы шло. Вот знаешь, почему Слава Тихонов говорил, что фильм «Дело было в Пенькове» посвящен нашей маме Ирине Петровне? А дело в том, что он боялся, что его не утвердят на роль Матвея. Он по типажу не проходил. Тогда были другие стандарты. Деревенский парень должен быть с таким простоватым обаятельным лицом — вроде Николая Рыбникова. А Слава — красавец, аристократ.

Все говорили: таких в деревне не бывает. А мама его успокаивала: «Славочка, а ты знаешь, какие на Кубани трактористы! И конюхи! Картинки, а не ребята. Не бойся, не слушай никого, чушь это все — типаж — не типаж! Главное — хорошо делать свое дело!»

— Как хорошо, что Нонна Викторовна незадолго перед смертью помирилась с Вячеславом Васильевичем. Мне кажется, она сбросила камень с души.

— Конечно! Мы, говорит, не виноваты, что такой неудачной наша семейная жизнь получилась, слишком рано, неосознанно поженились. Она говорит: «Вот позвонила Славе и успокоилась...»

— А правда, что Нонна Викторовна буквально до последних дней своей жизни ждала звонков от сценаристов и режиссеров?

— Правда! Прихожу к ней в больницу, а она: «Никто мне домой не звонил?» Я говорю: «Пока нет — пишут». А она так серьезно: «Кто пишет?» А я быстро переведу разговор на другую тему.

— Выходит, не наигралась.

— Нет, не наигралась...

«Комсомольская правда», 25 ноября 2008 г.

12. «...Из ада, точно воробышек, вылетает на сцену образ»

Уже после похорон, разбирая архивы великой актрисы, любезно предоставленные Натальей Викторовной, мы обнаружили большое количество записей, похожих на дневниковые. Это разрозненные листки, иногда без начала и конца, часто даже без дат. Свои мысли она фиксировала и на клочках бумаги, и на полях газетных вырезок...

Сегодня эти записи и документы, собранные вместе, дают нам возможность хотя бы краешком глаза заглянуть в духовный мир великой актрисы, а может быть, и узнать, что чувствовала Нонна Викторовна, готовясь к съемкам, о чем думала в светлые, драматичные и мучительные моменты своей жизни...

«Болеть малярией было интересно»

«...А как болели мы — то это интересно. Однажды — я же в третьем классе училась в поселке Горячий Ключ под Краснодаром — стало меня на солнышко тянуть. Понежусь на солнышке, потом ледяным покрывалом меня накрывает — я в хату. Начинает бить (озноб) — сто одежек на меня. В это время открывается в печке духовка, и там дедушки — не больше карандаша — начинают ходить. Бред...

На следующий день меня опять тянет в волшебный мир тепла от солнца. Сяду где-нибудь за хатой, ни ветерка, стена хаты, нагретая солнышком, прижимает своим теплом к земле. Ложусь в блаженстве неописуемом...

Тетя Еля (родственница Мордюковых. — Авт.) заглядывает за хату:

— Ты опять разлеглась, а ну пошли в хату! Цэ, наверное, малярия...

Иду в хату, ложусь. А меня трусит до боли в кишках. И дедушки в духовке опять ходят и смотрят на меня...

А уж когда в третий раз я виновато отыскала луч солнца, меня ругали. Говорили, оно вызывает болезнь...»

«С секретарем Ленина мы заслоняли Брежнева»

«...— Вы кто?

— Мордюкова Нонна. Читать как Ноябрина.

Впустили. Там меня под руку взял человек и ввел в

безымянный зал наподобие уменьшенного Георгиевского. Я села за стол с зеленым сукном, напротив бутылка «Боржоми». Сижу — никого. Поглядываю на бумаги: «Прошу слова», «Слушали», «Постановили»...

Тут пошли по ковру. Группа незнакомых людей. (Видимо, члены Политбюро ЦК КПСС. — Авт.) Сели. Спины прямые, руки на коленях.

Последней точкой посадки было старинное кресло. Будто неживая старушка в кружевах безропотно коснулась пола вместе с креслом, которое поставили возле торца стола... Бабушка — это личный секретарь Ленина...

Во Дворце съездов президиум был набит битком. Меня придержали за кулисами. Вижу, несут бабушку в знакомом кресле и ставят впереди президиума, потом еще такое же, но пустое.

Кто-то шепчет:

— Пройдите, пожалуйста, на сцену и сядьте в кресло рядом с тем.

Я внутри разгневалась: “Что они меня с этой бабкой посадили? Ей сколько лет... А мне...” Это уже ни к чему — рядом с такой древностью. Да и перед президиумом. Заслоняем. И Брежнева, и все правительство...»

ИЗ ТРУДОВОЙ КНИЖКИ

«...Зачислить актрисой второй категории»

В архиве Нонны Викторовны мы обнаружили трудовую книжку актрисы Ноябрины (это ее настоящее имя — по паспорту) Мордюковой. Судя по этому документу, она всего один раз в жизни — в октябре 1950-го — писала заявление: «Прошу зачислить меня в штат...»

Начинала в Студии киноактера актрисой второй категории. Потом числилась на «Мосфильме», в актерской студии. Затем оказалась в штате возрожденного Театра киноактера... Получается, Мордюкова все время работала в одной и той же организации, которая просто меняла названия.

В трудовой нет записей об увольнении или уходе на пенсию. В отделе кадров Театра киноактера нам сказали: «Мордюкова у нас не проходит по документам с 1990-го». Хотя последняя запись в книжке — 04.02.1992 г. В любом случае трудовой стаж актрисы — более сорока лет. За роли в кино она получила лишь три благодарности — за «Женитьбу Бальзаминова» (1964 г.), «Русское поле» (1972 г.) и «Вокзал для двоих» (1983 г.). Видно, начальство на «Мосфильме» было строгим...

«Да бедные ж бабы, как же они влюблялись в Бондарчука!»

А это — снова из дневника Мордюковой...

«...Ложусь вечером спать, а у самой сердечко бьется, думаю, ой, меня такая радость ждет — я поеду на «Мосфильм» и буду сниматься в «Войне и мире». (В этом фильме Нонна Мордюкова сыграла Анисью Федоровну. — Авт.) Там Люсенька будет (Людмила Савельева, игравшая Наташу Ростову. — Авт.), там Сережка (Сергей Бондарчук, режиссер фильма. — Авт.) будет — вся съемочная группа такая хорошая...

И я прихожу, этим наполненная... А Сергей Федорович принялся заканчивать тот эпизод, который мы не докончили. И он стоит и показывает растопыренными пальцами: «Значит, камера была с этой стороны, вот где лук в тарелках стоит на окне. А потом мы разворачивались — и Наташа начала танцевать. А в середине танца... Вот тут мы остановились, когда Марфинька давала ей белый платочек».

И я стою, как солдат, внимательно слушаю и думаю: «Больно

хорошо! Какая картина! Какая Наташа! Какой Сергей! Все так прекрасно!» В общем, короче говоря, такая была уютная съемка.

Сергей необычайный был человек. Думаю: бедные бабы, да бедные ж бабы, как же они в него влюбляются, все, покатом, ну я не знаю, как сказать еще — прямиком прямо влюбляются в него. А он был из людей... Не очень-то к нему подберешься.

Я говорю: «Сергей Федорович, а давайте мы сейчас повторим до начала танца Наташиного все, как было. И на той точке остановимся».

Пауза. Он поворачивает голову и говорит: «Нонна Викторовна, кто здесь снимает картину — вы или я?» Саблей мне в солнечное сплетение. И я так: «Вы». И тихо-тихо отступила и сразу скрылась в декорации.

И как у меня сдавило горло, и как я горько плакала. Вот какой он! А еще родственник по Кубани, по нашим матерям. Думаю: «Как он смел!.. Ничего, я потом маме расскажу. Я расскажу и его маме, какой он».

«Нонна Викторовна, — он мне кричит, — мы вас ждем!» Я говорю: «Дайте мне пять минут». — «Даем», — говорит. А я на часы смотрю и слезу глотаю, и что только не делаю — стрелочка неумолимо идет. Потом выхожу, а он: «А-а-а, ну в таком виде вы не готовы к работе, Нонна Викторовна. Вам нужно проспаться хорошенько, умыться холодной водой и наложить новый грим. Переносим кусок на завтрашний день».

Я, конечно, как ненормальная, уезжаю домой, Славке (мужу, Вячеславу Тихонову. — Авт.) рассказываю все, плачу, никак не могу остановиться. Он как-то так...

Это надолго, вот просто не останавливающийся какой-то яд, боль, неизлечимая и непрекращаемая. До сих пор не могу успокоиться...»

«...И запах всех трав»

«...Ах, если бы вы увидели, что делается в том зальчике, где актера учат танцу, манерам, смысловому раскладу роли... Это ад. И вот только после этой адовой работы, точно воробышек, взлетает на сцену образ...

Высокое искусство — оно отсчитывает единицы, феномены — поштучно. Это благо. Это красиво, талантливо. Ниагарский водопад песен, костюмов, игровых сцен... Чарующая музыкальность. От всего этого — и запах роз, и ландыша, и всех трав. Это праздник...

В наше время... эстрада тоже подверглась хаосу, слабоумию администраторов, мародерам, берущим деньги за выступления по

телевидению, случайным музрежиссерам. Потеряна тяга ко всему отечественному... Постаревшие и ожиревшие «кумиры» ползут «до дому до хаты», потому что «там» (речь, видимо, о заграница. — Авт.), куда они отправились для славы, отказались от пенсионеров. Тогда они, нагрузившись надоевшими историями о диссидентстве, красят волосы и хрипят в ритме «румба», заявляя о себе как об эмигрантах с таинственным безголосьем. Что это? Где смысл? И хоть бы понять, о чем болит их душа...

Хорошо, уселся под настольной лампой и давай крушить эстраду. (Речь о критике. — Авт.) Да все больше и больше всасывался в то же болото, что и некоторые певцы. Эх...»

«Как я страдаю по тебе, милый сыночек!»

Самое большее количество записок — это потрясающие своей искренностью и пронзительностью монологи о сыне. У сына Нонны Мордюковой и Вячеслава Тихонова была непростая судьба — он пристрастился к наркотикам... Его пытались спасти и родители, и любимые женщины. (Тихонов-младший был сначала женат на актрисе Наталье Варлей, потом — на балерине Наталье Егоровой.) Их усилия оказались тщетными: Владимир скончался в 1990 году — у него остановилось сердце... Мать пережила его на восемнадцать лет.

Одноклассник Володи, актер Евгений Симонов рассказывал:

— Ни у кого из наших друзей не было такой любящей и беспокойной мамы, как у Володи.

Сын всю жизнь был ее живой, непрекращающейся болью. Мы старались задевать эту тему крайне осторожно. Она могла сама заговорить о Володе, но чувствовалось, что эта тема давалась ей с трудом. Бумаге она доверяла больше — самое сокровенное.

«...Наберу воздуху в грудную клетку и не выпущу, пока не напишу, хоть кратко, как я страдаю по тебе. Милый сыночек! Одинокий. Красавец мой! Все плескался, как уточка, в ванной... да и стирал после себя, да и гладил. Каждый раз как на выпускной вечер. Пахучий, добрый человек... Жены были хорошенькие. Но ты виновато не понимал: почему снова зреет разрыв? Я и к лифту выбегала ночью босиком, чтоб вернуть очередную жену. Мирила как могла... Гастроли по городам, съемки... Все было, как у нормальных людей. Но трагедия неправильно выбранной профессии не отступала от моего и его сознания. Он знал, что не родился артистом. Однако как челн в океане поплыл и поплыл по нашим стопам...

Так никто, кроме меня, и не узнал, с каким он был колоссальным чувством юмора. И как плакал еще маленьким,

когда я ему пела:

Позабыт, позаброшен
С молодых юных лет.
Я остался сиротою
Счастья, доли мне нет...»

«Гробы стоят. А в крайнем — лицо моего Володи»

«...Потом шибко гениальные родители захватили в плен не успевшего сориентироваться мальчика. «Актером и только актером!» — решили мы с отцом. А он с первых же дней учебы засомневался... Но соблазн велик. «Ничего, ничего, — успокаивала я его, — сначала всем трудно...»

С врожденным достоинством он отделился от меня, решил без советов овладевать выбранной профессией. Пригласили сниматься в «Русское поле». Отказался наотрез. «Чтоб думали — мамочка постаралась!» А я и не старалась. Я играла главную роль, и нужен был актер, похожий на меня. Да и возраст сына по сценарию. Нет — и все!

Сколько раз уговаривал режиссер. Потом вызвали в актерский отдел «Мосфильма» и поставили на место: «Ты в штате нашей студии, молодой специалист, тебе поручается роль. Режиссер считает незаменимой кандидатурой».

Очутившись в киноэкспедиции, он первое время со мной не разговаривал — думал, это мои проделки.

Вот мы и снялись... Он сыграл погибшего солдата на острове Даманском, а я — его мать. Последняя сцена, где хоронят погибших пограничников, была невыносима для меня.

Он сидел рядом со мной, держа за плечо, и уговаривал.

— Мам! Ты что? Вот я! Живой. Это же съемка.

Гробы стоят. В них лежат ненастоящие лица солдат, и в крайнем — точь-в-точь лицо сына моего.

— Приготовились к съемке!

Мы все пошли каждый к «своему» гробу. Солдаты выстрелили... Начали прощаться. Ох, как было страшно играть этот эпизод. И какое избавление от страха наступило, когда мы, положив друг другу руки на плечи, поплелись обедать в гостиницу города Чебаркуль.

В восьми фильмах снялся в главных ролях... Так бы и были мы с ним на одной волне, но моя занятость и частые разлуки дали возможность захватить его тем, кто не имел ни кинематографа, ни красоты, ни ума, ни влюбленной матери. У

них была только порочная болезнь и зависть...»

В этой же стопке — странички из дневника Нонны Викторовны...

«Тихо. Красное леточко. Одиноко...»

27.VI.87.

«Тихо. Красное леточко. Опустевшая Москва. Суббота... Чего-то комок в горле. Плачу... Я где-то и лелею надежду на то, что сын мой не из того поля-ягоды... Выпивал когда-то... Сколько сил и слез... Больницы, «Скорые помощи». У них так получается: когда-то ум, сознание устает отбрехиваться, устает выпрашивать деньги, устает наутро казниться за вечерний «бунт». И они ясно вдруг понимают: или уж доводить до конца, а он не за горами, если продолжать пить, или бросить пить и вернуться к жизни.

Так поступил мой сын. Он хочет жить и трудиться нормально. И сейчас находится на Дальнем Востоке на гастролях с театром. Он еще молод — ему ничего не стоит быть в этом плане оптимистичным, если даже когда и сорвется... А я успела залететь в какую-то черноту и неверие... Какое-то «всерявно» вселилось.

Как будет? Еще два года назад я, как птичка, щебетала внутри: «А может, и правда сорвался последний раз...» Сегодня так ясно приснился, заглядывающий в окно в синей рубашке, улыбается, как будто жмурится от дождя. «Может, он уже летит домой?» Одиноко. Солнечно. Тоскливо...»

«Не было плеча, на котором я могла бы выплакаться»

Без даты

«...Сижу возле кровати взрослого сына. Он крутится, стонет, скрипит зубами. Темно.

«Как тебе помочь, детонька моя... Что болит?..» В сердце — материнская боль, как и тогда, как и метался маленьким в жару при простуде.

Хочется приголубить, взять на ручки. Но не возьмешь... «Потерплю, потерпим... Все пройдет, сыночек, все пройдет...»

...Было и умер, почти... Приехала «Скорая помощь», и во дворе, где он работал, люди делали искусственное дыхание. Вставили какую-то соску. Она запищала, и его на носилках увезли в больницу...

— В 53-ю скорее!..

Приезжаю. Через несколько секунд — «Скорая»... Заглядываю — лежит на кушетке... Свистит дудочка какая-то, вставленная в рот. Свистит в ритме дыхания.

Вынесли. Понесли в реанимацию. Я — следом. Лицо неживое. Но дышит...

— Езжайте домой. Он пришел в себя.

Встала. Пошла на выход.

— Здравствуй!

— Здравствуй, — заголосила я, закрыв руками лицо.

Это его отец направился к реанимационной. Выплакаться на его плече я не имела права, так как мы давно не жили вместе, да и в болезни сына он винил меня.

Ну что ж, как и всегда, не было того плеча, на котором бы я могла выплакаться. Обойдусь и сейчас своими силами...»

И снова — записки Нонны Мордюковой...

Без даты.

«...От слез к веселому настроению я с самого детства переходила легко. И сыночек мой бедный, царство ему небесное... Бывало, еще слезки не просохли от обиды на меня, а уже забыл:

— Мама, там ласточки... А будем собирать цветы и грибарии делать?

Чмокну его и поясню:

— Гер-ба-рий...

Много, очень много ему досталось по наследству от меня...»

* * *

«...Ребенок рождается доверчивым. Руки матери — Храм его!»

«Комсомольская правда», 10 июля, 14 августа 2008г.

notes

1

В марте 2009 г. Виктор Огрызко был отправлен в отставку с должности главы украинского МИДа.

2

11 июня 2009 г. президент Дмитрий Медведев освободил Виктора Черномырдина от должности посла России на Украине и назначил его советником президента по вопросам экономического сотрудничества с государствами СНГ. А незадолго перед этим он был награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» I степени.

3

ЕГАИС — Единая государственная автоматизированная информационная система — предназначена для госконтроля за объемом производства оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции.